

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ

БУЛЬДОГИ ПОД КОВРОМ

РАЗВЕДКА БОЕМ

ВИХРИ ВАЛГАЛЛЫ

АНДРЕЕВСКОЕ БРАТСТВО

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

ВРЕМЯ ИГРЫ

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

БОИ
МЕСТНОГО
ЗНАЧЕНИЯ

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Звягинцев В. Д.
3 45 Бои местного значения: Фантастический роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 544 с. (Русская фантастика).

ISBN 5-699-05966-0

Переговоры с координатором агтров, сверхцивилизацией, ведущей тысячелетнюю галактическую войну за Землю, заканчиваются для Александра Шульгина очередным опасным приключением. Матрицу его сознания отправляют в параллельную реальность, в самое начало 1938 года, время разгара ежовского террора в России, где Шульгин, теперь уже нарком Шестаков, вступает в бои местного значения, сначала с НКВД, а затем уже со своими давними противниками-инопланетянами.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-05966-0

© Звягинцев В. Д., 2004
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2004

Я жизнь сравнил бы с шахматной доской.
То день, то ночь, а пешки — мы с тобой.
Подвигают, притиснут, и побили.
И в темный ящик сунут на покой.

О. Хайям

ГЛАВА 1

День заканчивался как обычно. Как все подобные дни вот уже второй год подряд. В десятом часу вечера Шестаков запер несгораемый шкаф, ящики письменного стола, позвонил по «вертушке»¹ в приемную Председателя Совнаркома, чтобы убедиться — никаких неожиданных совещаний и коллегий не намечается, доложил, что едет домой поужинать и отдохнуть, отдал все необходимые распоряжения своим помощникам, после чего вызвал к подъезду машину.

Шестаков машинально отметил, что голос дежурного секретаря Молотова был ровен и даже любезен. По собственной инициативе он сообщил, что Вячеслав Михайлович ушел час назад и до утра возвращаться не собирался, так что товарищ нарком тоже может отдыхать спокойно. Это было приятно, потому что ночные заседания хоть и стали давно привычным делом, но все же изматывали, жить по перевернутому графику нормальному человеку научиться практически невозможно.

Впрочем, нет, научиться можно всему, а вот заставить организм спокойно переносить бдения до двух-трех часов ночи в прокуренных кабинетах, обходиться коротким утренним сном, а потом урывками добирать

¹ «Вертушка» — телефон специальной, защищенной кремлевской связи.

до нормы по полчаса-часу, не раздеваясь, в не слишком уютной, тоже прокуренной комнате отдыха, вполглаза, все время ожидая пронзительного телефонного звонка, — трудно и душевного здоровья не прибавляет.

Да и это еще не самое страшное.

Куда хуже постоянный, изматывающий страх. Что-то не успеть, упустить из внимания, не так и не то доложить на коллегии или на Политбюро, просто сказать лишнее в частном даже разговоре, заслужить неудовольствие вышестоящего руководства или, напротив, получить знак благоволения от того, кто завтра окажется разоблачен как враг народа. И, соответственно, самому оказаться рано или поздно в их числе.

А после жуткого февральско-мартовского (1937 года) Пленума ЦК ВКП(б), на котором «товарищам» было наглядно показано, что ни один человек, даже из состава «ленинской гвардии», теперь не защищен от расправы, нельзя стало быть уверенным в собственном будущем даже на сутки вперед.

Так и жил теперь Григорий Петрович Шестаков, нарком, депутат Верховного Совета первого (по новой «сталинской» Конституции) созыва и член ЦК.

Он вышел в тесный, зажатый со всех сторон высокими каменными стенами двор-колодец наркомата, сел на переднее сиденье длинного вишневого «ЗИСа». Сзади — не любил, хоть и полагалось по рангу. Велел водителю ехать не спеша, «большим кругом», так он называл путь через центр и все Садовое кольцо, который занимал минут сорок.

Не признаваясь самому себе, Шестаков таким образом оттягивал неизбежное. В плавно скользящей по ночному городу машине он испытывал чувство безопасности. На этом пятнадцатикилометровом пути от крыль-

ца наркомата до подъезда дома на Земляном валу арест практически исключался.

Можно было спокойно курить, любоваться медленно падающими снежинками, красиво серебрищимися на фоне еще не снятой новогодней иллюминации, думать о чем-то, не имеющем отношения к невыносимой реальности жизни на вершинах власти, которая, впрочем, большинству окружающих казалась немыслимым счастьем. Со всеми ее атрибутами: персональным автомобилем, отдельной да вдобавок многокомнатной квартирой, служебной дачей в Серебряном Бору, спецраспределителем, Кремлевской больницей, а главное — возможностью часто встречаться и даже разговаривать с Великим Сталиным!

Знали бы они, чего стоит такое «счастье»...

И неожиданно он вдруг вспомнил: «А ведь сегодня, по-старому, Рождество». Последний раз Шестаков отмечал его, дай Бог памяти, на линкоре в семнадцатом году.

Но как бы медленно ни вел шофер машину, серый огромный дом, заселенный членами правительства, командирами и комкорами, Героями Советского Союза, видными писателями и полярниками, неумолимо приближался. И вместе с ним надвигался привычный страх.

Привычный, нудный, тошнотворный, который не оставлял его много месяцев. Иногда страх немного отступал, заслонялся суматохой неотложных дел, заседаний, совещаний, командировок, но никогда не проходил совсем. Постоянное сосущее чувство под ложечкой, то и дело возникающая глухая ноющая боль в сердце стали его неразлучными спутниками. И еще — ему непрерывно хотелось спать. Не только оттого, что он регулярно не высыпался.

В сон наркому хотелось спрятаться, как медведю в берлогу. Лечь, укрыться с головой и хоть на несколько часов забыться, сбежать из ставшей невыносимой жизни.

Немного помогала водка, но он избегал ее пить в

★ одиночку, сознавая, что вряд ли сможет остановиться после первых, приносящих облегчение рюмок, начнет ежевечерне напиваться до беспамятства. Правда, чем такой исход хуже того, которого он боялся, Шестаков не мог объяснить. Зато в компании равных себе, на так называемых «товарищеских ужинах» он пил, как все, до упора. И иногда с похмелья его посещала мысль — а не лучше и вправду начать изображать законченного алкоголика, чтобы выгнали к чертовой матери и с должности, и даже из партии? Тогда он никому не будет нужен и интересен, в том числе и ежовскому ведомству...

Но, одумавшись, понимал, что отказаться от привычных благ жизни, превратиться...

Ну, кем он может стать? Рядовым инженером в лучшем случае, а то вообще придется идти в простые слесари. Нет, даже этого не будет. Кто позволит бывшему наркому «слиться с народом»? Все равно заберут, только что громкого суда не будет, влепят пять или десять лет через Особое совещание, чтобы глаза не мозолил, и привет...

И по-прежнему, несмотря ни на что, Шестаков каждый день к десяти ноль-ноль приезжал в наркомат, вел совещания, сидел в президиумах, делал доклады в Совнарком и ЦК, всегда был готов ответить на любой звонок по кремлевской «вертушке».

Невзирая на состояние, сохранял подобающее должностности суровое, строгое, но и доброжелательное выражение лица, умел вовремя пошутить и вовремя проявить партийную принципиальность, в общем, жил так, как давно привык сам и как жили все люди его близкого окружения.

Зато, переступив порог громадной квартиры, обставленной казенной мебелью из резного дуба и карельской березы, он сбрасывал дневную маску и превращался в нервного, желчно-раздражительного мужа и отца.

Поглощенного одной-единственной мыслью — как-нибудь дожить до следующего утра, обмирающего и обливающегося холодным потом при звуках каждого въезжающего ночью во двор автомобиля, лязга лифтовых дверей в поздний час и, уж конечно, при виде казенных печатей, то и дело появляющихся на дверях очередной квартиры их восьмизэтажного подъезда.

Дело в том, что Григорий Петрович в отличие от многих и многих был умен и великолепно представлял себе суть и механизм функционирования Советского государства. Почему и не питал никаких иллюзий, жалея только об одном — что семнадцать лет назад сделал неверный, роковой даже шаг, вступив в ВКП(б).

Это помогло сделать блестящую карьеру, он был обласкан доброжелательным вниманием Хозяина, уже после начала «Большого террора» награжден орденом Ленина, но, обладая здравым умом и точным инженерным мышлением, в отличие от более наивных, верящих в «идеалы» людей, все понимал правильно.

В нынешней ситуации, если что, не спасут ни депутатство, ни награды, ни отеческие нотки Сталина, прозвучавшие в его голосе лишь месяц назад: «Такие, как вы, товарищ Шестаков, опора советской оборонной промышленности. Мы вам очень доверяем, но спрашивать будем строго. Вы уж нэ подведитэ...»

После загадочной смерти Серго Орджоникидзе, единственного нелицемерного защитника и покровителя, выжить в бессмысленно-кровавой мясорубке нарком не надеялся. Правда, очень хотелось, и иногда он заставлял себя думать так, как думало большинство окружающих его людей: что он ни в чем не виновен и очень нужен, делает важнейшее дело, известен с самой лучшей стороны, не запачкан участием ни в каких уклонах и оппозициях. Не зря же ему дали орден и выдвинули депутатом уже после того, как исчезли сотни и тысячи других, а значит — он взвешен (знать бы, на каких

весах), исчислен и признан заслуживающим доверия. На день, на два на душе словно бы и легчало. Но почти сразу же за мигмом эйфории становилось еще хуже. Трезвый внутренний голос подсказывал, что то же самое мог про себя сказать и, наверное, говорил каждый посаженный и расстрелянный. Не ему чета — большевики с дореволюционным стажем, члены Политбюро еще двадцатых годов, сидевшие в тюрьмах и ссылках со Сталиным, лично знавшие Ленина.

Моментами Шестаков готов был обратиться и к Господу с мольбой: «Да минет меня чаша сия!» — и тут же с горькой усмешкой вспоминал, что она не помогла даже Христу.

Больше всего на свете Григорий Петрович завидовал теперь соседу по подъезду, капитану дальнего плавания Бадигину, сидящему сейчас не в роскошном кабинете, но и не в Лефортове, а в каюте вмерзшего в арктические льды парохода «Седов», дрейфующего в сторону Северного полюса. И передающему оттуда бодрые радиogramмы и многословные очерки в газеты и журналы. Уж он-то, по крайней мере до следующего лета, может не бояться ничего, кроме внезапного сжатия льдов. А это такая мелочь...

...Черкая красным карандашом подготовленный референтом доклад по итогам завершившегося 1937 года, Шестаков незаметно задремал.

А когда проснулся внезапно, как от толчка...

Что-то в окружающем его знакомом мире неуловимо, но сильно изменилось. Настолько сильно, что нарком осмотрелся с недоумением. Кабинет был тот же самый, но чем-то и чужой. Круг света из-под глухого черного колпака настольной лампы падал на разложенные бумаги, на пучок цветных карандашей в косо срезанной латунной гильзе 85-миллиметрового зенитного снаряда, раскрытую коробку папирос и стакан недопитого чая в серебряном тяжелом подстаканнике.

Удивили лежащие на столе руки — крупные кисти, покрытые рыжеватыми волосками и россыпью веснушек, большие золотые часы на левом запястье. Не сразу он сообразил, что руки эти принадлежат ему и что он только что спал, уронив голову на локтевой сгиб.

Григорий Петрович явно не был пьян, он вообще не пил сегодня, но состояние чем-то напоминало то, которое бывает, когда опьянение уже проходит, а похмелье еще не наступило. Или — как если бы его разбудили вскоре после приема пары таблеток люминала. Дезориентированность во времени и пространстве и легкая, неприятная оглушенность.

И почти сразу пришла ледяная ясность мысли и четкость восприятия. словно близорукий человек впервые в жизни надел подходящие ему минусовые очки.

Он догадался, хотя не в состоянии был объяснить, почему бы вдруг, что арестовать его должны именно сегодня.

Как будто бы совершенно другой человек, непонятно каким образом оказавшийся внутри черепной коробки наркома, подсказал ему это. Человек спокойный, рассудительный и отважный, напоминающий того Гришу Шестакова, каким он был двадцать лет назад, во время своей флотской службы.

За спиной скрипнула дверь. Нарком обернулся. На пороге стояла жена, Зоя, тридцатипятилетняя женщина с красивым, хотя и несколько поблекшим от ежедневно накладываемого театрального грима лицом, в длинной ночной рубашке и наброшенном поверх нее халате.

— Ты почему не ложишься, второй час уже... — спросила она, и не потому, что действительно хотела узнать причину, а так, по привычке, в виде ритуала.

— Не видишь разве, работаю. Завтра коллегия... Иди спи, мешаешь.

Женщина хотела еще что-то сказать, шевельнула

губами, но в последний момент передумала, махнула рукой и тихо прикрыла дверь.

На Шестакова нахлынула волна противоречивых чувств — и жалость к жене, и раздражение, и желание позвать ее обратно, излить наконец душу в надежде на поддержку и сочувствие, и опасение, что, признавшись в своих страхах, он даст основание подумать: раз боится — значит, есть за ним что-то...

И параллельно он ощутил нечто вроде ненависти к любимой, в общем-то, жене — при мысли о том, что его вот арестуют, а Зоя станет отрекаться от него, врага народа, на собрании в своем театре клеймить позором... О том, что жену скорее всего арестуют вместе с ним или чуть позже, а сыновей под чужими фамилиями сдадут в детдом, он в своем смятенном состоянии даже не подумал...

«А почему бы тебе не плюнуть на все и не сбежать? — пришла вдруг в голову дикая в его положении мысль. — Нет, на самом деле. Союз большой, где-нибудь в тайге запросто затеряться можно, а там и через границу... — Идея ведь дикая именно для большевика и члена правительства, а для нормального человека? — А если и вправду — прямо сейчас? Деньги и оружие есть. Вызвать служебную машину, еще лучше — такси, рвануть на вокзал или просто на дачу, изобразить несчастный случай на рыбалке — и привет!»

Шестаков дрожащими руками поднес спичку к пипросе. Сумасшедшая идея завораживала. Настолько, что он не сразу сообразил — страх-то исчез! Впервые за месяцы, если не годы. Прошла нудная, как зубная боль, тоска, больше не тошнило, замедлился пульс, спокойным и ровным стало дыхание. Даже намек на выход из безнадежной позиции сделал его почти что другим человеком.

Или — не другим, а как раз самим собой. Тем двадцатилетним юнкером флота, который умел испытывать

яростное веселье во время стычек с германскими эсминцами в кипящих волнах Балтики, а чуть позже проявил грозящую смертью изобретательность, выручая арестованного за участие в Кронштадтском восстании друга из лап Петроградской ЧК.

Нарком вышел в ванную, пристально всмотрелся в свое лицо.

Крепкий мужик, нестарый еще, сорок два весной исполнится.

Лицо, конечно, рыхловатое, чуть обрюзгшее даже, с начальственными складками у носа и рта. Одет в полувоенную серую гимнастерку, слева на груди два ордена и депутатский значок. Плечи широкие, пуза нет... Шестаков нагнулся, достал из-под ванны оставшийся после ремонта кусок дюймовой водопроводной трубы, примерился и почти без усилия согнул под прямым углом.

«Так чего же ты мандражишь, братец? — вновь прозвучал в мозгу словно бы чужой голос. — С твоими мышцами и моей подготовкой...»

«Шизофрения? — отстраненно подумал нарком. — Говорят, когда голоса начинаешь слышать, это она и есть. Поехать, что ли, с утра в Кремлевку, врачам пожаловаться, усугубив, разумеется, симптомы? Неплохо, например, профессора укусить за нос и лечь на месяц-другой в нервное отделение. Закосить на инвалидность. Глядишь, и обойдется, кому псих нужен, хоть в тюрьме, хоть в правительстве?»

Вдруг сильно захотелось есть, и Шестаков направился на кухню, где стенные шкафы и последняя новинка — американский электрический холодильник — ломились от деликатесов. Ассортимент кремлевского пайка — как в дореволюционном Елисеевском гастрономе, одна беда — с аппетитом у наркома давно уже неважно, все больше бутербродами да крепким чаем перебивается. По-настоящему ел только под хорошую выпивку на правительственных банкетах.

«Ну ничего, сейчас как следует перекусим и водочки, натурально, употребим, чтобы желудочную секрецию улучшить...»

Но не пришлось наркому впервые за долгий срок полакомиться казенными деликатесами, еженедельно привозимыми порученцем из распределителя на улице Грановского, и даже бутылка новомодной «Столичной» водки, покрытая инеем, осталась нераспечатанной.

То, чего так долго с потным ужасом ждал Шестаков, наконец случилось.

В другом конце длинного, как пульмановский вагон, коридора, в обширной прихожей, грубо и требовательно загремел дверной звонок.

Не успела еще перепуганная жена, которая, таясь от мужа, каждую ночь ждала этого же самого, выглядывать из спальни, не проснулись дети, а нарком, отнюдь не помертвевший от последнего на свободе ужаса, а маскирующий боевой азарт под небрежной улыбкой (звонок в дверь подействовал на него сейчас, как колокол громкого боя на «Победителе», вызывавший комендоров к орудиям), открыл добротную двойную дверь.

В квартиру ввалились два сержанта госбезопасности¹ в форме, еще один молодой человек в штатском, но настолько типичного облика, что сомневаться в его ведомственной принадлежности не приходилось, за ними — боец конвойных войск с тяжелым автоматом «ППД» на правом плече, а уже позади всех переминались на площадке профессиональные понятия — лифтерша и дежурный электромонтер.

Бессмысленно-круглое лицо лифтерши выражало слабое любопытство, а монтеру явно хотелось опохмелиться. На обысках, если в квартире обнаруживалась

¹ Сержант ГБ — спецзвание, соответствует армейскому лейтенанту.

выпивка, ему обычно перепадал стакан, а то и больше. Зависимо от степени радушия опера.

— Проходите, товарищи, проходите, будьте как дома... — Шестаков, удивляясь сам себе, отступил от двери, сделал приглашающий жест, только что не согнулся в мушкетерском поклоне со взмахом шляпой до полу.

Оторопевший от такой встречи чекист протянул ему ордер на обыск.

Скользнув глазами по стандартному тексту с факсимиле подписи самого Вышинского, нарком вернул бумагу:

— Не возражаю. Приступайте. А может, сначала чайку? Дело вам предстоит долгое, на улице снег, мороз, ветер... Замерзли, наверное, не выпались. Попыете крепенького, китайского, тогда и за работу. Да я и сам предъявляю все, что вас интересует, чтобы зря не возиться, вы только скажите, что требуется? Письма Троцкого, инструкции гестапо, списки сообщников?..

Наверняка с подобным эти злые демоны московских ночей еще в своей практике не сталкивались. Наоборот — сколько угодно, а чтобы клиент вел себя так...

— Вы что, гражданин, пьяны, что ли? Не понимаете, в чем дело?

— Отчего же? Прекрасно понимаю. Сколько веревочке ни виться... А выпить не успел, собрался только. Вы же и помешали. Дурацкая, между прочим, привычка в вашем ведомстве — по ночам людей тревожить. Утром куда удобнее, после завтрака. И вам лучше, и нам... Да вы проходите, проходите, — обратился он к понятным, — не стесняйтесь, присаживайтесь, до вас не скоро очередь дойдет.

Из спальни наконец появилась жена.

— Это что, Гриша? — прошептала она прыгающими губами, сжимая рукой халатик на груди. Все прекрасно поняла, однако же спросила. В надежде — на что?

— Не тревожься, Зоя, товарищи ко мне. Иди пока оденься да чайку согрей, что ли...

Жена вновь исчезла в комнате. Странно, но за ней никто не пошел. Не опасаются, значит, что она может сделать что-то неположенное. Уверены в лояльности «врагов народа». Или ордер у них «на одно лицо», члены семьи чекистов пока не интересуют.

— Товарищ лейтенант, может, «санитарку» вызвать, он вроде — того... — попробовал подсказать начальнику выход из положения один из сержантов, повертев пальцем у виска.

— Все они — «того». На каждого врачей не хватит. А если что — в тюрьме разберутся. Петренко, стой у двери. Если кто войдет — задержать. Понятые, садитесь здесь, ждите. А вы приступайте, — приказал лейтенант подручным.

— С чего планируете начать? — поинтересовался Шестаков. — Я бы советовал с кабинета. Там много книг, бумаги в столе всякие. Пока перетрясете, жена оденется, сготовит на скорую руку. Опять же и мне с собой кое-что соберет, если второй ордер, на арест, имеете.

— Мы сами знаем, — огрызнулся лейтенант, решив игнорировать небывалого клиента. — Стойте вот тут и не вмешивайтесь, а то...

Однако обыск начал действительно с кабинета, предварительно позвонив по телефону и доложив кому-то, что на место прибыл и работает по схеме.

— Да. Да. Нет. Все нормально. Нет. Думаю, надолго. Да. Часам к десяти, вряд ли раньше. Да. Будет сделано. Есть. Сразу в Сухановскую? Есть...

Услышанное окончательно расставило все по своим местам. Нарком по-прежнему не понимал, что с ним происходит, но это его больше не смущало. Так человек, решившийся вдруг прыгнуть с парашютом, может бояться, испытывать сердцебиение и дрожь в коленках,

сомнение — рискнуть или в последний момент все же воздержаться, — но вряд ли он станет анализировать глубинные причины своего исходного душевного позова.

Вот и сейчас... Нарком многое знал, слухом земля полнится, да тем более — в кругах весьма информированных людей. Был он, кстати, знаком кое с кем из заинтересовавшегося им ведомства еще во времена Ягоды (надо сказать, против нынешних — времена были весьма либеральные), откуда и усвоил, что Сухановка была самой страшной в стране тюрьмой, специально пыточной, не идущей ни в какое сравнение с Лефортовской, Бутырской и прочими. Лубянские же камеры внутренней тюрьмы вообще могли считаться почти санаторием. До тех, конечно, минут, когда и из них повезут на суд и расстрел.

Но все равно — в прочих тюрьмах и обращение было сравнительно человеческим, и исход не очевиден, из Сухановской же выйти живым шансов практически не существовало. Если не умирали в ходе «следствия», то гарантированно получали «десять лет без права переписки» или просто расстрел, без всяких иносказаний.

Ситуация прояснилась до доньшка, и выход из нее Шестаков видел лишь один. Зато отчетливый. Оставалось только решить, как именно исполнить намеченное. Опыта в таких делах у наркома не было, однако он испытывал ничем не объяснимую, но твердую уверенность, что все выйдет как надо.

ГЛАВА 2

Нарком прислонился спиной к боковой стенке шкафа, заложив руки за спину. Минут пятнадцать он молча и отрешенно наблюдал за чекистами. Сержанты сноровисто, сантиметр за сантиметром обшаривали комнату,

начав с левого от двери угла и двигаясь по часовой стрелке.

Лица у обоих простые, вроде как рязанские, отнюдь не отмеченные печатью интеллекта. Пришли в органы по «комсомольскому набору», имея классов семь образования да потом какие-нибудь курсы по специальности.

Их лейтенант, похоже, покультурнее, скорее всего — москвич, девятилетку наверняка окончил, а возможно, еще и нормальное двухгодичное училище. Чин у него, по их меркам, немаленький, равен армейскому капитану, когда в форме — шпалу в малиновых петлицах носит.

Лейтенант сидел сбоку от стола, писал что-то, положив на колено планшетку. Сколько ему, интересно, раз приходилось заниматься подобным делом, носителей каких громких имен и званий препроводил он на первую ступеньку ведущей в земной ад лестницы?

Мемуары мог бы в старости написать, пожалуй, интересные, только вот старости как раз у него и не будет. Через годик-другой сам станет объектом подобной процедуры, как это уже произошло с чекистами предыдущего, «ягодовского», призыва. А может, и без процедуры обойдется. Пригласят в один прекрасный день к коменданту управления за каким-нибудь пустяшным делом — и пуля в затылок, «не отходя от кассы».

В любом случае долгая жизнь лейтенанту госбезопасности не светит, так что комплексовать по поводу задуманного незачем...

Вот это выражение — «комплексовать по поводу» — было каким-то незнакомым, не входившим в обычный лексикон наркома, однако употребил он его совершенно свободно и даже не удивился. Да и сам ход мыслей...

Впрочем, один из его знакомых сказал в минуту откровенности: «Знаешь, Григорий, сейчас самое опас-

ное — додумывать до конца то, что невзначай приходит в голову. Я себе давно это запретил...

Шестаков понял тогда, что приятель имел в виду, и не стал эту тему развивать. А теперь, выходит, не удержался, сам начал додумывать все «от и до».

— А у вас там, на Лубянке, какие порядки? — подчиняясь все той же отчаянно-нахальной волне, головокружительно несущей его, как гавайский прибой — серфингиста, нарушил нарком рабочую тишину. — В камерах курить можно? Если можно, я папиросами запасусь. У меня их много. Кстати, если желаете, закуривайте прямо здесь, вон на столе коробка...

Лейтенант поднял голову. Лицо его изобразило страдание. Назойливость клиента выводила из себя, и жутко хотелось ударить его в морду, неторопливо, наотмашь, однако он помнил команду — «обращаться предельно вежливо».

Даже награды и депутатский значок до поры не велено было срывать.

— Я вас просил... не возникать, гражданин? Вот и помолчите, будьте так любезны. Успеете наговориться, ох и успеете... Скажите лучше — оружие у вас есть?

— Разумеется. В правом верхнем ящике...

Чекист потянул на себя ящик стола, привстав со стула и выворачивая вбок голову.

Сделав длинный выпад, Шестаков обрушил на шею лейтенанта сильнейший, пожалуй, даже чрезмерный удар ребром ладони под основание черепа. Не успел тот глухо ткнуться лбом в раскрытую папку с докладом, как нарком крутнулся на месте, носком до синевы начищенного сапога ударил в висок присевшего у нижних полок шкафа на корточки сержанта, резким толчком выпрямленных пальцев под сердце отбросил к стене второго. И успел придержать его за портупею, плавно опустил обмякшее тело на ковер, чтобы, падая, оно не произвело лишнего шума.

Выпрямился, машинально поправил упавший на глаза чуб.

Он занимался в молодости боксом, даже пробовал по дореволюционной книжке изучать джиу-джитсу, но больших успехов не достиг. А сейчас действовал так, словно убивать людей руками для него самое обычное дело. Главное — Шестаков был совершенно уверен, что все трое безусловно мертвы, даже и проверять не нужно. И не испытал по этому поводу абсолютно никаких эмоций. Кроме разве удовлетворения от хорошо сделанного дела.

Да, подготовка «ежовских гвардейцев» не выдерживала никакой критики. Любой, наверное, милицкий опер даст им сто очков вперед. Что и неудивительно — воры и бандиты народ серьезный, могут и финкой бока пощекотать, и бритвой полоснуть по глазам, а от наркомов, маршалов и старых большевиков чекисты подвоха никогда не ждали.

Народ дисциплинированный и органам доверяющий. Надо — значит, надо. Даром что у каждого то «маузер» именной, то «браунинг» или «коровин» в кармане штанов, ящике стола или прямо под подушкой.

И ведь, кажется, за все годы больших и малых терроров случая не было, чтобы хоть один чекист на таких вот задержаниях пострадал. Что-то такое про командарма Каширина рассказывали, который при попытке ареста в личном салон-вагоне принялся шашкой махать, повывбрасывал энкавэдэшников на насыпь и до утра отстреливался, не позволяя голову поднять. Однако убитых все равно не было, а утром к вагону протянули полевой телефон, и лично Ворошилов приказал герою гражданской войны сдаться «до выяснения», гарантируя безопасность. И где сейчас тот Каширин?

Еще про Буденного и его четыре пулемета был анекдот. Все прочие большие и маленькие люди ночные аресты воспринимали как должное.

Или — как заслуженное?

Шестаков отодвинул край шторы и выглянул в коридор. Вохровец с автоматом стволом вниз на правом плече зевал, облокотившись о стену.

Понятые, усевшись на низкие пуфики, переговаривались о чем-то шепотом.

Продолжая выполнять словно бы извне введенную программу, нарком взмахнул рукой с зажатой в ней тяжелой яшмовой пепельницей.

Звук от удара в лоб конвоира (точно в середину суконной звезды на буденовке) получился тупой, едва слышный. Боец подогнул ноги и сполз по стене на пол. Лязгнул стволом и магазином по паркету автомат.

— Тихо, тихо, граждане понятые... — успокаивающе сказал Шестаков, покачивая стволом лейтенантского «нагана». — Я вас трогать не собираюсь, только и вы без глупостей. Вы меня давно знаете, так вот, сообщаю вам официально — группа бандитов, бухаринцев-троцкистов, намеревалась, переодевшись в форму наших славных органов, совершить теракт против члена правительства. — Он пощелкал пальцем по своим орденам и депутатскому значку. — Однако я их вовремя разоблачил и обезвредил. Но могут появиться сообщники. Возможна и перестрелка. Поэтому прошу пройти в чуланчик и сидеть тихо, пока не приедут настоящие чекисты и не снимут с вас показания... — С этими словами он втолкнул понятых в комнату без окон, где хранились лыжи, санки, велосипеды детей, приложил палец к губам и запер дверь снаружи.

Потом Шестаков заглянул в детскую, где жена с каменным лицом, тихонько раскачиваясь, как еврей на молитве, сидела между кроватями все еще спящих сыновей.

Жизнь рухнула моментально, и женщина сейчас доживала ее последние минуты. Вот-вот войдут, гремя

сапогами, страшные чужие люди, проснутся и заплачут дети — и все...

— Собирайся, Зоя...

— Что? Что такое? Уже? Куда? Всех забирают? — вскрикнула женщина, путаясь в словах и интонациях. Ее словно разбудили внезапно, резко встряхнув за плечи, и она озиралась с недоумением и испугом.

— Я сказал — собирайся. Товарищи поняли, что были не правы. И не возражают, чтобы мы уехали...

— Как? Куда? Что ты говоришь?.. — Она по-прежнему ничего не понимала, зная, что пришедшие с обыском чекисты никогда просто так не уходят, а главное — никогда не видела у своего мужа такого лица и такого взгляда.

— Сейчас мы соберемся и уедем. Возьми себя в руки. Вещи складывай в чемоданы. Как будто мы отправляемся на месяц-два в такое место, где ничего не купишь. В дальнюю деревню. Сама одевайся теплее и удобнее, одевай ребят. Поедем на машине, погода холодная. На все сборы — час... — Он говорил медленно, веско, убеждающе, делая паузы между фразами, словно психотерапевт совсем других времен.

На самом деле времени было сколько угодно. Ныне уже мертвый лейтенант сам сказал руководству, что раньше десяти утра не управится, а сейчас только три. Водитель в машине, на которой приехали чекисты, скорее всего спит, потому собираться можно без спешки.

Но и тянуть незачем, мало ли что...

Нарком продолжал действовать с точностью и четкостью робота. Тела чекистов оттащил в угол кабинета и накрыл ковром, предварительно забрав у них служебные удостоверения и оружие.

В кожаный вместительный портфель сложил все имевшиеся в доме деньги — пачки красных тридцаток и серых банкнот в десять червонцев. Их было много,

получал нарком гораздо больше, чем жена успевала тратить.

Туда же посыпались кольца, перстни, браслеты, серьги и кулоны жены (Зоя любила старинные драгоценности и выискивала их с увлечением и азартом, в основном среди театральных старушек «из бывших»), серебряные ложки, вилки и чарки, несколько царских имперялов, припасенных на случай, если придется делать зубные коронки. В полукруглый «докторский» сак-воаж побросал «наганы» чекистов и запасные патроны.

Из ящика стола достал длинноствольный спортивный «вальтер-олимпию» калибром 5,6 мм с великолепной точностью боя. А главное — почти бесшумный. Его он решил держать поближе.

Жена в это же время, полностью доверившись мужу, ни о чем больше не спрашивая, укладывала в огромные чемоданы-кофры свою и детскую одежду, обувь, альбом с семейными фотографиями, даже какую-то посуду.

Несмотря на только что совершенное, Шестаков чувствовал себя легко и просто. Как будто не только сделал единственно правильное и возможное в данной ситуации, а вообще наконец-то позволил себе стать самим собой.

И план у наркома сложился очень простой и надежный. Используя резерв времени до момента, пока на Лубянке спохватятся да пока поднимут тревогу, легко отмотать на машине километров триста, а потом и укрыться в надежном месте. До прояснения обстановки.

А место такое имелось, и, что самое главное, — искать его там не придет в голову ни одной казенной душе на свете.

Слегка постукивая зубами от волнения, Зоя заканчивала одевать детей. Старший, одиннадцатилетний Вовка, все время спрашивал, куда они едут и почему ночью.

— К дедушке поедem. На машине. Он нас давно ждет, да все времени не было.

— А сейчас появилось?

— Появилось. Отпуск мне дали. Три года не давали, а сейчас дали.

Шестакову было даже интересно, как легко и складно все у него выходит.

А ведь не решился он «на это», и утром скорее всего или через день-другой веселого, доброго, глазастого Вовку и совсем еще маленького, домашнего, даже в детский сад никогда не ходившего семилетнего Генку втолкнули бы в грязный, вонючий «воронок» и повезли, плачущих, ничего не понимающих, зовущих папу и маму, в приемник для сирот и беспризорников. Навсегда...

Нарком скрипнул зубами от злости и от невыносимой жалости к детям.

Сын же продолжал расспрашивать:

— А в школу как же? Каникулы послезавтра кончатся...

— Успеется. Потом нагонишь. Я в школе договорюсь. Да, не забудь, учебники с собой возьми. Все. Будешь заниматься понемногу. К деду ведь интереснее? На лыжах с горы кататься, на сани с лошадкой. Охотиться будем. Согласен?

— Конечно, согласен. А можно я Никитке позволю? Скажу, что уезжаю?

— Куда звонить, ночь еще. Письмо напишешь...

Наскоро, но плотно перекусили. Шестаков заставил Зою выпить полстакана водки. Успокоится и в машине, глядишь, подремлет. Сам пить не стал, початую бутылку и еще три полных сунул в портфель, наполнил рюкзак банками икры и деликатесных консервов, красными головками сыра, батонами сырокопченой колбасы.

Вот хлеба оказалось маловато, но не беда, в любом сельпо взять можно. Карточек теперь нет.

— Так, — сказал он жене, когда почти все необхо-

димое было сделано. — Сейчас я спущусь к машине, все уложу, а посигналю — выходите. Сразу же. И до гудка — из кухни ни шагу. — Последнее он сказал же не свистящим, зловещим шепотом. Она поняла не все, но кивнула.

По пути к двери Шестаков вырвал телефонный шнур из розетки. И услышал осторожный, какой-то испуганный стук в дверь чулана.

— Ну, в чем дело? — спросил он, приостановившись.

— Так это вот, Григорий Петрович, — услышал он голос монтера, — по нужде бы надо... Как бы...

Нарком подумал, что действительно, сидеть им тут, может, и до обеда придется. И как же?

Позволил понятым по очереди сходить в ватерклозет, потом вместо чулана направил их в ванную комнату.

— Тут повеселее будет. И напиться можно, и наоборот. Но сидеть по-прежнему тихо, пока не выпущу. А то...

В последний момент, повинуясь движению души, Шестаков бросил через порог на кафельный пол старое пальто, толстое, ватное, с облезшим собачьим воротником. Постелив на пол, отлично поспать можно. И уж совсем от щедрот протянул монтеру бутылку водки.

— Выпей, Митрич, за свое и наше здоровье...

Ему показалось, что монтер едва заметно, но сочувственно кивнул. А может, просто голова дернулась от жаждущего движения кадыка.

Нарком задвинул снаружи щеколдочку, а вдобавок подпер дверь тяжеленным, забитым всяким ненужным хламом комодом.

Надел длинный кожаный реглан на меху, из хромовых сапог переобулся в унты, надвинул на брови каракулевою папаху. В боковой карман сунул именной никелированный «ТТ» — подарок от коллектива завода к двадцатилетию Октября.

Прихватил и автомат конвойного вместе с подсумками тяжелых кривых магазинов.

В три приема снес вниз неподъемный багаж.

Черная «эмка» стояла у выходящей во внутренний двор задней двери подъезда. И водитель, как предполагал Шестаков, посапывал носом, подняв воротник и завязав под подбородком шапку.

К утру морозец окреп ощутимо, и хоть внизу было затишно, над крышами, то слабея, то вновь усиливаясь, свистел порывистый ветер.

«Куда же они меня сажать собирались? — совсем не ко времени удивился нарком. — Вчетвером на заднее сиденье не втиснешься. Или к концу обыска другую машину вызвали бы?»

Шофера он будить не стал. Просто придавил, где нужно, сонную артерию и оттащил легкое тело в подвал. Не постеснялся снять с него и хороший нагольный полушубок вместе с ремнем и кирзовой револьверной кобурой.

Жизнь начинается совершенно другая, пренебрегать в ней ничем не стоит. словно в «Таинственном острове» Жюль Верна, любая мелочь может оказаться решающей. Вроде как стекло от часов или собачий ошейник.

По-прежнему удивляясь собственному хладнокровию, Шестаков уложил в багажник «эмки» чемоданы, пристроил на полу за спинками передних сидений портфели и рюкзак. Оглянулся на окна дома. Все они были темны. А если кто и выглядывает вниз из-за занавески, шума не поднимет ни в каком случае. Не те люди и не то время.

Сел за руль, с первых же оборотов стартера завел еще теплый мотор. Хотел было, как условлено, послыгивать, но спохватился.

Слишком много следов оставлено в квартире, слишком много важных моментов упущено.

И опять, и снова мелькнула в голове Шестакова мысль: «А я-то откуда это знаю? Разве я когда-нибудь занимался убийствами и технологией сокрытия следов преступления?»

Но сам же себе он ответил: «Да о чем ты? Сейчас! Рассуждать будешь? Сообразил — и слава Богу! Действуй!»

Бегом вернулся в квартиру, велел жене с детьми спускаться черным ходом во двор и садиться в «эмку» у порога.

— А я сейчас...

Нет, правда, как же это он забыл?

Шестаков нашел в чулане пустой мешок, сгреб в него из ящиков стола, секретера, буфета блокноты, записные и адресные книжки, всякие прочие накопившиеся за многие годы жизни документы, свои и жены, перевязанные ленточками пачки писем от родных и друзей, которые зачем-то хранила Зоя, посрывал со стен фотографии в рамках.

Чтобы чекистам, когда они начнут розыск, не попало в руки ничего, что может навести на след, подставить под удар посторонних людей.

Есть в наркомате его личное дело с фотографией пятилетней давности — и хватит с них.

Напоследок еще и домашнюю аптечку в красивом белом чемоданчике прихватил, выданную в Кремлевской больнице для поддержания драгоценного здоровья наркома и членов его семьи.

И, в очередной раз задержавшись на пороге, вновь обрадовавшись своей предусмотрительности и здравому мышлению, сделал еще нечто. На первый взгляд — абсолютно бессмысленное. Это могло принести пользу в одном случае из тысячи, но уж если что, так уж...

Шестаков, ухитрившись тронуться с первого раза на незнакомой машине, аккуратно выехал со двора, не слишком разгоняясь, поднялся вверх по Чкалова, на

Колхозной площади свернул вправо, на Первую Мещанскую. Перед заправочной станцией у Крестовского моста вышел из машины, погуще заляпал номера грязной снеговой кашей.

Разбудил дебелую тетку в засаленном ватнике, доверху заполнил бензобак и найденную в багажнике двадцатилитровую канистру. Заодно купил большую банку моторного масла. На всякий случай. На какой именно, он сам не знал, поскольку в автомобилях разбился плохо. Но раз мысль такая появилась, решил ее реализовать. Хуже не будет.

После чего переулками выбрался на Ленинградское шоссе, уже за стадионом «Динамо», не встретив по пути ни одной машины. Самое глухое время стояло, между ночью и утром. Только через час выйдут на линию первые такси и автобусы.

По ровному, чуть припорошенному снегом асфальту он на предельной восьмидесятикилометровой скорости погнал машину в сторону Калинина.

ГЛАВА 3

Вились в свете фар снеговые змейки, стремительно пересекающие слева направо пустынное шоссе, упруго дергался в руках тугой руль, ровно фырчал мотор, посапывали на заднем сиденье быстро уснувшие в тепле и темноте мальчишки, молча сидела рядом словно бы впавшая в ступор жена.

И вдруг что-то случилось. Шестаков ощутил мгновенный приступ головокружения, в глазах на секунду потемнело. Ему показалось, что он теряет сознание, и инстинктивно сделал единственно возможное в этой ситуации — убрал ногу с педали газа и плавно, чтобы не потерять управления, начал тормозить.

Но тут же все прошло.

Мир вокруг снова стал отчетливым, и одновремен-

но нарком испытал не страх даже, а ледяной ужас. Впервые по-настоящему осознав, что произошло.

Так, наверное, может себя чувствовать человек, совершивший в пьяном угаре страшное преступление, а утром проснувшийся в тюремной камере и разом все вспомнивший.

Он — всего три часа назад большевик, советский человек, орденоносец и член правительства — вдруг превратился в преступника, подлинного контрреволюционера и врага народа.

Он, вместо того чтобы подчиниться постановлению Генерального прокурора, принять как должное избранную органами меру пресечения, а уже потом защищаться, доказывая свою невиновность (а в чем? Обвинения ему пока ведь не предъявляли), оказал сопротивление, мало того — убил сразу пять (пять!) сотрудников службы защиты пролетарской диктатуры и сейчас бежит в неизвестность, рассчитывая непонятно на что.

Только что он был уверенной в своей правоте жертвой ложного доноса или просто естественной в период обострения классовой борьбы ошибки, а теперь — тот самый матерый враг, с которыми партия и ее НКВД во главе с товарищем Ежовым ведут непримиримую борьбу...

И он ведь не собирался этого делать, ему и в голову не могло прийти — убивать ни в чем перед ним не виноватых, исполняющих свой долг сотрудников. Какое-то мгновенное помутнение разума. Аффект?

И как же быть теперь? Развернуть машину и ехать обратно? «Разоружиться перед партией», как принято говорить, предать себя в руки правосудия?

Прощения, конечно, не будет, но по крайней мере еще есть надежда показать, что он не враг... Не закоренелый враг...

Зоя смотрела на него с недоумением.

— Что-то случилось?

Вот тут Шестаков не выдержал и расхохотался нервно. Изумительный вопрос, великолепный.

Да, неужели что-то случилось? Конечно же, нет, что теперь может случиться?

Однако сразу оборвал смех, ответил внешне спокойно:

— Мотор как-то странно гудит. Надо посмотреть. А ты сиди. Спи лучше всего...

Он вышел из машины. Для виду откинул боковую крышку капота. Закурил. Мысли постепенно начали проясняться. И небо на востоке тоже едва заметно за-светлело. Не рассвет еще, до рассвета не меньше часа, но намеки на него.

Приступ паники прошел. Что сделано, то сделано. Шестаков просто забыл за годы восхождения к вершинам власти, кем является на самом деле. А он ведь действительно с юности был решительным и смелым человеком, умевшим жить своим умом, а не быть добровольным рабом очередного решения ЦК и установок передовицы «Правды».

Слава Богу, что случилась эта вспышка воли и сил. Суждено умереть, так не в вонючем подвале тюрьмы. У него сейчас с собой семь стволов и целая куча патронов. Пусть ежовские прихвостни попробуют его взять. Кровью умоются.

Свобода, впервые после двадцать первого года — полная и абсолютная свобода! Вот если бы не было еще рядом жены и детей...

А главное — не потерять бы снова это чувство раскованности и всемогущества.

Шестаков, вновь обретая душевное равновесие, тронул машину. Прибавил скорости до пределов возможного. Через Калинин лучше проехать затемно. Часы показывали шесть. Даже на «эмке» можно успеть. Тренинган в «Мужчине и женщине» за полночи тысячу километров пролетел, правда, на «Ягуаре».

Будем предполагать, что в запасе еще четыре полностью безопасных часа. Если... Если не случится что-нибудь непредвиденное. Например — вздумается лубянскому начальству перезвонить своему лейтенанту. Услышат длинные гудки, встревожатся, пошлют на квартиру еще одну группу. Или понятые сумеют выбраться из ванной и поднимут тревогу...

Но даже если и так — пока разберутся в обстановке, доложат кому следует, объявят розыск, передадут команду всем окрестным райотделам и службам госбезопасности искать черную «эмку» с таким-то номером...

Шестаков знал возможности телефонной связи и неповоротливость низовых исполнителей. Сам от этого страдал постоянно. Час или два у него есть даже в самом неблагоприятном случае. Этого должно хватить...

Нарком порывлся в портфеле под ногами, одной рукой удерживая руль, нащупал бутылку, протянул жене.

— Открой, глотни. Сил тебе много потребуется. И мне дашь...

Зоя послушно глотнула, и не один раз. Вытерла губы ладонью, подождала, когда выпьет и муж. Вытащила у него из кармана желтую коробку «Дюбека», закурила сама и прикурила папиросу для него.

Шестаков знал, что в театре артистки и покуривают, и выпивают, но при нем раньше Зоя избегала делать это так вот просто и бесцеремонно, почти по-солдатски. Пригубливала за праздничными столами коньяк или шампанское, демонстрируя женскую скромность и чистоту.

Ну что ж, тем лучше, в наступающей жизни жеманность ни к чему, ему нужна решительная и смелая подруга. Если... Если только, узнав правду, она не отвернется от него с гневом и презрением. «Убийца! — выкрикнет. — Фашист! Ненавижу!»

И что тогда делать?

— Так, может быть, ты наконец расскажешь мне,

что произошло? — спросила жена спокойным, даже резковатым голосом. — И что будет с нами дальше?

Он коротко, но довольно подробно изложил суть последних событий, опустив, впрочем, все непонятные ему самому детали.

Зоя помолчала, неторопливо и глубоко затягиваясь. Дым, скручиваясь жгутами, улетал в треугольную боковую форточку.

Наконец сказала:

— Вот, значит, как. Спасибо. Приятно хоть перед смертью узнать, что муж у тебя не тряпка под сталинским сапогом, а нормальный мужик...

Слова жены Шестакова поразили. Он и вообразить не мог, что Зоя думает о нем и Великом вожде таким вот образом. Впрочем, что он вообще знал о ней? После короткой поры влюбленности, тринадцать лет назад, жили они, как все. Разговоров на политические темы избегали, да и на обычное, бытовое общение вечно не хватало времени. У него круглосуточная работа с частыми командировками, у нее утренние репетиции и спектакли до полуночи.

Раньше хоть в отпусках да в постели испытывали душевную и телесную близость, а потом и этого не стало. Его, измотанного непосильными нервными нагрузками, почти уже не возбуждало тело жены, которую «вся Москва» считала красавицей и примадонной Вахтанговского театра.

Зоя тоже не пылала страстью. Может, имела любовника на стороне? А то и на самом деле слегка презирала, тщательно это скрывая?

— Таким образом ты меня воспринимала, получается? А не ты ли, кстати, наболтала там, среди своих, чего-нибудь такого, что за мной сегодня приехали?

Зоя зло рассмеялась:

— Хороша же твоя Советская власть, если из-за женской болтовни готова уничтожить своего верного

слугу, всю жизнь положившего на ее укрепление. За работу — железка, называемая орденом, за анекдотец — тюрьма. Соразмерно?

— А что, были-таки анекдотцы?

— Может, и были. Много чего было. Мейерхольда за что посадили? А Эрдмана? А всех прочих, хотя бы только из тех, кого я лично знала? Если б только во мне было дело... Какой-нибудь кардинал Ришелье, узнав, что жена его подручного злые шутки про него повторяет, как поступил бы? На гильотину отправил?

Шестаков вспомнил, что Зоя последние годы никаких советских книг не читала, разве что Паустовского и Пришвина, а так только Дюма да Майн Рида с Джеком Лондоном. В дореволюционных приложениях к «Ниве».

— Вот-вот, — догадалась жена, о чем он думает. — А д'Артаньян, если манеры того же Ришелье ему не нравились, что делал?

— Ну-у, ты не сравнивай. Тогда что — загнивающий феодализм, а мы строим...

— Самое передовое в мире общество, глаза б мои на него не глядели... Слава Богу, и тебя допекло! Наконец-то догадался, как мужчина себя в таких случаях вести должен... Только дальше как жить собираешься?

Нарком задумался. Как быть дальше, он знал. Но ему хотелось достойно ответить Зое.

— Что социализм — самое передовое и справедливое в истории общество, мы спорить не будем. Это безусловно. А вот реальная практика его воплощения... Да, перегибы, ошибки, страх перед внешними врагами и внутренней оппозицией... Понятно, но и непростительно.

Скажу о себе. То, что я не виноват ни в чем, ни действиями, ни помыслами, для меня очевидно. И то, что я не совершал ничего, что могло бы дать основания почитать меня врагом, — тоже. Следовательно, решение арестовать меня — решение преступное.

Не знаю, кем принятое, но явно по причинам, не

имеющим отношения к реальной обстановке. Безусловно, вредное для страны. То, что знаю и умею я, любой другой должен будет постигать не один год. А если арестуют еще и моих замов... — Шестаков безнадежно махнул рукой. — Таким образом, враг не я, а...

— Именно так, — согласилась жена.

— Значит, я сегодня ночью находился в состоянии необходимой обороны. Может быть, скоро все изменится, и, сохранив себя, я сделал благо для страны и партии...

Зоя опять рассмеялась:

— Блажен, кто верует. Талдычишь затверженное, как пономарь. Успокаивай себя, если так легче. А я бы тебе посоветовала окончательно избавиться от подобных мыслей и думать впредь только о нас, о нашей семье, о том, как спастись и выжить. Если угодно — мы с тобой против всего мира. На меня можешь положиться...

Поразительно! Богемная, поглощенная только своими ролями и желанием взять все, что возможно, от высшего положения мужа, женщина теперь представлялась в совершенно ином свете.

И ночью в квартире он думал, что она впала в полную прострацию, не видит и не понимает ничего, а оказалось иначе. Все она видела и все запомнила, в том числе — какое оружие у них было дома и куда он его положил.

Зоя как раз нагнулась к стоящему возле ее ног саквояжу и достала оттуда изящный, штучной работы «вальтер» в мягкой кобуре из желтой кожи. С такими точно десятизарядными красавцами немецкие спортсмены взяли все медали по скоростной стрельбе на Олимпиаде 1936 года.

Проверила обойму, передернула затвор и сунула пистолет за отворот шубки.

Он учил ее стрелять на даче именно из этого писто-

лета, но сейчас его поразило, как непринужденно она с ним обращается. Словно разыгрывает на сцене соответствующий этюд.

Зоя еще повозилась в саквояже, пока не отыскала там плоскую коробочку с полусотней золотистых «целевых» патронов. Опустила ее в карман.

— Вот так. Теперь я тоже буду защищать себя и своих детей до последнего... Куда мы едем? К финской границе?

Ему вдруг подумалось: а что, если Зоя не только популярная актриса и мужняя жена, а иностранная шпионка или член антисоветской террористической организации? Уж больно уверенно и адекватно моменту она себя держит.

«А сам-то ты кто теперь? — спросил Шестаков себя. — Будем считать, что оба мы члены теперь одной организации и едем к третьему...»

ГЛАВА 4

...Гриша Шестаков окончил 4-е реальное училище на Васильевском острове в 1914 году, держал экзамены в Кронштадтское морское инженерное училище, но не прошел по конкурсу и через неделю после начала мировой войны поступил на 1-й курс Петербургского Технологического института. Однако мечту стать флотским офицером он не оставил и в 1915 году, когда возникла угроза призыва в армию, подал рапорт о зачислении в юнкера флота, что соответствовало чину вольноопределяющегося первого разряда, но давало возможность после двух лет службы и сдачи не слишком трудных экзаменов быть произведенным в мичманы. А за боевые заслуги — гораздо раньше.

К его счастью, он не успел до февральской катастрофы сменить черные юнкерские погоны на золотые офицерские.

Отвоевав год на эскадренном миноносце «Победитель», юнкер Шестаков, по протекции командира, для удобства подготовки к экзаменам перевелся на линкор «Петропавловск». При условии возвращения на родной корабль после производства.

Вначале потерявшийся после эсминца, где все было понятно, ясно и знакомо, на «острове плавающей ста-ли», каковым являлся гигантский дредноут с тысячами человек команды и полусотней офицеров, юнкер достаточно быстро освоился. И даже подружился, если этот термин здесь уместен, со своим непосредственным начальником — флагманским минером бригады старшим лейтенантом¹ Власьевым.

Григорий сразу почувствовал к новому командиру уважение, быстро перешедшее в восхищение. Вот таким офицером он и сам мечтал стать — изящным, остроумным и ироничным, всегда в свежайшем кителе и крахмальных манжетах, не теряющимся перед начальством и шутливо-вежливым с матросами.

Власьев помогал бравому и сообразительному юнкеру с учебниками, беспрепятственно отпускал на берег для занятий в гельсингфорсской библиотеке, делился собственным практическим опытом и обещал замолвить слово перед председателем флотской экзаменационной комиссии, с которым вместе учился в Отдельных офицерских классах.

Он же отсоветовал Григорию немедленно произвестись в прапорщики по адмиралтейству, что позволялось полученным Шестаковым Знаком отличия военного ордена IV степени².

— Зачем вам это, юноша? — покачивая носком белой замшевой туфли, спросил старший лейтенант, потя-

¹ Чин старшего лейтенанта императорского флота примерно соответствует званию капитана III ранга современного флота.

² В просторечии — Георгиевский крест.

гивая шиттовское пиво из высокого стакана. Юнкер деликатно сидел на краешке командирской койки в тесноватой, чуть больше вагонного купе первого класса, но все равно великолепной, поскольку одноместной, каюте. Прелесть этого может понять только человек, два года подряд не имеющий возможности уединиться даже и в гальюне. — Дадут вам «мокрого прапора» и немедленно кинут командовать рейдовым тральщиком или минзагом из бывшей баржи. Ноль удовольствия и девять шансов из десяти, что больше месяца не проживете. Плюньте, Гриша. Полгода всего перекантуйтесь, а на нашей коробке это нетрудно, и станете нормальным мичманом. С двумя солдатскими крестами вы уже будете очень комильфо в кают-компании, да и «клюква»¹ вам очистится автоматически. После победы начнутся неперенные визиты в Тулон и Скапа-Флоу, значит, еще и иностранные орденочки нам с вами навешают. Да что там, Григорий Петрович, жизнь вас ждет вполне великолепная.

После слов старлейта дальнейшая карьера теперь рисовалась Шестакову прямой и надежной, тем более что действительно представление на крест III степени за участие в набеге на немецкий конвой в Норчепингской бухте было на него уже подписано.

Дураком же, как следует из всего вышеперечисленного, юнкер Шестаков не был, проявив должный героизм и отвагу, достаточные для самоуважения во всей последующей жизни, он не возражал и против комфортного, гарантированного будущего.

В то же время, едва ли не инстинктивно, Григорий продолжал жить в матросском кубрике, отнюдь не согласившись на переселение в кондукторский, исполнял

¹ «К л ю к в а» — просторечное название низшего офицерского ордена за личную храбрость, св. Анны IV степени, обозначавшегося малиновым темляком на шашке или кортике.

★ обязанности младшего унтер-офицера по минно-торпедной части.

После эсминца, с еженедельными выходами в море, минными постановками, стычками с немецкими крейсерами, залповой торпедной стрельбой по реальной цели, служба при подводных аппаратах линкора, который вообще ни разу не выдвигался за Ганге-Порккала-Уддскую минно-артиллерийскую позицию, казалась до невозможности пресной.

Зато — настолько же и спокойной. Можно было спать, читать, развлекаться в доступных пределах и не беспокоиться о шансах выжить в очередном походе.

«Едем дас зайне»¹, короче говоря.

Для простоты общения с товарищами Шестаков не носил на погонах двух положенных золотых басончиков и трехцветного канта, отчего многие даже и не подозревали о его «полугосподском» положении. А благодаря грамотности и «пониманию» его записали в «сочувствующие» сильной и многочисленной на «Петропавловске» подпольной большевистской организации.

Не сказать чтобы Шестаков так уж увлекся именно большевистскими идеями, эсеровская программа в чем-то была ему даже ближе, но сыграла роль личность руководителя, умного, степенного и рассудительного гальванерного кондуктора Мельникова. А тот не просто уважал толкового минера, но и имел на него далеко идущие виды. Вот-вот юнкер станет мичманом, а офицеров — членов партии на линкоре пока что не было.

Но тут, неожиданно для самих революционеров, грянул февраль семнадцатого года.

За ним последовали кронштадтская и гельсингфорсская «большая резня», когда одуревшие от воли и четырехлетнего тоскливого безделья на стальных коробках (за всю войну линкоры 1-й бригады ни разу не

¹ «Каждому — свое» (нем.).

выходили в море) матросы сотнями расстреливали, кололи штыками, топили в море ни в чем не повинных офицеров и адмиралов. За когда-то полученный наряд вне очереди, за строгость по службе, просто за золотые погоны. Или за понравившийся перстенок на пальце, за именные часы...

Заблаговременно узнав о готовящемся побоище, Шестаков предупредил старшего лейтенанта и больше недели прятал его в отсеке подводных минных аппаратов, пока не схлынула кровавая волна. Только на «Петропавловске» тогда было убито девять офицеров. Еще несколько просто не вернулись из города, и судьба их осталась неизвестной.

А всего за эти дни Балтфлот потерял несколько сотен офицеров и адмиралов, причем, по странному совпадению, наиболее талантливых и авторитетных. Словно бы не стихийный взрыв то был, а тщательно спланированная акция.

После Ледового перехода из Гельсингфорса в Кронштадт, спасшего флот от захвата немцами (за что комфлота Щастный поплатился головой, расстрелянный по приказу Троцкого, а может, и самого Ленина), Шестаков с Власьевым продолжали службу на линкоре. Бывший старший лейтенант, превратившийся в просто военмора, и бывший юнкер, избранный в члены Центробалта, но не пожелавший оставить свою почти матросскую должность.

Карьера гардемарина Ильина, ставшего командующим Каспийским флотом Раскольниковым, или пресловутого Дыбенко его не привлекала. А отправляться в какую-нибудь Конную армию, командиром бронепоезда вроде Железняк он считал тем более глупым. Дослужить свое, пока не кончилась война, а потом возвратиться в институт — так он видел собственное будущее. В новом, Красном флоте служить ему не хотелось. Не тот кураж. Ну а пока, с умом и соответствующим обще-

★ ственным положением, жить на линкоре было можно. И даже неплохо по меркам того времени.

Но отсидеться не удалось. Сначала Шестаков не устоял перед постоянным и жестким давлением и все же вступил в члены РКП, а потом почти незаметно для себя оказался в штабе флота на почти адмиральской должности.

Ну что ж, если верить словам Ленина, который заявил, что они взяли власть всерьез и надолго, надо было как-то устраиваться и при этом режиме. Тем более что заниматься ему по-прежнему приходилось не политикой, а все теми же минами и торпедами.

Так прошли незаметно целых три года, и вдруг грянул Кронштадтский мятеж. Тайно, но люто ненавидевший большевиков Власьев немедленно примкнул к восставшим, на что-то еще надеясь.

Однако — не удалась попытка прозревших на четвертом году революции моряков добиться «власти Советов без коммунистов». Поспешили восставшие, не дождались, когда лед в Маркизовой луже разрыхлится так, что пехоте не пройти, а линкоры, наоборот, смогут дать ход. Тогда судьба Советской власти действительно повисла бы на волоске.

Не зря Ленин признал сквозь зубы, что Кронштадт — это страшнее Колчака и Врангеля. Естественно, восстали ведь не какие-то недобитые буржуи, а краса и гордость революции — балтийские матросы. И к ним готовы были присоединиться пролетарии питерских заводов.

Увы, не получилось. Не удалось даже уйти на линкорах в некогда родной для флота Гельсингфорс. Победили большевики, по колено в крови ворвались в крепость и уж рассчитались за пережитый ужас. Расстреливали каждого десятого из выстроенных шеренгами мятежников, многих с камнем на шее топили в море, как в известном фильме «Мы из Кронштадта».

Своеобразный фрейдистский комплекс проявился у создателей этого фильма: вынести в заглавие название пресловутого и ненавистного города, а варварский способ казни революционных матросов переадресовать белым. Перекинуть, так сказать, стрелки.

Нельзя сказать, что Шестаков сочувствовал идеям мятежников, однако, по извращенной логике времени, втайне желал им победы. Просто так. По украинской поговорке: «Хай гирише, та инше»¹. Назло комиссарам.

А на другой день после окончания боев его вдруг вызвали к замнаморсибалту².

От услышанного у Шестакова сразу пересохло во рту. Победа над собственной военно-морской базой реально угрожала превратиться в свою противоположность.

То ли от шального снаряда, то ли от случайного или намеренного поджога загорелся форт Павел, в двух милях от Котлина. А на его складах, кроме нескольких сотен гальваноударных мин заграждения образца 1908 года, хранилась чуть не тысяча тонн тротила в огромных слитках.

Когда до него дойдет огонь, он сначала начнет плавиться, будто стеарин или воск, потом загорится, а потом... Может быть, так и сгорит, пузырясь, дымя и воняя, а возможно, и рванет, если хоть в одном-единственном месте температура достигнет критической точки. Какой именно — никто не знает, слишком от многих факторов она зависит. Качество очистки, наличие примесей, влажность и так далее и так далее... Но если рванет, мало что останется и от города Кронштадта, и от кораблей на большом рейде, да и Петрограду не позавидуешь.

Особенно если сдетонируют склады боеприпасов

¹ «Пусть хуже, но по-другому».

² Зам. начальника морских сил Балтийского моря.

на фортах Тотлебен и Обручев, в самом Кронштадте, кройит-камеры линкоров...

— Я не знаю, что там можно сделать, — с тоской в голосе сказал зам, бывший кавторанг с дивизии подводных лодок, — но что-то делать надо. Мины тоже взрываются, но пока по одной — по две. И от минных погребов до склада тротила — две сотни сажен. Вдруг проронет? Короче, вы минер, а я лишь штурман... Поезжайте, посмотрите. Я предоставляю вам неограниченные полномочия...

Едва сторожевик отвалил от стенки, стала видна темная клякса на фоне лимонного закатного неба. Потом донеслись глухие, словно сквозь вату, удары. Мины, понял Шестаков. Взрывающиеся под тяжелыми сводами крепостных подвалов мины.

«Что, в самом-то деле, там можно сделать?» — думал, стоя у парусинового обвеса мостика и куря одну за другой скверные папиросы, Шестаков. И командир сторожевика, бывший «черный гардемарин», и матросы, которых теперь следовало называть военморами, были мрачны и неразговорчивы. Да и то... Если тротил взорвется, двухсоттонный кораблик просто сдует с поверхности моря, как пушинку с рукава.

По искромсанным снарядами, заваленным битым кирпичом улицам Шестаков добрался до помещения временного штаба. По пути он старательно обходил густые подтеки крови на брусчатке, еще не убранные трубы — и защитников крепости, и атакующих.

Предъявил свои полномочия, получил еще одну бумажку, уже от сухопутного командования, и отправился искать кого-нибудь уцелевшего из минных специалистов. Рассчитывая, между прочим, именно на Власьева.

Через час он узнал, что бывший старший лейтенант арестован в числе не успевших бежать в Финляндию организаторов мятежа и содержится на флотской гауптвахте.

Поначалу Шестаков испытал только досаду, что вот, мол, срывается план с помощью Власьева что-то придумать с этим поганим тротилом, дым от которого уже накрыл остров бурой, воняющей, как миллион сгоревших расчесок, тучей. И только чуть позже сообразил, что тротил — тротилом, а старлейта могут банальнейшим образом расстрелять. И спасти его сейчас может только он с помощью вот этих жалких на вид, отпечатанных на рыхлой серой бумаге мандатов:

Начальник полевой ЧК Южной группы, взявший на себя всю полноту власти в первоначальном (а для многих — и окончательном) дознании, поначалу не захотел с ним и говорить.

— Знаем мы ваши офицерские штучки. Вам бы только своих отмазать. Еще и с тобой разобраться не мешало бы.

Шестаков испытал мгновенный прилив ярости. Тем более — хорошо подкрепленной солидными бумагами.

— Ты что о себе воображаешь, ...!!! — Он наскоро сконструировал из пресловутого «загиба Петра Велико-го» и еще нескольких загибов попроще впечатляющую, особенно для сухопутного еврея в очках, тираду. — Во-первых, я тебе не офицер, а кадровый матрос призыва пятнадцатого года и член эркапы¹ вдобавок! Во-вторых — сюда иди! — и почти силой подтащил за рукав товарища Штыкгольда к окну. — Ты видишь? Ты это — видишь?! — тыкал он пальцем в и без того треснувшее стекло, указывая на окутавшую форт тучу дыма.

Очень вовремя сквозь тучу просверкнуло алым, раздался еще один гулкий взрыв.

— В любую минуту может рвануть так, что не только от нас с тобой, но и от товарища Троцкого в Смольном портянок не останется, а ты мне, ... такой-то, горо-

¹ РКП — Российская Коммунистическая партия.

дишь про классовое чутье и офицерскую солидарность! Нам с тобой на колени перед тем старлейтом стать надо, чтобы он, ..., согласился сейчас туда полезть и поглядеть, что пока еще сделать можно... А будешь дальше....., я Троцкому же и позвоню, он тебя самого на форт лезть заставит. И там раком стоять, поскольку ничего другого ты в минном деле не рубишь! Не веришь... такой и рас-такой? Читай бумагу! Соображаешь — «неограниченные полномочия»!

И, как бы между прочим, положил ладонь на бортающуюся у левого бедра коробку тяжелого «маузера»-девятки. У комиссара на краю стола лежал почти такой же, но ответного движения к оружию Штыкгольд не сделал.

— Ну что вы, что вы, товарищ, зачем же так сразу нервничать? Забирайте вашего золотопогонника, черт с ним. Только распишитесь вот, номер мандата проставьте и обязуйтесь после окончания работ вернуть арестованного по принадлежности...

Дальнейшее было проще простого. Тротил, по счастью, так и не взорвался, частично расплавившись, частично выгорев. От форта тоже мало что оставалось, когда бабахнула последняя мина и на покрытую толстым слоем жирной сажи полосу берега у основания восточного гласиса высадилась десантная партия.

Под грудами обрушившихся гранитных блоков Шестаков увидел перемешанные с грязью ошметки человеческих тел. Может, останки оборонявшихся здесь мятежников, а может — добровольцев, пытавшихся потушить пожар в самом начале.

— Вот, Николай Александрович, склоните голову, — не к месту шутливо сказал Шестаков. Впрочем, когда угроза катастрофы миновала, ему и вправду было легко на душе и весело. — Отныне — это все, что осталось от погибшего геройской смертью военмора Власьева.

Спрятав товарища в трюме сторожевика, Шестаков

вновь явился в ЧК. Доложил Штыкгольду как о благополучном завершении своей миссии, так и о случившемся с Власьевым.

— Все мелкие и крупные фрагменты тела собраны, запакованы в брезент и находятся в данный момент на шанцах «Кобчика». Прикажите забрать.

Чекист поморщился:

— Отчего именно он погиб?

— Оттого, что возвращаться к вам ему, наверное, хотелось еще меньше. Вот и полез в подвалы, когда неясно было, все мины взорвались или нет. Оказалось — не все. Тем не менее именно он сумел определить критические точки и рассчитать количество воды, которую мы подали брандспойтами на горящий тротил, чтобы снизить температуру до режима обратной кристаллизации.

Шестаков говорил ерунду с абсолютно серьезным видом, будучи уверен, что чекист, бывший аптекарь или портной, проглотит и не такое.

— Так будете забирать останки или как?

— Зачем он нам теперь? Похороните сами, как там у вас во флоте принято.

— На флоте погибших в бою обычно хоронят в море, если нельзя на берегу. Будем считать, что нельзя. В общем, я пошел, браток. Рад был познакомиться. Заходи в Главморштаб, если что...

И уже на пороге обернулся:

— Да, вот еще забыл. Мы ведь, как ни крути, офицеру этому кое-чем обязаны. Жизнью, например. Так ты того, повычеркивай отовсюду, что он там... В контрреволюции подозреваемый. Если что и было — испустил.

— Зачем? — искренне удивился Штыкгольд.

— Как бы тебе подходчивее объяснить? Он же военспец, подписку соответствующую давал. Теперь вы его посмертно врагом объявите, а у него, может, семья,

★ дети есть. Попадут по закону под репрессии. Зачем это? Его бы по делу к ордену представить, ну да уж ладно...

— Сердобольный ты очень, товарищ. Даже странно — боевой матрос, и вдруг... Все-таки слишком вы долго на своих коробках рядом с господами жили... Однако, из уважения, пойду навстречу. Где тут у нас материалы?

И на глазах у Шестакова чекист разыскал в грудe документов на столе тонкую картонную папочку, бегло просмотрел ее содержимое, показал написанную бледными чернилами фамилию на обложке и, поднатужившись, разорвал картон пополам, еще пополам и бросил обрывки в урну под столом.

— Все. Нету больше заговорщика и контрреволюционера Власьева. Докладывай там у себя, что погиб при исполнении. Еще, глядишь, и пенсия детям выйдет, если они у него были...

— Молодец, браток, это по-флотски. Давай пять...

— Ну, чтоб вам хоть две еще недельки подождать, Николай Александрович, — сказал он своему бывшему командиру вечером, когда они сидели в питерской квартире Власьева на Гороховой улице и пили слабо разведенный казенный спирт. Шестаков теперь тем более не сочувствовал идее мятежа и оценивал лишь его техническую сторону.

Старший лейтенант только криво усмехался и подливал в стаканы.

— Не вышло, значит, не вышло, Григорий Петрович. Таких шансов больше не будет. Решил я плюнуть на все и уйти в частную жизнь. Спасти вы меня спасли, но это ненадолго. Хоть я теперь и покойник, но в Питере мне оставаться нельзя. Поможете еще раз — документами новыми обзавестись и проследить, чтобы мои послужные списки навсегда в архив ушли, — буду благодарен. А там кто знает, как еще все повернется...

— А отчего же вы, Николай Александрович, в Фин-

ляндию не двинули, вместе со своими? Тысяч десять, говорят, успели по льду на тот берег перебраться.

— Черт его знает. Будем считать — не успел сориентироваться. Все казалось — удержим Кронштадт. По уму ведь — даже при взятом городе, что ОНИ могли линкорам сделать? Восемь метров надводного броневое борта, это почище любого рыцарского замка! А пушки? Да что теперь говорить, кишка тонка у матросиков оказалась. Но главное — не прельщает меня, знаете ли, эмигрантская жизнь. Ну что я там стал бы делать? На флотскую службу рассчитывать нечего, а другого я ничего и не умею... В таксисты наниматься, в официанты или в Иностранный легион? Избави Бог. Я уж лучше здесь как-нибудь...

И действительно, когда Шестаков с помощью знакомых делопроизводителей оформил ему формуляр инвалида гражданской войны и все положенные справки, подтверждавшие, что с 1914 по 1921 год военмор Власов (теперь — так, простонароднее вроде) проходил службу в качестве матроса царского и младшего командира Рабоче-Крестьянского флота, что призывался он по мобилизации из запаса в городе Ревеле (и, следовательно, никаких его документов на территории РСФСР нет и быть не может), бывший старший лейтенант уехал из Питера в Тверскую губернию, в Осташковский уезд, где и устроился сначала бакенщиком, а позже — лесником и егерем на одном из самых глухих кордонов.

Уехал именно туда, потому что не было у него в подчинении никогда матросов из этих мест, а в то же время — работа на воде, почти по специальности.

С начальством своим он виделся в основном в дни выдачи заработной платы да когда привозил в уезд гостинцы в виде копченых кабаньих окороков, битых уток, вяленых сметков и тому подобных даров природы. Был на хорошем счету, хотя и слыл человеком нелюдимым и не совсем нормальным вследствие давней контузии.

Главное — не задевали егеря никакие политические кампании, коллективизации, пятилетки и прочие глупости реконструктивного периода.

Так он и просуществовал благополучно и неприметно до ныне описываемых событий.

Шестаков же, отмеченный за подвиг орденом Красного Знамени в числе более чем пятисот героев подавления мятежа, продолжил избранный путь, приведший его в начале 1936 года в кресло наркома не слишком заметного, но важного оборонного наркомата.

А с Власьевым он продолжал поддерживать отношения. Пусть и нерегулярные, но теплые. И в годы длившейся еще несколько лет флотской службы, и позже Шестаков от случая к случаю выбирался на затерянное в дремучих, доисторических лесах озеро, чтобы вволю поохотиться и порыбачить.

Причем конспирация при поездках соблюдалась железная. Удалось сделать так, что даже предположить о каких-то личных отношениях между высоким московским гостем и диковатым егерем не мог никто. Заблаговременно Шестаков связывался с секретарем Калининского обкома, в условленный день его встречали, везли на казенную дачу под Осташковом, окружали соответствующей рангу заботой, а уже потом любящий уединение и рыбалку с лодки нарком разбивал палатку на берегу огромного безлюдного острова Хачин. Тогда и появлялась возможность удалиться на моторке в лабиринт протоков и плесов загадочного озера Селигер, провести день-другой в обществе старого боевого товарища.

Зачем он это делает, Шестакова подчас удивляло. Риск по тем временам был не слишком большой, за минувшие полтора десятилетия политических и кадровых бурь, прочих государственных катаклизмов вряд ли остались люди, способные даже вообразить, что полудикий, похожий на оперного Мельника Лексаных и блес-

тящий офицер старого флота — одно и то же лицо, но все же, все же...

Главным была ведь не опасность разоблачения Власьева и роль наркома в его судьбе, а сам факт этой связи. Его нравственная составляющая. Выходило, что Шестаков не только скрыл от партии свое пособничество ярому врагу Советской власти, но и продолжал поддерживать с ним отношения даже сейчас. С какой, простите, целью? Не тайны ли военные передавать?

И, значит, вполне «товарищ Шестаков» мог быть отнесен к числу «троцкистских и иных двурушников» («иных» — как раз его случай).

Вот и приехали! Выходит, что не так уж были не правы «органы», решив его арестовать.

Пусть дружба с «белогвардейцем» вряд ли фигурировала бы в формуле обвинения, но честно смотреть в глаза следователям и судьям, убеждая их в своей невиновности и абсолютной преданности партии и Советскому правительству, он бы уже не мог. Утратил моральное право.

«Проклятая жизнь, — думал подчас Шестаков. — У Владимира Ильича брат был повешен за попытку цареубийства, а ему позволили окончить гимназию с золотой медалью и университет. У нас же могут расстрелять за то, что встретился с другом, который целых двадцать лет назад служил не той власти или десять лет назад на партийном собрании проголосовал не за ту резолюцию, пусть и выносилась она на обсуждение одним из членов тогдашнего Политбюро, ближайшим соратником Ленина...»

Оттого, наверное, и продолжал он встречаться с Власьевым, что эта дружба помогала ему сохранять остатки самоуважения, считать, что есть у него в глубине души уголок, не подвластный Комиссии партийного контроля. Мол, дело свое я делаю, и делаю хорошо, а в это — не лезьте.

Короче говоря — прав был товарищ Сталин. Пока не выжжем каленым железом буржуазные пережитки в сознании, смешно и думать о полной и окончательной победе социализма.

И зря нарком Шестаков удивлялся, отчего это вдруг так неожиданно у него с товарищами чекистами не по взаимно принятому сторонами этикету вышло.

ГЛАВА 5

Когда окончательно рассвело, позади остался уже и Торжок. В машине было холодно. На Горьковском заводе сочли излишним ставить на свою продукцию обогреватели, которые имелись на американском прототипе «Форд-6», и при закрытых окнах боковые и лобовые стекла сразу же начинали обмерзать.

Приходилось держать открытой треугольную форточку, через которую ледяной ветер выгонял из салона даже те жалкие калории тепла, что поступали от работающего мотора. Зато Шестакова не клонило в сон.

С наступлением утра опасность возросла. Если чекисты начнут тотальный розыск, какой-нибудь постовой милиционер, штатный или внештатный сотрудник органов, как раз сейчас спешащий на работу, просто не в меру наблюдательный обыватель сможет вспомнить промелькнувшую мимо черную «эмку».

На Ленинградском шоссе еще не так страшно, движение пусть и не слишком оживленное, но среди встречных и попутных «полуторок», «ЗИС-5», «ГАЗ-А» попадает достаточное количество неразлично одинаковых черных горьковских легковушек, а вот когда придется свернуть на узкие грейдеры и проселки между райцентрами... Но тут уж ничего не поделаешь, остается путать следы и надеяться на удачу.

В одном повезло — начиналась метель.

Густо пошел снег, усиливающийся ветер завывал

вдоль дороги белые вихри, видимость упала до полусотни метров.

Шестаков еще придавил педаль газа. Быстрее, быстрее, а то раньше чекистов может вмешаться стихия, сделает непроезжими известные наркому лесные просеки. Хорошо, что последние недели стояли крепкие, почти бесснежные морозы, грунт промерз до гранитной крепости, можно надеяться, что в ближайшие часы больше двадцати-тридцати сантиметров снега не выпадет. Покрышки на задних колесах «эмки» почти новые, с высокими грунтозацепами «в елку».

Через большое село Кувшиново Шестаков проехал в такой белой круговерти, что едва видны были избы по сторонам дороги. Свернул на накатанный санями тракт вдоль железной дороги, ведущей на Селижарово.

В известном месте принял вправо и углубился в лесные дебри. Глядя по сторонам, легко и просто было вообразить, что вокруг — не двадцатый, а как минимум семнадцатый век, времена Ивана Сусанина. Ни столбов с телефонными и электрическими проводами, ни даже самых глухих, в три-четыре дома деревень.

Огромные мачтовые сосны, как на картинах Шишкина, дремучие ели, опустившие до земли раскидистые черно-зеленые лапы, покрытые снегом, глубокие, заболоченные летом распадки по сторонам дороги, через которые зачем-то переброшены длинные бревенчатые гати.

Обычно здесь часто попадались ревущие трелевочные трактора, конные обозы, тянущие срубленные в окрестных леспромхозах сосновые хлысты, а сейчас тихо, пустынно, страшновато даже. Заглохни невзначай мотор, и вряд ли удастся с женой и детьми добрести до ближайшего жилья.

Проснулись Зоя и ребята, пришлось остановиться по надобности, заодно и перекусить. Шестаков запоздало пожалел, что не догадался набрать горячего чая в

термос. Мальчишки начали ныть, томимые жаждой, и нарком сообразил растаивать снег в кружке, поставленной на горячий блок мотора.

— Мы прямо как полярники сейчас, папа, — сказал старший, запивая бутерброд тепловатой безвкусной водой. — Они ведь тоже из снега и льда воду добывают?

— Из чего же еще? Ничего, скоро доберемся, там и чаю попьем, и щей поедим.

— А волки здесь водятся? — опасливо поинтересовался младший.

— И волки, и медведи, и лоси...

— Они нас не съедят?

— Как же, съедят, — возразил Вовка. — Видел, вот настоящий автомат лежит, а еще у папы пистолет есть.

— Можно я с автоматом поиграю? — спросил Генка, заблестев глазами.

— Играй, чего же... — Шестаков вынул из «дегтярева» плоский кривой магазин, передернув затвор, вытряхнул на ладонь патрон. — Только осторожней, стекла стволом не повыбивайте.

Поехали дальше. Мело совсем уже свирепо, и дважды машина забуксовала в заносах. Но выбрались. Теперь Шестаков, заметив впереди опасное место, загодя переключался на вторую скорость и вел «эмку» на постоянных оборотах, стараясь без нужды не дергать руль.

— Доедем? — тихо спросила Зоя, повернувшись к мужу.

— Должны. Бензина еще полбака, не считая, что в канистре, машина вроде надежная. Уже двадцать километров никого не встретили. Правда, скоро рискнуть придется. Через Осташков я не поеду, там тупик, дорога кончается, если на глаза кому попадемся, нас легко вычислят...

— А как же?

— Есть идея...

Идея была и вправду рискованная, Шестаков обдумывал ее уже второй час и понимал, что иного выхода просто нет. Ну а если что — смерть будет быстрая и легкая.

Через полчаса мучительно медленной езды вдоль берега совсем здесь узкой, ничуть не похожей на великую русскую реку Волги машина остановилась на краю пологого спуска. Впереди, сколько мог захватить глаз сквозь крутящуюся снежную пелену, простиралась гладкая, как бильярдный стол, равнина.

Селигер. Длинный и узкий его рукав, тянущийся отсюда до самого Осташкова и дальше выводящий на озерный простор.

Шестаков спустился на лед, присыпанный сверху тонким слоем жесткого снега. Прихваченной из машины монтировкой долго долбил звонкий синеватый панцирь озера. Углубился сантиметров на двадцать, но на близкую воду не было и намека. Хорошо.

Морозы держались с начала декабря, можно было надеяться, что ледяной покров достигает и полуметра, и больше. Машину выдержит, главная опасность — случайная полынья. Теплые ключи на дне или еще что-то...

Снова вспомнился Кронштадт. Там даже в марте лед пробивало только разрывами тяжелых снарядов линкоров и крепости, трехдюймовые рикошетиrowали.

А в финскую войну, кажется, на лед карельских озер бомбардировщики спокойно садились.

«Что вдруг за финская война?» — удивился он неожиданной мысли.

Шестаков совершенно точно знал, что никакой такой финской войны, кроме разве кампании 1809 года, не было и быть не могло, но одновременно отчетливо представлял, что вроде бы была и даже какие-то подробности вот-вот удастся вспомнить.

Но они пока ускользали, как воспоминание о недавнем сне.

Одним словом — шансы есть, и неплохие. Главное, под прикрытием пурги можно проскочить незамеченными мимо города, и, значит, никому в голову не придет искать их здесь.

Если машина замечена в Торжке, скорее всего чекисты будут искать вдоль трассы Новгород — Ленинград, а если они попались кому-то на глаза в Кувшиново, то логично будет предположить, что беглецы двинулись в сторону Ржева и Великих Лук.

То есть в любом случае вывод очевиден — беглый нарком пробивается к границам: финской, эстонской, латвийской. Там и будут караулить и искать. А где же еще?

Жене он ничего не сказал. В географии и топографии она все равно не разбирается и не сообразит, где едут. Ну а если не повезет — машина уйдет на дно в доли секунды. И ахнуть не успеешь. Как утонул в полынье между Ленинградом и Кронштадтом вице-адмирал Дрозд.

Ориентируясь на правый, противоположный от Осташкова, берег, Шестаков разогнал машину до девяноста километров. Только лед свистел под шинами. Стремительный полет над мокрой бездной опьянял. Будь он в машине сейчас один — вообще бы ничего не боялся, пожалуй, даже запел арию Варяжского гостя от азарта и волнующего чувства опасности.

Только снова появилась непонятная, тревожащая мысль. Он ведь никогда как следует не умел водить машину.

Ну, пробовал иногда садиться за руль, проезжал десять-двадцать километров под присмотром шофера по ровной и прямой дороге. А сейчас-то он управляет автомобилем почти бессознательно, руки и ноги сами знают, что крутить, переключать и нажимать. Оставляя голове свободу думать о чем придется.

Вроде бы все нормально, и от ощущения, как силь-

на и послушна машина, испытываешь только привычную радость, а вдруг подумает — почему это так, и оторопь берет.

Однако Зоя снова отвлекла его своим вопросом, подтвердив, что женщина она куда сообразительнее, чем представлялась раньше:

— Это мы что, по льду едем?

— По льду, а больше и негде. Долетим, как по немецкому автобану.

И в самом деле, неслись они лихо. Шестаков через короткое время увидел накатанный санный след, ведущий примерно в нужном направлении, и еще прибавил газу.

«Эмку» иногда начинало водить на участках голого, отполированного ветром льда. Особенно когда порывы ветра усиливались и внезапно ударяли в высокий корпус машины, но он ухитрялся удерживать «эмку» на курсе, вовремя подворачивая руль в сторону заноса.

Потом снеговой покров становился толще, и ехать опять было легко. Увы, недолго. В совершенно неожиданный момент прямо перед бампером появлялись крутые заструги, преодолеть которые удавалось не сразу, тормозя, меняя курс и выискивая подходящие места.

Но все равно езда ему нравилась. Словно бы в зимнем ралли участвуешь.

Термин опять пришел на ум незнакомый, хотя и понятный по смыслу.

Зоя вдруг коротко рассмеялась. Нарком посмотрел на нее с удивлением. Неужели водка так подействовала или нервный срыв наступил?

— А ты, Гриша, помнишь такую поговорку — «пуганая ворона куста боится»?

— Ну?

— Так чем мы с тобой лучше?

— Не понял...

— Что тут понимать? Ты решил, что за нами сейчас все НКВД охоту начало...

— Так...

— Так если действительно тревогу объявили всеобщую, то по всем подмосковным и прилегающим областям сразу, да?

— Ну...

— А сколько от Москвы идет дорог, сколько на них областных городов, райцентров, сел и сколько по ним за последние сутки похожих на нашу машин проехало?

Шестаков наконец понял. И восхитился, какая у него умная жена. А он все думал — актриса и актриса, привыкшая к богемной и номенклатурной жизни. А по-ди ж ты! Он, мужик, инженер, член правительства, не сообразил, а она — пожалуйста!

Куда, казалось бы, проще? В самом деле — по двум десяткам ведущих от Москвы и в Москву дорог наверняка проехало сегодня после рассвета никак не меньше сотни похожих как две капли воды черных «эмок». В самых разных направлениях. И каждую могли видеть и запомнить тысячи людей во всех населенных пунктах по пути ее следования.

Естественно, не обратив никакого внимания на номера.

Кроме того, в счет пойдут и местные машины, перемещающиеся в пределах районов, тоже в разнообразных направлениях, причем одну и ту же машину наверняка посчитают не один раз и даже не десять... Начни сейчас же сотрудники обл-, гор-, райотделов НКВД и милиции плюс партийные комитеты, которые тоже в стороне не останутся, сводить воедино и докладывать «наверх» полученные о замеченных машинах сведения, так любой вышестоящий орган просто захлебнется от обилия правдоподобной информации. И что он с ней будет делать?

В центр поступят тысячи одинаково достоверных и

в то же время ложных по сути сигналов, и посади на обработку сведений хоть сотню сотрудников, и за две недели не разобраться им в этом деле...

Он не знал точных цифр, но по порядку величины мог представить ситуацию. Если бы ему как инженеру предложили составить сетевой график перемещения нескольких сотен автомобилей в полусотне районов восьми непосредственно прилегающих к Москве областей, а потом исключить все заведомо не подходящие под условия задачи...

Как ловят львов в Африке? Делят пустыню на квадраты, исключают те, где львов заведомо нет, и в оставшихся находят искомое. Очень просто.

— Ох ты и молодец у меня, — с давно забытым искренним чувством сказал он жене.

— Слава Богу! Хотя в таком положении сообразил. Раньше не мог...

— К стыду своему — да, — склонил голову Шестаков.

На душе стало совсем легко. Даже странно — неужели так подействовало на него чувство свободы — впервые за восемнадцать лет, — свободы от всего? От необходимости поступать так, как диктует служебный и партийный «долг», от страха перед вышестоящим начальством, невыполненными квартальными и годовыми планами, внезапным, пусть и давно ожидаемым, арестом. Теперь все — в прошлом. Нечего бояться, кроме смерти в бою, а как раз этого он и на войне не боялся...

Ну разве что заблудиться во все усиливающейся пурге Шестаков опасался, лопнувшей шины, поломки мотора...

Да вот и погода. Метель метелью, но ветер вдруг на мгновение разгонял над головой плотную снеговую завесу, и даже тучи словно бы редели, становился виден мутноватый круг солнца, и Шестакову становилось опять жутковато — ну как раздернется совсем облачно-

снежная пелена, засияет нестерпимой синевой зимнее небо, и предстанет черная «эмка» мухой в сметане любому наблюдателю с острова Кличен, Городомли, десятка прибрежных деревень.

Тогда уже не примешь ее за одну из сотен машин на оживленной магистрали. Первая за многие месяцы, а то и годы легковушка на льду озера запомнится каждому.

Только, к счастью, вьюжный полог тут же задерживался, густея, и совсем о другом приходилось думать — позволит ли стихия добраться живыми до места?

Однако и с этим все обошлось. Не прошло и часа, как завиднелся слева темнеющий сквозь густую кисею снегопада лес на берегу острова Хачин, а потом наконец на холме, обращенном к озеру крутым откосом, возник обнесенный оградой из толстых кривоватых слег бревенчатый дом.

Вокруг — несколько овинов, или амбаров, нарком не знал точно, как тут эти хозяйственные постройки называются, а над ними возвышалось подобие сторожевой башни, или караульной вышки на высоких бревенчатых опорах, между которыми виднелись почти отвесные лесенки — трапы в четыре марша.

Шестаков неоднократно видел эту картину, и зимой, и летом, но сейчас вдруг она напомнила ему совсем другое место, с которым связано было в прошлом что-то очень и очень хорошее. Но что, где, когда — он вспомнить не мог. Словно бы в полузабытом сне привиделось. Или — так тоже бывает — попадаешь вдруг в помещение, которое кажется мучительно знакомым, и лишь потом случайно узнаешь, что жил здесь с родителями в младенческом возрасте, о котором помнить ничего не мог, а вот надо же — отпечаталось в каких-то мозговых клетках...

Утомленные долгой монотонной дорогой, мальчишки сразу оживились.

— О, что это такое, папа, куда мы приехали? Вышка зачем?

— Дозорная вышка. Смотреть, что на озере делается, не загорелся ли где лес и вообще...

— А мы туда полезем?

— Метель закончится — полезете...

Последнюю сотню метров преодолеть оказалось едва ли не труднее, чем сорокакилометровый путь через озеро. Мотор надрывно завывал, колеса проваливались в успевший заполнить санные колеи снег, а подъем к воротам оказался вообще почти непреодолимым.

Салон заполнил запах подпаленного сцепления.

Шестакову казалось, что рев мотора слышен и на другом берегу озера, однако в доме он ажиотации не вызвал, на крыльце никто не появлялся.

И внимание хозяина привлек не едва слышный из-за бревенчатых стен, забиваемый воем пурги механический звук, а громкий, возбужденный лай выскочивших из-за амбаров собак.

Последним усилием своих лошадиных сил «эмка» дотянула до ограды, а тут и распахнулась наконец дверь избы.

Нет, не избы, а обширного бревенчатого дома, больше похожего на сельскую школу или обиталище небогатого помещика.

— Добрались, слава Богу, — вслух сказал нарком, поворачивая ключ зажигания.

— Григорий Петрович? Вот уж неожиданность. — Хозяин шел навстречу, протягивая руку, высокий, худой, в пестро-сером свитере домашней вязки, в каких-то ужасных войлочных чунях на босу ногу, без шапки, зато в круглых жестяных очках — читал, наверное.

Увидев его, Шестаков подумал, что все — спасены! Надолго, нет ли, но пока — спасены.

Ветер выл и свистел в кронах сосен, в стояках и подкосах сторожевой вышки, сухой и жесткий снег хлестал по щекам и слепил глаза. Единственное, чего хотелось наркому, чтобы буран крепчал и крепчал, длился неделю или две без перерыва, сделал непроходимыми дороги до самой Москвы, а он бы сидел у горячей печи, покуривал, отводил душу в беседе со старым другом и точно был уверен, что и сегодня, и завтра, и через три дня будет спать совершенно спокойно.

— Да вы никак со всем семейством? Неужто отпуск наконец? Рад, душевно рад. А я, знаете, как чуял, с самого утра какое-то беспокойство испытывал, будто и вправду гостей ждал... Кошка тоже — уж так умывалась. Примета есть — гостей намывает. Да вы проходите, проходите в дом, что ж на ветру стоять, замерзнете совсем. И ребятишки, вижу, притомились. Небось от самой столицы без привалов? И как вы только рискнули в такую-то погоду? И без шофера, без охраны? К вечеру точно бы не проехали. Хорошо, если в Осташкове застряли бы, а упаси Бог — в чащобе...

Он строго прикрикнул на двух кудлатых, страшовидных кавказских овчарок, захлебывавшихся злобным лаем.

— В позапрошлом году удостоился от-профсоюза путевки в Теберду, оттуда и привез щеночков. В наших краях звери невиданные. Волки, и те приближаться к кордону опасаются, а о людях и не говорю...

Власьев говорил без остановки, как уставший от долгого одиночества человек, и в то же время галантно помогал Зое снять шубку в просторных темноватых сенях.

— А вы, Григорий Петрович, ребят раздевайте, и сами тоже. В горнице-то у меня тепло...

— Сейчас, сейчас. Ты, Зоя, иди с парнями, а мы сейчас...

Когда они остались вдвоем, бывший старший лейтенант сразу посерьезнел.

— Нужно понимать, случилось что, Григорий Петрович? — Несмотря на более чем двадцатилетнюю дружбу, они обращались друг к другу исключительно на «вы» и по имени-отчеству, как принято было в старое время между людьми хотя и одного почти общественно-го положения, но с восьмилетней разницей в возрасте.

— Можно сказать, что и случилось. Только сначала бы машину загнать в сарай какой-нибудь или на сеновал. Не стоит в такую погоду на улице бросать. Воду из радиатора слить опять же. А потом и поговорим. Тем более я к разговору кое-чего прихватил, и закусочки столичной...

Хозяин предвкушающе потер руки.

— «Столичная» — это хорошо. Я хоть совсем бирюком заделался, а к хорошему застолью вкуса отнюдь не потерял...

Пришлось изрядно поработать лопатами, пока наконец «эмку» не водворили в до половины забитый сеном сарай.

Перенесли в дом багаж наркома.

Власьев повертел в руках «ППД».

— Недурная штучка. Видел в журнале, а вблизи — не приходилось. Это теперь что, высшим чинам для самообороны выдают или на медведя сходить думаете? Нет, на медведя не подойдет, слабовато будет...

— Для самообороны, — криво усмехнулся Шестаков.

Власьев понимающе кивнул и больше ничего не спрашивал.

После простого, но обильного и сытного обеда — грибной суп, жаренная большими кусками свинина (дикая, естественно) с гречневой кашей, многочисленные

соленья, — дополненного московской колбасой, икрой и крабами, Зою и детей окончательно разморило.

Власьев отвел им для отдыха угловую комнату в два окна с широкой деревянной кроватью, задернул плотные домотканые занавески.

— Поспите, Зоя Степановна. Спешить теперь некуда, а под такую пургу куда как хорошо спится...

Вышел, аккуратно притворил за собой дверь.

— Ну что, Григорий Петрович? Пойдем дровишек принесем, баньку растопим, к вечеру как раз и нагреется. Да и поговорим...

У буйно разгоревшейся печки-каменки (тяга в трубе была так хороша, что то и дело срывала пламя с березовых дров и уносила его вверх, в буйство стихий, яркими оранжевыми лоскутами) в тесноватом, два на два метра предбаннике Шестаков поставил на лавку недопитую за обедом бутылку водки, Власьев добавил старинный зеленый штоф собственного изготовления самогона, очищенную луковицу и большой ломоть ржаного хлеба.

— Ну вот, теперь и побеседуем, Николай Александрович. Кстати — подарочек вам. — Нарком протянул егерю свой никелированный «ТТ». Сделанный по спецзаказу, номера пистолет не имел. Впрочем, роли это не играло никакой, если потребуется, органам нетрудно будет выяснить, когда и для кого он делался.

— Благодарю, вещица красивая. Застрелиться приятно будет...

— Отчего же именно застрелиться? — Слова егеря Шестакова неприятно удивили.

— А для чего он мне еще? Для служебных надобностей казенный «наган» есть, «драгунка»¹, для охоты — ружей пять штук. А вот если власть до меня добе-

¹ «Д р а г у н к а» — укороченная трехлинейная винтовка, специально предназначенная для драгунских частей, без штыка.

рется, арестовывать придет — тогда непременно из вашего пистолетика и застрелюсь. Последнее, так сказать, «прости» от старого товарища...

— Вы скажете, Николай Александрович... А впрочем... — Не спеша, в коротких, но точных фразах Шестаков изложил Власьеву события последних полусуток.

Словно бы речь шла о рискованной, но в целом удачной охоте на крупного зверя.

Егерь слушал внимательно, но спокойно, дымил слишком хорошей и непомерно дорогой для этих мест папиросой, которые если бы и завозили в осташковское райпо, купить без риска привлечь к себе пристальное и недоброе внимание не мог бы никто, за исключением секретаря райкома, пару раз наполнил граненые стаканчики.

— Удивлены, Николай Александрович? — спросил Шестаков, закончив рассказ.

— Удивлен. Но не тому, что вы имеете в виду. Скорее — себе. Как я в вас ошибался. Последние десять лет, признаюсь честно, считал вас конченным человеком. Предавшимся большевикам. Поддерживал отношения по старой памяти. Ну и из благодарности, конечно. Порвать совсем — сил не было, да и смысла не видел. Все ж таки хоть изредка поговорить с человеком из собственной молодости... А уважать — так почти и не уважал уже...

— Спасибо за откровенность, Николай Александрович.

Обиды нарком не ощутил. Словно бы сказанное к нему совершенно не относилось. А возможно, так оно и было. Себя прошлого, еще позавчерашнего, он воспринимал сейчас очень отстраненно.

— Чего уж. А вы вот каким оказались. Дошли, значит, до точки, а за ней...

— Переход количества в качество. По Марксу — Энгельсу.

ного портного, в столицу или в Питер выбраться, в ресторане посидеть (теперь снова довольно приличные появились), ложу в опере взять. Дамам руки в кольцах целовать... Вы ж совсем еще человек не старый, по-прежнему времени даже и молодой, пожалуй. Году в восемнадцатом непременно кавторанга бы получили, в двадцать примерно третьем — каперанга. А то и ранее. Сейчас никак не меньше, чем вице-адмиралом, были бы. Командующим флотом или Генмором¹ заправляли. Да и я с вашей помощью черных орлов², наверное, уже получил бы...

— С чего вдруг именно сейчас — и такие мысли? Вам ли жаловаться? По тому же счету вы уже действительный статский, если не тайный... Правда, вот в бегах оказались, так это дело случая. Могло и иначе обернуться.

— Сомневаюсь, — с неожиданной твердостью в голосе сказал Шестаков. — Теперь уже очень сомневаюсь. Очевидно, такая наша судьба, от которой не убежишь, как известно. В восемнадцатом я еще искренне верил, что от большевиков может польза России произойти. Обновление как бы. После Кронштадта впал в сомнение, в чем вы лично могли убедиться...

— Да уж. Тогда вы себя с блеском проявили, — усмехнулся Власьев.

Воспоминание было приятно наркому, хотя в предыдущие годы он часто мучился мыслью — прав ли был тогда, позволено ли во имя так называемой «дружбы» изменять тоже так называемому «революционному долгу»?

Власьев понял его мысль.

¹ Генмор — Генеральный морской штаб Российского флота.

² Черный орел — знак различия на погоне контр-адмирала Российского флота, аналог нынешних звезд.

— Известно, что первое побуждение, как правило, бывает благородным. И тогда, и сейчас вы ему поддались. Эрго¹...

— Хотите сказать, что я по-прежнему остаюсь благородным человеком? Невзирая на... убийство?

— На войне мы с вами стреляли торпедами и ставили мины против совершенно ни в чем не виноватых людей. Репарка «На западном фронте» читали?

— Как же... Суровое осуждение империалистической бойни...

— Вот-вот. Наши с вами исконные враги тевтоны — такие же нормальные люди, с чувствами, с совестью и благородством. Тогда бы нам такое почитать... Зато те, что пришли за вами вчера, — это как раз не люди. Убежденные палачи. Отбросы человечества и сволочь Петра Амьенского. Истинные враги народа. Их не оправдывает даже тезис «Прости их, ибо не ведают, что творят...». Еще как ведают...

— А вдруг и вправду уверены, что я и мне подобные — враги трудового народа? Либо вредили, либо злоумышляли, либо шли поперек линии партии...

— Тогда бы они хоть доказательства собирали, а не выколачивали их. Знакомились с материалами последних процессов? Где там хоть намек на доказательства? При царе и то без четких улик и сравнительно беспристрастного суда не сажали, тем более — не расстреливали и не вешали. Значит, вы все сделали правильно. Теперь главное — не останавливаться.

— Это как понимать? — вскинул голову Шестаков.

— Да в самом буквальном смысле. Как вы себе отныне свое будущее представляете? У меня отсидеться думаете? Я вам в гостеприимстве не отказываю, но рано или поздно... Здесь ближайшая деревня в трех верстах. В конце концов вас заметят, на первый раз я

¹ Эрго — следовательно (лат.).

сумею выдать вас за приезжего гостя, скажем, даже брата, но через неделю или месяц слух дойдет до участкового, он явится проверить документы. Ну а дальнейшее понятно...

— Я могу уехать...

— При нынешней паспортной системе? Куда? Не смешите. Если только правда где-то в Сибири скит построить и жить там, как беглому раскольнику петровских времен. С женой и детьми? Сначала затоскуете, потом и одичаете. Робинзон из вас вряд ли получится...

— Тогда что же остается? С повинной идти или застрелиться? — произнес это Шестаков с отчетливо слышимой иронией.

— Зачем же так? Даже в шутку таких слов не произносите. А то застрянет невзначай мыслишка и начнет точить. Я всяких людей знал, всякого насмотрелся. Из-за таких пустяков иногда себе пулю в голову пускали, что даже оторопь берет...

В предбаннике становилось все жарче, оба собеседника незаметно за разговором разделись до исподнего.

Небольшая керосиновая лампа, почти коптилка, еле освещала тесное, с низким потолком помещение, из-под двери слегка сквозило, и мохнатые тени прыгали по стенам, изломанные и страшные.

За крошечным, в две ладони шириной, окошком выла и свистела теперь уже окончательно разгулявшаяся до полярных масштабов вьюга, скорее даже — полноценный буран, при котором застигнутый в пути ямщик не имел шансов на спасение, каким бы опытным он ни был.

— К утру, наверное, откапываться придется, — заметил Власьев. — У меня на этот случай специальный ход через крышу есть и лопаты на чердаке.

Шестаков второй раз за сутки вспомнил героя ледовой зимовки капитана Бадигина. Вчера только ему завидовал, а сейчас и сам в том же положении. Только по-

лярник спокоен за свою участь до лета как минимум, а он — до... Да кто может знать, кто из них сейчас в лучшем положении? Сожмет пароход «Седов» льдами чуть покрепче — и конец капитану, не видать ему своей геройской звездочки.

— Так банька-то согрелась, пойдем, однако, — сказал Власьев.

— Мне и не хочется вроде, — с сомнением ответил нарком. — Разморило меня что-то. Да и выпили порядочно.

— Ништо, — перешел вдруг на местный диалект егерь. — Не повредит. Мы слишком-то усердствовать и не будем. Так, косточки распарим слегка да ополоснемся. Спать будет лучше.

Жар в парилке был сухой, пронзительный, в нем даже лампа продолжала гореть как ни в чем не бывало.

На верхнем полке Шестаков почувствовал себя словно бы и легче, только в ушах гудела кровь и в виски чуть тюкало, а так ничего.

— Вы, Григорий Петрович, знаете, я ведь до вашего появления ощущал себя совершенно умиротворенным, едва ли не счастливым человеком, вот только вы меня снова слегка смутили...

— Счастливым? В такое время?

— Именно, милейший, именно. А чего же? Тюрьмы полны коммунистами, изничтожают они друг друга так, что никакому Врангелю с Деникиным не снилось, все, почитай, герои гражданской войны сведены под корень, самые глупые пока уцелели, и то, полагаю, до времени, «ленинская гвардия» тоже целиком «в штабе Духонина¹»... Я тут газетки выписываю, детекторный приемник

¹ Духонин Н. Н. — последний главковерх Российской армии. Зверски убит дезертирами в конце 1917 года. «Отправить в штаб Духонина» — популярный в годы гражданской войны синоним термина «казнить без суда».

собрал, полностью в курсе, хоть в город не чаще, чем три раза в год, выбираюсь. Отчего же мне не радоваться? Я-то вот живу, пребывая в полной гармонии с собственной душой и природой. Про троцкистов в «Правде» почитаю, потом по лесу пойду, на живность всякую люблююсь, птичек послушаю...

Дневник наблюдений за природой еще веду, чучела набиваю, про повадки муравьев очерк составляю, словно бы новый Фабр... И так иной раз сладко на душе делается...

Крыленко с Дыбенкой, помните, очень против офицеров зверствовали, а теперь обоих — тоже к стенке. И еще многих, Викторова, Кожанова, Муклевича, Зофа, Зеленого! Это я только бывших моряков-предателей, советских комфлотов сейчас вспомнил. У меня, знаете, такой как бы синодик заведен, так, поверите, не успеваю кресты ставить.

Из кронштадтских карателей никто не уцелел, поверите ли?! Кто в катастрофе погиб, как Фабрициус, кто-то своей смертью умер, но в молодом, заметьте, возрасте, а большинство все же к стенке своей, советской, отправились. Чудо ведь, никак иначе!

Да со всенародным гневом и проклятиями в печати! А я, как новый крестик нарисую, по этому случаю глухаря в русской печке зажарю, да под глухаря и чарочку — чтоб ни дна ни покрышки очередной поганой душе...

Шестаков подивился столь, в общем-то, неожиданному, но в принципе, как он, немного подумав, решил, — естественному взгляду на вещи.

Это он никак не может отрешиться от ставших почти второй натурой советских стереотипов, а его бывший командир своих убеждений никогда не менял. Так французский аристократ в каком-нибудь 1793 году не мог не радоваться казни Робеспьера и его присных, а на двадцать лет позже — падению Наполеона.

— А чем же мое появление так уж ваш покой смутило? Ну, перекантуюсь я недельку-другую, да и отбуду куда подальше, а вы живите себе. Глядишь, еще и реставрации монархии дождетесь...

— Пожалуй, что и такое может случиться. Зачем бы иначе Сталин кровушку своим подельникам рекой пускает? Чтоб ни одного не осталось, кто возразить сможет, когда час придет. Историю французской революции почитывали? Очень большевики любили ее к своей примерять. А чем та кончилась? Вот то-то! С течением времени погоны вернет, как офицерские звания вернул, и адмиральские-генеральские чины тоже. А потом и императором себя объявит подобно Бонапарту...

Но это когда еще будет? Через два года или через пять... А нам-то сейчас жить предстоит. И я вас на произвол судьбы оставить не могу. Раз такая планида выпала. Что-то нам серьезное, а главное — неожиданное делать придется...

— Интересно — что же именно? — выпив еще стопку и чувствуя, что наконец и его начинает забирать, спросил Шестаков.

— Ответить окончательно и в деталях — не готов. Так и время на размышление у нас пока есть. Отоспитесь как следует, окончательно в себя придете, тогда и обсудим. Ежели же в двух словах, то можно так сказать — пора бы и нам Советской власти войну объявить.

Они нам — в семнадцатом. Мы ей — хотя бы сейчас. Думается — пришло время. Если уж даже и вы решились... Партизанскую войну начнем, а в нужный момент... — Власьев вдруг отстраняюще взмахнул рукой, потянулся к деревянному ковшику, зачерпнул ледяной воды из ведра. — Да что это мы, право, все о делах да о политике? Забудьте пока все, Григорий Петрович, жизни радуйтесь. Словно вы из опасного похода вернулись,

как тогда, после боя на Кассарском плесе, а другой поход то ли будет, то ли нет.

По крайней мере — не сегодня и не завтра.

А сегодня мы с вами, как встарь, напьемся по-черному! Я в одиночку-то почти не пью, во избежание, а вдвоем со старым товарищем — сам Бог велел. Очень может славно получиться...

Он распахнул дверь парной и издали плеснул из ковша на раскаленную до малинового отсвета каменку. Ударивший со свистом пар окутал тесное помещение.

Власьев захлопнул дверь.

— Пусть пар осядет чуток...

Шестаков удивился, что в устах лейтенанта слово «товарищ» звучало отнюдь не по-советски, а так, как его произносили и век, и пять веков назад.

— Ну и напьемся, я разве против? Помните, как в Гельсингфорсе, в ресторане «Берс»?

Сам-то Шестаков по своему полуофицерскому-полуматросскому званию при старом режиме рестораны посещать права не имел, только после Февральской революции наступило уравнивание в правах, но как гуляли там офицеры — помнил хорошо.

Уже после полуночи он кое-как добрался до отведенной ему Власьевым комнаты. Опынение навалилось на него неожиданно, и проявилось оно довольно странно.

Последними мыслями, которые он успел зафиксировать, были такие: «А интересно все же, что сейчас творится на Лубянке?» и «Не понимаю, когда я успел так безобразно упиться? Ох!».

И тут же нарком провалился в гудящую, раскачивающуюся, тошнотворную пучину черного беспамятства.

ГЛАВА 7

А на Лубянке действительно с самого утра происходили интересные вещи.

Как и рассчитывал Шестаков, до начала рабочего дня, то есть до десяти утра, никто не заинтересовался, вернулась ли с задания группа и доставлен ли арестованный нарком куда следует.

Да и потом в третьем спецотделе (специализация — обыски и аресты), в отделении, где служил лейтенант Сляднев, спохватились не сразу. У всех свои дела, не один нарком Шестаков числился этой ночью в проскрипционных списках.

Размещался отдел в двух десятках кабинетов вдоль длиннейшего коридора, кто там упомнит, кого из коллег видел уже сегодня, а кого еще вчера, после развода, или ночью.

А если и нет товарища на месте, так мог, например, сдав арестованного, поехать домой законно отдыхать, такое постоянно практиковалось.

Лишь около полудня начальник отделения, тот, что велел лейтенанту доставить Шестакова не на Лубянку, а в Сухановскую тюрьму, начал, без особой сначала тревоги, накручивать диск телефона.

Выяснив, что ни лейтенант, ни его сержанты не объявлялись нигде, тюрьма арестованного не принимала, да и, наконец, не вернулась в гараж обслуживавшая группу дежурная машина, старший лейтенант ГБ Чмуров поднял тревогу.

Посланные на квартиру наркома оперативники взломали прочную дверь, сначала услышали глухой стук в дверь ванной, где и обнаружили мающегося тяжелым похмельем электрика и почти невменяемую от страха лифтершу. А потом нашлись и прикрытые ковром тела сотрудников.

Беглый осмотр тел и опрос понятых дал не слишком много. Ничего дельного сказать они не могли. Электрик непослушным языком буровил что-то несусветное, женщина твердила о напавших на товарища наркома троцкистах, приехавших ему на помощь настоящих чекистах, которые и увезли его в Кремль к товарищу Сталину.

Для проведения процессуально оформленного допроса свидетелей (на соучастников они явно не тянули даже по тогдашним меркам) обстановка в квартире была неподходящая, и их отправили сначала к себе в отдел, чтобы привести в чувство и получить более вразумительную информацию.

Тела погибших повезли в судмедэкспертизу, но свободного прозектора сейчас не оказалось, и пришлось в ожидании своей очереди запереть тела в отдельной секции морга с приставлением часового.

Лишь в четвертом часу судмедэксперт объявил, что причина смерти лейтенанта — раздробление шейных позвонков и полный обрыв спинного мозга, одного сержанта и конвойного бойца — кровоизлияние в мозг, возможно, от удара тупым тяжелым предметом, второй сержант умер от внезапной остановки сердца.

Несколько позже найденный труп водителя ясности не прибавил. Он, судя по всему, скончался вообще беспричинно. Вот жил-жил, а потом спустился зачем-то в подвал, где вдруг взял и умер. Бывает, но не в такой ситуации.

Время же шло и шло, причем, как часто бывает в подобных случаях, с чрезмерной скоростью.

Было уже почти шесть часов вечера, стемнело, и начальнику отделения стало ясно — хочешь не хочешь, а пора докладывать по начальству. А что докладывать? Предназначенный к аресту очередной «враг народа» (да не рядовой враг, член правительства, ЦК и Верховного Совета) уничтожил хорошо подготовленную, имевшую

немалый опыт работы оперативную группу без единого выстрела и бесследно исчез вместе с семьей?

Мало того — в квартире не осталось практически ни одного предмета или документа, могущего представлять интерес для следствия.

А еще беглец захватил служебную машину, оружие и документы сотрудников.

Такого в Главном управлении госбезопасности Наркомата внутренних дел СССР не случалось, похоже, с момента его создания. Сотрудники иногда погибали при исполнении, только во времена бытности не НКВД, а ВЧК — ОГПУ, когда враг был реален, вооружен и отнюдь не склонен поднимать руки или закладывать их за спину при виде какого-то там ордера на обыск. Да тогда ордера и не предъявляли. Разве что дряхлым старикам или беспомощным женщинам, предназначенным на роль заложников.

Остальных принимали всерьез, отчего вели себя при задержаниях и арестах с должной осторожностью.

И вот так все и докладывать?

Тем более что слухи вот-вот поползут и, несмотря на крайне узкий круг осведомленных о ЧП лиц, по обычному закону их распространения, то есть — быстрее звука.

С минуты на минуту может последовать звонок от начальника спецотдела, а то и выше...

С выступившими на голубовато-сером коверкоте гимнастерки темными пятнами горячего и липкого пота, кое-как подавляя нервную тошноту, промокая платком лоб (вот удивительно — под мышками пот горячий, а на лбу — ледяной), чекист судорожно искал выход, затравленно поглядывая то на дверь кабинета, то на телефон.

Использовать, что ли, бестолковый бред лифтерши? Что действительно появились какие-то вооруженные люди (или они заранее прятались в квартире?), уничто-

жили наших людей и похитили наркома? Действительно троцкисты-террористы?

Старший лейтенант ни разу в жизни не видел настоящих троцкистов, если не считать, конечно, тех времен, когда сам Троцкий был еще у власти, выступал на съездах, печатал свои статьи в газетах. Кое-какие даже изучались в школе, но это же совсем не то.

Нынешние троцкисты, в существование которых он не слишком верил, — это свирепые и беспринципные убийцы, отравившие Горького и Куйбышева, подсыпавшие толченное стекло в котлы с пищей в рабочих столовых, казармах и детских садах. Такие ему не попадались. Попадались другие — вчера еще совершенно обычные люди, нередко — заслуженные и известные, но сегодня оказавшиеся ненужными. Вот верховная власть решила, что требуется их при аресте и суде как-то по-особенному назвать.

Чтобы отличать от других, еще не арестованных. Пусть так, троцкисты — значит, троцкисты.

Любимая бабка Чмурова, например, никогда не поминала черта, тоже подбирала ему условные обозначения: «серенький», «рогатый» или «агтел».

Да черт с ними, с троцкистами. Придумать, поскорее придумать хоть сколько-нибудь связную версию, а там, может, и удастся перебросить это дело по принадлежности. А его... Ну, может, не арестуют все-таки, может, просто уволят по несоответствию или понизят до рядового опера...

Не в силах унять дрожь в руках, чекист выпил полный стакан воды.

Отчаяние овладевало им все сильнее. Слишком отчетливы были прошлогодние воспоминания. Как исчезали после снятия Ягоды и прихода Ежова люди целыми отделами и управлениями. Люди не ему чета: комиссары с четырьмя и тремя ромбами, старшие майоры — десятками, более мелкая сошка вообще без счета.

Сам же он их и арестовывал, с непонятым, но острым наслаждением сдирал петлицы, с мясом вырывал ордена, при малейшем намеке на протест без азарта, но с удовольствием бил в морду. Да кого — самого Агранова, самого Паукера, самих Артузова, Бокия, Благодного, Молчанова...

В не лишенной оснований надежде, что как раз за нерассуждающую старательность и помилюют.

А теперь и его так же? Не анекдотчика мелкого упустил, не польского шпиона, каковым считался хоть бы и родившийся в каком-нибудь глухом уезде под Белостоком дворник, наркома упустил, матерого, заслуженного. Не зря его в Сухановку вели, туда не каждого возят, большинство сюда, во внутреннюю...

По сложившемуся в советское время порядку, руководитель отвечает за все и полной мерой, пусть даже чрезвычайное происшествие вызвано падением Тунгусского метеорита. Но с метеорита ведь не спросишь, а виноватые и, соответственно, должным образом наказанные должны быть всегда.

Начальник отделения был человек опытный, знал, насколько бессмысленны надежды оправдаться и что-то объяснить, если уж решат повесить это дело на него. За пару часов превратят в дико воющую и стонущую отбивную котлету. И признаешься сам, а куда деваться?

Если только не удастся «перекинуть стрелку». А на кого?

На своего непосредственного начальника или — вместе с ним — на «соседей»? Кто оформлял бумаги на арест, кто не обеспечил оперативную разработку, кто прозевал, не предусмотрел или даже... подставил ничего не подозревавших сотрудников?

Поздно, ой поздно он спохватился!

Сразу бы, там же, в квартире, как только увидел трупы, написать рапорт на имя начальника отдела или

сразу ГУГБ и бегом, и лично доложить, и виноватых называть! Такие вещи не раз срабатывали...

А тут и телефон наконец зазвонил, громко, нагло и злобно. Чмуров вырвал из розетки провод, подскочил к двери, дважды повернул ключ.

Боком присел на стул, торопясь, разбрызгивая чернила, не слишком выбирая слова, нацарапал докладную прямо Ежову, вообще не упоминая о себе, а только обвиняя во вредительстве всех, от своего непосредственного начальника и вверх по должностной лестнице, кого сумел вспомнить, потом написал короткое прощальное письмо жене (хорошо хоть детей нет). Ступая на цыпочках, выглянул в коридор.

За ним пока не шли.

Спустился вниз, вышел на улицу и протолкнул конверты в щель почтового ящика на углу Кузнецкого моста. Это уж точно от полной потери ориентировки. Докладную Ежову можно было и в секретариат забросить, все равно мимо проходил.

Старший лейтенант постоял у перекрестка, ловя губами густо летящие вдоль улицы снежные хлопья и не обращая внимания на удивленно-испуганные взгляды прохожих.

Неторопливо вернулся в свой кабинет, с неожиданно наступившим спокойствием и даже некоторым злорадством выкурил папиросу у открытого окна и совсем не дрожащей рукой выстрелил из «нагана» себе в сердце, не в висок.

Чтобы не портить лицо для гроба. Рассчитывал все-таки на нормальные похороны, а не на яму для «невостребованных прахов» возле Донского крематория.

Однако, по недостатку образования, направить ствол куда нужно не сумел и был доставлен со слабыми признаками жизни в ведомственный госпиталь.

Так что, возможно, выход он нашел не самый худший. Если не умрет на операционном столе, то пару ме-

сяцев перекантуется на больничной койке, а к тому времени много чего может случиться. По крайней мере от допросов с пристрастием, да еще «по горячим следам», он на ближайшее время избавился.

А дальнейшие решения принимать пришлось уже начальнику 3-го спецотдела 1-го управления ГУГБ, старшему майору госбезопасности, то есть, по-армейски считая, комдиву, Шадрину. Опытный чекист и неплохой дипломат, он просчитал ситуацию куда быстрее своего незадачливого подчиненного.

Ежову, хотя распоряжение об аресте наркома и было подписано им лично, докладывать нельзя ни в коем случае.

Во-первых — не по уставу, а кроме того, Николай Иванович агрессивен и глуп. Сначала тебя же и сделает крайним, а потом то ли будет разбираться дальше, то ли нет — непредсказуемо. К своему прямому начальнику, комиссару 3-го ранга Дагину, обращаться вообще бессмысленно. Назначен на должность недавно, труслив, безынициативен, сдаст, не разбираясь, спасет это его самого или нет.

Курирующий замнаркома тоже не подходит. Но есть человек, один из «последних могижан ВЧК», который и поймет, и посоветует...

Но добиться приема у первого замнаркома не так просто даже и старшему майору. Только утром Шадрин смог попасть в кабинет комиссара госбезопасности 1-го ранга (а это уже почти маршал) Л. М. Заковского, человека авантюрного склада, но чрезвычайно умного, более того — по-своему порядочного.

Несколько позже Алексей Толстой изобразил его в «Хождении по мукам» под именем Левы Задова. Нарочито карикатурно, ну а как же еще можно было в то время писать начальника махновской контрразведки, не раскрывая его истинной сущности?

А Заковский тогда работал у Махно по заданию

ВЧК. Впрочем, возможно, все было наоборот, начальник контрразведки — сначала, а переход на службу в ВЧК — уже потом.

Но и ту, и все другие роли он исполнял вполне успешно. За ним числились многие и многие, очень непростые операции.

— И что же, по-твоему, Матвей Павлович, произошло на самом деле? — спросил, насупившись, Заковский, опираясь тяжелым подбородком на сжатые кулаки. — Только давай сначала обойдемся без казенной риторики. И — без эмоций. Отложим на потом. Сейчас — только факты. Иначе — сам понимаешь...

— Если бы я мог... Картинка на самом деле странная. Шестаков этот... Что за личность, ты же его знал, Леонид Михайлович?

— Знал, но не так чтобы очень. Встречались пару раз, разговаривали о... Впрочем, это неважно. Обыкновенный человек. Насколько помню, к оппозициям не примыкал. Связи... Ну какие у наркома могут быть связи? С Орджоникидзе вроде был близок... Да это все в наблюдательном деле есть. Не смотрел?

— Где бы я смотрел, это не по нашему ведомству. Поступила команда на обыск и арест, ну и... Почему, зачем — не наше дело...

— Угу, угу, конечно. Как в опере поется: «Сегодня ты, а завтра я...» И что же, никаких следов?

— В том и дело. Пятеро убитых, и непонятно как. У конвойного череп проломлен, у старшего группы хребет перебит, на остальных — вообще ничего...

— Без ножа, без выстрела? Один человек — пятерых? Чушь какая-то. Если бы они сонные были или пьяны до бесчувствия... Не понимаю — все вооруженные, боец с автоматом в коридоре. Тут как минимум столько же нападающих надо, из засады и одновременно.

— Тем не менее. Следов присутствия других людей в квартире, кроме жены и детей, не обнаружено.

— И уже прошли почти сутки. Плохо, ой как плохо. План какой-нибудь имеешь? Кстати, жена у него кто? За ней чего-нибудь интересного не отмечалось?

— Известная артистка театра Вахтангова. Красавица, масса поклонников, в том числе и из весьма заметных персон. Я ее в «Турандот» видел. Хороша! Но что бы она — и вооруженных мужиков мочить голыми руками? Никогда не поверю... А планы? Изолировать всех, кто в курсе. Уже сделано. Главный вопрос — что дальше? Что докладывать наверх? Убит при попытке к бегству? Так где труп? Где жена, дети? Доложить по команде? Сам знаешь, что будет. Не докладывать, попробовать сначала найти? А завтра спросят — где нарком Шестаков? — Шадрин навалился локтями на стол.

«Было бы сейчас другое время...» — синхронно подумали оба.

Заковскому легко было прямо сейчас снять трубку прямого телефона и без всяких доложить о случившемся наркому. При Ягоде или Менжинском он так бы и поступил. Но... Истеричный Ежов непредсказуем, а дело ведь очень и очень непростое. Тут прямо навскидку ясно, что пахнет чем-то серьезным. Может быть — подлинным заговором, не наскоро слепленной пропагандистской туфтой.

В случае удачи можно заработать солидный капитал. Богатые перспективы вырисовываются... Но действовать нужно стремительно.

И безошибочно.

Комиссар стукнул кулаком по столу.

— Нет, ну не сволочь ли?

— Кто? — не понял Шадрин.

— Хрен в пальто! Как он нас, а? Куда теперь ткнуть? Объявлять всесоюзный розыск? Он же на нашей служебной машине уехал? Когда — выяснил?

— Между тремя ночи и шестью утра примерно, так по показаниям понятых выходит.

Заковский обернулся к висевшей за спиной карте Союза под шелковой шторкой, испещренной одному ему понятными значками. Накрыл большой, как тарелка, ладонью с растопыренными пальцами Москву и прилегающие области.

— Видал? Вот куда он мог уехать. А если на поезд сел? С любого из вокзалов. Сколько километров скорый поезд за сутки проходит?

Шадрин пожал плечами.

— Ну что же, работа наша такая, — вдруг успокоился Заковский. — Ладно, беру все на себя. Не тебя спасаю, не думай. Просто... Большое дело здесь вырисовывается, нюхом чую. Значит, так. Твое дело пока — вмертвую молчать. Зачистить все концы. Всех, кто хоть что-то об этом знает, слышал, — не арестовать, а так... изолировать до выяснения.

Я распоряжусь, чтобы приняли в Лефортово без регистрации. Семьям, родственникам, если есть, — сообщить, что убыли в срочную командировку. Про убитых — тоже. Этот твой сотрудник — пусть лечится. Отдельная палата и никаких контактов. Если выживет — его счастье. Потом решим. Можно уволить под подпись за неосторожное обращение с оружием. Можно — в строй вернуть, можно всех собак повесить, если потребуется. Все можно. А умрет — похоронить как положено. Остальное — моя забота. Все понял?

И когда уже старший майор шел к дверям, испытывая облегчение, что хотя бы на сегодня все закончилось более-менее благополучно (а на столе в кабинете по-прежнему лежат бумаги, и в очередной раз нужно посылать бригады на обыски и аресты, и спать опять до утра не придется), комиссар окликнул его нарочито тихим голосом:

— И вот еще не забудь — немедленно займись поисками. Сегодня же, в крайнем случае — завтра, найди хоть не самого наркома, хоть концы какие. Любым спо-

собом. Второе — дождись, когда кто-то со стороны этим делом заинтересуется. От кого запрос придет — где, мол, Ляпкин-Тяпкин, а подать сюда Ляпкина-Тяпкина. Сразу мне сообщишь.

«Тут не то что не заснешь, — думал Шадрин, возвращаясь по раннему времени почти пустыми коридорами в свой кабинет, — тут перекурить некогда будет. Ну а дальше? Самому, что ли, застрелиться для простоты дела? Или?»

Шадрину вдруг пришла в голову мысль, простая до гениальности.

ГЛАВА 8

И в это же совершенно время, совсем недалеко от площади Дзержинского, буквально в десяти минутах неспешной ходьбы, на третьем этаже старинного дома непонятного архитектурного стиля, за метровыми стенами обширной, хорошо натопленной квартиры некий человек заинтересованно следил за только что завершившимся совещанием, более похожим на сговор.

Большой кабинет, из которого он наблюдал за тайной жизнью важных лубянских чинов, с высокими, четырехметровыми потолками и двумя узкими стрельчатыми окнами, выходящими на знаменитый московский переулок, напоминал одновременно обиталище рафинированного интеллигента и декорацию к фильму о сумасшедшем изобретателе. Левую его половину занимали темные застекленные книжные шкафы, огромный письменный стол утвердился в простенке, рядом с ним располагались пара громоздких кресел и пухлый диван, обитые шоколадной стеганой кожей.

А справа от двери, где на простом деревянном стуле сидел хозяин квартиры, сравнительно молодой человек в армейской гимнастерке со знаками различия военинженера 1-го ранга (три рубиновых прямоугольника на

черных петлицах связиста), к стене был прилажен длинный верстак. Его загромождали голые алюминиевые шасси с рядами радиоламп, непонятная нормальному человеку путаница проводов соединяла между собой всевозможные конденсаторы, сопротивления, реостаты, коробки осциллографов и генераторов стандартных сигналов.

Рядом с верстаком возвышался серый железный шкаф линейно-батарежного коммутатора и еще один коммутатор — телефонный, едва ли не прошлого века, с мраморным распределительным щитом и торчащими в гнездах многочисленными штекерами с толстыми черными шнурами на противовесах.

Попахивало канифолью и прочими естественными для радиомастерской запахами.

Единственно выделялся среди всех этих устройств, явно изготовленных в разные технические эпохи последнего полувека, лишь один прибор, закрепленный в специальном многолапом зажиме над столом и связанный со всеми прочими устройствами десятком гибких серебристых шин, словно бы обтянутых парчой. Как-то совершенно чужеродно он выглядел, словно спортивный «Порше» среди самобеглых колясок. Иная техническая культура в нем ощущалась и несколько даже нечеловеческий дизайн, пусть и невозможно было объяснить простыми словами, в чем тут дело.

Чуть подавшись вперед, военинженер с явным интересом всматривался в маленький, как тетрадный лист, экран американского телевизора.

Хотя с Шуховской башни уже почти год продолжались пробные, по два часа в день, передачи, собственных телеприемников, за исключением экспериментальных, штучной сборки, в СССР пока не производилось.

Да и сами передачи представляли интерес только для специалистов или фанатиков технического прогресса, переключившихся со сборки детекторных и лампо-

вых приемников и передатчиков на очередное чудо XX века.

Но к ним вряд ли относился военинженер. И любовался он сейчас отнюдь не бессмертным и пресловутым «Лебединым озером», хотя именно отрывки из него передавала последнюю неделю опытная студия с Шаболовки. С четкостью и контрастом, недостижимым пока и в Соединенных Штатах, где благодаря эмигранту Зворыкину регулярные передачи шли уже лет пять, он наблюдал прямую трансляцию из кабинета Заковского.

Тонкое, умное, несколько даже аристократическое лицо военинженера не выражало никаких эмоций, только время от времени приподнималась удивленно бровь, и еще — он довольно часто закуривал «Северную Пальмиру» из лежавшей рядом коробки и несколько более резко, чем обычно, стряхивал пепел в круглую хрустальную пепельницу.

Выглядело все это, если бы кто-то мог видеть сейчас инженера, как испытание нового специального изобретения, призванного заменить банальное уже подслушивание кабинетов и телефонов высокопоставленных сановников.

А отчего бы и нет? Не зря же он принадлежал к той службе, о которой сказано: «Связь — нервы войны». Если это справедливо в отношении войны явной, так тем более — тайной. А нервы, как известно, передают мозгу от всех прочих органов информацию, являющуюся матерью интуиции.

Но здесь все было хотя и так, но не совсем так.

Официально военинженер Лихарев значился начальником аналитического сектора спецотдела при Секретариате Политбюро ВКП(б), фактически же — личным референтом Сталина для весьма особых поручений и, по собственному усмотрению, мог носить как штатский костюм, так и военную форму с любыми знаками различия. В разумных пределах. Кроме, скажем, мар-

шальских, поскольку живых маршалов в СССР к описываемому моменту имелось всего три, хорошо известных всей стране в лицо, и появление четвертого вызвало бы законное удивление в заинтересованных кругах.

Вообще история появления этого человека в «коридорах кремлевской власти» была достаточно темная и большинству приближенных к вождю людей неизвестная, самым же доверенным, вроде Поскребышева и Власика, — непонятная.

Валентин Лихарев впервые был замечен возле Сталина где-то на рубеже 25-го и 26-го годов, сначала вроде бы в качестве шофера и личного охранника. По слухам, рекомендован он был на этот пост лично Менжинским, которому Сталин, после весьма своевременной, пусть и немного загадочной смерти Дзержинского, неосторожно упомянувшего на съезде партии о грядущем диктаторе «в красных коммунистических перьях», доверял почти безгранично. А когда Вячеслав Рудольфович, в свою очередь, тоже наконец умер (от грудной жабы, кажется) — стал доверять еще более.

Обычно покойным соратникам, не успевшим себя при жизни чем-то дискредитировать, вождь верил гораздо больше, чем пока живым.

Пусть и имело это правило некоторые исключения.

Считалось, что, не успев став врагом при жизни, товарищ и в дальнейшем таковым не станет, от живого же можно ждать всякого.

Следовательно, приняв рекомендованного Менжинским человека, убедившись, что влиянию преемников Председателя ОГПУ он не подвержен, Сталин мог быть почти стопроцентно уверен, что Валентин останется его верным... Не слугой, конечно, нужных именно для этой роли качеств он не имел, а ближайшим помощником в вещах сугубо деликатных.

Тем более что Лихарев отличался целым рядом совершенно невероятных, подчас взаимоисключающих

качеств: гигантской эрудицией почти во всех областях, острым и быстрым умом, умением абсолютно точно угадывать настроения и желания вождя, мог спорить, когда Сталину этого хотелось, соглашаться и поддерживать любое сказанное Хозяином слово во все прочее время, сохраняя и в том и в другом случае великолепное чувство собственного достоинства, без тени лакейства.

А также, иногда исполняя, а иногда и предвосхищая грядущий социальный заказ, мог отыскать убедительный компромат на кого угодно.

С большой долей уверенности можно сказать, что их отношения напоминали отношения умного средневекового монарха с не менее, а то и более умным шутом.

А главное — Лихарев один мог заменить половину Секретариата ЦК и приличную часть центрального аппарата НКВД. Как у него это получалось, Сталин давно уже не интересовался, то есть не вникал в технологию, не раз и не два убедившись, что информация Валентина достоверна абсолютно и напрочь лишена конъюнктуры. И еще одно — любое задание Валентин мог исполнить буквально за несколько часов: доклад ли составить, полсотни источников проанализировать или полузабытую цитату из неизвестной книги найти. И работать без сна мог сутками, превосходя в этом даже самого Сталина.

Только на час-другой выйдет из кабинета, якобы в библиотеку или архив — и пожалуйста.

Как в русской сказке — пойдя туда, не знаю куда...

Этого Сталин понять до конца не мог, но ценил. Разобраться, если потребуется, можно и позже, а пользоваться нужно сейчас.

Еще в самом начале их «сотрудничества» Лихарев как-то сказал вождю:

— Товарищ Сталин, я хоть и коммунист, но кое в чем с Христом согласен. Беру с него пример.

— В чем же?

— Он говорил: «Пусть слова ваши будут: да — да,

нет — нет, остальное же от лукавого». Вот и я хочу, чтобы вы это знали.

— Что именно? Библию и Евангелие я изучал задолго до вашего рождения. Надеюсь — не хуже.

— Что я руководствуюсь на службе этим же принципом. У вас много людей, которые тщательно продумывают, что, как и когда сказать. Я же буду говорить абсолютную правду. Как американский врач американскому пациенту...

— А как он это делает? — заинтересовался Сталин.

— Довольно-таки просто. «На что жалуетесь? Раздавайтесь. Так, все понятно, одевайтесь. У вас неоперабельный рак в последней стадии, умрете через три месяца, если будете принимать вот это, проживете на полгода дольше...»

Сталин с минуту молчал, размышляя, как следует отреагировать. Можно было — по-разному. Наконец он сделал выбор. Засмеялся благодушно-одобрительно.

— Наверное, вы правы, товарищ Лихарев. Кто-нибудь должен играть роль такого врача. Кому-то может показаться жестоким такой подход, но для настоящего большевика он правильный. Владимир Ильич, когда тяжело заболел, тоже обратился не к Троцкому, не к Бухарину, не к жене даже, а ко мне. «Коба, — сказал он, — если мне станет совсем плохо, дай мне яду».

Причем доверил мне самому определить, когда настанет нужный момент.

Сталин по-доброму, лукаво улыбнулся в усы. Очевидно, воспоминание о таком доверии старшего товарища было ему приятно.

— Но, в свою очередь, и вы не должны обижаться, товарищ Лихарев, — пыхнув трубкой, добавил он, — если когда-нибудь и вам скажут нечто подобное. Или нет?

— Почему же нет, товарищ Сталин? Лишь бы для пользы дела.

С тех пор вождь проникся к порученцу особым, чисто сталинским уважением. Ему нравилось еще и то, что Валентин не прикидывался бесстрашным героем, способным, рванув на груди рубашку, кинуться на пулеметы. Нет, он выглядел, а наверное, и был на самом деле аналогом стойка античных времен вроде Сократа, позволявшего себе говорить и делать, что считал нужным, но и выпить, когда обстановка потребовала, чашу цикуты без видимых отрицательных эмоций.

Каким образом Лихарев сумел в свое время завоевать доверие Менжинского и кто протезировал ему в первые послереволюционные годы, установить оказалось невозможно за давностью времени и отсутствием документальных свидетельств, но Сталин этим и не интересовался. Важно, как человек ведет себя сейчас, а прошлое...

Что же теперь, наказывать Вышинского за то, что подписал в 17-м году ордер на арест Ленина, или прощать Егорова, вспомнив, как вместе пытались (но не сумели) взять Варшаву и рвануть на Берлин?

Лихарев перебросил два тумблера на панели полированного деревянного ящика, очень похожего на патефонный, только с двумя большими плоскими катушками вместо суконного диска, на который ставят пластинки. Где-то на Западе инженеры, придумавшие это новейшее устройство, записывающее звук на тонкую нихромовую проволоку, назвали его магнитофоном.

А сам он встал, потянулся со стоном, вышел из кабинета-лаборатории в обширную, освещенную мутноватым из-за метели, но все равно ярким дневным светом гостиную.

Конечно, вся эта квартира была явно ему не по чину. Не у каждого члена правительства или секретаря Союза писателей была такая, а военные ниже комбригов и комдивов вообще сплошь жили по коммуналкам. Здесь же за распахнутыми дверями угадывались еще и

другие комнаты, и полутемный коридор казался бесконечным, да, наконец, гулкое эхо шагов намекало на обширность и пустоту помещений.

Пять уютных комнат, просторная прихожая, большая кухня и при ней комнатка для прислуги.

Всего-то 120 метров жилой площади, если не меньше. Цивилизованному человеку в самый раз. Но здесь считается, что человеку лучше жить подобно муравью, непрерывно цепляясь плечами за себе подобных, круглые сутки слыша их голоса, наблюдая процессы жизнедеятельности, обоняя все мыслимые и немыслимые запахи. Коммунальная, от слова «коммунизм», жизнь.

Зато легко и просто надзирать каждому за каждым. И доносить «куда следует» быстрее, чем виновный успевает осознать опрометчивость своих слов или поступков.

Лихарев остановился у среднего окна гостиной. За двойными стеклами горизонтально летели струи снежинок, закручиваясь вихрями. Крыши домов напротив едва различались в белой мути.

Он долго любовался единственно неподвластным ему в этом мире — буйством стихии.

Красиво, черт возьми. Даже не поймешь, что лучше — шторм на море, огонь костра на лесной полянке или такая вот пурга посередине огромного города.

Казалось, снег будет идти и идти, не переставая, свиваться в тугие смерчи вдоль улиц и переулков, заваливать сугробами дворы, ложиться шапками на крыши, пригибая к земле деревья, пока не засыпет город до самых печных труб, а то и выше, словно где-нибудь в Гренландии...

ГЛАВА 9

Утром Шестаков проснулся не только без малейших признаков похмелья, но даже и без так называемой «адреналиновой тоски», когда после хорошего возлия-

ния испытываешь неопределенное, но мучительное чувство вины неизвестно за что, пытаешься вспомнить, не сказал ли лишнего, не оскорбил ли кого, угнетенность и острое нежелание вновь возвращаться в омерзительно реальный мир, который не сулит ничего хорошего.

Напротив, пробуждение было приятным.

Он лежал на застеленном свежим бельем диване, в комнате чудесно пахло смолистым деревом, потолок над головой и стены вокруг были из золотистых досок, без побелки и обоёв, гладко выструганы фуганком, напротив — самодельные книжные полки до потолка и самодельный же письменный стол, на нем — пузатая медная керосиновая лампа с зеленовато-молочным стеклянным абажуром поверх длинного, чуть закопченного стекла.

Где-то за пределами поля зрения мерно и громко тикали часы. И по-прежнему завывал ветер за покрытым густым морозным узором окном. Так, что моментами казалось, будто весь дом вздрагивает от порывов ветра и ударов снеговых зарядов. А в комнате тепло, уютно, не хватает только запаха пирогов, чтобы вообразить себя ребенком в первый день рождественских каникул.

Шестаков скосил глаза и увидел рядом отвернувшуюся к стене, тихо посапывающую во сне жену. Длинные распущенные волосы рассыпаны по подушке. Вроде бы нормальная утренняя картина. Но отчего все вдруг стало вновь непонятно и даже жутковато?

Словно соскочила заслонка в памяти.

Что-то странное ночью все-таки случилось.

Как шли они с Власьевым от баньки через метель, проваливаясь в сугробы чуть не по колено, поддерживая друг друга и еще пытаясь о чем-то говорить, хоть ветер и снег забивал слова обратно в глотку, Шестаков помнил. И как довел его Николай Александрович до двери комнаты — тоже. А дальше он вроде полностью

отключился? Когда пришла к нему Зоя? Или она уже лежала в постели? Она ему что-нибудь сказала?

Пустота в голове.

И вдруг...

Да нет, такого быть не могло, это ему лишь приснилось. Но отчего вдруг так отчетлив странный сон?

Он опустился на край разобранной постели. Разделся, лег. Был совершенно трезв, только никак не мог понять, где и почему вдруг оказался. Ведь он же в Лондоне? Откуда там такая обстановка? И за окном пурга. А только что ведь было лето? Ничего не понимаю.

Небольшая дверь посередине правой стены вдруг открылась. С горящей керосиновой лампой в руке вошла незнакомая женщина. От высокого желтого язычка пламени внутри пузатого стекла по стенам запрыгали ломкие черные тени.

В ярком, хотя и колеблющемся свете лампы видно было, что женщина, пусть и не слишком молодая, довольно интересна.

Светлые распушенные волосы чуть ли не до пояса, прямой нос, высокие, резко очерченные скулы, красиво вырезанные, хотя и чуть крупноватые губы. Длинная шея.

Такое впечатление, что он ее где-то уже видел. В кино?

Женщина поставила лампу на край стола, притворила за собой дверь, мельком глянула в его сторону, пожала плечами и не спеша начала стягивать через голову длинное платье. Потом, тоже не торопясь, все остальное.

Он лежал, почти не дыша. С мгновенно пересохшим ртом. Подобный случай уже был в его жизни, но очень давно. На институтской преддипломной практике в Пятигорске. Тогда он тоже стал случайным свидетелем, как, не подозревая о его присутствии, раздевалась молодая симпатичная докторша.

На ночном дежурстве в санатории он забрался в укромный уголок, чтобы покурить на подоконнике процедурного кабинета, откуда открывался чудесный вид на Горячую гору и ярко освещенный центр города, помечать, глотнуть хорошего винца.

Июль стоял удивительно жаркий, даже после полуночи духота не спадала, вот и решила дежурная докторша — как ее звали? Да, Лариса Владимировна, заведующая терапевтическим отделением, — слегка освежиться. А дверь зала радоновых ванн не закрыла, чтобы слышать телефон, если вдруг зазвонит в ординаторской.

О том, что еще кто-нибудь, кроме нее, может оказаться в столь поздний час в этой части санаторного корпуса, она, конечно, и вообразить не могла.

Примерно те же чувства, что пятнадцать лет назад, он испытывал сейчас, наблюдая, как незнакомая женщина стянула с себя последнее. И оказалась поразительно хороша. Без всяких скидок. Фигура, формы, движения.

Довольно долго она разглядывала себя в огромном, больше человеческого роста, зеркале. Держа лампу, как факел, в отставленной и поднятой руке, то всматривалась в свое лицо, то, отступив назад, изгибала по-разному талию, поворачивалась в профиль и даже спиной, выворачивая голову до крайнего предела, будто стараясь рассмотреть нечто крайне для нее важное.

Судя по лицу, ей можно было дать лет тридцать пять, но тело выглядело значительно моложе. Гладкая кожа, подтянутый живот, не слишком большая, но крепкая, ничуть не оплывшая грудь.

Он даже прикусил губу, чтобы не выдать себя шумным дыханием.

Но кто же она и что тут делает? Вернее, что тут делает он, а женщина, похоже, у себя дома.

Наконец, видимо, удовлетворенная осмотром, она

прошла по комнате, покачивая бедрами, остановившись в двух шагах от изголовья постели, надела длинную ночную рубашку, потом задула лампу.

Довольно бесцеремонно перешагнула через него, толкнув в бок, легла у стены, потянула на себя край одеяла.

Скорее инстинктивно, чем осознанно, он положил ладонь на грудь женщины.

— Ты что, не спишь? — удивленно, но спокойно спросила она. — Я думала, вы с Николаем Александровичем до чертиков набрались.

Не понимая, о чем идет речь, но осознав, что женщина его не прогоняет, он продолжил. Потянул вверх край рубашки, стал шарить жадными дрожащими руками по незнакомому, но восхитительному телу. Тем и восхитительному, что незнакомому.

— Что это вдруг с тобой? — В шепоте женщины прозвучали и насмешка, и кое-что еще. Она не отстранилась, напротив, тоже обняла его. И даже поудобней повернула голову, подставляя губы. — Ого! Действительно. Давно пора было уехать. Ты правда меня еще любишь?..

Не отвечая, потому что нечего было отвечать, он продолжал ласкать ее, одновременно мучительно пытаясь вспомнить хотя бы имя. Такого с ним еще не случилось. С другими — да, он слышал о подобном, но чтобы самому напиться так, что и не знать, как и в чьей оказался постели?..

Женщина, похоже, настолько соскучилась по этому делу, что не настаивала на ответе. Неровно, сбивчиво дыша, она шепнула ему в ухо:

— Ну ладно, ладно, действуй, что ли.

Шестаков помотал головой, садясь на постели. Такое впечатление, что они с Зоей занимались этим всю ночь напролет. Даже поясницу ломит. Ну да, все так и

было, вон губы у нее распухшие, а на груди и шее багровые следы поцелуев.

Но что же все-таки произошло? Не белая ли вдруг горячка? Это же надо — не узнал собственную жену! И в то же время такие яркие воспоминания.

Только о чем?

Какой вдруг Пятигорск, молодая докторша? Он там вообще был один раз в жизни, на экскурсии, когда лечился в Кисловодске. И уж тем более никогда не был студентом-медиком. И не курил, сидя на подоконнике, длинных сигарет с фильтром. И ни одна из его знакомых девушек или женщин не носила цветных полупрозрачных трусиков в ладонь шириной, кружевных, сильно открытых бюстгалтеров, неизвестно почему называемых «Анжелика», не пила, так и не застегнув белый халат, венгерский (?) вермут из картонного стаканчика и не занималась с ним любовью на узкой кушетке процедурного кабинета под музыку каких-то «Битлов» из маленького плоского транзистора.

Такого не было и просто быть не могло! Даже и слов, неожиданно легко пришедших в голову, он никогда раньше не слышал, вряд ли сможет объяснить, что они на самом деле значат.

Неладно что-то с головой, товарищ нарком, ох, неладно. Или после вчерашнего в уме повредился, или, наоборот, сначала с фазы сдвинулся, а потом уже чекистов начал бить.

Шестаков босиком прошлепал к окну. Чуть приоткрыл форточку, откуда сразу рванул в комнату морозный ветер с искристой снеговой пылью. Закурил папиросу, а никакую не сигарету. Окончательно приходя в себя, покрутил головой.

Ну, ладно. Чего не бывает. Выпили крепко вчера с Власевым. Потом действительно вспомнили с Зоей молодость. На фронте тоже так бывало, после боя неудержимо тянуло к женщине.

Какие «провороты» моряки на берегу устраивали, и офицеры и матросы. В борделях Гельсингфорса и Ревеля дым стоял коромыслом, очень мягко выражаясь.

Вот и он вчѐра так.

А сон уже позже привиделся. Как там Павлов писал: «Сон — небывалая комбинация бывших впечатлений». Яркий — да, непонятный — тоже да, но мало ли как и что может в воспаленном переживаниями и алко-голем мозгу преломиться. Книга, давно прочитанная, вспомнилась или в кино что-то похожее видел, а то и на пирушке хмельные друзья давними подвигами хвастались.

На том и следует остановиться, чтобы действительно с нарезов не сойти.

Он нашел глазами напольные, с двумя медными цилиндрами по бокам от маятника, часы.

Десять минут десятого. С незапамятных времен нарком не просыпался так поздно. А на улице все равно сумеречно. Мало, что январь, так еще и пурга, и многокилометровый слой туч между поверхностью Земли и Солнцем.

Выбросил окурок в форточку, потянулся, присел несколько раз, помахал руками, изображая нечто вроде утренней зарядки.

Тело слушалось великолепно и было, пожалуй, отзывчивее на команды мозга, чем вчера или когда-то в обозримом прошлом.

Захотелось сделать что-нибудь такое... Покрутить «солнце» на турнике, к примеру, побоксовать, саблей помахать, прыгнуть с вышки в бассейн...

«Какой бассейн, когда ты в нем плавал?» — одернул он сам себя. В море, в речке на даче — бывало, а в крытом бассейне с голубой хлорированной, а то и подогретой морской водой, с упругой доской трамплина?..

Да было ли, не было — неважно. Опять мысли из той же оперы. Решил забыть — значит, забыть. Глав-

ное — чувствовал он себя гораздо лучше и бодрее, чем когда-либо за последние пятнадцать лет.

И помещение, где он оказался, очень уж не соответствовало той деревенской, хотя и просторной, и чистой избе, где принимал их Власьев вчера. Если передние комнаты отвечали облику захолустного, нелюдимого бо-быля-егеря, то этот явно рабочий кабинет и видимая через полуоткрытую дверь соседняя комната куда больше подходили просвещенному помещику прошлого века, естествоиспытателю-самоучке, не лишенному вдобавок художественного вкуса.

Кресло у стола было искусно сделано из громадных лосиных рогов, стулья заменяли причудливые, слегка обожженные и покрытые лаком пни.

На стенах — охотничьи ружья: две вполне обычные двустволки, еще два очень неплохих вертикально-спаренных штуцера, может, бельгийской, а может, и английской работы, и еще совсем раритет — длинная капсюльная шомполка солидного калибра, как бы не десятого.

В следующей комнате, узкой и длинной, с тремя окнами и круглой печью голландкой в углу, стены тоже занимали полки, на которых выстроились многочисленные чучела птиц и лесных зверьков, стояли банки с какими-то растворами, на верстаке располагалась целая таксидермическая мастерская, простой дощатый стол загромождали книги, колбы, реторты и очень приличный бинокулярный микроскоп.

И еще одна дверь, и там — шкуры на полу, кресла, настоящий, пусть и маленький рояль, причем не довольно обычный в семьях интеллигентов средней руки «Юлиус Блютнер», а подлинный «Стенвей». До половины сгоревшие свечи в подсвечниках над клавиатурой. И ноты разбросаны по крышке. Поигрывает, выходит, Николай Александрович и здесь. Сам для себя, долгими зимними вечерами. Шестаков вспомнил, как почти про-

фессионально, с чувством, играл старший лейтенант в кают-компании Вагнера. Заслушаешься.

Недурно устроился старлей Власьев! Прямо тебе убежище капитана Немо на острове Линкольна. А книжго, книг! Откуда столько в тверской глуши?

Впрочем, это как раз и не удивительно — после революции столько помещичьего добра растащили хозяйственные крестьяне по домам, а после раскулачивания много неинтересного комбедовцам имущества снова оказалось бесхозным. Было бы желание.

Также и в Москве, а особенно Ленинграде, после высылки «чуждых элементов», после голода начала тридцатых в комиссионках и на толкучках почти задаром можно было приобрести все, что угодно, вплоть до картин импрессионистов и фамильных драгоценностей знатнейших родов империи...

Оставив Зою спать, Шестаков оделся и вышел в передние комнаты. Ребята уже давно встали и, деловитые, сосредоточенные, гордые оказанным доверием, помогали «дедушке Коле» набивать ружейные патроны.

— С добрым утром, Григорий Петрович. Как почивалось на новом месте? А я думал, вы и еще поспите. — Шестакову показалось, что в бороде егеря промелькнула мимолетная улыбка. Да уж. Зоя, кажется, не слишком сдерживалась, мог и услышать. Ну, не беда, должен понимать. — А мы тут занятие нашли. На улице вон какая погода, не для гулянья, так мы пока патрончиков набьем. Для будущей заячьей охоты.

Оставили ребят развешивать дробь, вышли покурить в сени. Продолжая присматриваться друг к другу, говорили о пустяках — что приготовить на обед, какие работы по хозяйству нужно сделать обязательно, невзирая на метель, не отправить ли сыновей очищать лопатами дорожку от крыльца к амбару.

После позднего завтрака Зоя, переодевшись в ка-

кое-то старенькое платье, гладко, по-деревенски зачесав волосы, принялась за уборку и мытье посуды. О минувшей ночи она Шестакову ничего не сказала, но время от времени посматривала на него со странным выражением. А у мужчин состоялся наконец деловой разговор.

— Вы, Григорий Петрович, наверное, уже имели возможность подумать о происшедшем спокойно? — спросил Власьев, пригласив его в свою лабораторию. Он плотно притворил дверь, подбросил несколько поленьев в печь.

— Более чем, — сказал нарком, радуясь возможности отвечать своему бывшему командиру раскованно и непринужденно. Хотя бы даже оставаясь в полной от него зависимости. — Я думал об этом, как бы это сказать получше — подсознательно. Поскольку иным образом думать не мог. Пьян был до изумления. А вот, поди ж ты... Проснулся — и все мне ясно и понятно стало.

— Что же? — с любопытством спросил Власьев. — Как Раскольникову Родиону?

— Нет. Как другому Раскольникову. Федору. Да вы его знаете. Бывший гардемарин, затем заместитель у Дыбенко, командующий Каспийской флотилией, потом полпред Советской России во Франции, невозвращенец, осознавший, что Сталин и его власть — худший вариант из возможных, не только в нашей стране, но и вообще в истории человечества.

Шестаков говорил сейчас истинную правду. Во время эротических снов и не менее эротической яви он, оказывается, успел обдумать еще и мировоззренческие проблемы.

— Вот как? Раскольникова помню, хам редкостный, не понимаю, как он мог в корпусе учиться. При первой встрече с англичанами струсил, добровольно флаг на «Спартаке» спустил. Дальнейшей его карьерой не интересовался, но про Сталина мысль интересная. То есть —

еще один из подобных вам, заблуждавшихся, но осознавших? И чем его открытие закончилось?

— Чем? — Шестаков задумался. Он отчетливо помнил, что после того, как Раскольников опубликовал свое открытое письмо Сталину в западных газетах, его убили, как Троцкого, но было это, кажется, в 39-м или даже 40-м году. А сейчас какой? Тридцать восьмой в самом начале. Тоже странно, по определению, но в то же время — вполне естественно. Отчего бы ему и не знать будущего, если оно предопределено?

— Не важно, — нашел он наконец достойный ответ. — Главное — понять истину. А она непременно сделает нас свободными. И как ныне свободный человек, я говорю вам, Николай Александрович: жить в этой стране я не хочу и не буду. Следовательно...

— Эмиграция? Не поздновато ли? Отчего же — возвращаю вам вчерашний вопрос — вы сами не захотели уйти вместе с нами в Финляндию в 21-м?

— А потом? — усмехнувшись, ответил ему Шестаков. — Уйти ведь вполне можно было и в 21-м, и в 22-м тоже. Я-то ладно, у меня оставались кое-какие иллюзии, но вы зачем живете здесь столько лет? Под гнетом ассирийского режима?

— На режим, кстати, мне плевать, — почти спокойно ответил Власьев. — Я здесь и сейчас вряд ли не свободнее, чем был в царское время. Не завишу ни от кого. Почти. В моем распоряжении десятки тысяч гектаров леса, два обширных плеса, острова. Больше, чем у любого помещика екатерининских даже времен, и я гораздо более бесконтролен, потому что большевикам по большому счету совершенно безразлично, что и как делаетсся, если не затрагивает самих основ режима.

Вы думаете — власть коммунистов безмерна, поскольку сами к ней принадлежали. А это не так, далеко не так. Она сосредоточена только в тех сферах, которые они в состоянии сами себе вообразить. В остальном

же... Да вот великолепный пример — мой дом. Обыкновенная крестьянская изба, но одновременно... И никого, кроме вас сейчас, я туда не пускал. Поскольку это мой собственный мир.

Я не ушел в эмиграцию и был прав. Мне здесь веселее... Даже исходя из публикаций советской прессы. Может быть, будучи Шаляпиным или Бунинным — как-то можно устроиться. А кому нужен флотский минер, старший лейтенант? Даже и унтером в английский или французский флот вряд ли взяли бы... Таксистом же в Париж — увольте.

— Тут вы не совсем правы. Как раз флотские минеры союзников весьма интересовали. Колчаку, кстати, они предлагали адмиральский же чин в американском флоте именно в этом качестве. И вас бы вряд ли обидели. Или возьмите Финляндию. Маннергейм бывших русских офицеров весьма привечает, и флот у него есть. Но это к слову. А теперь? Чувствую, что-то для вас изменилось?

— Теперь — другое дело. Нам с вами здесь не укрыться и не выжить.

— Нам с вами? — удивился Шестаков.

— Конечно. Видимо, пришло время разбрасывать камни...

И нарком в душе немедленно с ним согласился. Мало, что способов выжить в Советской России после всего случившегося не было никаких, он еще и каким-то шестым чувством понимал, что оставаться здесь не следует в силу еще и неких высших исторических причин. Каких именно — он пока не знал.

Спросил только:

— Ну, если даже и нам с вами вместе — так как и куда?

— Проще всего — в ту же Финляндию. Через карельскую границу, поскольку линию Маннергейма нам не преодолеть ни в каком виде. А от Петрозаводска —

можно. Тем более — у меня там приятели имеются как раз такой склонности характера.

— Какой? — не понял Шестаков.

— Носить через границу товары повседневного спроса. Контрабандой это еще называется. Откуда, по-вашему, берутся на черном рынке заграничные чулки, презервативы, одеколон, бритвенные лезвия? Родная потребкооперация их не производит... И советские пограничники промышленной контрабанде как раз особенно и не препятствуют. Или свой интерес имеют, или сверху установка такая. В какой-то мере товарный голод удовлетворяется. Вот если идейные враги из страны бежать пытаются — тех ловят умело и беспощадно. А мои честные контрабандисты десятилетиями ходят — и ничего.

— Согласен. Если найдутся люди, способные нас через границу перевести, я согласен. Мне лично жизнь не дорога, но Зоя, ребята... Им в лагере умереть я не позволяю.

— Приятно слышать внезапно прозревшего советского чиновника, — вновь скривил губы Власьев. — Только ведь такой переход денег стоит...

— Деньги у меня есть.

— Много ли?

Шестаков торопливо вскочил, принес из соседней комнаты свой саквояж.

Выбросил на стол конверты с зарплатой за последние месяцы.

Власьев вскрыл их со скептическим интересом. Денег даже на глаз было довольно много, по советским меркам. Около сорока тысяч.

— Как думаете, этого хватит? — Нарком внезапно смутился. — Я в нынешних ценах не очень разбираюсь. За путевки, одежду, питание бухгалтерия сама вычитает, а по магазинам уж не помню когда и ходил. Недосуг.

В театре у Зои был несколько раз, так опять же по контрамарке...

Власьев хмыкнул.

— Неплохо устроились. Здесь, у нас, если жить на уровне врача, учителя, заводского рабочего, — лет на десять хватит. А если по-другому считать, исходя из коммерческих цен... — Старший лейтенант пожал плечами. — До весны на моих запасах протянем. В смысле — на еду тратиться не нужно. Почти. А до Петрозаводска впятером доехать, тому дать, другому, третьему... В погранзону попасть, контрабандистам заплатить... Вот и все ваши деньги. — Он посмотрел на наркома выжидающе.

— У Зои еще кольца есть, перстни с рубинами и бриллиантами...

— Тоже сгодится. Это на той стороне пограничникам и чиновникам уйдет. На паспорта, разрешение на жительство. Если... Вы «Золотой теленок» читали?

— Да уж...

— И что вам останется делать с женой и двумя маленькими детьми в Финляндии? Без денег, без языка и связей?

Шестаков развел руками:

— Я инженер. Неплохой. Могу даже мастером на завод пойти...

— Ну-ну... А я думал, вы остаток жизни хорошо надеетесь прожить. И я бы не прочь. Причем учтите, стоит вам заикнуться о своем подлинном имени и должности — там будет вряд ли лучше, чем здесь. Сначала вами займутся местные разведслужбы, потом могут передать вышестоящим. Если агенты НКВД не подсуетятся раньше.

— Так что же, по-вашему, делать нужно?

— А вот послушайте мой вариант... Только... Давайте оденемся, на улицу выйдем, свежим воздухом подышим. Там и поговорим.

Шестаков удивился. Зачем на улицу? Здесь вроде бы подслушивающих устройств еще не существует. Да и метель... И только потом понял, что Власьеву действительно захотелось просто прогуляться. И служебный долг, превратившийся в свойство характера. Пройтись с ружьем по окрестностям, браконьера ли выследить, порубщика леса, глухаря или зайца подстрелить на ужин, лису на продажу.

И хозяин тут же его предположение подтвердил:

— У меня там капканы поставлены, лосям и косулям сенца и веников в кормушки подбросить надо. Привыкло зверье, что я их не забываю... — В голосе Власьева прозвучала скрытая нежность к своим подопечным.

— Ну, пойдем в таком случае...

Зое егерь открыл свои кладовки и подвалы, попросил приготовить «по-настоящему хороший обед, переходящий в ужин». Отвык, мол, от женской кухни и приличного общества.

Оделись, вышли, прихватив с собой двустволку, трехлинейный карабин и «трофейный» автомат. Пока Шестаков на крыльце пристегивал к унтам широкие охотничьи лыжи с мягкими креплениями, Власьев запряг буланую смирную лошадь в розвальни, груженные брикетами сена, спустил с цепи собак, которые, коротко взлаивая, унеслись вперед, бороздя рыхлый снег.

Для прогулки момент был не самый подходящий, снег сек глаза, за ночь превратившись из крупных и рыхлых хлопьев в жесткую, как каракумский песок, крупу. Ноги даже на лыжах глубоко зарывались в сугробы. Однако стоило им зайти в распадок, под прикрытие громадных двадцатиметровых елей, распутивших лапы до самой земли, и тесно стоявших меднокорых сосен, как сразу стало почти тихо.

Снежные змеи вились вдоль опушки, далеко вверх раскачивались остроконечные треугольные вершины, окутанные вьюжной мутью, а внизу порывы ветра поч-

ти и не чувствовались. И говорить можно было, не напрягая голоса.

Они прошли по лесу километр или полтора, вышли к краю глубокой лощины, по дну которой, как помнил Шестаков, проходила летом грунтовая дорога.

Власьев присел на вывернутый давними бурями ствол дерева, указал рукой наркому место рядом. Разлапистый комель с торчащими обломками корней надежно прикрывал их и от ветра, и от человеческих взглядов — если б было кому смотреть с той стороны.

Свистнул собакам, которые успели обежать окрестности и вернулись, никого не обнаружив, ни зверя, ни человека. Они, словно исполняя устав караульной службы, устроились метрах в десяти справа и слева от края обрыва, свесив языки, но при этом настороженно поводя ушами.

— И для чего мы сюда пришли? — спросил, пряча папиросу от снега за поднятым воротником реглана, Шестаков. — Думаете, «хвост» за собой привел? Или жене моей не доверяете?

— Я, Григорий Петрович, семнадцатый год абсолютно никому и ничему не доверяю. Оттого, наверное, и жив пока что. Сейчас — то же самое. Можно допустить, что выследили вас или не выследили, а просто догадаться могли, куда вы скроетесь. Проговорились невзначай, что есть у вас такое вот приятное место отдохновения, а кому нужно — на карандашик взяли...

— Говорить — никому не говорил. Но, так если даже... Тогда ведь не спастись...

— Ну, обижаете. Вы же от своих ночных гостей избавились успешно? А зимний лес — не квартира московская. Батальон или даже роту на ваши поиски не пошлют. А если сильно настырных человек пять-десять появятся — тут до весны и останутся. — Власьев провел рукой в шерстяной перчатке по граненому казеннику

винтовки. — На случай же чего — хочу вам одно место показать. Вот — смотрите.

Они перебрались на другую сторону лощины. Вла-сьев указал на глубокую засечку, сделанную топором на стволе сосны. Похоже — довольно давно, смола заполнила ее почти вровень с корой.

— Отсюда — двести метров до следующей, вот по этому азимуту.

Через пару километров они вышли к небольшой полянке, окруженной плотно стоящими елями. Среди них притаилась крошечная избушка, по крышу утонувшая в сугробе.

— Прямо Фенимор Купер какой-то у нас получается, а не эпоха развернутого наступления социализма по всему фронту. — Шестаков сказал это со странным чувством, словно бы вполне принимая происходящее как данность.

— Само собой. Они — как бы колонизаторы в этих краях, а мы, соответственно, вольные трапперы. Давайте снег разгребать.

Внутри избушка была разделена дощатой перегородкой на совсем узкие сени — только-только повернуться да лыжи поставить — и комнату примерно три на три метра, с чугунной печкой-«буржуйкой» в углу, самодельным столом, табуретом и длинным сундуком, который одновременно был и лежанкой. Посередине стола стояла медная керосиновая лампа.

— Вот-с. Приют уединения. Вдруг что случится, здесь свободно можно отсидеться. Зимой перезимовать, а уж летом тут раздолье. Кустарник зазеленеет — в двух шагах избушку не увидите. В сундуке кое-какая посуда, инструмент, порох, свинец, иной необходимый припас. Лески, крючки, грузила. Даже ружьишко кремневое, чтобы без капсюлей и гильз обходиться. Если чуть выше по склону подняться, там бурелом, десяток человек перестрелять можно, пока они сообразят, что к чему.

Тропинка здесь одна, а вокруг — топи непроходимые. Чудесное местечко. У меня и еще такие есть.

Шестаков покуривал, слушал товарища, кивал, словно совершенно естественно было на двадцать первом году Советской власти сидеть в скиту, будто раскольникам времен Тишайшего Алексея Михайловича, в глухом зимнем лесу и готовиться встретить сотрудников НКВД, как каких-нибудь стрелцов, посланных на отлов сторонников Аввакума, или гуронов, вышедших на охоту за скальпами бледнолицых.

И более того — ему это нравилось, никаких угрызений партийной совести он больше не испытывал, как не испытывали их персонажи любимых в детстве приключенческих книг.

«Вот ведь интересно, — думал нарком, — в тех книгах действительно понятие «совести» или «морального права» убивать врагов авторами даже и не рассматривалось. Ни у Буссенара, ни у Майн Рида я такого не помню».

Власьев посмотрел на него с интересом, стряхнул с усов образовавшийся от дыхания иней, тоже вытащил кiset.

— Может, печку растопим, чего в холоде сидеть? Печка здесь добрая, с двух поленьев докрасна раскаляется, если их, конечно, в лучину поколоть. Сейчас увидите. Я, пожалуй, стал здесь от многолетнего одиночества немного сумасшедшим, а вот вы... Непонятно мне, что с вами все же произошло. За сутки человек так поменяться не может... — Он помолчал, прикуривая, потом продолжил: — Но пока это не слишком важно. Примем как данность. Я ночь не спал, думал. Решил, во-первых, вам поверить, а во-вторых — взять на себя общее руководство предстоящей операцией. Вы уж извините.

— За что же извинять? — удивился Шестаков. — Думаю, вы знаете, на что идете. И какой-то план имеете...

— Непременно имею. Вы себе представить не можете, сколько интереснейших сюжетов приходит в голову, когда месяцами не с кем словом перемолвиться, кроме как с собаками и кошкой. Первые годы своего отшельничества я все больше прошлые события переживал, думал, в чем ошибки допустил, как себя иначе вести бы следовало, в семнадцатом, восемнадцатом, двадцать первом году... А потом о будущем задумываться стал. Да не просто задумываться. Семнадцать лет — это ведь не шутка. Граф Монте-Кристо примерно столько лет в одиночке просидел? И кем стал в результате?

Продолжая говорить, Власьев отточенным до остроты бритвы плоским австрийским штыком наколол щепы, растопил «буржуйку», которая на самом деле мгновенно загудела, словно аэродинамическая труба. Через несколько минут иней на трубе и стенах начал таять, нарком стянул с головы шапку и расстегнул полушубок.

— Так вот, наблюдая за реалиями советской жизни, я, как и озабоченный граф, столько всяких прожектов наизобретал... Впрочем, — махнул рукой Власьев, — не об том сейчас речь. Сюжеты сюжетами, а вот как быть практически...

Не торопясь, тщательно подбирая слова, бывший старший лейтенант начал излагать Шестакову свои соображения.

Выходило так, что для того, чтобы уйти за границу, через Финляндию дальше на Запад, для начала хотя бы в Швецию, а потом лучше всего куда-нибудь в Америку, можно и в Южную, поскольку в Европе все равно в ближайшие годы непременно начнется война и будет она пострашнее предыдущей, нужны деньги. И деньги приличные.

— Без десятка-другого тысяч фунтов или долларов там делать нечего. Тут все очевидно. Паспорта оформить, придется соответственно, билеты на пароход купить, в первом классе, разумеется, на новом месте

устроиться. Взятки ведь придется давать направо и налево... Ваши драгоценности на две-три тысячи фунтов потянут, я уже прикинул. У меня еще тыщонки на три царских монет имеется, пара часов золотых, портсигар хороший, призовой. Но все равно мало, очень мало... Был бы я шулером, в первом же европейском кабаке мог недостающее выиграть, а так...

Шестаков испытывал сильное сомнение, что и сейчас в Европе остались кабаки, где по крупной играют в карты, Власьев явно путает тридцать восьмой год с десятым или двенадцатым. Но спорить не стал. Не о том сейчас речь.

— Поэтому напрягите воображение, Григорий Петрович, нет ли способа где-нибудь в Москве нужной суммой разжиться?

— Да где же? Разве Торгсин ограбить или сразу Внешторгбанк? Поскольку нам ведь не советские рубли нужны, а нечто более солидное?

— Зачем же сразу банк? Знакомые, может, есть состоятельные? После гражданской войны и нэпа много чего у людей к рукам прилипло. У вашей же жены, не в обиду будь сказано. Наверное, и еще кто-нибудь антиквариатом увлекался... Нет?

Настолько успело измениться мироощущение наркома, что без всякого внутреннего протеста, не удивившись даже, по какой такой причине Власьев заговорил с ним, как с уголовником, которому добыть кражей или грабежом немыслимую по советским меркам сумму — раз плюнуть, слушал Шестаков егеря. Позавчера еще предложи ему кто угодно раздобыть несправедным путем хотя бы даже тысячу рублей, он удивился бы самому факту такого предложения, потом возмутился бы, еще что-нибудь сделал, а сейчас?

На полном серьезе он начал перебирать в памяти близких и не очень близких знакомых, у кого можно без особого труда и риска «экспроприировать» необхо-

димое. То ли силой, то ли шантажом... Впрочем, воспринял он это скорее как головоломку или шахматную задачу, отнюдь не всерьез. Как способ отстраниться от реально уже случившегося, уйти в своеобразную интеллектуальную игру.

И даже успел припомнить кое-какие отвечающие условиям кандидатуры, как вдруг... Он даже чуть было не шлепнул себя ладонью по лбу. Господи, какая там кража, какой шантаж! Неужели правда с головой так плохо, что даже об этом он забыл?

Очевидно, выражение его лица настолько изменилось, что Власьев хмыкнул удовлетворенно.

— Вот видите! Значит, я не ошибся. Есть у васходы. Ну и слава Богу. Можете пока ничего не говорить, обдумайте все как следует. А уж я гарантирую, так сказать, техническое обеспечение. Вы не поверите, но я сейчас буквально аббат Фариа и Эдмон Дантес в одном лице. Слишком долго я мечтал об отмщении и готовился к нему. Так что вы только наводку дайте, а уж там... — Власьев неожиданно вздернул голову, посмотрел на Шестакова внимательно и подозрительно. — Вы, может быть, думаете сейчас, что я от чрезмерной задумчивости в уме повредился? Как тот же аббат? Разубеждать не буду, глупо было бы. Сами все увидите. Кстати, еще одна идея у меня мелькнула. Может быть, не через финскую границу нам стоит двинуться, а морем, в Норвегию. Парусный бот купить или украсть, а то и рыболовный сейнер. Поначалу риска побольше, но если горло Белого моря проскочить, то потом может куда вернееполучиться.

Впрочем, это уже детали. А пока пойдемте домой. Обедать пора. А сюда точно никто не доберется, ни машиной, ни санями, ни пешком. Я посмотрел, заносы непроходимые. До Осташкова сорок верст, и все лесом. На танке не проедешь.

— А озером, как я?

— И озером не добраться. Санный след замело, видимость, считай, нулевая, ни один местный мужик ехать не рискнет, а чужой заплутает и замерзнет. Погода действительно как на заказ. Силен ваш ангел-хранитель. Самое же главное — никому ведь в голову не придет вас здесь искать.

Просто по теории вероятности. Я даже вообразить не могу стечения обстоятельств, при котором кто-то мог бы вычислить ваши действия... В нынешнем НКВД, функционирующем по принципу негативного отбора, давно уже не осталось подходящих людей.

Власьев несколько ошибся. Такой человек в Москве был, просто он сам еще не знал, что ему придется решать подобную задачу.

ГЛАВА 10

Валентину Лихареву действительно нравилось жить на Земле. И конкретно в России, в Москве. Да и как могло быть иначе? Пусть он и знал, что не является человеком в полном смысле этого слова, но ощущал себя именно им.

И не так уж в этом контексте было важно, что по должности он был «тайным дипломатическим агентом» великой Галактической суперцивилизации агтров, «смотрящим», как выражаются в преступном мире, за той частью планеты Земля, которая здесь и сейчас называется СССР. Но подлинным инопланетянином, пришельцем, агтрианином по крови он тоже не являлся.

Известно, что цивилизация агтров существует хотя и в одной с нами реальности, но в потоке противоположно движущегося времени. И в своем подлинном физическом облике ни один ее представитель на Земле появиться не может. Как не может прогуляться по суше глубоководная рыба аргиропелекус, комфортно себя ощущающая на дне Марианской впадины. Хотя, конеч-

но, существуют приборы, условно именуемые хронолангами, позволяющие на некоторое время погрузиться в поток времени с противоположным знаком, но такие посещения по определению эпизодичны и кратковременны, требуют огромных затрат энергии и технических ухищрений, реальная же польза от них немногим большая, чем от прогулки Армстронга по Луне.

Однако по весьма существенным, скорее даже мистическим, нежели экономическим или политическим причинам присутствовать агграм на Земле надо. Для поддержания «равновесия Вселенной», поскольку эта планета, а точнее — возникшая на ней уникальная цивилизация, отчего-то не подвластная универсальным законам Гиперсети, нуждается в постоянном контроле.

Аггры наряду со своими вечными соперниками и «заклятыми друзьями» форзейлями занимаются этим уже вторую тысячу лет, иногда вмешиваясь в человеческую историю, иногда просто наблюдая за происходящим, и верят в сакральную важность своей миссии, наверное, не меньше, чем христианские миссионеры среди свирепых язычников или доктор Швейцер, за тридцать с лишним лет своего подвижничества вылечивший в госпитале в Ламбарене (Габон) куда меньше людей, чем его соотечественники убивали (и умирали сами, кстати) за сутки боев Первой мировой войны, начавшейся как раз на следующий год после открытия знаменитого госпиталя.

Для бесперебойного функционирования «военно-дипломатических служб» на Земле необходим был персонал достаточно обширный: «человек» пятнадцать-двадцать на роли резидентов в ключевых регионах планеты, еще с полсотни агентов-координаторов разного уровня и неопределенное количество «помощников» для выполнения разовых поручений и заданий. Но с последними проще: всегда можно найти «коллаборационистов», готовых за деньги, за избавление от смертель-

ной болезни, еще из каких-то личных соображений, корыстных или возвышенных, потрудиться на благо «великой цели».

А специализированных, так сказать — «аттестованных» сотрудников готовить приходится с большими трудами и массой неожиданно возникающих проблем.

Вот тот же Валентин. Сколько он себя помнит, он воспитывался в питомнике-училище на великолепной планете Таорэра, крайне похожей на Землю в конце кайнозойского периода, где климат, как в Канаде, прозрачные реки текут среди розовых гранитных утесов, леса из пятидесятиметровых мачтовых сосен тянутся на тысячи километров к северу и югу от экватора, пейзажи напоминают лучшие картины Шишкина и в воздухе не найти ни одной молекулы промышленной грязи. Поскольку нет никаких следов технологической цивилизации.

Здесь, на специально оборудованной базе, из доставленных с Земли эмбрионов выращиваются будущие резиденты и координаторы. В принципе — стопроцентные люди, даже — двухсотпроцентные. Обладающие сверхчеловеческими (но не сверхъестественными) свойствами и способностями. Идеально сбалансированные физиологически и генетически. И в полном соответствии с теорией Ефремова — могущие служить эталонами человеческой красоты.

Настолько, что один из первых людей, осознанно вступивших в «огневой контакт» с агтрианами, Андрей Новиков, незаурядный психолог и безрассудно отчаянный ксенофоб, специально отметил это как их видовой признак. Особенно наглядно присущий агентессам — женщинам.

Мужчины бывали всякими. Поскольку красота лица никогда не была у них адаптационным признаком, они получались разными, но обязательно физически крепкими, пропорционально сложенными, умными — в

★ смысле абсолютной адекватности предложенным обстоятельствам.

О периоде своего взращивания на Таорэре и процессе «первоначального очеловечивания» Валентин не помнил почти ничего. И «настоящих агтров» в их физическом облике никогда не видел. Что не мешало ему осознавать свою принадлежность к великой расе и гордиться этим.

Зато он великолепно знал цель своего будущего существования. До конца дней служить «Отечеству» на Земле, в человеческом обличье.

Этим «кадеты Таорэры» выгодно отличались от выпускников даже самых элитных разведшкол Земли. Для них полностью исключалась проблема психологической адаптации. Нет, на самом деле, насколько труднее было работать в недрах РСХА даже гениальному Штирлицу, нежели природному немцу типа Шелленберга, просто получившему дополнительную установку на антифашизм.

У них, конечно, тоже случались срывы, как, например, у изображенной в почти канонических «Записках Новикова» Ирины Седовой. Можно сказать, в ее случае имел место «производственный брак», человеческая составляющая у девушки оказалась неожиданно сильнее, чем вся многолетне внушаемая и воспитываемая программа.

Но такой брак возможен всегда. Из выпускников Пажееского корпуса, с восьмилетнего возраста воспитываемых и муштруемых исключительно для беззаветного служения престолу, получались такие предатели корпорации и сословия, как Пестель, Кропоткин и Игнатьев, из Морского — Шмидт, Раскольников, Соболев, а из советских учебных заведений КГБ и ГРУ тоже вышло немало перебежчиков и диссидентов.

Впрочем, с Седовой это случилось гораздо позже, в

конце 1970-х годов, а Лихарев начал свою деятельность на Земле за полвека до того.

Но и у Валентина человеческий фактор был как бы немного переразвит. Возможно, это вообще особенность русскоориентированных особей. За счет гипертрофии духовной сферы и повышенной эмоциональности. Без этого нельзя, и с этим тоже неладно. Русская душа, одним словом. Нередко он на досуге тосковал о глупой случайности, которой был обязан своему нынешнему, весьма двусмысленному состоянию.

Его предшественник, отвечавший за дела в бывшей Российской империи, продержался на своем посту довольно долго.

Физически почти не подверженный старению, он два или три раза менял фамилию и внешность, ухитряясь с начала царствования Николая I и вплоть до октябрьского переворота занимать достаточно заметное положение в свете, влиять как на внешнюю, так и на внутреннюю политику в нужном направлении. Логика и конечные результаты своих действий его интересовали мало, он просто в меру сил исполнял то, что диктовалось свыше.

Но в принципе тот координатор считал, что действует на благо России, вне зависимости от того, что получалось на практике.

Да и получалось не так уж плохо. Если не считать несчастной японской войны, страна двигалась от азиатчины к цивилизации, в сторону демократии английского типа. Не без его участия была принята вполне приличная для самодержавной империи конституция, крепко стоял золотой рубль, экономика развивалась невиданными темпами, и аналитики всерьез предполагали, что году так к девятьсот тридцатому держава выйдет на первое место в мире по валовому национальному продукту.

Однако вдруг что-то не заладилось. Неизвестно от-

чего (вопреки желаниям как Антанты, так и Тройственного союза) разразилась мировая война. Сколько ни анализировали потом историки обоих лагерей причины и поводы, а дельного ответа так и не нашли. Просто не было ни у одной из сторон целей, ради которых стоило бы класть в землю миллионы людей. И разумных планов войны ни у кого не было, что немцы, что Антанта собирались продемонстрировать соперникам собственную мощь, а где-то к ноябрю того же года подписать для всех почетный мир. Некоторые разногласия имелись лишь в вопросе — где его подписывать. Одни считали, что в Париже, другие предпочитали Берлин.

Увы, ошиблись все. Бессмысленная мясорубка затянулась на четыре года. С параноидальным остервенением миллионы бойцов в зеленых, серых, синих, голубых шинелях месяцами штурмовали какой-нибудь «домик паромщика на Изере», ради прорыва первой линии окопов под Верденом гибло больше солдат, чем их было в великой армии Наполеона перед вторжением в Россию. И — ничего!

А там подоспела и Февральская революция в России. Тоже странная.

Чтобы подавить возникшие в Петрограде беспорядки, достаточно было двух гвардейских полков, а то и вообще царю можно было ничего не делать, кроме как арестовать и тут же расстрелять на краю насыпи думскую делегацию, прибывшую требовать у него отречения, после чего объявить Могилев временной столицей империи, предложить Вильгельму сепаратный мир без аннексий и контрибуций, а там и двинуть на северную столицу испытанные фронтовые части.

В любом случае последствия для Николая, его семейства, России, Германии и всего мира оказались бы куда менее тяжкими, чем то, что вышло в действительности.

Но все это — лирика. История не знает сослагательного наклонения. Что было, то было.

С агтрианским же резидентом произошла вообще дурацкая история. Он только-только начал выстраивать новую стратегию действий и даже успел поспособствовать организации корниловского мятежа, как во время июльских, 1917 года, событий в Петрограде получил шальную пулю в затылок на углу Литейного и Невского.

С таким ранением он бы справился, имея чрезвычайно живучий сам по себе организм плюс обеспечивающий стопроцентную и быструю регенерацию браслет-гомеостат на правой руке. Полежал бы без сознания полчаса-час и поднялся с головной болью, но живой, а завтра и здоровый.

Но — не повезет, так не повезет — рядом вместо санитаров или хотя бы просто честных граждан случились мародеры. Балтфлотские братки или лиговские воры. Обшарили карманы хорошо одетого покойника, кроме денег, свистнули массивный золотой портсигар и заодно, приняв его за оригинальные наручные часы, гомеостат.

Вот тут уж все. И резидент скончался, как самый обычный недорезанный буржуй, как еще полторы сотни жертв так до сих пор неизвестно кем организованной провокации. Многие утверждают, что большевиками, но не меньше сторонников гипотезы, что это Керенский решил таким путем избавиться от набирающих силу Советов. Впрочем, сегодня это уже неважно.

О судьбе своего предшественника Лихарев, естественно, не знал ничего. Да и откуда, если исчезновение координатора осталось загадкой даже для верховного руководства? Был человек и исчез бесследно.

Но чисто теоретически интересно вообразить, как повлияли украденные инопланетные устройства на судьбы их новых владельцев? История, возможно, не менее увлекательная, чем у пресловутого «алмаза Раджи».

Что, если похититель или тот, кому он продал или сменял на что-то упомянутый гомеостат, догадался нацепить его на руку? Вдруг и сейчас живет на свете бессмертный люмпен, сам не понимающий, отчего не влияют на него превратности жизни, скверный самогон, войны и революции, удар колом по голове в пьяной драке. Впрочем, подобный случай уже имел место. Один средневековый ландскнехт получил вечную жизнь, воспользовавшись придуманным Парацельсом снадобьем и за четыреста лет дослужился до капрала английской армии.

В кровавой суматохе следующих четырех лет территория, занимающая 1/6 часть суши, осталась без постоянного присмотра и стабилизирующего воздействия инопланетных координаторов, чем, возможно, и объясняется сумбурность и бессмысленная жестокость гражданской войны.

Центральная лондонская резидентура леди Спенсер если и вмешивалась, то вполне эпизодически: то пыталась поддерживать разрозненные антибольшевистские силы, то вдруг склоняясь в пользу мира с коммунистами. Итог — известен.

В красном же лагере на тот момент подготовленных агентов не оказалось. Никто просто не предполагал, что следует внедрять своего наблюдателя в руководство незначительной партии, руководствующейся не имеющими никакого отношения к реальной жизни идеями заштатного немецкого экономиста, раздираемой вдобавок внутренними склоками и бесконечными разборками. И то, что она вдруг сумела не только захватить власть в империи, но и удерживать ее с невиданной в цивилизованном мире жестокостью, было для агтрианских аналитиков полнейшей неожиданностью.

Вот в Германии, к примеру, тамошние марксисты — спартаковцы — тоже попробовали учинить нечто подобное, но их быстро поставили на место, ликвидиро-

вав не более десятка идеологов-экстремистов. Потому что агтрианская агентура в Берлине оказалась на высоте.

И лишь в двадцать третьем году Центр подготовки на Таорэре сумел перепрограммировать, в соответствии со складывающейся в СССР реальностью, выращиваемого совсем для других целей агента.

Сложность задачи, стоявшей перед верховными руководителями программы, пребывающими в метрополии, заключалась в том, что противоположная направленность временных потоков исключала какую бы то ни было корректировку извне раз начатой акции.

С точки зрения стороннего наблюдателя, получивший задание агент немедленно начинал уходить в их собственное прошлое, и, естественно, что-либо приказать или подсказать ему было так же трудно, как нормальному человеку из сегодняшнего дня передать дельный совет себе вчерашнему.

Казалось бы, ситуацию должно упростить наличие колонии на Таорэре, имеющей, через зону нулевого времени, выход в нормальную земную реальность.

Но это иллюзия, на самом деле положение, по сути, оставалось прежним. Вроде бы очевидно, что получивший инструкцию от своего руководства функционер теоретически может передать на Землю какую-то команду, основанную на знании земного будущего, которое является агтрианским прошлым.

Однако знание это — одноразового действия. Как при разборе шахматной партии от конца к началу, причем каждая позиция изображена на отдельном листе.

Ты анализируешь положение на доске после тридцатого, скажем, хода, но пока не имеешь понятия, какие действия игроков ему предшествовали. Чтобы изменить положение, можно обратиться к десятому ходу или пятнадцатому, сыграть не ладьей, а конем, принять или от-

клонить жертву слона, но при этом потеряв возможность узнать, чем ответит твой партнер.

Тупик.

Таким образом, единственное, чем удалось педагогам-инструкторам вооружить Валентина, вообще-то готовившегося к работе в условиях царской России, так это энциклопедической образованностью, особым быстроедействием мыслительных процессов, странной смесью цинизма и альтруизма (поскольку альтруизм и социальная справедливость — как бы идеал человека социалистического общества) и, конечно, непоколебимой верой, что, как бы там ни складывались обстоятельства, для него все будет хорошо. А это очень и очень существенно для каждого разумного существа — непоколебимая вера!

Так оно все и вышло.

Двадцать четвертый год ушел на внедрение, вживание, документирование легенды, налаживание нужных связей, создание у значительного контингента перспективных товарищей непротиворечивых воспоминаний о совместных с Лихаревым подвигах в годы гражданской войны, а затем и приобретение не придуманных, а подлинных заслуг перед Советской властью. Спешить координатору было некуда, по оптимистическим подсчетам, век-другой у него в запасе имелся.

Занять при Сталине нужное место Валентин сумел в промежуток между «угаром нэпа» и началом коллективизации. Сопровождал его в поездке по Сибири, где и был окончательно решен вопрос о «раскулачивании», оказал вождю ряд ценных услуг в дискредитации Троцкого и расколе зиновьевско-каменевско-бухаринского комплота. А потом наступил его звездный час — дело Кирова.

Тут еще вот какое дело — по причинам недостаточно ясным, но тем не менее безусловным, как требования коню в шахматах ходить не иначе как буквой Г,

хотя по условиям боя куда разумнее большая свобода действий, агент не имел права (категорический императив!) осуществлять любые силовые акции, предполагающие личное участие.

Хотя технических возможностей было достаточно и чтобы ликвидировать ставшего неудобным политика, и выиграть сражение, и наполнить золотом опустевшие государственные закрома.

Увы — нет. Только сложные интеллектуальныеходы дозволялись резидентам, интриги, опосредствованное воздействие на первых, вторых, третьих лиц государства, вербовка и перевербовка нужных для дела людей.

Выполняя очередную стратегическую концепцию, хорошо уже зная характер и натуру Сталина, он два с лишним года подбирал необходимые материалы на Сергея Мироновича Кирова, вел записи его бесед с врагами и соратниками, умело монтировал компрометирующие тексты, регулярно предлагая их вниманию Хозяина, ненавязчиво, наряду с массой всякой другой информации, и в результате создал нужную установку.

В результате тщательно спланированной и аккуратной проведенной работы к началу XVIII съезда ВКП(б), известного также как «съезд победителей» (имелось в виду — во внутрипартийной борьбе), товарищ Сталин был вполне готов поверить во все, что Валентин ему предлагал, в том числе и в итоги голосования на пост Генерального секретаря, по которым Киров якобы занял первое место.

Пересчитали, конечно, как надо, сенсации не произошло, Иосиф Виссарионович остался при должности, но судьба Кирова была решена.

Потом и Николаев исполнил свою роль, из старого «нагана» солдатского образца пальнув в коротком аппендиксе двухсотметрового смолянинского коридора в затылок предводителю ленинградского пролетариата.

Через две недели Особое судебное присутствие по вновь принятому Закону от 31.12.34 приговорило к немедленной смертной казни и самого Николаева, и двенадцать его близких и дальних родственников, и еще 96 высокопоставленных руководителей Ленинградского обкома и горкома партии, комсомола, Ленсовета, комитета профсоюзов и еще кого-то там.

Ни сном ни духом не ведавший о случившемся начальник ЛенГПУ Медведь, второй месяц лежавший в больнице с переломом бедра, получил три года дальних лагерей, где вскоре тоже был расстрелян. Наверное, чтобы разные мысли не пришли в голову, а может быть, уже там, в лагерях, что-то не то сказал.

Операция удалась хоть куда. А уж сколько человек в результате оказалось у Лихарева на крючке — и передать невозможно.

При всем при том, если кто-нибудь вообразит, что Лихарев был плохой человек, садист, преступник и тому подобное, он будет не прав. Никто же не считает, что плохими людьми были судьи Нюрнбергского трибунала. Они ведь тоже отправили на виселицу 12 главных военных преступников, а потом санкционировали казни и длительные сроки заключения еще сотням функционеров режима, ничуть не более жестокого и бесчеловечного, чем аналогичный.

На самом деле Валентин Лихарев был веселый и добрый парень. Эпикурец где-то. Что тоже было рудиментом той роли, к которой его готовили первоначально. А именно — за год-два до окончания он должен был подменить в Училище правоведения, Пажеском или Морском корпусе (по обстановке) подходящего юношу, способного стать одноклассником, потом приятелем, близким другом цесаревича Алексея. Излечить августейшего наследника от гемофилии должен был по достижении им четырнадцати лет Григорий Распутин. От-

того и бился он так страстно, рискуя жизнью, за немедленное заключение сепаратного мира.

К сожалению, не получилось, хотя и до сих пор снились Валентину сцены из несбывшегося вроде большого приема в Георгиевском зале Зимнего дворца по случаю тезоименитства Его Императорского Величества Алексея Второго или ежегодного парада гвардии в Красном Селе, где сам он в сияющей кирасе, с флигель-адъютантскими аксельбантами, подняв палаш, возглавляет первый эскадрон кавалергардского полка.

Но и так получилось неплохо. Он имел возможность вкусно есть и под настроение выпивать, любить многочисленных женщин из всех слоев советского общества, покровительствовать писателям и артистам, вообще пользоваться всем тем, что предоставляет неглупому гуманоиду судьба, позволившая ему по странному капризу на какой-то срок прийти в этот мир.

Но самому непритязательному эпикурейцу надо же где-то жить. Россия 20-х годов XX века отнюдь не Древняя Греция. Бочка Диогена здесь не соответствует климату. Требуется нечто более капитальное.

До 1927 года Валентин довольствовался тесноватой клетушкой в Кремле, все достоинства которой исчерпывались тем, что она находилась на одном этаже с квартирами Сталина, Бухарина, Демьяна Бедного. Это было удобно в одном смысле и крайне обременительно во всех остальных. Следовало искать варианты. И они, безусловно, нашлись.

Вначале он добился у Сталина разрешения открыть нечто вроде лаборатории для разработки новых образцов подслушивающей аппаратуры и одновременно — конспиративной квартиры для встреч с агентурой в невзрачном двухэтажном доме на стрелке Каретного ряда и Петровского бульвара. Это было гораздо удобнее, но — для Лихарева — сталинского порученца. Валентину — инопланетному резиденту — требовалось особое

помещение не только для комфортабельного проживания, но и в качестве тайной операционной базы.

Несмотря на жилищный кризис, который не просто был, а прямо-таки свирепствовал в заповененной иска-телями счастья из провинциальных городов и бывшей черты оседлости столице, все те помещения, что были здесь при старом режиме, никуда не делись, они лишь отчасти поменяли своих владельцев.

Надо было просто как следует поискать, чтобы сделать выбор раз и навсегда.

Ассортимент приличного и отвечающего его целям жилья был обширен, но Валентину по ряду причин приглянулся именно этот дом с причудливым фасадом в самом сердце Москвы.

Тогда Тверская, впоследствии — улица Горького, еще не имела нынешнего статуса. Куда более элeгантными и престижными считались Петровка, Большая Дмитровка, Кузнецкий Мост. Ну и пересекающие их в пределах Бульварного кольца переулки, Столешников в том числе.

Первый этаж избранного Лихаревым здания занимал роскошный нэпманский магазин, на втором и третьем обитали люди, имевшие постоянный и твердый доход, — модные писатели, театральные режиссеры и актеры, популярные гинекологи и адвокаты. В этой, под номером 4 на белой эмалевой табличке, прикрепленной к стеганной ромбами, блестящей, как паюсная икра, обивке двери, проживал профессор международного права, которому чем дальше, тем меньше нравилась советская жизнь.

Пусть и зарабатывал он более чем прилично, и авторитетом пользовался, и лекции читать его приглашали в Институт красной профессуры и в ЦК ВКП(б), знание закономерностей исторического развития (не по Марксу, а вообще) подсказывало профессору, что из царства большевиков надо бежать.

И чем скорее, тем лучше. Звоночков, извещающих о начавшемся похолодании, было достаточно — высылка Троцкого, шахтинское дело, процесс Промпартии, понятные для посвященных намеки на грядущее свертывание нэпа и желательность сплошной коллективизации и индустриализации.

Профессор заторопился.

Вначале он выхлопотал себе и семейству заграничные паспорта для поездки на лечение в Германию, а потом исподволь начал распродавать верным людям кое-какие ценности, которые невозможно было легально вывезти из СССР.

Тогда он и попал в поле зрения Лихарева.

Валентин, как сказано, был человек гуманный и ничего не имел против профессора. Он ему даже сочувствовал. Но и свои интересы ценил достаточно высоко. Раз уж квартиросъемщик все равно съезжает, что называется, «с концами», так зачем же допускать, чтобы комфортабельно обставленное помещение с любовно подобранной коллекционной мебелью XIX и даже XVIII веков, подлинными картинами известных мастеров, китайским фарфором и нефритом досталось неизвестно кому. Впрочем — известно.

В первых числах августа 1928 года Лихарев узнал, что профессор получил наконец загранпаспорта и выкупил билеты на берлинский экспресс. Но еще не успел продать мебель, библиотеку и большую часть коллекции.

Время пришло.

Дождавшись, когда хозяева по последним неотложным делам покинули квартиру (домработницу и кухарку рассчитали еще раньше), Валентин взбежал вверх по широкой чугунной лестнице. После уличной жары в подъезде было сумрачно и тихо. Сквозь высокие витражи на пол падали пятна разноцветного света.

Оглядевшись на всякий случай, прислушавшись, не

спускается ли кто сверху, Лихарев меньше чем за минуту открыл универсальной отмычкой оба достаточно хитрых, рассчитанных на нынешние беспокойные времена замка.

Вошел.

Толстое, в четыре пальца, полотнище, обитое вдобавок войлоком и кожей, бесшумно затворилось, надежно отсекая от превратностей и треволнений внешнего мира.

Приятные запахи богатого и культурного жилья, мозаичный паркет, лепнина потолков, стены, обтянутые штофной тканью, а не бумажными обоями, — все сейчас радовало сердце Валентина. Жить здесь будет наверняка приятно.

Он обошел все помещения квартиры, тщательно их осматривая. Если называть происходящее своими словами — попросту грамотно обыскал.

Кроме четырех уже упакованных хозяевами чемоданов, он нашел еще два пустых и сложил в них то, что никому, кроме членов семьи, было неинтересно, а для них представляло ценность, большую, может быть, чем обычное имущество, — альбомы фотографий, дневники, письма, детские игрушки и тому подобное. Если они намеревались собрать все это позже — Лихарев им помог. Если решили оставить за ненадобностью — пусть сами и выбрасывают. Его совесть будет чиста.

Все шесть чемоданов он вынес в прихожую и рядом поставил у боковой стенки. Внимательно на них посмотрел и, будто это имело какое-то значение, передвинул на полметра в сторону.

Теперь оставалось совершить простую, хотя достаточно необычную для этого места и времени процедуру.

Из принесенного с собой саквояжа Лихарев извлек не на Земле изготовленный шарообразный предмет или скорее прибор в темно-оливковой, слегка поблескивающей оболочке. Штепсельным шнуром подключил его к

электророзетке. Сдвинув потайную защелку в районе экватора, разнял на две половины и начал колдовать над рядом серебристых сенсорных полей, поглядывая то на свои наручные часы, то на мигающие разноцветные секторы нескольких овальных циферблатов.

Очевидно, добившись желаемого сочетания параметров, еще раз взглянул на золотой лонжиновский хронометр, словно проверяя, пришло ли время, и нажал наконец длинную, испещренную значками неизвестного алфавита танкету в середине «шара».

На первый взгляд ничего не произошло.

На второй и на третий — тоже.

Все та же приятная тишина царил в комнатах, так же падали на паркет лучи солнца сквозь щели в задернутых по случаю августовской жары портьерах.

Только, если быть уж очень внимательным, исчезли хозяйские чемоданы из прихожей. Это, очевидно, и было для Валентина самым главным.

Он уселся в глубокое кожаное кресло в гостиной, напротив прекрасного кабинетного рояля, без которого немислим был до революции более-менее приличный дом, вытянул ноги в надраенных уличным чистильщиком до синих искр сапогах, уже слегка подернутых легкой пылью, закурил взятую из коробки на столе профессорскую папиросу.

«Нет, — подумал он, и далеко уже не в первый раз, — жить и в эсэсэсэрии можно, если знаешь — как. Люди — они умеют устроить для себя индивидуальный комфорт в самых нечеловеческих обстоятельствах». И даже ему самому не совсем понятно было, гордится ли товарищ Лихарев своей принадлежностью к человеческому роду или дает беспристрастную оценку тем, среди кого вынужден работать.

Потом он свернул «шар» и спрятал его в резной и громадный, как Кельнский собор, платяной шкаф. Вышел в прихожую, извлек из кармана портсигар, надавил

★
кнопку замка... Доля секунды, а может, и меньше, и теперь уже вся обстановка квартиры пропала, лишь чемоданы сиротливо стояли на сверкающем, без единой пылинки полу.

Даже пыль осталась там, в ином пространстве. Аппаратура работала пусть немного формально, но четко.

Валентин удовлетворенно кивнул, вновь щелкнул густо-синей, наверняка — сапфировой кнопкой портсигара и вышел на лестницу, переместившись из параллельной реальности в исходную, отличающуюся всего на один квант времени и на одно-единственное значащее событие.

Хозяин же, вернувшись домой, с глубочайшим изумлением увидел, что его квартира совершенно, абсолютно пуста. Если не считать стоящих посреди прихожей чемоданов. Четырех собранных лично и еще двух — неизвестно кем. Но больше — ничего. Ни мебели, ни ковров, ни библиотеки в десять тысяч томов. Даже штор на дверях и окнах, посуды на кухне, мыла в ванной комнате — и того не было.

Немыслимо! Невероятно!

Однако и ограблением посчитать случившееся было невозможно. Как раз все наиболее ценные и портативные вещи, включая палисандровый ларец с бриллиантами жены, коллекцию золотых часов с дарственными надписями, фамильное серебро с монограммами, заблаговременно уложенные в кофр, остались на месте. И не слишком ценные в рыночном смысле, но важные для семейной памяти — тоже!

Нормальные воры взяли бы как раз чемоданы. А прочее имущество — его же на пяти грузовиках нужно было вывозить.

Профессор, естественно, немедленно помчался на извозчике в ГПУ — благо недалеко, поднял там ужасный скандал, метнулся в ЦК, в МГК — у него везде

были друзья и покровители (иначе черта с два он получил бы загранпаспорта на всю семью в такое время).

Ну и что? Конечно, прислали бригаду следователей, те опрашивали соседей, снимали отпечатки пальцев. Но как невозможно было представить, чтобы за четыре часа, пока отсутствовали дома профессор и его домочадцы, кто-то вывез пять комнат обстановки (как? на чем? и без шума? А сколько шума способны произвести грузчики и ломовики, таскающие по лестницам тяжеленные шкафы, столы и диваны, каждый знает), так и доказать обратное — ничего не украдено, и вам это только померещилось, товарищ профессор, — тоже оказалось невозможным, поэтому стороны постепенно пришли к консенсусу.

Из специальных фондов потерпевшему выплатили недурную компенсацию, заручившись словом джентльмена, что он об этом на Западе трепаться не станет, а если станет, то способы прекратить провокационную болтовню имеются в изобилии. Во избежание дальнейших недоразумений чекисты проводили профессора с семьей на вокзал казенным транспортом, снабдили бутылочкой, гарантирующей от таможенного досмотра в Негорелом, и дружно постарались забыть о случившемся. Словно о стыдной неловкости, приключившейся с уважаемым человеком в приличном обществе.

А на другой или третий день странную квартиру заселили двумя дюжинами жильцов. По нормальному советскому стандарту — комната на семью. А сколько вас там, как вы обойдетесь одним унитазом и одной ванной на всех — ваши проблемы. В Центральные бани вон ходите, в ванне же огурцы хорошо солить. И никому не обидно.

Однако и Лихарев устроился жить в ней же, не испытывая ни малейшего неудобства от такого малоприятного, по любым меркам, соседства. Он просто жил чуть-чуть впереди своих соседей.

Совершенно так, как пассажир мягкого купе тронувшегося от станции поезда.

Пусть еще три человека имели билеты на остальные места, но они подбежали к перрону чуть позже прощального гудка и увидели лишь красный фонарь последнего вагона.

И все! Если угодно — садитесь в дрезину и догоняйте. По рельсам. Упретесь, если повезет, в буфера последнего вагона, но и не более. Ни слева, ни справа вы его не обгоните. Так и будете ехать до бесконечности след в след.

Не до бесконечности, конечно, а до первой остановки, только вот когда она будет — решать не вам!

Если очень нужно, можно даже попытаться проникнуть в оплаченный вагон. Но тут требуется особое умение, или, выражаясь научным языком, способность преодолевать границы гомологичных, но не аналогичных пространств. А также ключ.

У Валентина он был. Внутри золотого портсигара.

Имелось лишь одно, незначительное, впрочем, неудобство.

Пересекая дверной проем, а вместе с ним и границу синхронных реальностей, он рисковал столкнуться с кем-то одновременно выходящим из квартиры или входящим в нее.

Не опасно, но зачем же привлекать излишнее внимание даже в таких мелочах? На этот случай он оборудовал над дверью чувствительный масс-детектор и выходил, когда ни на площадке, ни на лестницах не было никого. За минувшие десять лет ни одного прокола, слава Богу, не случилось.

ГЛАВА 11

Что-то мешало Шестакову окончательно и просто принять очевидное вроде бы решение. С одной стороны, мысль пришла в голову легко и просто, никаких ра-

зумных доводов «против» он привести не мог. Более того — эта идея вызывала у него нечто вроде радости и веселой злобы — мол, еще раз, и как следует, отомщу ненавистному сталинскому режиму.

Но с другой — вся его советская, большевистская сущность протестовала. Не так просто было избавиться не от убеждений даже, а от проникшего до мозга костей инстинкта единомыслия.

Нельзя, никак нельзя позволить себе даже думать о чем-то, расходящемся с линией партии, а уж тем более — действовать явно во вред ей. Даже убийство сотрудников НКВД казалось меньшим грехом. Это — дело привычное. Человек — винтик. Сегодня он нужен, завтра — нет. Можно экспроприировать, отправить в ссылку, приговорить к десяти годам или расстрелу, как потребуется. Еще Ленин говорил — нравственно только то, что полезно делу партии. Соответственно — все остальное безнравственно.

А сейчас он собирался посягнуть на самое святое. На «народные деньги». Хотя никакими народными, в буквальном смысле этого слова, они давно уже не были, поскольку народ никакого влияния на них не имел и пользы ему, народу, от них тоже не было никакой.

Предназначались они для финансирования республиканского правительства Испании, еще конкретнее — для закупок во Франции и других европейских странах оружия и снаряжения интербригад. Не все возможно доставлять на Иберийский полуостров пароходами из Одессы, прорывая блокаду, да и в пропагандистском плане гораздо приличнее было вооружать прибывающих со всех концов света добровольцев винтовками, пулеметами и прочей техникой производства нейтральных стран, а еще лучше — немецкой и итальянской.

В отличие от Гитлера и Муссолини, Сталин отчего-то стеснялся открыто признать свое участие в чужой гражданской войне.

А Шестакову, в числе прочих, ему неизвестных, лиц, было поручено данную акцию обеспечивать. То есть наладить целую сеть по материальному обеспечению войны. Для чего нарком и получил приказ открыть на свое имя в специальном доверенном банке особый счет, распоряжаться которым мог исключительно он сам по особым каналам.

И если бы он смог сейчас попасть в Европу...

Но в ближайшие дни и даже недели это невозможно, а позже... Нарком испытывал обоснованное опасение, что каким-то образом НКВД, НКВД, Наркомфин, еще какое-нибудь ведомство сумеет эти счета блокировать, способы у них наверняка есть. Должны быть. Невозможно же допустить, что он действовал на самом деле бесконтрольно и все его связи не отслеживались.

Тогда возникает вопрос: каким образом можно своих нынешних врагов опередить?

Хорошо, что Власьев не настаивал, не добивался ответа, какой такой способ решить финансовую проблему известен бывшему юнкеру и теперь уже бывшему наркому.

Шестаков выбрал момент, уединился с женой, когда уложили спать сыновей после обеда.

Поделился с ней своими сомнениями. Зоя рассмеялась даже не зло, а издевательски. Как, кажется, смеялась в одной из своих театральных ролей.

И напомнила ему заголовок одной из глав романа Новикова-Прибоя «Цусима», которую не так давно оба прочли.

— «Перед врагами герой, а на свободе растерялся». Помнишь, о чем сказано? Так что не надо передо мною нюни распускать. Все равно не поверю и не посочувствую. Или ты думаешь когда-нибудь где-то оправдаться этими вот словами? Простите, дорогие товарищи, ошибся немного, а вообще-то я ваш верный слуга до гроба.

Брось, Гриша, не заставляй в себе разочаровывать-

ся. Пошли — так до конца. За границу — значит, за границу. Не выйдет — не выйдет. А назад возврата нет, хоть ты сейчас на ближайшей осине повесишься. Как правоверный китаец, чтобы посильнее унижить своего врага...

И повернула разговор совсем на другое. Что она думала, он совсем уже перестал быть мужчиной не только в нравственном, но и в известном смысле. Но лишь за сутки ему удалось опровергнуть сразу оба ее мнения. И это радует. Она надеется, события минувшей ночи отнюдь не случайный эксцесс, а лишь начало новой жизни.

Наркому тоже так казалось, он только не сказал, что ночью с ним была совсем другая женщина.

Еще — он не сказал и ей о совершенно авантюрном, невероятном для любого здравомыслящего субъекта, но при здоровом размышлении вполне осуществимом плане.

Но заодно Шестаков понимал — реализовать возникший замысел возможно только в том качестве, что проявилось у него всего лишь вчера. Лишь бы эти неожиданные черты личности в нем сохранились, а не исчезли так же внезапно, как пришли, сменившись жестокой депрессией и вытекающей из нее потерей упругой и жесткой воли.

Темнело в конце января в этих широтах и вообще-то рано, а уж под покровом низких, цепляющихся за верхушки деревьев туч и плотно заполнившего пространство между землей и тучами, горизонтально летящего снега серые сумерки стали сгущаться вскоре после полудня.

Они втроем сидели в рабочем кабинете Власьева перед полуоткрытой дверцей голландки, а ребята в соседней комнате увлеченно листали толстые книги. Старший — «Землю и людей» Элизы Реклю, а младший — Брема с цветными литографическими картинками.

— Я уже говорил, что за годы своего уединенного житья продумал все возможные варианты будущей судьбы. Вы даже не представляете, как хорошо думается в одиночестве, которое длится второй десяток лет подряд. Мне даже как-то неприятно сознавать, что оно, похоже, закончилось. Ожидание вообще лучше исполнения желаний, вы замечали?

Шестаков заметил другое: Власьев был все-таки слишком, утомительно разговорчив.

Что, впрочем, неудивительно. По причине того же уединения. Нарком мог представить, как, бродя по лесу или занимаясь научными изысканиями, старый приятель разговаривает вслух сам с собой.

— И я не сомневался отчего-то, что подобный день когда-нибудь придет. Вот он и пришел. Я ведь непрерывно изобретал, нет, точнее — строил планы грядущей войны с Советской властью. До деталей продумывая собственное поведение, самые невероятные повороты судьбы и политические коллизии... Нет-нет, не думайте, что я повредился в уме. Я не пикейный жилет и не... Я скорее уподобился отставному полководцу, который переигрывает в уме минувшие кампании и пытается подготовиться к грядущим. В надежде, что его, как Суворова, вдруг вызовут из Тульчина. А ему, заметьте, тогда было уже шестьдесят восемь лет, на двадцать больше, чем мне сейчас...

— Значит, ваш Сен-Готард еще впереди, — усмехнулся Шестаков.

— На что и надеюсь, — без тени иронии ответил Власьев. — Остается реализовать один из подходящих сценариев. У вас какие документы при себе имеются?

— Как какие? Все положенные нормальному советскому человеку. Дома ничего не оставили. Паспорта, профсоюзные книжки, у меня еще партбилет, удостоверение наркома, члена ЦК, депутата Верховного Совета, орденские книжки... — ответил Шестаков.

— Можете бросить их прямо сюда, — указал Власьев на бющееся за чугунной створкой алое пламя. — Только вы, Григорий. Зоя может свои оставить...

— Тем более что паспорт у меня на девичью фамилию, я ее не меняла... — сказала жена.

— Очень хорошо. Как фамилия-то, если не секрет?

— Какой секрет? Пашкова... — Зоя, похоже, слегка даже обиделась. Нашелся человек, который ее не знает. Ее, чьи фотооткрытки продаются в любом киоске.

Власьев прикрыл глаза, задумался о чем-то, шевеля губами.

— Неплохо. Даже вполне удачно. Я, видите ли, на эту тему тоже размышлял. А поскольку и химией достаточно занимался с времен военной службы — минеры все химики, как вам известно, — то безукоризненный способ спецчернила из документов вытравлять изыскал. Не целиком, чтобы в глаза не бросалось, а местами. Из вашей фамилии, например, без всяких усилий можно несколько сделать. Непохожих и вполне благозвучных. Вот, например: Танукович. Или — Гвацикадзе.

У нескольких букв одни штришки убрать, другие подрисовать — и все. Вы, Григорий Петрович, инженер, черчение изучали, вам труда не составит аккуратненько дорисовать в смытых местах, а остальное я на себя беру...

Шестаков прикинул — да, из выписанной щеголеватым писарским почерком фамилии жены те, что называл Власьев, сделать можно вполне. И еще кое-какие.

Это ему понравилось. Авантюра начинала приобретать черты реальности.

— А мой паспорт почему не годится?

— По ряду причин. Первая — фамилия для переделки менее удачная. Второе — уж на вас-то установка будет дана в полной мере. Искать будут не только по фамилии, но и по номерам документов, и еще по каким-то тонкостям, мне неизвестным. Уверен, что, вводя пас-

портную систему, большевики все предусмотрели. Для членов правительства и надежных партийцев — одни номера и серии, для простых обывателей — другие, для классово чуждых, лишенцев и освобожденных из тюрем — третьи...

Возможно, и еще какие-то фокусы имеются. Зачем же лишний раз рисковать? Вот чекистские удостоверения мы время от времени использовать можем, но отнюдь не систематически. А пока попробуем мою методику...

Шестаков с интересом наблюдал за манипуляциями своего командира.

Власьев выставил из шкафчика на стол несколько пузырьков с жидкостями разного цвета, с помощью пипетки создал в чашке Петри некую смесь, распространившую в комнате запахи аммиака, хлора, чего-то еще, не менее резкого и противного. Вдел под правую бровь часовую лупу, протянул руку уверенным движением, и Зоя, успевшая сбегать в соседнюю комнату, вложила в нее свой паспорт.

Власьев обмакнул в чашку заостренную спичку, обмотанную тщательно расправленным клочком ваты, и приступил...

Не более чем через десять минут он помахал паспортом в воздухе, подул на него и показал наркомун:

— Прошу. Теперь ваша очередь. Вот тушь, вот бумага, попрактикуйтесь на черновике — и вперед. Только постарайтесь, чтобы с одного раза получилось. Второй раз бумага не выдержит, разводы пойдут, и сетка нарушится...

Вырисовывая штрихи и линии на зеленовато-серой странице паспорта, Шестаков думал, что, судя по уверенности действий Власьева, он далеко не первый раз занимается подобным делом.

Отчего бы и нет? Начиная с двадцать восьмого года спрос на такого рода услуги постоянно рос. Спасая-

щимся от коллективизации «кулакам», «лишенцам», беглецам из мест ссылок и высылки, многим другим категориям граждан страны, «где так вольно дышит человек», грамотно подправленные документы были если и не дороже жизни, то равноценны с нею. Удивительно только, что до сих пор его никто не выдал.

Значит, скорее всего ни один из владельцев выправленных им документов до сих пор не попался. Это обнадеживало...

— Ну вот, пожалуйста... — Он с облегчением выдохнул воздух, который непроизвольно задерживал в груди во время работы. — Теперь ты у нас чистокровная полька, Танукович Зося Стефановна. Не уверен, что такие фамилии есть на самом деле, но при проверке на вокзале, думаю, сойдет. Главное — даже отдаленно исходную не напоминает. Вы гений, Николай Александрович!

— Чего там, — заулыбался довольный похвалой Власьев. — Не самый сложный вариант. Еще над вашими чекистскими документами помозгуем. Там тоже интересные решения просматриваются... Исключительно в рассуждении чистого искусства.

— Пойдите, — сказала вдруг Зоя. — А прописка? Тут тоже нужно что-то сделать. Наш адрес слишком известен. Какая-то провинциальная племянница — и прописана в правительственном доме в Москве. Любой милиционер этот адрес наизусть знает.

— Столичный милиционер, — уточнил Власьев. — А уездные и в областном центре, как главная улица называется, вряд ли помнят, — пренебрежительно махнул рукой Власьев. — Можем просто номер дома изменить одним штришком, а можем и улицу, чтобы даже отдаленных ассоциаций у проверяльщиков не возникло. А хотите, из Москвы разом Минск сделаем? Тоже не слишком сложно. Но это все пустяки. Думать нужно о моментах стратегического значения...

— Что вы имеете в виду? — искренне не понял хода мыслей товарища Шестаков.

— Как же? Мы ведь условились, что объявляем войну совдепии. Поэтому, э-э, должна быть стратегическая цель, пусть не войны, пусть хотя бы кампании. Можете такую назвать?

— Нет, — честно признался Шестаков. Отчетливо потянуло бредом. Возможно, Власьев на самом деле повредился от одиночества и навязчивых пятнадцатилетних мыслей.

А что? Вполне вероятно. Капитан Гаттерас, например... Иные известные в истории параноики и маньяки. Все поначалу, как правило, производят наилучшее впечатление глубиной знания предмета и целеустремленностью и лишь потом...

Его мысли прервал добродушный и вполне нормальный, без надрыва и повизгивания, смех.

— Вот-вот. У вас все прямо на лице написано. А я ведь далеко не псих, прошу заметить. И о нашей стратегической цели пока что понятие имею ничуть не большее, чем вы. Но она ведь должна быть, согласитесь, иначе... Ну, кто мы тогда, если иначе?

Либо и вправду сумасшедшие, замахнувшиеся на колосса — Советскую державу, либо — банальные бандиты, начавшие с убийства сотрудников государственной тайной полиции и замышляющие новые, не менее гнусные преступления. Разве не так? Деньги раздобыть, за границу сбежать, это что, цель, ради которой жить и умирать стоит? Беглец он и есть беглец, тварь дрожащая...

Шестаков не нашелся что ответить. Ему требовалось какое-то время, чтобы обдумать слова Власьева. Рациональное зерно в них было, безусловно, но как его вылущить? Слава богу, спешить пока некуда. Поужинать как следует, выпить, разумеется, поговорить — не всерьез, а на какие-нибудь отвлеченные темы... Потом

поспать, долго-долго, компенсировать бессонные годы. Завтра видно будет. Утро вечера... и так далее.

Поспать... Утренние мысли опять вернулись. Спать ведь придется не одному. Он посмотрел на жену, стараясь вернуть ночное впечатление. Как бы совершенно свежим взглядом. Да, очаровательная женщина, от которой пол-Москвы без ума, которая в роли принцессы Турандот, говорят, превзошла саму...

Или тут другое? Ему опять начало казаться, что с ним происходит странное. Что он — не совсем он, а во многом другой человек. Он получил способность видеть Зою с тем же чувством, что испытывал, глядя на посторонних красивых женщин.

В принципе известно, что у них там находится под платьем и прочим, но мысль увидеть наяву обнаженной именно ее — волнует.

Неужели недавние события так на него повлияли? Крыша поехала? Странное выражение. Но понятное. Означает повреждение рассудка. На почве убийства? Шизофрения, то есть расщепление личности?

Забавно. Впрочем, именно в данный момент не так уж плохо. С женой до вчерашней ночи они не спали, наверное, больше месяца, не до того было, а вот сейчас...

Нет, в самом деле, только вообразить, что он имеет законное право уложить эту пикантную даму в постель и делать с ней все, что взбредет в голову, — уже приятно, а если еще и осуществить это?

Одновременно, рассматривая Зою, Шестаков начал понимать, что красивая она — в других координатах.

В нынешнем мире она красивой считаться не должна. Не зря же ее, невзирая на успех в театре, очень неохотно приглашают сниматься в кино. И не на первые роли. Зачем и кому она там нужна?

Совершенно нестандартное лицо. Чуждое лицо, как принято выражаться. Разве может она сравниться с

красавицами советской эпохи? С Орловой, Серовой, Ладыниной, Марецкой? Вот те — безусловно народные красавицы. Приятный тонкий голосок, губки бантиком, курбастенькие фигуры без намеков на разные там груди и бедра.

А эта?..

«Вы нам еще Марлену Дитрих предложите в качестве пролетарского идеала», — сказал однажды товарищ Большаков.

А что? И правильно! Чтобы всякое было слюни пускало, на мою жену глядя? Пусть и вправду лучше в театре играет, туда более понимающие люди ходят.

Зоя уловила его взгляд, загадочно улыбнулась, чуть повела плечами. С намеком, что тоже помнит вчерашнее и не против повторить.

Пужинали довольно сдержанно, ограничились одной бутылкой настойки на лесных травах, а потом Шестаков сказал, что пора и отдохнуть. От души. Слишком он устал, не только вчера, а вообще.

Власьев согласно кивнул головой и указал на дверь во вторую половину дома.

Сегодня Зоя приготовила супружескую постель не в кабинете, а в еще одной, совсем небольшой, уютной комнатке.

Шестаков заодно смог осмотреть власьевскую обитель в подробностях.

...Дом на самом деле устроен был своеобразно. Введенный еще в конце прошлого века, неизвестно кем и с непонятной целью, возможно, действительно как научная станция или охотничий домик петербургского или тверского богатея, он в плане представлял подобие несимметричной буквы П, и если фасадная часть внутри выглядела натуральной деревенской избой, пусть и просторной, с высоким потолком, то левая «ножка» — вполне городской квартирой, с обшитыми стругаными досками или оклеенными обоями стенами, выкрашен-

ными белой эмалью дверьми, украшенными фигурными бронзовыми ручками, с кафельными, как уже было сказано, голландками по углам комнат и всем прочим антуражем.

Тоже своеобразный вариант доктора Джекила и мистера Хайда. В присутствии посторонних и днем Власьев обретался в деревенской половине и держался, и ощущал себя соответственно, прочее же время проводил цивилизованно. Шестаков не удивился бы, узнав, что, переходя на «чистую половину», егерь переодевается если и не во фрачную пару, так хотя бы в отглаженные брюки и вельветовую куртку с бранденбурами. Многие на такую возможность намекало.

На вопрос Шестакова, откуда взялось в кабинете роскошное, подлинно венецианское трюмо, Власьев сообщил, что всю эту обстановку он еще в двадцатые годы скупил или выменял на «дары природы» у окрестных крестьян, лентящих самостоятельно охотиться на кабанов и оленей. Но зато поживившихся в Осташкове и помещичьих усадьбах во времена гражданской смуты совершенно ненужной им «господской» мебелью.

— Не поверите — трюмо обнаружилось в коровнике одного комбедовца. Привезти сумел, а в избу не вошло. Дверь низковата. Так и стояло в углу за кучей навоза...

Но ведь заметьте — совершенно целое, а сколько ему пережить довелось? Цена в старых деньгах — тысячи две или три, мне же обошлось в два кабаньих окорока. Правда, время было голодное. То же самое и рояль.

Совершеннейший придурок на телеге привез, посреди двора поставил и начал соображать, каким образом из него струны извлечь и на какой предмет их использовать. Хорошо, я по случаю рядом оказался. Здесь вообще банкой пороха расплатился, мотком лески и двумя дюжинами рыболовных крючков...

— Да это ведь как еще посмотреть, — раздумчиво

★ ответил Шестаков. — Отчего не допустить, что тот ваш порох и крючки ему впоследствии жизнь спасли, а рояль и так и так был без всякой надобности. Если б он играть умел, тогда конечно — поставь его на телегу и зарабатывай тапером на деревенских свадьбах...

На том и разошлись, Шестаков в постель к жене, а Власьев заниматься какими-то своими, непонятными городскому человеку делами.

Время было, по московским меркам, совершенно детское. Восьмой час. Но давно стояла на улице глухая тьма, к радости Шестакова, вновь усилился буран, гудя и свирепствуя так, что сложенный из громадных бревен дом начал подрагивать на своем основании, по стеклам хлестало не горстями уже, а целыми охапками снега.

И что же теперь, напрасно жечь драгоценный керосин или магазинные свечи? На самом деле, лучше лечь спать, а света хватит и из-под дверцы жарко горящей голландки. Не забыть только пошире приоткрыть вьюшку перед сном, когда по углям от прогоревших дров забегают синие огоньки. А то уторишь, к чертовой матери.

Шестаков не ошибся в своих предположениях. Как только задули лампу и Зоя прижалась к нему горячим телом, тут же накатила на него прежняя, глухая, головокружительная и совершенно не имевшая в прошлой жизни аналогов страсть.

ГЛАВА 12

Валентин докурил очередную папиросу, выбросил окурки в форточку, боком присел к овальному обеденному столу и быстро начал набрасывать на странице квадратного блокнота какую-то схемку синим, остро отточенным карандашом. В самом верху он изобразил круг, внутри которого вписал «Шестаков», от него провел несколько стрелок вбок и вниз. К ним тоже прири-

совал прямоугольники, которые обозначил: «Заковский», «Шадрин», немного подумал и заполнил третий фамилией главы НКВД — «Ежов». Над остальными тщательно вычертил вопросительные знаки.

Посидел, мечтательно глядя в потолок, и вдруг начал быстро писать микроскопическим почерком нечто вроде плана мероприятий по разработке каждого из фигурантов этой схемы.

Захлопнул блокнот, подпер щеку кулаком и словно бы задумался. О чем?

Сама ситуация с беглым наркомом его, безусловно, заинтересовала. Не такой уж частый факт, чтобы вполне благополучный и удачно встроившийся в здешнюю политическую систему функционер выкидывал столь неожиданный фортель.

Это надо же — плюнуть вдруг на правила игры, отказаться безмолвно идти на заклание, когда именно так решила распорядиться его судьбой партия, а совсем наоборот — по-мужски разобраться со своими врагами, пусть и не с самыми главными.

Но исполнителям тоже нужно вовремя давать отпор. Не уничтожив солдат, не доберешься до ставки главнокомандующего...

Внезапно пришедшее в голову сравнение Валентину понравилось. Да, вот именно, но отчего у местных жителей, у большинства оных, никак не хватает ума дойти до столь очевидной истины?

Разве — только одно. Нация исчерпала лимит сопротивления в два предыдущих десятилетия. Она, может быть, даже и не проиграла свою гражданскую войну, она просто истекла кровью. Готовых же к бою одиночек слишком мало, и каждый из них наверняка достаточно разумен, чтобы не класть голову на плаху. Организоваться же им не дает тот же самый НКВД и не столь уж глупая, в предложенных обстоятельствах, политика партии.

Самого Лихарева, в рассуждении о реализации плана действий на 1938—1939 годы, такая ситуация скорее устраивала, но сочувствовал он все-таки борцам, а не баранам, с радостным блеянием бегущим под нож.

Сейчас у него начал вырисовываться перспективный, да и просто изящный, как хорошая шахматная задача, замысел.

Если удастся найти Шестакова раньше чекистов или перехватить его, если они это сделают сами, можно использовать наркома в далеко идущей интриге против Ежова и еще некоторых крупных фигур в правительстве и партийной верхушке. Лихарев достаточно ориентировался в советском кукольном театре одного режиссера, чтобы понимать, за какие ниточки следует дергать, чтобы руководить самым кукловодом.

Не слишком сложная задача, между прочим.

Известно ведь, что короля играет свита. Даже в том случае, если «король» имеет неограниченную возможность расстрелять абсолютно любого в своем окружении без суда и следствия. Даже целиком съезд партии, Политбюро и правительство.

Сложности, конечно, будут, и немалые, но в успехе Валентин был почти уверен. Если не случится чего-нибудь настолько экстраординарного, что Сталин внезапно и полностью утратит доверие к своему верному помощнику, захочет его устранить физически. Но и на этот случай у него имелись в запасе варианты.

Самый крайний, если не будет другого выхода, — ликвидировать потерявшего нюх вождя, пустить процесс на самотек и дожидаться, когда в жестокой битве за власть родится новый «крысиный волк». Или, наоборот, не трогая Сталина, исчезнуть самому, чтобы вскоре появиться в новой роли и с новой внешностью.

Случай с Шестаковым можно в определенном смысле считать подарком судьбы, катализатором, резко ускоряющим процесс. И теперь следует, не упуская из

внимания ход поиска и лубянские склоки, форсировать разработку детальных схем смены политического курса страны.

Как всегда в подобных случаях, Лихарев испытал нарастающее возбуждение и боевой азарт. Словно только что принявший очередной вызов профессиональный дуэлянт-бретер.

Но, в соответствии с известным законом, план Лихарева оказался нарушен в самом начале. Около четырех часов утра его разбудило частое, тревожное попискивание «шара».

Его приглашала к сеансу экстренной связи лондонская резидентура. Это случалось не так уж часто, обычно необходимую информацию и текущие задания он получал в безличной форме. Прямые же встречи с руководством практиковались только в случае чрезвычайных происшествий или если намечалась кардинальная смена стратегической линии.

Неужели в Англии решили все-таки прекратить политику невмешательства в испанские дела и твердо стать на сторону республиканского правительства, а тем самым и СССР?

Это может означать нечто вроде возрождения былой Антанты и, значит, в перспективе общеевропейскую войну...

Лихарев, досадуя, быстро переключил несколько штекеров на своем допотопном коммутаторе. Давно пора установить что-нибудь посовременнее и раздобыть еще парочку телевизоров, предстоящие события потребуют одновременного круглосуточного наблюдения за несколькими объектами.

Да где же их возьмешь в СССР? Даже помощнику Сталина это почти не под силу. Такая уж страна ему досталась. Разве что прямо сейчас и попросить, чтобы два, а лучше три аппарата производства фирмы «Дженерал

электроникс» перебросили ему по внепространственному каналу?

На телеэкране возникло не слишком четкое изображение. Лихарев едва не присвистнул, по здешней привычке, от удивления. С ним будет говорить не какой-нибудь клерк-агент второго разряда, не координатор равного с ним ранга даже — его почтила личной беседой сама госпожа Главный резидент, руководитель всей агентурной сети Земли.

С леди Сильвией Спенсер Валентин по собственной инициативе беседовал всего два раза, и еще примерно раз в три-четыре года она его вызывала для подробного доклада обстановки и согласования «генеральной линии». Слишком велика была разница в их служебном и общественном положении. Он не только знал об этом теоретически, но и ощущал на собственной шкуре. Эта дама настолько сжилась со своей ролью за несколько проведенных на Земле десятилетий (чуть ли не при королеве Виктории она вступила в должность), что на самом деле чувствовала себя аристократкой голубых кровей высшей пробы. Сам Черчилль приходился ей то ли двоюродным кузеном, то ли внучатым племянником.

Главе аггрианской резидентуры так нравилась легенда, под которой она работала на Земле, что ей пришлось разработать крайне сложную схему, позволявшую сохранять за собой и титул, и имя, и состояние, не вызывая у окружающих удивления своей вечной молодостью и завидным долголетием.

После первых же слов Валентина леди Спенсер досадливо поморщилась, явно недовольная качеством изображения и звука, включила собственный экран прямой связи, размерами и разрешающей способностью раз в десять превосходящий тот, что имелся в кабинете Лихарева. Почему она не сделала этого сразу, Валентин не понял.

На расстоянии метра в воздухе повис окантован-

ный лиловой пульсирующей рамкой прямоугольник, а в нем — эффектная рыжеволосая дама в строгом костюме цвета индиго. Казалось — протяни руку, и коснешься ее щеки, плеча или чего-нибудь еще. Валентина восхищалась эта женщина, его по-мужски влекло к ней, хотя он и понимал всю бессмысленность этого чувства.

«Паж и королева», — усмехнулся он про себя. Хотя в русской, да и не только русской истории известна масса случаев, когда корнеты и поручики оказывались в постелях императриц. Впрочем, здесь не то. Ему просто приятно видеть безупречно элегантную и красивую женщину, так не похожую на «советских гражданок». Но все это ерунда.

Вот ее техническим возможностям действительно нельзя не завидовать. Служебный статус Сильвии позволяет получать специальную аппаратуру непосредственно с Таорэры, а не мастерить ее из подручных средств.

Отчего-то было определено так, что переправляемый на Землю агент имел при себе крайне ограниченное количество техсредств — продуктов высокоразвитой цивилизации. Так называемый «шар», нечто вроде портативного и сверхмощного компьютера, всю периферию к которому, однако, следовало создавать на месте самому. Вот и пришлось Лихареву монитор изготовить на базе примитивного телевизора, в телефонные сети входить через древний линейно-батарейный коммутатор, системы прослушки конструировать, исходя из возможностей угольных микрофонов, и так далее.

Еще имелся так называемый блок-универсал, оформленный в виде фунтового золотого портсигара, могущий быть и своеобразным оружием широкого спектра действия, и средством связи с владельцами аналогичных приборов. В сочетании с «шаром» этот прибор имел и еще кое-какие полезные свойства, но тем не менее истинного всемогущества своему обладателю не обеспе-

★ чивал. И, наконец, позволяющий выживать почти в любой ситуации браслет-гомеостат. Но именно что — «почти», справедливость этой оговорки как раз и подтвердила нелепая смерть его предшественника.

Однако Валентин пока выживал, и выживал успешно, пусть и не понимая смысла наложенных на него ограничений.

В школе сочли излишним объяснять принципы, правила и законы, которыми руководствовались агтры, проводя на Земле свои операции. Лихарева это не задевало, в его психику изначально были внесены соответствующие установки, которые не позволяли отождествлять человеческие и агтрианские составляющие личности.

Он мог в рамках своего задания достичь любого возможного в СССР поста, занять, в конце концов, место самого Сталина, но оставаться все тем же агентом-координатором второго ранга, и обладатель первого, будь он в здешней жизни каким-нибудь журналистом или иностранным бизнесменом, имел бы над ним неограниченную власть.

Возможностей для продвижения по службе у них тоже не имелось. Кем послан на Землю, тем и будешь оставаться до самой смерти (выработки жизненного ресурса). Стаж и «боевые заслуги» в зачет не принимались. Такая вот специфика.

Считалось, правда, что безупречно отработавший свой срок агент в конце концов получал право вернуться на материнскую планету, где удостоивался всевозможных почестей и непредставимых воображением землянина благ. Но это в настолько далекой перспективе, что Валентин предпочитал пока об этом не задумываться.

Зато в случае каких-либо претензий со стороны руководства судьба агента могла быть печальной. Вплоть до дематериализации без права обжалования.

Леди Спенсер провела ладонью по лицу, убирая с глаз упавшую прядь волос.

— Скажите, «товарищ» Лихарев, за последние дни у вас здесь не происходило чего-нибудь неожиданного, необычного? — Она говорила с ним по-русски, что было определенным жестом вежливости со стороны резидента.

«Что она имеет в виду? Неужели до нее уже дошла информация о наркоте? Так быстро? Или речь о чем-то другом? Разве что они там причастны к акции с Шестаковым, а меня в известность еще не поставили?» — мысли мелькнули мгновенно, не отразившись на его внимательно-вежливым, но спокойном лице.

— Если говорить об обстановке в стране в целом, то она стабильна. Террор идет по плану. — Он позволил себе осторожно, в английском духе, пошутить. — Правда, есть интересный, хотя и частный случай. При попытке ареста бежал, оказав вооруженное сопротивление сотрудникам тайной полиции, один из членов правительства. — Заметив, что его сообщение Сильвию не слишком заинтересовало, Лихарев все равно добавил: — Этот факт мной выяснен практически немедленно, я им занимаюсь.

Леди Спенсер остановила его жестом руки:

— Это вопрос вашей компетенции. Считаете нужным — занимайтесь. Больше ничего?

Лихарев развел руками.

Сильвия покусала нижнюю губу великолепными, слишком ровными и аккуратными для природной англичанки губами.

— Вы что-нибудь знаете о квантово-электронных матрицах мозга?

— Разумеется. В рамках учебного курса.

В спецшколе (или специнкубаторе, если угодно) его учили, что в определенных, как правило — исключительных случаях возможен, попросту говоря, обмен лич-

ностями между двумя человеческими особями, замена одной личности на другую с безвозвратным аннулированием первой или же совмещение двух личностей в одном мозге. Такие операции могут проводиться, когда, например, необходимо спасти человека с необратимо разрушенным телом путем переноса его разума в новый организм. Но практическое значение имел третий вариант — чтобы заставить достаточно важную персону совершить некие действия, не прибегая к перевербовке, шантажу или подкупу.

Тогда и прибегают к услугам «драйвера» (от английского «водитель», «рулевой»), избранного обязательно из коренных, местных жителей. Матрицу с мозга таких, как Валентин, «штатных сотрудников» снять отчего-то невозможно. В этом, кстати, и заключается главная трудность — крайне мало вероятно найти землянина, должным образом подготовленного, абсолютно лояльного «агтрианскому делу», да еще и обладающего исключительно сильной нервной системой и психикой.

Лихареву не приходило в голову, что этот запрет, как и многие другие ограничения возможностей агентов, подобно правилам любой человеческой игры, имеет не технический, а скорее этический характер.

Матрица накладывается на личность реципиента так, что отключает у него высшие уровни сознания и получает в свое распоряжение его память, моторные навыки, инстинкты, добавляя к ним все характеристики «драйвера». Еще одна немаловажная деталь — само по себе информационно-энергетическое поле матрицы влияет на подчиненное ей тело так, что восстанавливает все функции до абсолютной генетической нормы и позволяет почти на 100 процентов использовать заложенные в него возможности. То есть если «драйвер» не сожжет организм реципиента непосильными физическими и умственными нагрузками, тот получит премию в виде избавления от всех болезней, несокрушимого здо-

ровья и возможности реализовать все заложенные в него судьбой таланты.

Для окружающих нет никаких способов распознать подмену, если только «одержимый драйвером» персонаж не начнет вести себя слишком уж неадекватно. Но и тогда им просто займутся психиатры, и только.

Когда «драйвер» уходит, у реципиента остаются все воспоминания о происшедшем, но без осознания того факта, что он находился под чьим-то управлением. Человек, конечно, может удивляться, как это ему взбрело в голову поступать так, а не иначе, подчас — вопреки собственным интересам, принципам и убеждениям, но это уже его личные проблемы.

Самые обычные люди, без всякого постороннего вмешательства, иногда могут отчудить такое, что потом рвут на себе волосы: «Как? Я? Мог? Это! Сделать!!» Бывает, и стреляются от стыда и безысходности, проиграв, к примеру, сотню тысяч казенных денег. А уж тут-то никто не виноват. Хозяин — барин.

Все это Лихарев знал, но только теоретически, поскольку агент его ранга ни аппаратурой для создания и переноса матриц, ни соответствующими полномочиями не обладал.

О чем он и сообщил Сильвии.

— Я знаю, что у вас есть, а чего нет. Суть дела в том, что для контроля над объектом — носителем матрицы каждая из них снабжается собственным, индивидуальным спектром излучения. И наше следящее устройство зафиксировало присутствие такого излучения где-то в районе Москвы.

Валентин промолчал, ожидая продолжения. Пока что его лично эта информация по-прежнему не касалась.

— Вам должно быть ясно, что из Лондона установить точное местоположение объекта крайне сложно. Кроме того, я сейчас не располагаю возможностями до-

★ ставить сюда стационарную аппаратуру и подготовленных операторов. Поэтому этим делом придется заняться вам.

— Но...

— Я все знаю, — опять перебила его Сильвия. — Чтобы все делалось по уставу, я присваиваю вам временное звание «координатор первого ранга». Тем самым вам разрешен доступ к соответствующей информации и технологиям. Где ваш «шар»?

Валентин указал рукой на полку, которая располагалась за спиной у леди Спенсер. Экран тут же развернулся на 90 градусов, его рамка из лиловой стала ярко-алой. То есть из экрана он превратился в межпространственное окно, соединившее лондонскую резиденцию с квартирой Лихарева.

Сильвия протянула руку к прибору, откинула крышку, что-то повертела на панели управления, извлекла из открывшейся прорези узкий футляр, похожий на пистолетный магазин, вставила на его место другой.

— Ваш блок-универсал.

Валентин отдал ей свой «портсигар», получив взамен такой же точно, разве что монограмма на крышке выглядела чуть-чуть иначе.

— Теперь вам не следует жаловаться на слабую техническую оснащенность. — Леди Спенсер позволила себе легкую улыбку. — Если исполните задание подобающим образом, ваш новый ранг останется за вами. Это большая честь.

Формулы, подобной здешнему: «Служу трудовому народу», устав не предусматривал. Валентин лишь кивнул, может быть — чересчур энергично. Но ведь такой момент!

— Скажу вам откровенно, — продолжала «резидентша», — я еще не до конца уверена, не ошибка ли аппаратуры вообще этот сигнал. Он слишком нестабилен. Без всякой системы то усиливается до почти стан-

дартных показателей, то вдруг падает до нуля. Даже можно предположить, — она выдержала паузу, — не есть ли это провокация наших извечных врагов.

— ?.. — поднял бровь Валентин.

— Изучайте содержание новой кассеты, там для вас найдется немало полезного. Короче — я не считаю пока ситуацию чрезвычайной, но нельзя упускать из виду ничего. Продолжайте, ну, три раза в сутки по полчаса отслеживать излучение матрицы. Расширьте полосу поиска до... — Она назвала несколько дополнительных параметров. — Установите более-менее точную локализацию. Ваша новая модель блок-универсала позволяет с достаточной точностью отслеживать перемещение объекта на расстоянии до тридцати миль. Дальше — только факт его присутствия и общее направление. Получите убедительный результат — докладывайте. У меня все.

— Будет исполнено, — ответил Валентин и вдруг, неожиданно для себя, может быть, подчиняясь повелительному, почти гипнотическому взгляду леди Спенсер, сказал то, о чем собирался до поры умолчать. Это ведь лишь шальная гипотеза, пришедшая в голову буквально пять минут назад. О том, что происшествие с наркомом Шестаковым и момент фиксации сигнала матрицы почти точно совпадают по времени.

— И каков ваш вывод? — без особого интереса спросила Сильвия.

— Пока — никакого. Я просто обратил внимание на совпадение. Не представляю, кто и каким образом мог наложить матрицу. И чью, с какой целью? Если, конечно, на подконтрольной мне территории не работает кто-то еще. — Он хотел добавить: «примерно вашего ранга», но воздержался.

— Я могла бы вам ничего не говорить, но скажу — лично мне о подобном ничего не известно. Так что мы в одинаковом положении. Я займусь этим вопросом. А вы занимайтесь своим. Когда найдете беглеца, многое мо-

жет проясниться. Вы понимаете, что должны найти ШестакOVA раньше, чем ваше ГПУ?

— НКВД, — машинально поправил ее Лихарев.

— Я знаю, но здесь, у нас, до сих пор принято говорить именно так. Действуйте. Желаю успеха. — Рамка экрана над столом медленно сжалась в яркую точку, которая тоже исчезла, оставив запах озона и, как показалось Валентину, терпких духов.

«Что же, работа санкционирована, — подумал Лихарев, — и будет выполнена, вне всяких сомнений. Но сейчас отчего бы и не отдохнуть, отпраздновать редкостный случай повышения в чине?»

Теперь у него возникают совсем другие возможности.

А как настоящий русский человек, он просто обязан провести ближайший вечер в хорошем ресторане, например, в «Метрополе». Честно говоря, на всю советскую столицу сейчас имелось всего четыре заслуживающих внимания заведения. Названный «Метрополь», «Националь», «Савой» и еще «Арагви». Было несколько других, но то уже просто харчевни.

И непременно пригласить девушку. Знакомства у Валентина были обширные, но сейчас требовалось и в этом плане подобрать самую лучшую, такую, чтобы завтра не сожалеть о напрасно потерянной ночи.

Наверное, в ознаменование случившегося следует прикрутить на петлицы ромбик комбрига. Надеть столь популярную здесь авиационную форму, пара орденов тоже не помешает. Советский народ, а особенно женская его половина, обожает летчиков. А если совсем легонько намекнуть, что ты буквально вчера — из Испании...

ГЛАВА 13

Первым делом Шадрин, используя полученный от Заковского карт-бланш, набросал текст шифротелеграммы.

«9./1.1938 г. Исх. №...

Секретно! Особо важно! Крайне срочно!

Начальникам: Московского горуправления НКВД, всех городских райотделов и отделений милиции, УНКВД Брянской, Горьковской, Ивановской, Калининской, Калужской, Костромской, Курской, Липецкой, Московской, Новгородской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тульской областей.

Немедленно под вашу личную ответственность организовать всеми имеющимися в распоряжении силами и средствами розыск автомашины «ГАЗ-М1» черного цвета, гос. номер такой-то, при установлении задержать с пассажирами. При обнаружении машины без пассажиров организовать в прилегающей местности розыск гражданина Шестакова Григория Петровича, 1896 г.р., приметы такие-то. При задержании соблюдать крайнюю осторожность, объект вооружен, опасен. Стрельба на поражение категорически запрещается. Вместе с разыскиваемым могут находиться Шестакова Зоя Степановна, 1903 г.р., двое детей 10 и 7 лет. Розыск не прекращать до обнаружения объекта или особого распоряжения. Иметь в виду и сообщить оперсоставу, что разыскиваемый может использовать удостоверения сотрудников ГУГБ, номера такие-то, на следующие фамилии. О ходе розыска докладывать ежедневно лично по телефонам...

Подпись: замнаркомвнудел комиссар ГБ 1-го ранга Заковский».

Шифротелеграмма такого же содержания ушла в адрес управлений и отделов внутренних дел на транспорте. Шадрин здраво оценивал шансы объявленного розыска. Прошло уже больше суток. Но теперь по крайней мере найдут хотя бы машину. Не иголка. Пользуется ею беглый нарком или давно бросил, появится хотя бы зацепка, определится район, где он может скрываться, а уж остальное — вопрос времени. Каждый дом и

★ двор наизнанку вывернем, все окрестные леса прочешем.

Убедившись, что шифровка ушла, старший майор приступил ко второй части задачи.

Уже к вечеру он смог предъявить Заковскому плоды своих трудов.

Не слишком сложно было отследить всю цепочку, имея на руках ордер и сопутствующие документы. Несмотря на то что обмен информацией между службами негласным образом приравнивался чуть ли не к измене Родине, Шадрин, ссылаясь на распоряжение первого замнаркома, частным образом намекал товарищам (большинство из которых не так давно заняли свои посты), что от их нынешней готовности к сотрудничеству может зависеть многое в дальнейшем.

И как мог бывший младший опер, неожиданно для себя ставший начальником отдела, сопротивляться волевому нажиму легендарного старшего майора, который носил на груди, кроме орденов, еще и значок «Почетный чекист» с номером из первой сотни, то есть врученный еще самим Железным Феликсом? И, что немаловажно, возглавляющего самое, пожалуй, страшное подразделение ГУГБ.

Каждый бюрократ помнил, что в один далеко не прекрасный момент сотрудники третьего спецотдела могут войти и в его кабинет.

Шадрин установил, что заявка на задержание наркома Шестакова поступила из секретариата предсовнаркома Молотова на имя начальника 7-го отдела ГУГБ (чекработа в системе оборонной промышленности) майора ГБ Рейхмана.

Оттуда, без дополнительных обоснований, которых никто и не требовал, особенно имея чье-то устное распоряжение, бумага ушла в контрразведку, потом в Генпрокуратуру за очередной закорючкой (без их визы

наркомов и членов ЦК и ВЦИК не арестовывали) и наконец пришла в спецотдел Шадрина.

Тут он, нечего говорить, промухал. Пропустил мимо себя важную бумажку. Мог бы заинтересоваться, перепроверить, все ли положенные обоснования имеются?

Так ведь кто их читает, эти постановления, сотнями подаваемые на подпись.

Бывает, глянешь на сопроводительные реквизиты, а чаще и нет. В прошлом только месяце, шутка сказать, подмахнул больше семи тысяч постановлений на аресты (ордеров в просторечии). Что же, каждое читать да еще и задумываться, зачем да почему? Тогда и работать некогда будет.

А вышло — утрата бдительности.

Чем тут же воспользовались враги!

Их, врагов, развелось так много, что они уже и борьбу против себя превратили в борьбу против Советской власти!

И как теперь быть?

Шадрин ненадолго задумался. И решил, что ничего уж слишком особенного делать не следует. Заковский, сам того, возможно, не поняв, прикрыл его надежно.

Осталось доложить комиссару о результатах расследования, и пусть делает что хочет.

Выясняет конкретно, кому помешал Шестаков, кто принимал решение и откуда прошла утечка. Шадрин не сомневался, что нарком был предупрежден о дне и часе ареста.

Но это — большая политика. А старшему майору нужен был результат. Пойманный, желательно живым и здоровым, нарком. Только как это осуществить?

Шадрин заведомо знал, что объявленный по схеме «Перехват» розыск — дело не слишком надежное. Для подстраховки нужно использовать какие-то другие методы.

Он представлял, какие именно. Однако в его отделе розыскников нет, таких, которые именно настоящих преступников по подлинным уликам искать могут.

Ребята Шадрина хороши, когда есть приказ, ордер и адрес. Другому не обучены. Да и в прочих службах ГУГБ сотрудники такие же.

Привыкли работать, как учили на курсах по марксистской философии — от общего к частному.

Сначала выясняем, что имеет место очередной заговор, устанавливаем пару ключевых фигур. А дальше уже дело техники. Причем в пределах одной конкретной статьи УК. 58-й, естественно. Как вон кировское дело.

Николаева взяли с поличным, товарищ Сталин объявил, что его руку направили троцкисто-зиновьевцы, — и пожалуйста, через неделю арестовали столько фигурантов, сколько требовалось. Кто признался, кто нет, а к стенке почти все пошли.

Вот так мы умеем. А чтобы — вот труп, вот пепел от папиросы, вот след ноги на подоконнике — извольте представить убийцу, причем настоящего, — нас не учили. Про Шерлока Холмса читали на переменах в церковно-приходском училище. Позже — не приходилось.

Но соображать тогдашние чекисты все-таки умели, невзирая на образование.

Раз нет собственных возможностей — нужно найти другие. В пределах своего же ведомства, но среди тех, кто умеет. А где умеют?

Известно. Даже тем гражданам, что читают только колонку происшествий на четвертой странице «Вечерней Москвы». А также и тем, кто вообще ничего не читает.

Шадрин пролистал внутренний телефонный справочник и снял телефонную трубку.

...Петровка, дом под номером 38. Московский уголовный розыск. В просторечии — МУР. Несколько кощачье название, удачно кем-то придуманная аббревиатура, прижившаяся не хуже, чем колхоз или комсомол. Имя собственное, можно сказать.

На втором этаже кабинет бригады оперуполномоченных по особо важным делам. Большая, на вид необитаемая комната. Четыре стола и четыре сейфа, симметрично расставленные по углам, странным образом только усиливают впечатление заброшенности и неуюта. Возможно оттого, что на столах ни единой бумаги, только круги от горячего чайника на выцветшем и потрескавшемся лаке да редко очищаемые пепельницы издают застарело-прогорклый запах.

Пол затоптан грязными сапогами: мало кто из посетителей снимает калоши в гардеробе, а ноги вытирать о мокрую тряпку перед дверью считается как бы не по-пролетарски.

Вечереет. И без того скучная обстановка усугубляется неприятным, болезненно-желтоватым светом из-под громоздящихся над голыми вершинами деревьев сада Эрмитаж туч, то и дело вываливающих на город очередной заряд снега. Тоскливо завывает ветер в проходящей рядом с окном водосточной трубе.

Однако в кабинете пусто и тихо лишь по редкому стечению обстоятельств. Вся бригада в разгоне, только ее начальник, Буданцев, на месте. Опершись локтями на стол, он наблюдает за огромной стаей ворон, как всегда в этот час, вдруг поднявшейся из парка в небо и устремившейся к неведомой цели. Обратно они прилетят завтра, тоже строго по часам, в половине восьмого утра. Проверено неоднократно.

Буданцеву как-то муторно на душе, раздражает все: мерзкие запахи остывшего табачного дыма, ализариновых чернил, отдающего блевотиной клеястера в стек-

★ лянной банке, кухонный чад из столовой на первом этаже.

Давно хочется есть, но как представишь себе бурные щи с обрывками мороженой капусты и подгорелые макароны по-флотски на машинном масле... Нет уж, лучше потерпеть еще немного.

Сейчас вот подошьет рапорты и протоколы в пухлую папку и отправится домой. С руководством согласовано.

Дело он сейчас ведет странное и жутковатое, даже и для привычного человека.

Жена известного театрального режиссера, недавно арестованного, она же — бывшая вдова еще более знаменитого поэта, давно покойного, одна из первых красавиц Москвы, найдена зарезанной в своей огромной и богатой квартире на втором этаже кооперативного дома в Брюсовском переулке. Горло перехвачено опасной бритвой от уха до уха, весь пол и стены в крови, а украдено удивительно мало. Не взяты ни драгоценные картины, ни ювелирный антиквариат, из-за которых как раз можно было пойти на убийство. Даже простенький потайной сейф, доверху набитый пачками денег, оказался в полной сохранности. Исчезла только наличность из сумочки и ящика буфета, а это едва ли тысячная часть от имевшегося в квартире. Для мелкого воришки немало, но мелкие так не работают. Преступление выглядело одновременно и тщательно подготовленным, и совершенным чуть ли не сдуру, «на хапок», как сдерживают узелок с воза на базарной площади.

Буданцев занимался этим делом вторую неделю, допросил массу свидетелей, облазил навроде Шерлока Холмса с лупой каждый сантиметр комнаты, где случилось убийство, коридоров, крыш примыкающих к дому сараев. Только сотрудников ГУТБ, которые вроде бы случайно (зимой!) оставили незапертой балконную дверь, когда арестовывали хозяина и опечатывали его кабинет,

ему опросить не удалось. Вежливо, но как бы и с намеком они все откладывали встречу, ссылаясь на неотложные дела особой важности.

Отчего и появилась грустная мысль, что не все здесь чисто.

Может, действительно списать убийство на пока не выявленного маньяка, которого хлебом не корми, а дай зарезать знаменитого человека? Или на сына «потерпевшей», парня без определенных занятий, сильно выпивающего. Подобная мысль неявно уже прозвучала в одном из начальственных кабинетов.

Додумывать ее до конца Буданцеву отчего-то было противно.

Домой он собирался уходить тоже без особой радости. Вот если б удалось перехватить служебную машину. А так...

На улице холодно, метель, минут двадцать придется ждать трамвая, потом — штурм площадки, давка, брань, торчащие локти, вонь из ртов тесно сжимающих тебя со всех сторон людей (ну отчего они все жрут чеснок и никогда не чистят зубы?), еще пять минут проходными дворами и лишь потом — «тихая пристань», двенадцатиметровая комнатенка с окном, выходящим во двор-колодец, в малонаселенной коммуналке, всего на пять семей, на Палихе.

Одна радость — комната последняя по коридору, вдали от кухни и клозета, и дверь толстая, вдобавок самолично обитая войлоком и клеенкой, никакой шум не доходит. Закрывать щеколду, стянуть промерзшие сапоги, сунуть ноги в согретье на батарее валенки со срезанными голенищами. Заварить чаю (а можно еще и соточку пропустить для оттяжки), вволю поесть бутербродов с любительской колбасой на мягкой французской булке.

«Вот черт! — вспомнил Буданцев. — А в тумбочке-то шаром покати, придется еще забежать в гастроном,

где тоже полчаса, не меньше, давиться в сумрачной, на-строеной на скандал очереди, опять же дышать кислой вонью мокрых валенок и бобриковых пальто с воротниками из кошачьего меха... Или плюнуть и отовариться в коммерческом магазине? Дорого, конечно, ну да черт с ним!»

Зато потом — вытянуться на кровати, закурить вкуснейшую, первую после ужина папиросу и почитать. Купленного вчера в «Букинисте» на Сретенке Честертона. «Человек, который был четвергом». Интересная книжка...

Мысли текли лениво, никак не пересекаясь с казенными словами, что он привычно выводил на бумаге.

Буданцев и сам не знал причины владевшей им уже не первый день хандры. Ничего чрезвычайного с ним лично не произошло, дни тянутся такие же, как всегда, — зимние короткие пасмурные дни, когда рассветает после девяти, а уже в четыре опускаются сумерки. Зима, она и есть зима, усталость накопилась, да и обстановка в стране никак не способствует оптимизму.

Давит, как перед грозой, ожидание чего-то еще более грандиозного и страшного, словно мало уже и так случилось. Вроде бы его, сыщика по чисто уголовным делам, напрямую и не касается, а газеты в руки брать противно. О радио и речи нет, пусть дома он его вообще не включает, так в остальное время никуда не спрячешься от черных картонных тарелок в кабинетах и квадратных раструбов громкоговорителей на уличных столбах.

Несоветские мысли, а куда денешься?

Багрицкий правильно писал: «Оглянешься — а кругом враги»... Вот и с этим убийством — расследовать все одно надо, работа такая, а в то же время... Если на самом деле тут не уголовники руку приложили, а коллеги из «Большого дома»? Тогда как? Не захотели общим порядком сажать жену вслед за мужем по каким-то спе-

циальным соображениям, а решили вопрос по-другому, с выдумкой...

И если будешь слишком усердствовать, где сам можешь оказаться?

Буданцев уложил в сейф папки с делами, дважды повернул ключ в замке, позвонил начальнику отдела, что на сегодня закончил и идет домой, как договорились. Опустил на рычаги трубку и вдруг решил закурить по последней, как бы уже отдыхая, без спешки и с удовольствием.

Хотя какое там удовольствие, если палишь по паре пачек в день, язык к ночи как печеный. Чуть не четверть зарплаты на «Казбек» тратит, перейти же на дешевые «гвоздики» не хватает характера. И так в жизни мало радостей, да и несолидно, все же целый ромбик в петлице носишь, пусть и цена этому ромбику совсем не та, что армейскому или в ГУГБ.

Конечно, «майор госбезопасности» совсем иначе звучит, чем старший опер одиннадцатого разряда тарифной сетки, и оклад у них там в три раза больше... Правда, сажают их впятеро чаще. Вон в Первом управлении никого знакомых, почитай, не осталось, а в МУРе кто работал, те и работают, за малым исключением.

«Вот черт! — удивился он себе. — О чем ни станешь думать, обязательно на очередную гадость мысли съедут».

Папироса не успела догореть до половины, как пронзительно затрещал звонок старого, в деревянном еще ящике, аппарата.

«Пожалуйста вам! Лучше бы сразу ушел... Да лучше ли? Когда из койки выдернут, едва придремавшего, — куда как противнее. Ну, может, и обойдется, мало ли».

Буданцев снял трубку.

— Здесь еще? Вот и ладненько. Давай быстро ко мне.

Начальник сидел в таком же неудобном, но все же

почище и отдельном кабинете, при появлении оперуполномоченного быстро захлопнул коричневую коленкорую папку.

Секретничает. Хотя какие между ними секреты? Все равно ведь, если что важное, ему же и передаст для работы. Бдительность, так ее мать...

— Что там опять стряслось? Имейте в виду, я по «Брюсовскому делу» плотно занят, первый раз за двое суток поспать собрался... — агрессивно начал Буданцев, без приглашения садясь на расшатанный венский стул. Специально, что ли, им ХОЗУ самую древнюю и никчемную мебель сбagrивает? В главке кабинеты совсем иначе обставлены. Дают понять, что расслаживаться нечего, волка ноги кормят? Или начальник такой неразвротливый попался, не может с хозяйственниками покруче поговорить?

— Сам ничего не знаю, — ответил начальник. — Позвонили сейчас из приемной Заковского, спросили, кто у нас самый опытный и умелый розыскник. Я решил, что дело серьезное, и назвал тебя. Велели немедленно явиться...

— Вот уж удружили, спасибо... Могли б и Мальцева назвать. Не дурее меня, а?

Договорить ему начальник не дал. Жестом показал, что все доводы давным-давно известны и смысла не имеют, словами же подсластил пилюлю, как принято выражаться:

— А что такого? На виду окажешься, так и застрянет у начальства в памяти: «Кто там в МУРе самый лучший сыщик? А, как же — Буданцев!» Глядишь, проявишь себя, еще и орден отхватишь. Наверху это быстро делается.

— Как бы чего другого не подхватить, — буркнул Буданцев, вставая. Мечты об отдыхе, пожалуй, накрылись окончательно. — Машину дадите или пешком на Лубянку шлепать?

— Машину они уже выслали. Спускайся. Синий «Паккард», номер Р-5-25-55. Если быстро отпустят, заскочи, расскажешь, что и как. А домой я тебя потом на своей отправлю.

Удобная, на мягких заграничных рессорах, машина домчала быстро. Пропуск на вахте «Большого дома» был приготовлен. Буданцеву в это здание, хоть и сотрудник, и «особо важный» опер, без пропуска войти было нельзя.

Порученец с тремя кубарями в петлицах проводил до лифта, поднял на шестой этаж. Вот уже пятнадцать лет служит Буданцев в НКВД, а сюда попал впервые, а лучше бы и век тут не бывать. От греха...

Он думал, идя вдоль бесконечной череды одинаковых, не дерматином, а настоящей кожей обитых дверей, что сейчас увидит самого замнаркома, и соображал, как с ним держаться и что говорить.

Однако, войдя в громадную приемную, порученец направил его не в правую дверь, высокую, начальственную, а в другую, напротив, которая была чуть не вдвое ниже и без таблички с фамилией обитателя.

Там за простым канцелярским столом сидел старший майор ГБ, который при появлении Буданцева встал и протянул через стол руку. Порученец щелкнул каблучками и исчез.

— Добрый вечер. Начальник третьего спецотдела Шадрин. Вы действительно лучший сыщик на Петровке?

Буданцев пожал плечами.

— Откуда мне знать? Работаю давно, опыт кое-какой есть. Раз поставили «особо важным», значит, предполагается, что справляюсь...

— Так, так... — кивнул Шадрин. — Да вы присаживайтесь, курите, если курите, — подвинул поближе пачку новомодных сигарет «Друг» с тисненной золотом собачьей головой и золотым же ободком по краю. — Во-

прос у меня к вам практический и как раз по вашей специальности — особо важный.

Буданцев не знал, какими вопросами занимается Третий спецотдел, и не особенно стремился узнать, но старший майор ему понравился. Серьезный мужчина, видно, что спокойный и рассудительный. Глаз у сыщика был наметанный, и в людях он разбирался почти мгновенно.

Шадрин сильно нервничает, никаких сомнений. И причина — как на ладони. Что-то у них случилось, и своими силами чекисты справиться не могут.

Да и какие у них силы? Политический сыск и уголовный — две большие разницы. Если бы он, Буданцев, или любой из его сотрудников попробовал вывести на суд обвиняемого по уголовной статье с таким уровнем доказательств, что фигурируют в газетных отчетах о нынешних процессах «врагов народа», его не только адвокат, его прокурор бы высмеял...

— Скажите, вы смогли бы найти преступника, убийцу по такому примерно набору улик? — И Шадрин вкратце обрисовал фабулу «шестаковского дела», не называя, впрочем, имен и не касаясь подробностей, которые могли навести сыщика на неуместные пока размышления.

Буданцев это сразу отметил.

Стараясь тоже быть осторожным, ответил:

— Ну, как сейчас скажешь, товарищ старший майор, смогу — не смогу? Если событие преступления имело место, есть постановление прокурора о возбуждении дела... МУР ведь следствия не ведет, мы ведем оперативный розыск. Такого рода убийства — вообще компетенция прокуратуры. Они должны руководить следствием, а мы — выполнять их поручения.

— Что вы юлите? УПК я тоже знаю. Процедура — не ваш вопрос в данном случае. Я спрашиваю — найти человека сможете?

— Смотря по обстоятельствам, товарищ старший майор, — стоял на своем Буданцев. — Я же не знаю да-же, какие улики имеются, места происшествия не видел, со свидетелями не беседовал... Так скажу, — решил он пойти навстречу чекисту, — искать можно. Да и нужно, куда же денешься? Из практики известно — редко бывает, чтобы преступник «с концами исчез». И абсолютно нераскрываемых преступлений тоже не бывает. Хотя в натуре случается по-всякому...

Похоже, осторожность муровца Шадрину понравилась. Явно не болтун, цену себе знает, не желает авансы раздавать. Но нужна определенность. Раскрывать перед сыщиком все карты — значит, отрезать себе пути отхода.

Хорошо еще, если найдет Буданцев наркома, тогда и к награде представить можно. А как нет? Оставить его на воле со всей информацией об оглушительном провале всесильной госбезопасности? Или — провести за саботаж через Особое совещание «по первой категории»?

А что прикажете делать?

И Шадрин, даже не предупреждая о неразглашении (сам, что ли, опер не знает порядков?), рассказал ему практически все о случившемся. Умолчал разве что о совсем уже деликатных моментах, для предстоящего следствия не особенно и важных.

— Приступить когда? — спросил Буданцев, прикидывая одновременно, и как за неожиданное дело взяться, и как от предыдущего избавиться, и все же ухитриться сегодня отдохнуть. Ничего хуже того, что уже есть, за ближайшие восемь часов не случится. И решил действовать напрямую, что-то в лице чекиста подсказывало, что с ним — можно.

— Да лучше бы немедленно, — ответил Шадрин, вертя в пальцах толстый красный карандаш.

— Рад бы, но... Хотите верить, хотите нет, толку с меня сейчас никакого. Не то что место происшествия

★ осматривать, я сейчас чужой протокол не прочту. Две ночи не спал, с утра не ел. По трем делам сразу работаю.

— Ясно, — перебил его Шадрин, по серому лицу и воспаленным глазам сыщика понимая, что он не врет. — Позвоню вашему начальнику, чтобы все дела по прочим сотрудникам раскидал, а вы поступаете в мое полное распоряжение.

Очевидно, старший майор имел под столом потайную кнопку, потому что без стука возник на пороге давешний порученец.

— Слушай внимательно, Антонюк. Давай машину к пятому подъезду, отвезешь товарища, куда скажет. Попутно заскочи в наш буфет (слово «наш» Шадрин слегка выделил голосом, будто Антонюк мог перепутать и заскочить в какой-нибудь «чужой»), пусть сделают пакетик, нормальному человеку поужинать и позавтракать. И завтра в восемь ноль-ноль будешь с машиной ждать там, куда сегодня отвезешь. Все понятно?

Буданцев подумал, что вопрос относится и к нему, кивнул, вставая, но старший майор движением ладони велел ему сидеть. Поднял голову, взглянув на восьмиугольные стенные часы, диковинные, с двадцатью четырьмя делениями. Удобно, если жить на Северном полюсе. Или в кабинете с вечно задернутыми шторами.

— Сейчас семнадцать. Через полчаса будете дома. И перекусить, и выспаться времени хватит. Но с утра — извините! Впрягайтесь на все сто. Кормить буду хорошо, — скупой улыбнулся Шадрин, — насчет сна не обещаю. До результата.

В восемь Антонюк отвезет вас на место, там будут те, кто проводил первоначальный осмотр квартиры и тел.

По всем вопросам обеспечения — к Антонюку же. Докладывать о проделанной работе — лично мне ежедневно в двадцать ноль-ноль, — при этих словах стар-

ший майор сделал на календаре пометку. — И желательно — уложиться суток в трое. Сами понимаете. — Шадрин поднял глаза к потолку, хотя его начальник сидел в кабинете напротив. — На этом все. Не смею задерживать.

ГЛАВА 14

Леонид Заковский считал свое положение крепким, как никогда. А отчего бы и нет? В течение конца тридцать шестого и всего тридцать седьмого года ушли в небытие многие большие люди из партийной верхушки, почти все руководители НКВД во главе с Ягодой, попросту считая — вся старая гвардия, начинавшая еще с Дзержинским и Менжинским. На круг — больше пяти тысяч чекистов. Только непосредственно из «Большого дома» посадили и расстреляли 695 человек.

Неплохие были ребята, специалисты своего дела, разведчики и контрразведчики, которым, откровенно говоря, и обязана своим нынешним существованием Советская держава. Яша Агранов, Володя Ульмер, Ян Дейч, Иван Леплевский, Иван Дагин... Да мало ли ушло людей, с кем вместе начинали.

Но вот «их ушли», а он остался и получил звание комиссара ГБ аж 1-го ранга¹, такого сегодня ни у кого больше в этом здании и нет. Только у Ежова выше — Генеральный комиссар². Ну, на то он и нарком, хотя ничего, кроме брезгливости, у любого нормального мужчины вызвать не может. Рост метр с кепкой, алкоголик, да еще и педераст.

Нет, старые, ныне расстрелянные друзья, конечно, зарывались. Привыкли считать себя незаменимыми, раньше времени вообразили, что имеют право влиять

¹ Спецзвание ГБ, соответствует генералу армии.

² Соответствует званию — маршал Советского Союза.

на политические решения партийного руководства. И еще — имели неосторожность в нынешние времена сохранять привычки двадцатых годов: вслух говорить то, что думают, уповая опять же на свою чекистскую непогрешимость. «Врагов мы ловим и уничтожаем, а за это дайте нам право делать что хотим!»

Вот и дождались.

Чересчур поверили в верную (но — для своего времени) идею, что «своих не трогают». Было, было и такое — ловили товарища на краже буржуйских бриллиантов, на изнасиловании дочек подозреваемого в заговоре царского генерала, на гомосексуализме тоже случалось. Ну, наказывали, изгоняли из органов, отправляли председателем совнархоза в Усть-Сысольск, но ведь не расстреливали же и в тюрьму не сажали!

А сейчас времена изменились. Тех, кто не успел этого понять, — шлепнули. Но он же вот уцелел?! И не только он. Это правильно. Любому диктатору, Сталину в том числе, нужны верные люди. Но, кроме верных, нужны еще и квалифицированные. Так?

Кто такой Коля Ежов? Все знают. А работу кто делать будет? Настоящую работу, имеется в виду, а не обеспечение процессов вроде нынешнего, право-лево-троцкистского блока. Где на одну скамью на днях сядут и Бухарин, и Ягода, и Рыков, преемник Ленина на посту Предсовнаркома, но в историю вошедший лишь водкой своего имени.

Тут ума много не надо. Тут и Ежов с его костоломами справится. А закордонная разведка, а борьба с настоящими врагами, а....

В этих делах Заковский не знал себе равных, отчего и смотрел в будущее с оптимизмом. Пост наркома ему совсем не нужен, там пусть крутятся выскочки и временщики вроде нынешних выдвиженцев, ему хватит подлинной власти и серьезной работы.

Отчего, подумать, он вдруг схватился за это дело с

беглым наркомом? Потому что сразу почуял серьезную за ним подоплеку.

Сколько заметных людей арестовали за последний год, не считая предыдущих? Страшно сказать.

А сколько из них не то чтобы оказали прямое сопротивление, просто повели себя как нормальные, имеющие инстинкт самосохранения люди?

Ноль целых хрен десятых.

Почему?

И что такого в этом Шестакове, что позволило ему «переступить»? Биография?

Заковский задумался.

Нет, настоящие белогвардейские, английские и всякие прочие агенты в гражданскую войну и позже вели себя как положено. При опасности пытались скрыться, при задержании отстреливались, попав в камеру, либо молчали на допросах, либо врали, изворачиваясь. И даже если просили о пощаде, пытались убежать или шли на сотрудничество, то все равно соблюдали некие общепринятые в профессии правила.

Со «своими» все было совсем иначе.

Но вот Шестаков... Он явно «свой», отнюдь не профессионал тайной войны, но нарушил правила, принятые в номенклатуре (или кем-то для номенклатуры определенные). Тухачевский же не поднял на свою защиту войска Приволжского округа, Ягода не взбунтовал четыре с лишним тысячи верных ему чекистов центрального аппарата, включая роту боевиков спецназначения, специально натасканных на политические убийства.

Хотя не мог не догадываться об уготованной ему участи, и большинство его людей вслед за ним пошли в распыл в подвалах их же родной Лубянки.

Десятки резидентов загранразведки покорно вернулись в Москву на расправу по вызову, за исключением

★ Орлова, Кривицкого, еще двух-трех функционеров низшего ранга. А этот?! Так приличные люди не поступают!

Тут крылась тайна.

Первая — кому и зачем вообще потребовалось изымать крайне лояльного и безусловно ни в чем не замешанного наркома? Принципы игры Заковский знал, научился угадывать или вычислять не только причины и поводы, но даже и сроки, когда придет очередь того или иного видного государственного лица. О мелочи, о «пехоте» речи не шло, там на самом деле работал закон больших чисел, «лес рубят — щепки летят», как сформулировано на самом верху.

Таких, как Шестаков, — не брали. Наоборот, на них делалась ставка. Примеры? Тьма. Косыгин, Тевосян, Ванников. Это технари.

Кузнецов, Жуков, Смушкевич, Рычагов — из военных. Молодые, профессионально подготовленные, практически безыдейные — в смысле, что не имеют собственных политических убеждений, помимо нынешней генеральной линии.

Разве мог лояльный, очевидно безвредный для Сталина нарком вдруг показать такие зубы?

Длинные, острые, ядовитые.

Что, так вот, совершенно случайно, для количества или из личной неприязни, внесли товарища Шестакова в реестрик, а он вдруг и оказался настоящим резидентом чьей-то настоящей разведки, прошедший полный курс спецподготовки, которая позволила перебить опергруппу и скрыться со всем семейством.

Если да — то где, в какой стране и в какое время он мог успеть пройти такую подготовку, если за последние десять лет выезжал в заграникомандировки всего три раза, на неделю-другую, и все время находился под плотным присмотром, а здесь, на Родине, работал, как все, восемнадцать часов в сутки, без выходных и отпусков.

Не рядом, получается...

Опыт подсказывал Заковскому, что это абсурд. По всем канонам и по любой логике. Он имел дело и с профессиональными диверсантами, и с агентурными разведчиками, знал, сколько времени и сил отнимает не только первоначальная подготовка, но и постоянное поддержание должной формы. Даже простой скрипач, не поиграв месяц, теряет квалификацию, что же говорить о настоящем разведчике-диверсанте?

Тогда можно предположить чью-то серьезную, многоходовую операцию вокруг означенного Шестакова, чуть ли не аналог давних, вошедших в анналы «Треста» и «Синдиката».

В нынешние примитивные времена, когда стало обычным просто арестовывать любых нужных людей, хоть членов Политбюро, хоть самого наркомвнудела, а потом уже лепить вокруг них любое нужное дело, возможна ли такая комбинация? Заковский решил, что вряд ли. И кто бы ее смог осуществить так, чтобы даже он, первый замнаркома по оперработе, о ней не подозревал?

Значит, здесь нечто такое, чего в пыточных камерах не сконструируешь...

Заковский потер высокий, пересеченный тремя продольными складками лоб, расстегнул крючки воротника.

Встал, подошел, разминая папиросу, к высоченному окну, выходящему на площадь имени основателя органов, присел по старой привычке боком на подоконник, поджав под себя ногу в сапоге тончайшей, перчаточной кожи. С шестого этажа открывалась перспектива улицы 25-го Октября, упирающейся в Никольскую башню.

Либо вообразившаяся ему операция исходит прямо оттуда, из Кремля, от Хозяина через Ежова, и тогда вмешиваться в нее смертельно опасно, раз его, опыт-

★
нейшего контрразведчика, не сочли нужным посвящать, либо...

В этом случае есть шанс лично разоблачить настоящий, имеющий конкретную цель и реальных фигурантов заговор, ведущий...

Да куда угодно ведущий, разве сейчас угадаешь?

И то, что он, прочувствовав необычность дела, взял его под личный контроль, есть знак судьбы и шанс... Шанс к чему? Заработать очередной орден, укрепить свое положение, просто продлить существование или?..

Он продолжал колебаться и в то же время сознавал, что решение принято, неизвестно куда ведущее, словно в покере, когда со своим каре королей говоришь подсевшим голосом: «Удваиваю — и раскрылись!», зная, что в случае проигрыша придется стреляться, поскольку заплатить проигрыш — нечем, на кону и так последняя тысяча казенных денег.

Или нет, сравнение с покером здесь не подходит, там ведь только слепая игра судьбы и удачи. Скорее — бильярд. Ставки те же, но возможность влиять на исход — принципиально иная.

А мысль, по сути, — простейшая. Это если бы операция удалась, арестовали бы наркома, отправили куда следует и дело слепили, какое нужно, — мыслей бы ни у кого не возникло. Никаких. Взяли, разоблачили, осудили, шлепнули — все по схеме, все просто.

А раз не вышло? Так теперь ведь никакого труда не составит комиссару 1-го ранга всю цепочку обратно отмотать! И дойти до самого ее начала. Кто приказал, кто санкционировал, кто, кому и что поручил. Только быстро, быстро все надо делать!

Он снял трубку телефона. Вызвал по прямому Шадрина.

— Матвей Павлович, ты мою просьбу выполнил? Заявочка-то на изъятие объекта через какую службу тебе поступила, установил? Вот и молодец, бегом сюда.

«Это хорошо, — подумал Заковский. — Это крайне существенный вопрос. Сейчас мы все и выясним».

Как бы кто ни хитрил и ни маскировался, неизвестно по каким биологическим законам возродившаяся после крушения Российской империи бюрократическая система настолько усилилась, что достигла в своем роде немыслимого совершенства. То есть любое абсолютно незаконное деяние обставлялось тем, не менее строгчайшими правилами.

Решением какой-нибудь «тройки» можно было без суда приговорить к расстрелу любое количество человек, но данное решение непременно сопровождалось громадным числом бумажек утвержденной формы, за нарушение которой нередко отвечали строже, чем за «ошибку» в приговоре. Не того расстреляли или посадили — бывает, а вот не так оформили расстрел или забыли дать приговоренному расписаться, где положено, — это непростительно!

Заковский просмотрел подготовленную Шадринным справку. Так, заявка на арест наркома Шестакова поступила из управления контрразведки.

Уже интересно. Обычно фигуры подобного ранга раскручивались по линии секретно-политического управления. Что и понятно — от неосторожных разговоров в кругу семьи и близких друзей и вплоть до создания террористической группы с целью убийства руководителей партии и правительства — все шло через СПУ.

Но контрразведка? Такое возможно только в случае, если информация на Шестакова поступила от закордонной агентуры, доложена руководству, сочтена важной, кто-то (а кто конкретно?) вошел с предложением в Политбюро и Совнарком, получил визу Кагановича, Молотова или прямо Сталина и вновь переправил

★ документ в контрразведку же, уже с поручением... Очень, очень необычно. И совсем интересно. Перспективно.

Заковский в таких делах знал толк. Поскольку сам как раз контрразведку и курировал. А его обошли. Решили отчего-то, что не нужен здесь товарищ Заковский, что и без него все склеится.

Короткая, не застилающая мыслей вспышка злобы тут же и прошла. Ладно, сначала с главным разберемся, а потом и спросим между делом у начальника отдела, Николаева-Журиды Николая Гавриловича, с чего это вдруг он непосредственного руководителя так нахально игнорировать вздумал? И подумаем, соответствует он своему месту или пора ему туда же.

Теперь только следовало быть очень осторожным, отслеживая всю цепочку. Он хоть и комиссар 1-го ранга, а оступишься — костей не соберешь, если кто-то (опять же — кто?) заподозрит его особый к этому делу интерес.

Значит, нужно сделать так...

До самого тридцать шестого года Леонид Заковский был человеком хотя и состоящим в очень сложной, труднопереносимой нормальным человеком должности, но все же оптимистом.

Есть работа, а есть и жизнь. Для чего, в конце концов, стоило делать все, что он делал, — рисковал головой, предавал сам и неоднократно был предан другими, ходил под пули, не слишком их боясь, придумывал и осуществлял головоломные операции, которые могли бы послужить сюжетами для многих романов? Да ведь и для того, чтобы, ухитрившись выжить, начать наконец пользоваться благами жизни в завоеванной для себя стране!

Звание комиссара ГБ 1-го ранга, равное дореволюционному полному генералу или тайному советнику, полученное в сорок лет, открывало, казалось бы, путь к

нормальной, соответствующей и положению, и притязаниям жизни. Тем более что все подлинные враги были выявлены, высланы на Запад или посажены, началась эпоха процветания и победившего вопреки всему социализма.

И тут вдруг — опубликованная Вождем теория нарастания классовой борьбы, снятие и арест Ягоды, бессмысленные и жуткие процессы старых товарищей, параноик, алкоголик и педераст Ежов на посту наркома.

Катастрофа. Не просто идейная, но и жизненная. Тебя вдруг, как мельника, жизнь положившего на постройку собственной мельницы, прихватывает за рукав жерновыми, и тянет, и тянет вниз, туда, где грузно проворачиваются медленно хрустящие камни. Жив еще, но конец очевиден.

И рядом никого, кричи — не кричи.

Но барахтаться надо!

Заковский умел соображать быстро. Ничего не записывая, прикинул, с кем из пока уцелевших друзей, кому еще мог доверять, необходимо встретиться.

Кого сегодня же пригласить поужинать в «Савой», с кем завтра выскочить на дачу с девочками, кто предпочтет баню с веничком и пивом.

Особенно пригодятся те, кто уже примеряет мысленно тюремный, а то и деревянный бушлат. Дать им надежду, намекнуть не только на шанс к спасению, а и на возможность крепко посчитаться с нынешними врагами.

И женщин следует привлечь к делу. Не тех, с которыми развлекался между прочим, а других, давно завербованных, либо ставших к нынешнему моменту женами вполне высокопоставленных людей, либо имевших на них влияние.

Кое-кого придется навестить даже в камерах внутренней лубянской тюрьмы, чего Заковский обычно избегал.

Например — жену одного из разоблаченных врагов народа, который одновременно являлся свояком двух расстрелянных и одного действующего члена правительства, а также не то личным другом, не то любовником сомнительного по сексуальной ориентации члена Политбюро.

Пообещать свободу, в худшем случае — высылку в пристойное место вроде Геленджика или Сухуми в обмен на информацию.

К исходу третьего дня Заковскому была почти ясна картина хорошо задуманной, но внезапно сорвавшейся интриги. За исключением некоторых, но самых важных деталей.

У него не было сейчас прямых подходов ни к Сталину, ни к Поскребышеву, отчего вся собранная информация страдала главным пороком — непонятно было, как ее правильно применить.

Если Сталин в курсе — это одно. Если нет — совершенно другое.

Очередной раз позвонив Шадрину и узнав, что следствие идет успешно, хотя пока и безрезультатно, Заковский впал в подобие прострации. Как велосипедист, летящий к обрыву, но отчего-то не находящий в себе сил резко повернуть или нажать на тормоз.

Зажмурил глаза, вцепился потными ладонями в руль, а в мозгу бьется одна мысль: «А вдруг пронесет?!»

Все, что у него сейчас есть, — крайне ценно. В случае чего этот материал может иметь убойную силу. Вопрос только — для кого?

Вот если Шестаков найдет или пусть только его труп, тогда, сложив все камешки мозаики, можно и к Сталину идти. А пока наркома нет и неизвестно, где он прячется и на кого работает, что прикажете делать?..

ГЛАВА 15

Прощаясь у черной трубы подворотни, из которой тянуло резким сквозняком, воняющим помоями, мочой, еще какой-то мерзостью, Антонюк передал Буданцеву тяжелый, аккуратно перевязанный шпагатом пакет размером с посылочный ящик.

Поднес руку к козырьку — несмотря на мороз, бра-
вый сержант носил не шапку, а фуражку — для форсу
или просто редко ему приходится бывать на улицах, —
еще раз уточнил:

— Так утром на этом месте? В восемь ноль-ноль?

Прозвучало это одновременно и вежливым вопро-
сом, и недвусмысленным намеком.

Подавив внезапное острое желание выругаться, сы-
щик молча кивнул и почти бегом, оскальзываясь, скрыл-
ся в темноте. На своем этаже открыл на ощупь входную
дверь, прошел по длинному коридору, тоже наполнен-
ному не слишком приятными запахами и шумом, кото-
рый присутствовал в квартире почти всегда, за исклю-
чением поздней ночи.

Шестнадцать человек, из них пятеро детей, даже
специально не стараясь, производят огромное количест-
во разнообразных звуков.

Только затворив за собой дверь и накинув изнутри
хороший, в палец толщиной, крючок, он наконец рас-
слабился.

«Их» буфет был явно не в пример богаче муровско-
го. Хоть и собирали гостинец для Буданцева наскоро,
жадничать не стали.

Он даже загоревал, что некого пригласить на цар-
скую трапезу. Кроме хрустящего белого батона, солид-
ных кусков твердокопченной колбасы, сыра, ветчины и
сливочного масла, завернутых в пергамент, в коробке
обнаружилась маленькая стеклянная баночка зернистой
икры, большая жестяная — шпрот, пачка печенья «Че-

люскин», цыбик грузинского чая высшего сорта, а еще бутылка коньяка и бутылка водки, две коробки папирос «Дукат» и вдобавок завернутый отдельно, густо пахнущий, темно-золотой копченый лещ.

Да-а, если они там ежедневно так питаются... Хотя, конечно, это может быть какой-нибудь специальный доппаек для старшего комсостава, которым Шадрин пожертвовал, чтобы стимулировать усердие крайне нужного ему сыщика.

Ну, так — значит, так. Угрызений совести Буданцев не испытывал. Считай, нанялся на работу «за харчи», как нанимался в двадцать втором году на лето батрачить к кулакам в селе под Воронежем.

Проснулся он под утро и почувствовал, что больше не заснет. И так целых девять часов придавил без перерыва после более чем плотного ужина в сопровождении трех больших стопок отменного коньяка. Пора и честь знать.

Не вставая и не зажигая света, закурил и стал думать. В хорошо отдохнувшем мозгу была необходимая свежесть и ясность, ощущалось даже нечто вроде веселого азарта. Как бы сами собой начали рождаться версии. Пока — на основании сообщенной Шадриным информации и чекистского протокола первого, по горячим следам, осмотра места происшествия.

Фабула случившегося сразу показалась ему сомнительной. Просто исходя из элементарной логики.

Буданцеву за пятнадцать лет милицейской работы не приходилось сталкиваться со случаем, когда один не слишком молодой человек мог бы без выстрелов разделаться с четырьмя крепкими, хорошо вооруженными парнями, причем не оставив практически никаких следов драки, не пролив ни капли своей или чужой крови. Очень и очень сомнительная версия, явно пришедшая в голову человеку, далекому от реальной жизни. Смертельная схватка пятерых, в ограниченном пространстве

квартиры, оставляет столько всевозможных следов. Там бы и стулья поломанные валялись, и застекленные дверцы шкафов разлетались со звоном и грохотом.

Да нет, полная ерунда. В такой суматохе хоть один сотрудник успел бы отскочить в сторону, загородиться столом или креслом, выхватить револьвер. И все — пара выстрелов в потолок или сразу на поражение. Просто не могло быть иначе.

В порядке «приведения к абсурду» можно допустить на миг — в момент преступления каждый чекист находился в отдельной комнате, а нарком — один или вместе с женой, словно человек-невидимка, перемещался из комнаты в комнату, бил и душил ничего не видящих и не слышащих сотрудников по очереди. Бред, разумеется. Кроме оперативников, там ведь находились еще и понятые, и конвойный боец с автоматом в прихожей, они должны были видеть и коридор, и двери каждой комнаты. Если бы что-то началось.

«Стоп! — Буданцев резко сел на койке. — А что, ведь, кажется, такое упоминалось».

Он нашарил круглую шишечку настольной лампы, повернул. Шадрин дал ему с собой для ознакомления протоколы допроса понятых. Раньше он их только проглядел, не вчитываясь. Что тут плела лифтерша? Ага, вот!

«Они все, и милицейские, значит, и товарищ нарком, занимались обыском в другой комнате. А постовой с ружьем стоял возле нас. Потом вдруг ойкнул вот так и упал. Прямо носом вниз на паркет. И ружье полетело. Сильно так брякнуло, я аж обмерла, что как выстрелит? Мы с Андреичем сначала не поняли, к нему было кинулись, а он уже и того, глаза закатил и вроде как кончается. Я в гражданскую сиделкой работала в госпитале, насмотрелась на покойников. А потом из комнаты товарищ нарком вышел».

Интересная вещь получается. Стоял и вдруг упал.

И умер. Потом эксперт установил, что смерть наступила от удара тяжелым тупым предметом в лоб. С разрушением костей черепа и обширной гематомой в субдуральное пространство.

Как бы, к примеру, прикладом в лоб ему заехали, прикинул Буданцев. Или обухом топора. Но рядом же никого не было?! Тетка эта и монтер. У него, к примеру, мог быть молоток. Только зачем? Разве только если знал, что с остальными уже покончено. А что он сам показывает?

«По сути заданных мне вопросов могу сообщить следующее. — Это уже другой следователь писал, любитель строгих казенных оборотов, на ходу редактирующий показания свидетеля. — Караульный боец все время находился на одном месте. Согласно устава. Несколько раз делал вид, что хочет закурить, даже доставал из кармана кисет, потом прятал. Я сам служил, знаю, на посту нельзя. В какое-то время, точно сказать не могу, часов не имея, но примерно через час после того, как нас позвали понятыми, мне показалось, что в воздухе что-то мелькнуло, и боец упал. Что мелькнуло, я не могу сказать, потому что не видел. Мы хотели оказать ему помощь, так как подумали, что боец сомлел в шинели от духоты и упал в обморок, потому что стоял долго, а в квартире тепло. Так с постовыми бывает. Я, когда сам в Красной Армии служил, видел. Подняли его и догадались, что помирает. И даже, наверное, уже умер, потому что не дышит. Немного похрипел и перестал. А вокруг глаз как все равно синие круги стали виднеть... Я закричал — помогите, думал, уполномоченные прибегут и «Скорую помощь» вызовут, потому что нам самим на обыске подходить к телефону нельзя, а вышел товарищ нарком и сказал...»

Не похоже, что оба понятые, допрошенные одновременно, ввали. Хотя, находясь несколько часов запертыми в ванной, имели возможность согласовать показа-

ния. Но, будь они сообщниками, отчего тоже не скрылись, а остались на месте преступления?

Сообщники бы убежали вместе с главным фигурантом, а свидетелей естественней было уничтожить. Где пять, там и семь, какая разница?

Странно, очень странно. На этом гзбэшные следователи и скисли. Не приучены головоломки разгадывать. Но своего добиваться умеют, как бы завтра эти понятия не подписали «чистосердечное признание».

Буданцев натянул брюки, набросил поверх нижней рубашки меховую безрукавку — от окна тянуло холодом. Воткнул в розетку штепсель электрочайника.

«Так, что у нас имеется? Версию первую, что убийца — нарком, отметать не будем, но пока отставим в сторону. Тем более что по ней чекисты работают плотно, к их плану активного поиска единственной пока материальной улики, которую труднее всего спрятать, — автомобиля претензий нет. Пусть ищут, если он, конечно, давно не лежит на дне реки, канала или любого озера в сотне верст от Москвы».

Он положил перед собой школьную тетрадку, написал на первой странице: «Версия 2».

Здесь можно пофантазировать. Что, если по условному сигналу «наркома» (какому — пока неясно, но тщательный осмотр может подсказать) о прибытии чекистской опергруппы в квартиру через окно или иным способом проникли специально подготовленные боевики настоящей террористической организации (?).

Он поставил знак вопроса, рядом приписал: «Выяснить, существуют ли они вообще, настоящие».

Используя пока неизвестные спецсредства (газ?), усыпили сотрудников, а уже потом убили. (Анализы легких, крови.) И сбежали вместе с наркомом и его семьей. Слова же о «настоящих чекистах», а также и то, что понятых оставили в живых, — все это предпринято

лишь для введения в заблуждение следствия и поддержания «версии 1».

Значит, необходимо лично тщательнейшим образом осмотреть каждый сантиметр квартиры, окна, прилегающую местность. После чего или работать дальше, или окончательно вернуться к первому варианту.

Но сразу же ему пришла в голову и «версия 3», еще более изящная и тоже вполне убедительная.

В полвосьмого, никуда не торопясь в отличие от всех предыдущих дней много лет подряд, Буданцев закончил спокойное, медленное, со вкусом бритье — он всегда делал это в своей комнате, а не в ванной общего пользования, куда непременно кто-то начинал стучать в самое неподходящее время. А так он неторопливо взбивал кисточкой пену специального порошка «Лилия» в глубокой алюминиевой чашке, правил на ремне опасную бритву «Золинген», мылил щеки и приступал к процессу. Здесь главное, чтобы рука невзначай не дрогнула, а то затирай потом порез ляписным карандашом, от которого остается на коже некрасивое коричневое пятно.

На сей раз все прошло нормально, без крови. Он осмотрел в зеркало гладкие, почти как у младенца, щеки, приложил к лицу смоченное в горячей воде полотенце, подержал, наслаждаясь, в заключение освежился «Шипром» из пульверизатора с большой красной грушей в шелковой сеточке.

Вот теперь порядок.

Буданцев успел еще выпить чаю с остатками вчерашней роскоши, вспомнив попутно слова кого-то из героев Достоевского: «Миру ли сейчас опрокинуться или мне чаю не пить?», отставил тяжелую фаянсовую чашку, взглянул на часы. Нормально, можно и одеваться не спеша, еще целых пятнадцать минут впереди, а всего-то и спуститься по лестнице к подъезду. Хорошо

начальникам, за которыми каждый день приходит персональная машина.

Сегодня он решил надеть полную милицейскую форму, чего не делал очень и очень давно. Снял с вешалки новую шинель с красными петлицами и синими ромбиками на них, перетянулся пахучими и хрустящими ремнями, даже шикарную лимонную кобуру «нагана» нацепил. Потому что придется иметь дело с ребятами, наверняка похожими на вчерашнего Антонюка, а на них все это действует.

Как ни суди — представитель старшего комсостава, а не худощавый типчик неопределенного возраста в потертом бобриковом пальто и треухе из искусственной цигейки. На обычной работе оно и неплохо, а в общении с «соседями» — отнюдь.

Ровно без трех минут восемь он вышел из квартиры и тут же наметанным взглядом зацепил на лестничной площадке, полумаршем выше, человека в роскошном кожаном реглане, который сидел боком на подоконнике и покачивал ногой в сверкающем сапоге.

Широко заулыбавшись, как Остап, «узнавший» в Шуре Балаганове своего потерянного брата, незнакомец сразу же покинул свой пост, легко сбежал вниз, протянул руку.

— Утро доброе, Иван Афанасьевич. Позвольте представиться — военинженер первого ранга Лихарев Валентин Валентинович. Не хотел вас тревожить раньше времени, у такого специалиста, как вы, наверняка каждая минута рассчитана, но уж теперь уделите и мне парочку.

Инженер, как определил Буданцев, был молод, едва лет за тридцать, энергичен — только что не подпрыгивал на месте от переполняющих его жизненных сил и, безусловно, крайне доволен собой.

Это сквозило и в подчеркнутой щеголеватости не положенного по чину реглана, выдаваемого только выс-

шему комсоставу, и в то и дело озаряющей румяное породистое лицо улыбке — в дело и не в дело, — и в тональности бархатистого, тоже несколько актерского голоса.

Все вместе вызвало у сыщика мгновенную неприязнь, которую он, впрочем, легко скрыл за простецкой, вполне радушной ответной улыбкой.

— Рад знакомству. А вы от Шадрина? Чего же не зашли, действительно? Стоило на лестнице ждать. Чайку бы вместе попили.

— Спасибо, я уже. Но не последний же раз, еще выпьем, и чайку, и другого. Только я не от Шадрина. Отнюдь. Его машина, кажется, сейчас подъедет. Ну, не беда, подождет пару минут. Не человек для субботы, а суббота для человека. Я, собственно, по тому же делу, хотя и слегка с другой стороны.

С этими словами разговорчивый инженер протянул Буданцеву коричневую книжечку с золотым тиснением «ЦК ВКП(б)» на обложке. Внутри имелась очень похожая фотография тов. Лихарева, скрепленная большой круглой печатью. По кругу разборчивая надпись полностью: «Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», в центре прямо и крупно: «Особый сектор». На правой внутренней стороне документа фамилия, имя, отчество, должность — старший инспектор.

— Понятно?

— Несколько больше половины. При всем уважении я, стыдно сказать, беспартийный. Поэтому степень ваших полномочий...

— Ну, степень. Думаю, вполне для вас достаточная. — Лихарев поддел ногтем уголок обложки удостоверения, тонкая картонная страничка перелистнулась, и на ее внутренней стороне Буданцев прочел: «Указания и распоряжения предъявителя сего удостоверения обязательны к исполнению всем представителям партий-

ной и советской власти. Секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин». И ранее не виденная Буданцевым, но безусловно подлинная подпись. Просто потому подлинная, что он и представить не мог, чтобы кто-то осмелился иметь при себе подобный документ с фальшивкой. Ни одному самому наглому авантюристу подобное просто в голову бы не пришло. Ну как священнику торговать в храме Евангелием с автографом: «С подлинным верно. И. Христос».

Однако и не таков был по натуре битый жизнью сыщик, знавший о ней такое, что не укладывалось ни в нормы «победившего полностью, хотя и не окончательно, социализма», ни в легенду о «социальных корнях преступности как родимого пятна капитализма», чтобы впасть в состояние почтительного ужаса, смешанного с восторгом при виде сакральных слов. Хотя со многими и многими произошло бы, безусловно, это. Как с правоверным католиком, воочию узревшим обломок Креста Господня, или с мусульманином, лицезреющим волос из бороды Пророка.

Правда, и каких-то приличествующих случаю слов он тоже не нашел. А что тут скажешь?

Предпочтя ожидать продолжения, Буданцев просто кивнул головой понимающе.

Лихареву такая реакция собеседника понравилась. Он дружески взял его под руку, и они уже вместе продолжили путь вниз по лестнице, к следующему выходящему на улицу окну подъезда.

Здесь они остановились, Лихарев достал из кармана большой и явно очень дорогой портсигар, золотой и даже украшенный монограммой из мелких, но удивительно ярких синих камней. Как предположил Буданцев, не так давно имевший дело с хищением драгоценных камней, — звездных сапфиров.

— Я, собственно, что хотел сказать, Иван Афанасьевич? Задание вам, конечно, поручено сложное и ответ-

★ ственное, но вы, по-моему, справитесь. Кому же, как не вам.

Буданцев слушал, пытаясь сообразить, каким образом этому «инженеру» стало известно содержание их с Шадриным вчерашнего разговора? Не та контора и не тот человек старший майор, чтобы немедленно бежать докладывать в ЦК о своих оперативных разработках и намеченных мероприятиях.

В расхожую байку о том, что Вождь и Учитель подобно Господу Богу всеведущ и всеблаг, Буданцев не верил «по умолчанию», поскольку был атеистом в обоих смыслах.

Значит, кабинет Шадрина тоже на прослушке? Тогда получается, не только ГУТБ бдит, есть и над ними кое-кто, способный устанавливать микрофоны в нужных местах? Ну-ну. Интересная информация.

Жаль только — чем больше он ее получает, тем сомнительнее становится возможная польза.

— Одна просьба к вам имеется, — продолжал Лихарев, долго и глубоко затягиваясь душистой толстой папиросой, а потом так же неторопливо выпуская дым носом и ртом сразу.

Буданцев без особого интереса буркнул:

— Ну? — поскольку происходящее ему совсем не нравилось.

— Перед тем, как докладывать о промежуточных и уж тем более окончательных результатах вашего следствия...

— Да не следствие я веду, а оперативный розыск, — в сердцах резко ответил Буданцев, в очередной раз сталкиваясь с вопиющим дилетантством начальственных людей. — Сколько можно говорить — разные это вещи.

— Да? — очень натурально удивился Лихарев. — А я думал... Впрочем, это неважно. Важен итог. Так вот, перед тем, как докладывать Шадрина, сначала позвони-

те мне. Обсудим, а уж потом... — предупреждая очередной вопрос Буданцева, протянул ему квадратик белого картона с четко выписанными номерами. — Это — рабочий. Это — домашний. А это — экстренный. Если очень нужно будет, а по тем не дозвонитесь. Повторяю — в любом случае — сначала мне, а уж потом Шадрину. И если просьбы какие-то возникнут, техническое обеспечение потребуется или надежных людей для сыска нужно будет подключить — все эти вопросы решим в момент.

...А теперь — последнее. — Лихарев построжил лицом, даже напрягся несколько, эти вещи старый сыщик усекал мигом, на уровне инстинкта. — Чтобы снять все неясности. Ваши опасения вполне обоснованны. После завершения дела искренней благодарности от ГУГБ вам ждать не стоит. Скорее — совсем наоборот. Я же — и отблагодарю, и безопасность вашу стопроцентно гарантирую. Уловили?

— Да чего уж не уловить? Знать бы только, чем, например, вы лучше и надежнее того же старшего майора? Я человек, конечно, маленький и подневольный, деваться мне некуда, дед не зря говорил: «Скачи, враже, як пан каже, на то вин богатый», — а все же и интерес к жизни имею, и шкура у меня, пусть потеряная и плешивая, а все своя. Другой взять негде.

— Не прибедайтесь, Иван Афанасьевич. И шкура у вас хоть куда.

— Хоть на стену, хоть на пол, — грустно сострил Буданцев.

— Плохое у вас сегодня настроение, комбриг (неизвестно для чего Лихарев назвал Буданцева армейским, а не милицейским званием), пессимистическое. А вы наплюйте. Той подписи, что видели, стоит верить. Мелким обманом мы не занимаемся. Не по чину. Да и другого выхода у вас все равно нет. А польза? Может быть польза от сотрудничества с нами. Что я лично должен

★ сделать, чтобы вы мне поверили? Есть у вас какое-нибудь большое желание, в принципе исполнимое, не противоречащее законам природы и общества, но обычным порядком не решаемое?

«Есть, как не быть, — подумал Буданцев, — но ведь... Да, чем черт не шутит, а вдруг да и не врет красавчик? Выбора все равно нет, так хоть позабавиться?»

И сказал небрежно, словно мизер объявляя, на двенадцати картах не ловленный:

— Ну, разве что... Хуже горькой редьки надоела мне моя коммуналка. Народец подобрался скверный, до работы далеко, по полчаса трамваями тилипаюсь каждый день, а уж поганее всего — в клозет, бывает, припрет, а там заперто и, упаси Бог, — очередь собралась.

Представляете, каково это — с ромбами в петлицах, на глазах дюжины мужиков и баб перед запертой дверью приплясывать? Хоть парашу ставь в комнате, право слово. Не говорю уже про авторитет Советской власти и ее соответствующих органов.

— Господи, всего-то? — Лихарев искренне удивился. Разве что руками не всплеснул, как актриса в театре Станиславского. — Работайте спокойно, Иван Афанасьевич. А мы постараемся помочь вашему горю. Безобразия, конечно, иных слов и не подберешь. Вы не женаты?

— Пока не собрался...

— Тогда двухкомнатной вам, наверное, хватит? Трехкомнатная, конечно, лучше, но это сложнее искать. А место? Ах, да, к работе поближе.

Одним словом, заказ принят. Ну, не смею вас больше задерживать, вон Антонюк уже приплясывать начал, портянки небось не носит, пижон, на тонкие носки сапоги натягивает и все в фуражечке форс давит. Подержать бы его так с полчаса.

В общем, вы идите, а я здесь обожду. Не нужно, чтобы нас вместе видели. А осмотр места происшествия

закончите, версии отработаете — сразу и позвоните. Прямо оттуда. Поделитесь первыми впечатлениями и ближайшими планами.

Действительно, пока они вели свой увлекательный разговор, синий «Паккард» уже стоял у порога, подъехав даже чуть раньше назначенного времени, и порученец Шадрина ждал запаздывающего сыщика на улице, постукивая ногой о ногу и демонстративно часто поглядывая на часы.

ГЛАВА 16

Лихарев отнюдь не блефовал и не лицемерил, обещая Буданцеву решить его личную проблему. При том, что в столице свирепствовал жилищный кризис и на среднестатистического москвича приходилось едва ли больше, чем 5 квадратных метров по преимуществу коммунальной площади, квартир в ней было в достатке. Весь вопрос — каких и для кого. Тем, кому нужно, — давали немедленно, не раздумывая о таких глупостях, как очередь или санитарные нормы.

Валентин и сам мог бы позвонить куда следует и решить этот вопрос со всей возможной быстротой, но лишний раз привлекать внимание к своей персоне, давать искушенным в византийских интригах людям еще один повод для размышлений о том, кто же есть на самом деле неприметный сотрудник кремлевской канцелярии, вообще без крайней нужды напоминать о своем существовании было не в его правилах. Если доступной тебе властью можно пользоваться опосредствованно, так и нужно делать.

Поэтому он заехал в Кремль, где, как он точно знал, Сталина еще не было, а Поскребышев находился на

своем обычном месте, которое покидал едва ли больше чем на два-три часа в сутки.

— Приветствую вас, Александр Николаевич, — сказал Лихарев, обычным образом улыбаясь, радушно и, как многим казалось, глуповато.

Поскребышев, низкорослый, но весьма широкоплечий, сутуловатый и большеголовый, с тяжелой челюстью и крючковатым носом человек, бессменный, с двадцать шестого года начальник личного секретариата Вождя, взглянул на румяного, с мороза, Валентина близко посаженными круглыми глазами.

Лихарева всегда забавлял его облик: от слегка косолапых ног и до щеточки серовато-рыжих усов Поскребышев напоминал питекантропа, а выше — филина. И голос у него был басовито-хриплый, если бы еще научился Александр Николаевич ухаживать соответствующим образом — сходство с загадочной ночной птицей получилось бы полное.

Но отношения у них сложились самые теплые, если это определение вообще подходит для двух наиболее приближенных к «государю» царедворцев.

Валентин всячески демонстрировал Поскребышеву свое уважение и даже почтение к его опыту, работоспособности, умению верховым чутьем улавливать малейшие изменения в настроениях Хозяина. А тот, в свою очередь, как бы даже слегка покровительствовал Лихареву, который формально находился у него в подчинении, хотя, разумеется, никаких приказаний и распоряжений, исходящих от себя лично, отдавать ему не мог. Так и жили.

— Что у тебя? — отрывисто спросил Поскребышев, продолжая перелистывать бумаги в одной из разложенных перед ним папок «К докладу».

— Просьбишка имеется. Нужно сейчас позвонить в Моссовет, лучше всего — самому Николке. Пусть сегодня же найдет хорошую двухкомнатную квартиру в

пределах Бульварного кольца. Он мужик понятливый и трусливый к тому же, исполнит в лучшем виде. Я бы и сам мог, но у тебя лучше выйдет. Магарыч за мной, как водится.

— А что за спешка — непременно сегодня? Как-то странно даже. Квартира — такое дело, сразу, бывает, и не найдешь. Да и жилец твой будущий недельку потерпеть не может? Оно бы даже и лучше — потянуть немного, чтоб прочувствовал.

— Если бы можно — стал бы я настаивать? Тут вся штука, чтобы вот именно в восемнадцать ноль-ноль я мог крайне нужному «пациенту» жилплощадь предоставить.

В разговоре между собой они широко использовали клички, часто и неприличные, присвоенные людям, портреты которых радостный народ таскал на демонстрациях и за косвенно даже непочтительное высказывание в чей адрес можно было загреметь по полной программе.

Как, например, пошел в тюрьму по статье «терроризм» сельский кузнец, который в ответ на вопрос: «Слышал, Андреич, Кирова убили?» — ответил просто-душно: «Ну и хер с ним», совершенно не сообразив, что речь идет о партийном вожде, а не о мужике из соседнего села.

— Я даже не буду настаивать, — продолжил Лихарев, — чтобы и ордер сегодня же выписали, но лучше, если б сразу. Большая, понимаешь ты, дипломатия вокруг этого дела завязывается. Так что давай звони. Поставь задачу, а я уже сам к ним подъеду, уточню, что предложат, и все нужные данные на новосела сообщу. Лады?

— Да что ж с тобой сделаешь, — изображая плохо маскируемое напускной сердитостью добродушие, Поскребышев снял трубку одной из десятка кремлевских

★ «вертушек», теснившихся вокруг него на приставных столиках.

Остальное действительно было делом техники. Поскребышев с первого раза попал на председателя Моссовета Булганина, которого они между собой пренебрежительно звали Николкой, впрочем, как и секретаря МГК ВКП(б) Хрущева — Никиткой, толстого и по-бабьи рыхлого Маленкова — Маланьей и так далее.

Нет, обратился к Булганину Поскребышев с полным пиететом и уважением к должности: «Николай Александрович» и на «вы». И просьбу свою излагал именно в виде просьбы, а не скрытого приказа.

Булганин, в свою очередь, выразил должное удивление и большевистское негодование: «Да откуда же мне квартиру взять, сто тысяч семей в подвалах и бараках теснятся, по плану только к сорок первому году удовлетворим самых нуждающихся».

Оба понимали, что играют в привычные, никому, по сути, не нужные игры, но ритуал есть ритуал.

Поскребышев мог ответить по-разному, но чем-то его слова Булганина задели, и он выбрал самый острый вариант: «Вам подсказать, Николай Александрович, сколько квартир освободилось за последние две недели по известным причинам? Неужели ваши сотрудники настолько самостоятельны, что уже и не считают нужным вас информировать?»

После этого Булганин вспомнил старую истину: «Маленький человек из солидной организации помочь способен не всегда, но навредить может крупно», а уж Поскребышев-то к маленьким людям никак не относился. Ему стоило только намекнуть в подходящий момент Хозяину, и...

В результате после обеда Лихарев сидел в кабинете ответработника, непосредственно ведающего вопроса-

ми учета и распределения освобождающейся после изъятия «врагов народа» жилплощади, и просматривал соответствующий grossбух.

Буданцев показался ему симпатичным человеком и перспективным объектом для вербовки, поэтому жилье он подыскивал добросовестно. Почти как себе.

— Вот у вас тут — Малый Козихинский переулок, 45 квадратов. Поясните подробнее. Что за дом, какое состояние, этаж, ну, сами понимаете.

Точно так же Лихарев изучил характеристики еще трех квартир, предложенных его вниманию, и остановился на наиболее подходящей, на его взгляд.

Рождественский бульвар. Место хорошее, почти от всего близко, третий этаж, а главное — жившую там семью арестовали всю сразу и по самой тяжелой статье. Так что никаких проблем с наследниками. Сотрудники НКВД успели вывезти только приглянувшиеся вещи полегче, а мебель пока осталась.

— Подойдет. Выписывайте ордер. Вот на это имя. — Он положил перед чиновником листочек с данными на Буданцева.

Казалось бы, ему совершенно незачем было заниматься такими мелочами, достаточно было ограничиться принципиальным решением, после чего заставить сыщика самого бегать по конторам, и тот бы с удовольствием это делал, пребывая в эйфории от совершенно недоступного большинству москвичей счастья.

Но, во-первых, Лихареву нравились такие дела, он все еще не совсем привык к своему всемогуществу в нынешней жизни и продолжал набирать полезный для службы опыт, а, во-вторых, проблем со временем у него не было.

Несмотря на любую степень занятости, он всегда мог выкроить десять-пятнадцать минут, удалиться к себе в Столешников и там проспаться сутки подряд, если

нуждался в отдыхе, или сделать любую срочную работу, а потом выйти на улицу чуть ли не в ту же самую секунду, что вошел в квартиру.

— Вы на месте, товарищ? — услышал Лихарев голос Буданцева по телефону в своем кремлевском кабинете, где ему время от времени приходилось бывать, чтобы внешне соответствовать занимаемой должности.

И понял, что сейчас сыщик начнет докладывать, как и было условлено, о первых результатах осмотра места происшествия и о возникших по этому поводу соображениях. Словно бы забыв, что любые московские телефоны великолепно прослушиваются. Пришлось его перебить импровизацией, которая должна походить на нормальный разговор милицейского опера с таким же, как он, розыскником или даже осведомителем из уголовного мира:

— Простите, товарищ старший. У меня здесь посторонние люди. Если можно, отсчитайте минус пятнадцать и прибавьте полчаса. Тогда я освобожусь и смогу сообщить мнение источника по делу актрисы. На «малинах» ходят разговоры. Нет, давайте лучше встретимся по пути к известному вам месту. Конкретно — я буду ждать вас напротив ближайшего от вас вокзала. Строго напротив. Увидите машину и рядом — меня. Хорошо?

Расчет Лихарева был на то, что слушающий телефон наркомовской квартиры сотрудник сначала потратит время на то, чтобы понять смысл разговора, потом постарается определить номер собеседника Буданцева (что технически невозможно, кремлевские телефоны от этого надежно защищены), еще чуть позже начнет докладывать по команде, сам не понимая, о ком и о чем идет речь, и в итоге Шадрин (если окажется на месте и прослушка установлена именно им) сумеет только через

полчаса, а то и более узнать, что его агент собирается встретиться с кем-то напротив Курского вокзала.

Неприятно и это, но не смертельно. В лучшем же случае эта информация может вообще никуда не дойти, что вероятнее.

Конечно, дурацкое положение, когда в столице родного государства ближайший помощник диктатора этой страны должен опасаться даже простейшего телефонного звонка.

Впрочем, отчего бы и нет? Они сами такую державу и построили, и не следует сетовать, если правила игры иногда мешают тебе самому. Просто нужно иметь в запасе очередной способ нейтрализовать это неудобство.

Буданцев подошел четко, минута в минуту. Успело стемнеть, с неба снова сыпался крупными хлопьями снег. Подлетая к земле, эти хлопья закручивались гуляющим по привокзальной площади ветром в тугие и злобные смерчи, которые потом уносились вверх и вниз по улице.

Его новый знакомый стоял рядом с машиной, прятал лицо за поднятым воротником реглана.

— Прошу, Иван Афанасьевич. — Лихарев предупредительно открыл дверцу низкого зеленого «Гудзон-купе-кабриолета» с черным кожаным верхом, обошел длинный капот, сел на водительское место. Резко тронул с места, невзирая на густо покрывший асфальт рыхлый снег. Вывел машину на осевую линию. — Теперь рассказывайте. Шадрин вас не тревожил?

— Удивительно, но пока — нет.

— Ничего удивительного. Работы у него и без вашего дела много, а вдобавок он человек с выдержкой. Если спросит, кому звонили с объекта, — что ответите?

— А может спросить? — напрягся Буданцев.

— Не обязательно, но может.

— Тогда буду раскручивать вашу легенду — связь с

осведомителем по театральному делу. Официально меня от него не освободили.

— Ну, значит, этот момент решили. Главное — если придется — держаться свободно и непринужденно. Теперь — что по нашему вопросу?

Буданцев хотел было ответить, что уж учить его, как с кем в какой ситуации держаться, отнюдь бы не стоило, но промолчал. Лучше дать человеку ощутить себя умнее и значительнее, чем собеседник.

— По нашему вопросу — произвел тщательнейший осмотр квартиры. Буквально по миллиметру все облазил.

— И?..

— Склоняюсь к мнению, которое сложилось еще вчера. Либо товарищ нарком не человек, а какая-то африканская обезьяна, способная, не оставляя следов, открутить голову десятку вооруженных охотников, где-то я подобное читал в молодости, либо все случившееся — тщательная, хорошо спланированная операция. Если позволите пофантазировать.

— Ради Бога, для этого я с вами и встретился. Надеюсь, вы уже поняли, что я человек, с которым следует говорить откровенно, не задумываясь о том, соответствует ли это идеологии и примитивно понимаемому здравому смыслу.

Буданцев, удобно устроившись в непривычно глубоко и мягком кресле автомобиля, неторопливо раскуривал предложенную Лихаревым папиросу.

То, о чем говорил «военинженер», он понял с самого начала. И еще утром удивился, что остались, оказывается, еще люди, с которыми на самом деле можно говорить легко и свободно, не заботясь, доступны ли твои слова и мысли их пониманию.

Именно исходя из этого он задал как бы не относящийся к делу вопрос:

— Скажите, отчего вы все так нерасчетливы? Даже

в отношении машин? Шадрин меня на «Паккарде» возил, у вас нечто еще более необычное. Я же, не в самой последней организации работая, для выезда на важную операцию разве что «эмку» получаю, да и то не без хлопот. Прочий народ и о том, как выглядит трамвай, в который можно без давки войти, сесть на свободную скамейку, прочно забыл. Хорошо ли это в стране победившего социализма? Если даже у меня такой вопрос невольно возник.

— А что, нравится машина?

— Само собой. Как произведение искусства.

— Так тогда вам должна быть ясна диалектика вопроса. Поскольку всего хорошего, что производит загнивающий буржуазный мир, на всех граждан Страны Советов, безусловно, хватить не может, народу приходится потреблять это лишь через своих представителей. (Каковыми являемся мы — авангард передового отряда рабочего класса.) И надеяться на то, что в обозримой перспективе означенные блага станут доступны всем. Я понятно выразился?

Буданцев задумался лишь на секунду.

— Вы меня провоцируете или...

— Безусловно — «или». Мне просто показалось, что раз уж мы с вами занимаемся одним делом, то вам следует знать, как неофиту монашеского, скажем так, ордена, что благовонное масло из икон истекает отнюдь не Господней волей, а с помощью насосика, управляемого одним из послушников, на то специально приставленных. Что отнюдь не отменяет самой идеи существования Бога и исходящих от него чудес.

Я понятно выражаюсь? Впрочем, мне кажется, в вашем возрасте, звании и специальности вы не имеете права соперничать в наивности с воспитанницей бывшего Смольного института. Так?

Тем более, насколько я знаю, вы успели окончить полный курс классической гимназии.

— Давайте лучше вернемся к основной проблеме. Я не готов сейчас сделать окончательный вывод, возможно, потребуется и ваша помощь.

— В чем? — быстро спросил Лихарев.

— Как раз в этом. Предполагаю, что у вас достаточно возможностей, чтобы проверить, не участвовало ли в расследуемой акции еще несколько очень специальных подразделений «дружественной организации»?

Я, например, вообразил такой вариант — достаточно непротиворечивый. Опергруппа начинает работу, потом, по телефонному звонку или по условному стуку, кто-то из сотрудников открывает дверь, входят еще какие-то люди, возможно — даже лично знакомые присутствующим и...

Если вновь пришедших было достаточное количество, то ликвидировать трех оперативников и одного конвойного бойца, не оставив следов, труда бы не составило. А следов я не нашел.

— Совсем не нашли? — искренне удивился Лихарев.

— В том-то и дело. Совсем. Поверьте моему опыту — была бы там, кроме наркома и чекистов, еще даже и пара человек, я бы их установил. Увы. И еще — я свозил в морг старого патологоанатома, специалиста еще тех времен. Он осмотрел трупы и сказал, что имеющиеся травмы в предполагаемых обстоятельствах нанесены быть не могли.

— Интересная версия. Почти все объясняющая. Я даже могу это себе зрительно представить. Появляются некие не слишком человекообразные существа, голые и босые, действительно вроде дрессированных горилл, делают свое дело и исчезают, прихватив с собой наркома. Да. А как быть с понатыми?

Буданцев даже слегка удивился:

— Четко. Четко вы попали. А что, если... Если понатых привели уже позже? То есть сначала ликвидирова-

ли первую опергруппу, потом новые люди позвали понятых и разыграли перед ними спектакль. Чтобы окончательно запутать следствие.

— Молодец, Иван Афанасьевич. Очень нестандартно мыслите. А опознание провести вам в голову не пришло? Предъявить понятым десяток трупов, чтобы они указали, с кем вошли в квартиру. И время поточнее сопоставить.

Вот когда наконец Буданцев проникся к Лихареву настоящим уважением. Навскидку задать такой вопрос. Он как раз намеревался завтра провести такой эксперимент, но Валентин-то инженер, а не сыщик. Впрочем?..

А тот взял вдруг и добавил еще нечто, в принципе не оставляющее камня на камне от всех элегантных построений Буданцева:

— И напоследок ответьте мне или даже себе только, за каким лядом террористам и заговорщикам, они же, по определению, серьезные люди, вообще затевать все эти спектакли? Что это дело рук НКВД, я ни на грош не верю. А врагов — троцкистов?

Ну вот допустим, прошла информация, что над наркомом нависла угроза ареста (а для этого надо иметь осведомителей в НКВД или Генпрокуратуре), не проще ли было товарищу Шестакову взять и скрыться, не затрудняясь подобными изысками?

Спокойно, без пролития крови, не поднимая шума на всю страну.

Крутой подъем бульвара от Трубной площади к Сретенским воротам дворники не успели посыпать песком, и Лихареву стало не до разговоров.

Несколько раз буксующий «Гудзон» разворачивало поперек дороги, он чуть не смял крыло, упершись в чугунную решетку сквера, мотор ревел, колеса бешено

★ вращались на месте, тщетно пытаясь найти опору на укатанном санными полозьями снегу.

— Черт, надо было от Сретенки заезжать! — Валентин ругался сквозь зубы, третий или четвертый раз скатываясь задним ходом к перекрестку и начиная новый штурм.

Наконец ему удалось на первой скорости, заехав правыми колесами на тротуар и распугивая резким сигналом пешеходов, одолеть крутизну и добраться до нужного дома.

По темной лестнице они поднялись на третий этаж. Лихарев сорвал печать и полученным в домоуправлении ключом отпер дверь.

Слабенькая, двадцатипятисвечовая лампочка осветила квадратную прихожую и длинный сводчатый коридор.

Буданцев еще не понял, куда они пришли, а Лихарев уже распоряжался по-хозяйски. Прошел вдоль коридора, везде включая свет. С правой стороны располагались две просторные комнаты, слева — кухня, ванная, ватерклозет. Окна, отчего-то полукруглые, как в казематах Петропавловской крепости, выходили в заснеженный тихий двор.

Прежние хозяева покинули свое жилище совсем недавно, но уже ощущалась в нем какая-то мерзость запустения, а возможно, это был дух несчастья, внезапно обрушившегося на только что вполне благополучных людей.

На кухне, где как раз почти все осталось так, как было, Лихарев достал из полевой сумки бутылку водки, завернутые в газету бутерброды.

Нашел в стенном шкафчике граненые стаканы, отчего-то не прельстившие хозяйственников Моссовета или НКВД.

— С новосельем, Иван Афанасьевич. Это теперь ваше. Живите, владейте, — протянул слегка опешившие-

му сыщику ордер. — Как говорится, заяц трепаться не любит. Однако с пропиской советую не спешить. Никто вас тревожить все равно не станет, ибо команда такая есть, но старую комнату тоже за собой оставьте. Появляйтесь там время от времени, помаленьку нужные вещи сюда переносите. А внимание привлекать не нужно. Ни соседей, ни товарищей по работе.

Буданцев, разумеется, не слишком поверил утром обещаниям «военинженера», а потом, занятый кропотливой работой, и вообще о них забыл. И вот — на тебе!

В то время даже и не слишком простому человеку получить ни с того ни с сего отдельную да еще такую просторную квартиру было чудом не меньшим, чем выигрыш ста тысяч рублей по облигации госзайма. Он вертел в руках ордер, не зная, что и сказать. Улыбался растерянно. Но в бумаге все было правильно — его фамилия, имя, отчество, дата и номер решения жилищной комиссии райисполкома, положенные подписи и печать.

— Да вы не сомневайтесь, все совершенно законно. И даже участковый вам не станет надоедать визитами и ненужными расспросами, потому что сам начальник райотдела поставлен в известность, что данная жилплощадь числится по особому списку.

Ну, вроде как служебная, а чья и зачем — не его дело. Попозже, когда завершим нашу операцию, обставим все как положено, будто вы таким образом премированы за образцовое выполнение заданий партии и правительства.

«Вот-вот, — с привычным скептицизмом подумал Буданцев. — Можно так, а можно и наоборот. Кто его знает, который я по счету «законный владелец»?»

Но ничего вслух не сказал, сбросил шинель, присел к столу, невольно осматриваясь уже по-хозяйски, прикидывая, что неплохо бы стол переставить к окну, подбелить стены и потолок над газовой плитой, а с пола со-

скоблить коричневую краску и покрыть голые доски спиртовым лаком.

Выпили по полстакана, закурили. И Лихарев продолжил предыдущий разговор ровно с того места, на котором остановился:

— И последнее недоумение мое рассейте — что же это за организация должна быть у нашего наркома, если по тайному сигналу через какие-то полчаса способна выслать в нужное место великолепно подготовленную группу, членам которой не нужно ничего даже предварительно объяснять, все действуют автоматически, абсолютно безошибочно. Где они опыта набрались? В архивах милиции и госбезопасности есть примеры аналогичных акций хотя бы за последние десять лет?

Буданцев сидел, пристыженно опустив глаза. Как пацана мордой об стол повозили.

А он-то сам хорош, расфантазировался.

Валентин же неожиданно опять сменил пластинку:

— Но в целом, по замыслу, версии ваши крайне интересны, я их по своей линии, безусловно, проработаю. Однако. Ваша забота — пока заняться первой, основной. Исходя из того, что нарком все это на самом деле совершил и теперь скрывается. — Уловил желание Буданцева возразить, предостерегающе поднял руку. — Не спешите. Во-первых, это все-таки гораздо вероятнее прочих экзотических гипотез, во-вторых, наша главная задача — найти наркома. Желательно живого.

А вдруг он действительно крупный специалист в области тайных убийств? Японский шпион, самурай — ниндзя, к примеру. Не приходилось слышать? Ладно, позже подробно расскажу, а в двух словах — это ребята, владеющие такими приемами и навыками, что забраться без крючьев и кошек на пятый этаж по кирпичной стене, убить человека свернутой в трубку газетой или карандашом для них раз плюнуть.

Я об этом давно читал, а теперь вот вспомнилось.

Так что ищите наркома-убийцу с применением всех доступных вам оперативных средств.

Проверьте, кстати, никаких у него корней и связей по самурайской линии нет? Товарищу Шадрину эту же версию вкручивайте. Работайте со всей отдачей. Поскольку никаких других перспектив у вас лично все равно не имеется. Вы меня поняли?

— Да чего уж тут не понять.

— Ну и слава богу. Еще выпьете?

— Спасибо, нет. Мне же еще к Шадрину на доклад.

— Тогда пойдемте. Подвозить не буду, чтобышний раз не светиться. И так за десять минут не торопясь доберетесь. Теперь вам близко.

— Всякое даже самое отдаленное место к чему-нибудь да близко, а самое близкое от чего-нибудь да отдалено, — усмехнувшись, ответил Буданцев.

ГЛАВА 17

Шадрин уже ждал Буданцева, нервничая. Кончались вторые сутки поисков, а результат — ноль. Запросы по всем райотделам и отделениям ГУТБ и милиции Москвы и двенадцати прилегающих областей ничего существенного не дали, хотя сеть была заброшена плотная, с мелкими ячейками. Опрошены все инспектора ОРУДа, находившиеся в эти дни на улицах и дорогах, все сельские участковые, работники бензозаправочных станций в радиусе двухсот километров от столицы.

«Эмки» с номером Р-5-22-17 никто не видел, брошенных машин без номеров не обнаружено, подходящих по приметам мужских или женских трупов — тоже. Агентура из уголовных и сексоты, работающие в самых различных слоях общества, пока молчали, да и надежды на этот контингент было изначально мало. Вряд ли член правительства имел связи на воровских «малинах» и блатхатах.

Зато задержанных — партийных, советских и хозяйственных работников, имевших несчастье в эти дни появиться на территории чужих районов и областей в черных «эмках», — оказалось сотни. Посаженные отвечать на телефонные звонки работники давно осатанели, крича сорванными голосами в трубки:

— Нет! Не Ф-3-44-77! И не Шумахер! И два мальчика, а не одна девочка.

Шадрин с ужасом, будто никогда раньше с подобным не сталкивался, начал понимать, какую тупую, нерассуждающую, лишенную даже намека на разум машину он запустил.

Наблюдательное дело на Шестакова тоже было на удивление скудно. С самого двадцать шестого года, когда оно было заведено, жизнь будущего наркома выглядела прозрачной как стеклышко.

Вот если бы его требовалось посадить или расстрелять, можно было зацепиться за любую из трех заграничных командировок, или службу в царском флоте, или за отца — преподавателя реального училища. Но для целей объективного расследования эти сведения не давали ничего.

А между тем тучи и над самим Шадриним, и даже над Заковским ощутимо сгущались. Явных признаков пока не было, но нюх старший майор имел отменный.

Самое главное — никак себя не проявляли те, кто был заинтересован в аресте наркома. Если бы удалось допросить неудачливого самоубийцу Чмурова. Но он после операции был так плох, что ни о какой беседе нечего и помышлять еще неделю, по мнению врачей.

Кто дал ему команду доставить задержанного именно в Сухановскую, о чем имелась сделанная его рукой пометка в журнале? И почему до сих пор не поступило запроса в тюрьму, доставлен ли туда арестованный нарком?

Так в принципе бывало, иные сидели в камерах ме-

сяцами, ожидая первого допроса, но здесь, похоже, шла другая игра.

Складывалось впечатление, что некто отдал соответствующую команду, а узнал о происшедшем (от кого?) — и залег на дно.

А чье распоряжение понимающий субординацию и весьма опытный сотрудник кинулся бы исполнять, не поставив в известность непосредственного начальника? Таких людей в принципе могло быть только трое. Из тех, кто известен Шадрину: сам начальник ГУГБ, он же заместитель наркома внутренних дел комкор Фриновский, оперативный секретарь ГУГБ и начальник секретариата НКВД. Только они напрямую могли приказать что-то Чмурову, предупредив также о необходимости молчать. Любой другой руководитель, невзирая на число ромбов в петлицах, над сотрудником спецотдела власти не имел.

Ну и еще, конечно, оставался сам «железный сталинский нарком», Николай Иванович Ежов. Только ему-то зачем таиться? Он бы уже давно рвал и метал, матерился тонким ломающимся голосом, все было бы хотя и страшно, но хоть понятно.

А вот первые трое. Шадрин доложил свои соображения Заковскому и теперь ждал Буданцева с глупой надеждой на чудо.

Наконец муравец прибыл. Старший майор распорядился подать свежесваренного чаю.

— Слушаю вас, Иван Афанасьевич, — сказал он, стараясь выглядеть совершенно спокойным и благожелательным.

Буданцев подробно доложил о результатах осмотра, дополнительной судмедэкспертизы, допроса понятых и сотрудников, обнаруживших трупы.

— Ну и что из всего этого следует?

— Прежде всего — нарком Шестаков крайне хладнокровный и предусмотрительный человек. В квартире

практически отсутствуют материалы, которые дали бы ключ к разгадке. Ни личных писем, ни дневников, ни фотографий. Далее — на кухне следы ужина или завтрака четырех человек. Судя по тому, что отпечатки пальцев на двух приборах явно детские, это сам нарком, его жена и сыновья. Если они сели за стол уже после убийства — выдержка железная.

— А если до?

— Мало вероятно. Вряд ли хозяйка оставила бы на ночь неубранный стол.

— М-да. Но вот вы можете, Иван Афанасьевич, представить себе ребят, причем в самом впечатлительном и уже все понимающем возрасте, которые спокойно завтракают в квартире, полной свежих трупов? Такое даже не каждому из наших людей под силу.

— Я предполагаю, они об этом и не подозревали. Понятые утверждают, что детей не видели, значит, они в момент преступления еще спали. Выходит, подозреваемый сначала расправился с сотрудниками, сложил тела в кабинете, укрыл их ковром и уже потом разбудил детей. Затем семья собралась в дорогу, позавтракала наскоро и уехала. Но машина, как вы знаете, до сих пор не обнаружена.

— Чертовщина какая-то, — искренне выдохнул Шадрин. — В вашей практике нечто подобное случалось?

— За пятнадцать лет чего только не случалось, товарищ старший майор. Но вот именно такого — нет.

— И все же, что вы думаете делать дальше?

— Дальше начнется очень нудная и рутинная работа. С не очень большими шансами на быстрый успех. Тут главная штука в чем? Нарком-то наш может простейшим образом укрыться на заранее подготовленной «хазе», как у нас выражаются, и сидеть там неделю, две, месяц.

Причем буквально в двух шагах от нас, пока мы будем искать его в Ленинграде или Кисловодске.

— Почему именно в Кисловодске? — насторожился Шадрин.

— Да так, оказалось, и все. Может, потому, что узнал — он там отдыхал два раза. Вполне мог знакомства завести.

— Так что — безнадега?

— Я такого не говорил. Буду работать. С вашей стороны требуется организовать, а главное — поддерживать самый жесткий контроль на улицах, дорогах, вокзалах. Если он еще в Москве — вполне может попытаться выбраться, когда сочтет, что его устали искать. Ну а мне придется день и ночь копать в бумагах, допрашивать сотни людей — учителей и одноклассников его детей, сотрудников наркомата, прежде всего — секретарш и шоферов, которые хоть раз в жизни его возили (вдруг да и сболтнул что-то интересное невзначай), друзей и сослуживцев жены, ну и много кого еще. Адская работа, но обычно приносит результаты.

— Но сроки, сроки! — почти с отчаянием воскликнул Шадрин.

Буданцев пожал плечами.

— Товарищ старший майор, это и есть работа угрозыска. Если преступник не задержан с поличным или по горячим следам — вот так и копаемся. Тут хоть подозреваемый есть, уже легче.

Шадрин скрипнул зубами. Чуда не получилось.

— Хорошо. Работайте как умеете. Комната для вас приготовлена в нашей приемной, здесь рядом.

— Я знаю, — кивнул Буданцев.

— Машина в вашем распоряжении, вызывайте, кого считаете нужным, беседуйте, только...

— Понятно, товарищ старший майор, — снова перебил его сыщик. Лишней болтовни он не любил, а учить его соблюдать максимально возможную секрет-

ность не требовалось. — Постараюсь. Мне теперь нужно три-четыре помощника из моей бригады и столько же — из ваших людей. Распорядитесь, пожалуйста. Я скажу, кого именно, а вы мое начальство уговорите.

Да найдем мы его, — решил наконец Буданцев поднять чекисту настроение. — Высунется он где-нибудь непременно. Не сам, так жена или дети. Не на дне же морском они прячутся. Дилетанты, — а Шестаков, безусловно, дилетант, нет в его биографии моментов, говорящих об обратном, — обычно на самой ерунде прокалываются. Будьте спокойны.

— Хорошо, хорошо, можете быть свободны, Антонюк все сделает. — Шадрин протянул руку через стол, уже погружаясь в другие мысли.

ГЛАВА 18

А Лихарев, простившись с сыщиком, поехал в Кремль. Теперь у него хватало материала, чтобы начать давно задуманную интригу. Что интересно — исходно она не имела отношения к «делу наркома». Но так оно к месту сейчас подвернулось.

Валентин давно уже готовил свой собственный «заговор», если это можно так назвать. По его расчетам, происходящее в стране, то, что позже получит ярлык «ежовщина», следовало прекращать. Оно себя исчерпало.

Основная цель спланированной им еще пять лет назад широкомасштабной операции была достигнута. С неожиданными издержками в виде сотен тысяч пострадавших ни за что «простых людей», но достигнута. Успешно ликвидирована вся так называемая «ленинская гвардия», состоявшая из пламенных адептов «мировой революции», уничтожена созданная Дзержинским, Менжинским, Ягодой ВЧК — ГПУ, ориентированная на ту же цель. Ей на смену пришла совсем другая организация, с новой идеологией.

Точнее — без всякой идеологии, работающий с четкостью и надежностью «маузера» нерассуждающий механизм, способный одинаково метко стрелять по любым целям. Хотя завтра его можно использовать для свержения Советской власти и реставрации самодержавия любого типа. Хотя в духе Николая I, хоть царя Ашшурбанипала.

Осталось только избавиться от ставшего одиозным, да и просто почти невменяемого генерального комиссара госбезопасности, поставить на его место человека гораздо более умного, уравновешенного и прагматичного, и первый этап грандиозного замысла можно считать исполненным.

Спешить агграм было некуда. Десять лет займет исполнение их очередного плана или пятьдесят — не имело никакого значения. Все равно это лишь эпизоды, бои местного значения в длящейся тысячелетия межзвездной войне.

Предыдущую схватку выиграли их враги, мировая война и большевистская революция свела на нет тщательно спланированный сценарий грядущего мироустройства. Теперь приходит пора реванша.

Сталин сидел в своем кабинете, известном по миллионным копиям живописных картин, фотографий и кинофильмов. Правда, сейчас он был другим — еще довоенным, без портретов русских полководцев на дубовых стенах, и сам вождь был одет в старый серый френч с отложным воротником под горло, серые же брюки и поношенные шевровые сапоги.

Иосиф Виссарионович вертел в руках зажженную, но столь редко потягиваемую трубку, что она все время гасла, и он не столько курил ее, сколько просто подносил время от времени к губам без всякого особого смысла.

★ Вызвал звонком Поскребышева. Секретарь вошел, как всегда, внешне невозмутимый, но напряженный. Ибо, привыкнув к шефу, никогда не был уверен (и не обосновательно), чем закончится очередной разговор — просьбой подать чаю или разносом, опалой, арестом. Такие уж тогда были времена. Ничем не хуже прочих, имевших место в истории, но и по-своему оригинальные.

К примеру, обычай Чингисхана ломать позвончики курьерам, доставившим не ими написанные, но неприятные властителю сообщения, до сих пор считается довольно варварским, но горячего эмоционального отклика уже не вызывает.

— Ежова ко мне. Сейчас же, — сказал Сталин почти без интонаций.

Поскребышев незаметно, давно отработанным мгновенным движением глаз покосился на Лихарева, сидевшего у дальнего края стола для совещаний.

«Когда это он успел сюда прошмыгнуть? — ревниво подумал бессменный секретарь вождя. — Через заднюю дверь вошел, значит, Хозяин пригласил его лично. К чему бы? А теперь Ежова требует. Не иначе, мордокол сейчас начнется. Валентин вон, похоже, веселый. Накопал чего-то на Кольку. (Булганин был у них Николкой, а этот — Колькой числился.)

Одетый сейчас почему-то в форму не инженерную, к которой Поскребышев уже привык, а бригадирскую, Лихарев держался скупающе-безразлично, не смотрел ни на Поскребышева, ни на самого Сталина, а просто затягивался изредка папиросой и только вот дым старался пускать деликатно — вправо и вбок, чтобы не потянуло его невзначай в сторону хозяина кабинета.

А потом вдруг незаметно подмигнул Александру Николаевичу.

Поскребышев слегка удивился — именно слегка, потому что, умей он удивляться хоть чуть-чуть сильнее,

давно бы сменил сталинскую приемную на места, вопреки распространенной поговорке, весьма отдаленные. (Что, впрочем, его в свое время все равно не миновало.)

«Нет, точно, какую-то крупную пакость плюгавому инквизитору приготовил приятель».

— Ты, Александр, давай-давай, не задумывайся слишком, — заметил секундную задержку верного секретаря Сталин.

«Сталинский нарком» внутренних дел Николай Иванович Ежов, только-только вошедший в полную силу — после успешного, произведшего огромное впечатление на друзей, врагов и колеблющихся разгрома всевозможных: левой, правой, военной, «объединенной» и даже не получивших специального названия, но все равно вредоносных оппозиций, считавший, что во всей советской стране есть только два безусловно надежных человека — он сам и великий Сталин, — явился по вызову почти мгновенно.

Можно было бы подумать, что он даже не тратил времени на спуск лифтом с седьмого этажа лубянского дома к машине во дворе, а просто выпрыгнул в окно.

— Слушаю вас, товарищ Сталин... — почтительно произнес он после обычного доклада с прищелкиванием каблук у самой двери. Замер, чуть подавшись вперед, прижимая локтем тонкую коричневую папку, чтобы по первому знаку рвануться к своему обычному месту за приставным столиком.

Сталин молчал долго, достаточно долго, чтобы кожаная папка с самыми актуальными документами успела взмокнуть в маленькой ладони наркома.

— Садитесь, Николай Иванович. Вернее — присаживайтесь, — позволил себе слегка пошутить Сталин. — Как у нас на данный момент обстоит дело с врагами народа? Всех разоблачили или пока не всех?

Через десяток минут, выслушав без особого внима-

ния набиравший обороты и азарт монолог Ежова, он оборвал его движением руки:

— Пока достаточно. А что вы скажете насчет странного — я правильно выразился, странного происшествия с наркомом товарищем Шестаковым?

— О чем вы, товарищ Сталин? Я не в курсе.

— Не в курсе? В вашем ведомстве черт знает что творится, а вы не в курсе? Доложите товарищу Ежову суть дела, — повернулся он к Лихареву, — только покороче.

Выслушав сообщение Валентина, сделанное нарочито бесстрастным тоном, Ежов мгновенно позеленел. Выглядело это именно так. Обычная бледность выглядит более эстетично, а лицо Ежова приобрело оттенок, свойственный не каждому даже покойнику, причем еще и покрылось мелкой липкой испариной от края волос до воротника кителя.

— Нет, а что вы так вдруг испугались? — с мягкой, сочувственной улыбкой спросил его Сталин. — Мне кажется, ничего особенного не произошло. Плохо, конечно, что вас не поставили в известность, а по сути...

Если тот, кого мы называли товарищем Шестаковым, истинный враг народа, которого решили арестовать на вполне законных основаниях, то его поступок вполне естествен. Мы, большевики, в царское время тоже не считали зазорным сопротивляться жандармам, бежать от охраны, отстреливаться, если нужно.

Я сам пять раз бегал. И стрелял, да. Надеюсь — попадал. Так что тут ничего невероятного нет.

Но если товарищ Шестаков не враг? Если он честный человек, только это — слишком впечатлительный и... да, вот именно — гордый? Пришли какие-то люди, в небольших чинах, наверное, да еще и невежливые, грубые, предположим...

Что он мог подумать? Если он точно знает, что не является врагом? Значит, это на него враги покушают-

ся! Мы разве зря разрешаем ответственным работникам оружие носить? Зачем? Чтобы они застрелиться могли или все-таки себя защитить от врагов и террористов? А зачем еще?

При этих словах Сталин вопросительно посмотрел не на Ежова, а на все так же бесстрастно сидевшего у края стола Лихарева.

Тот как-то неопределенно то ли кивнул, то ли пожал плечами, но видно было, что он, в общем-то, со Сталиным согласен.

Ежов видел, что разыгрывается какой-то спектакль, но его смысла уловить пока не мог. Хитер был Николай Иванович, но образование-то имел минимальное, а умных книжек не читал вообще.

Никаких, а не то чтобы Макиавелли там или, упаси Бог, Конфуция.

— Тем более что я не помню, были у нас серьезные претензии к товарищу Шестакову или их не было? Тогда почему его вздумали арестовывать? Без санкции Политбюро...

Сталин снова прошелся по глушащей шаги ковровой дорожке.

— Вы имели санкцию Политбюро, товарищ Ежов?

— Я получил, товарищ Сталин, поручение Председателя Совнаркома — пригласить наркома Шестакова на беседу...

— С помощью вооруженных чекистов? Интересная манера появилась среди товарищей членов правительства и ЦК, — очень натурально удивился Сталин. — Вы не могли просто снять трубку телефона, раз уж именно вам досталось такое поручение, и сказать: «Григорий Петрович, не могли бы вы зайти ко мне в свободное время? Мнениями нужно обменяться, понимаешь...»

— Товарищ Сталин, — Ежов совсем уже ничего не понимал и не чувствовал, кроме ледящего ужаса, — мне было предложено именно так пригласить, чтобы

это выглядело как арест, а уж что потом... Обращаться с ним предполагалось вежливо и доставить не в камеру, а в специальное помещение, вполне комфортабельное... Товарищ Сталин, я же не мог, если Вячеслав Михайлович... Нарком Шестаков теперь в его номенклатуре.

— Теперь? А раньше в чьей был? — словно сам не зная, спросил Сталин.

— Как в чьей? Товарища Орджоникидзе...

— Ах, вот как у вас теперь... — Сталин выглядел человеком глубоко удивленным. Словно бы вот он уехал на год-другой в заграничную командировку, потом вернулся и с недоумением узнал, что без него соратники распоясались, установили какие-то свои правила, вообще творят что заблагорассудится, позабыв субординацию и ленинские принципы коллективного руководства.

— Одним словом, так, товарищ Ежов... — Вождь наконец добыл из трубки очередную порцию дыма. — Вы в ближайшее время найдите нам товарища Шестакова, а тогда и разберемся, что за недоразумение вышло. Только, пожалуйста, поскорее... Трех дней вам хватит?

Ежов судорожно сглотнул.

Ему очень хотелось сказать, что санкцию на арест Шестакова дал именно Сталин в присутствии Молотова, хотя и вслух не выраженную. Зато соратникам вполне понятную.

Во всех предыдущих случаях вопросов по поводу арестов и расстрелов помимо суда, через Особое совещание, не возникало, даже по поводу членов Политбюро. Если только Вождь не собирался вывести кого-то на открытый, показательный процесс, как нынешних.

И что трех дней, чтобы найти неизвестно куда сбежавшего наркома, судя по обстоятельствам его бегства, — настоящего врага, матерого и опытного, разумеется, не хватит.

Но сейчас Ежову хотелось только одного — исчез-

нуть из этого кабинета, оказаться в своем, уютном, обжитом и безопасном. Чтобы попасть в который, сначала нужно подняться из вестибюля Лубянки на лифте на пятый этаж, пройти длинным коридором, спуститься другим лифтом на первый, минуя три поста надежных офицеров, вновь подняться до седьмого и через приемную секретаря потайной дверью попасть уже к себе. Запереться на ключ в «комнате отдыха» и выпить без закуски полный стакан водки. Или два...

А потом... Потом он что-нибудь придумает. Да какая разница, лишь бы сейчас не видеть больше этих жутких рыже-зеленых глаз и не слышать вкрадчивого сталинского голоса.

Ради этого Ежов готов был пообещать все, что угодно...

— До свидания, Николай Иванович, — непривычно, по имени-отчеству простился с ним Сталин. — Жду вашего доклада. С нетерпением... А вы, товарищ... э-э, ну, просто товарищ, вы ничего не хотите пожелать товарищу Ежову на дорожку?

— Хочу, если позволите, товарищ Сталин. Чтобы товарищ Ежов строго предупредил своих сотрудников — при задержании наркома никаких эксцессов, вроде «при попытке к бегству», не должно приключиться. Живым, и только живым нарком Шестаков нужен. И совершенно невредимым.

— Понял? — неожиданно грубо спросил Сталин и уставился своим немигающим взглядом в переносицу Ежова.

— Та-ак точно, товарищ Сталин, обязательно живым, как же иначе?

— Вот и молодец, иди теперь окончательно...

В приемной он остановился перед Поскребышевым, удивительно напоминая сейчас Ивана Грозного, только что убившего сына на картине Репина.

— Кто это там сидит? — Он указал большим пальцем через плечо, на дверь кабинета.

— Как кто? Товарищ Сталин! Вам, может, врача вызвать, Николай Иванович?

— Я тебе что? Идиот? У товарища Сталина, военюрист?

— Нет там никого, Николай Иванович. Вот журнал. Товарищ Андреев вошел в 17.30, вышел в 18.15. А сейчас никого. После вас товарищ Молотов записан, но его еще нет.

Ежов топнул каблуком, глотнул перекошенным ртом воздух и выбежал в коридор.

Поскребышев сочувственно покачал тяжелой головой.

После Ежова вскоре подошел и Молотов.

— А вы, товарищ Лихарев, там, за дверцей, пока посидите. — Сталин указал на приоткрытую дверь комнаты отдыха. — Если нам нужно было, чтобы Николай Иванович вас видел, то сейчас как раз лучше, чтобы Вячеслав Михайлович не видел. У нас с ним будет конфиденциальная беседа...

Ежов, конечно, несколько ошибся, когда вообразил, что Сталин, пусть и негласно, санкционировал арест Шестакова. Просто недавно Вождь в присутствии его и Молотова выразился в том смысле, что ему очень не нравится развитие событий в Испании. Мол, в тридцать шестом году Франко сидел в Сеуте с парой сотен верных ему офицеров и генералов, а сейчас, в тридцать восьмом, несмотря на всю нашу помощь, фалангисты захватили уже две трети страны. При том, что и интербригады сражаются отчаянно, и трудовой народ на стороне компартии, и мы, отрывая от себя последнее, шлем и шлем туда и военных советников, и любое оружие. Не есть ли и тут очередное вредительство?

Глава НКВД, давно уже мечтавший монополизировать свою роль во влиянии на испанские события, уже

успешно ликвидировал почти весь высший комсостав армии, так что теперь и военспецами некого посылать на помощь республиканцам, кроме лейтенантов и капитанов. Теперь ему хотелось отстранить от этих дел и Шестакова. Поскольку в его руках оставались каналы негласного финансирования поставок оружия и снаряжения, он представлялся Ежову излишней фигурой. Куда проще и полезнее сосредоточить все вопросы в одних руках, в Управлении спецопераций ГУГБ.

Так он и заявил, осторожно подбирая выражения.

Молотов возразил, что оснований к такому перераспределению ответственности вроде бы не имеется, хотя о целесообразности еще можно и подумать. Да и сам Шестаков наверняка будет спорить. Претензий как раз к его сфере ответственности нет.

— Ну, это как сказать, — усмехнулся Ежов.

— Вот и поговорите, — ответил Молотов. — Сумеете прийти к соглашению, я лично противодействовать не стану. Обдумаем, может, и на самом деле так лучше, лишь бы дело не пострадало.

Сталин слушал их разговор молча, только в конце усмехнулся и вроде бы утвердительно кивнул.

Теперь же вдруг выяснилось, что высокие договаривающиеся стороны с самого начала понимали друг друга неправильно.

Сталин, когда Молотов вошел, не стал темнить, а спросил в лоб:

— Ты зачем, меня не спросаясь, Шестакова Ежову сдал?

— Я? Сдал? Когда? О чем ты, Коба?

— Да вот Ежов мне сказал, что после того вашего разговора насчет испанских дел ты ему разрешил Шестакова арестовать. А Вышинский под это дело санкцию подмахнул. Вы что, настолько о себе возомнили, что без согласия Политбюро членов ЦК и депутатов Верховного Совета хватать начали? А завтра меня арестуют?

Молотов, застигнутый врасплох хорошо срежиссированной вспышкой сталинского гнева, в отличие от Ежова не позеленел, а покраснел.

— О чем ты говоришь, Коба, да я ни сном ни духом... Ну, был вполне рабочий разговор, и ты при нем присутствовал... А больше и не возникала эта тема. Шестакова я три дня назад видел. А вчера он должен был после обеда на заседании правительства докладывать, но передали — заболел...

Старый друг Вячеслав, единственный оставшийся в живых соратник, кто говорил ему «ты», не врал. Он вообще не умел врать Сталину.

На самом деле, поглощенный более важными, на его взгляд, делами, отнесся к ситуации просто как к очередной ведомственной склоке, ему и в голову не пришло, что слова Ежова «как сказать» следовало трактовать не в смысле — «в каких выражениях изложить идею», а просто как сомнение в том, что Шестаков осмелится спорить с ним, не просто всесильным наркомом заплечных дел, но и секретарем ЦК.

— Я ч-честно, — как всегда, слегка заикаясь, говорил сейчас Вячеслав Михайлович, — и мысли не допускал, что он осмелится вот так, без санкции... Т-такие вещи мы всегда особым порядком обговаривали. Д-да и не было у нас никогда к Шестакову никаких претензий. Ни по деловым качествам, ни вообще...

— Орденом вон наградили, — поддакнул Сталин, — а теперь так некрасиво получилось... А Ежов сказал — ты ему дал санкцию...

— Д-да ч-что ты, Коба? — От возмущения Молотов стал заикаться сильнее. — Чтобы я сам, без тебя?!

— Это он, подлец, теперь так твои слова трактует, жопу свою хочет прикрыть. Мол, Предсовнаркома сказал — «поговорите», а я и велел его пригласить, да вот не уточнил — как. Ну а его сотрудишки и рады стараться...

— А вдруг так оно все и было? Не такой же Николай дурак, на самом-то деле...

— Услужливый дурак опаснее врага, — не совсем к месту процитировал Сталин. Он-то сразу, еще при том разговоре двухнедельной давности, догадался о планах Ежова. Не ожидал, правда, что так грубо все будет сделано. Думал, что будет спор, может быть, даже скандал с апелляцией к нему лично, а он тогда посмотрит, кто убедительнее будет отстаивать интересы своего ведомства, а потом и примет решение. Политическое. А то и оргвыводы сделает. Шестаков ему давно нравился, а Ежов, признаться, уже надоел...

Однако получилось еще интереснее. Давненько не случалось в правительстве таких пассажей.

Со свойственным ему юмором и собственными комментариями Сталин пересказал Молотову суть событий, последовавших за «приглашением» Шестакова к Ежову.

— Да неужели? — всплеснул руками от полноты чувств Молотов, с ходу уловивший настроение Вождя. — Ну, учудил Григорий. А казался таким тихим, флегматичным даже.

— Довели человека, понимаешь. Что же нам теперь, наказывать его за эту необходимую оборону?

— Можно и не наказывать, — сказал после тщательного, с наморщиванием лба, раздумья Молотов. — Можно и похвалить. За полезный урок нашим органам. Зазнались, заелись, жиром заросли. Вчетвером одного арестовать не сумели. А вдруг с настоящими бандитами схватиться бы пришлось? Защитнички.

На этом деле большую воспитательную работу можно развернуть, не называя имен, конечно. А его разве уже поймали?

— Еще нет. Но Николай заверил, что найдет. За три дня...

— Вот пусть и ищет. А мы посмотрим на его таланты. Нет, какой действительно дурак!..

— А теперь по делу мне ответь, — как обычно, резко сменил и тон, и тему разговора Сталин. — Сколько там тех денег, из-за которых весь сыр-бор разгорелся? Ежова же они прежде всего интересуют, как я понимаю, а не вопросы престижа?

Память у Молотова была великолепная, и он ответил без задержки:

— Сейчас приблизительно пятнадцать миллионов долларов, размещены в нескольких французских, швейцарских, голландских банках. Плюс часть испанского золотого запаса, вывезенного накануне штурма Мадрида в Европу. Названия банков, номера счетов, суммы точно знает только Шестаков. Но отчеты о расходовании представлял регулярно, все, что было решено закупить для республиканцев за границей, то есть то, чем мы не располагаем или что долго и неудобно возить — оружие иностранных марок для интербригад, снаряжение не наших образцов, — все поступает согласно графиков. Испанские товарищи претензий не имеют.

— Но, может быть, действительно было бы правильнее, если бы НКВД и этими делами занимался? У них там все схвачено? Все равно ведь через их нелегалов приходится действовать?

— Вот я же и хотел, чтобы они между собой все обсудили по-хорошему, потом расчеты представили, доводы. Нелегалы-то нелегалы, но специалистов по финансам, технике, всяким там фрахтам, коносаментам, связям с промышленниками и таможенными у них достаточно? А у Шестакова уже все отлажено. Придется к каждому разведчику еще и консультанта приставлять. А потом — вдруг сбегут с деньгами? Мало нам Орлова, Кривицкого, кто еще там?

— Ну вот, Вячеслав! А говорил, в проблеме не разобрался. Во всем ты разбираешься, просто захотел Шес-

такова с Ежовым сравнить и посмотреть, что получится. Разделяй и властвуй, да? Ты что у нас, Черчилль?

Сталин прошелся по кабинету от стены до стены, что-то неразборчивое бормоча под нос. Повернулся, ткнул в сторону Предсовнаркома трубкой:

— Хитер ты, а я хитрее.

— Да кто же спорит, Коба?! — прижал Молотов руки к груди.

— Ну ладно, иди отдыхай пока. Ну и какое ваше мнение, товарищ Лихарев? — Сталин посмотрел на Валентина с видом въедливого и склонного к ехидству экзамениатора, когда они снова остались одни.

— Да что ж — мое мнение? В нем ли дело? Я — как обычный фронтовой разведчик. Доставил командиру информацию, а какие на ее основании будут приниматься решения, нам интересоваться не по чину... — Он знал характер Хозяина досконально, чувствовал его настроение и иногда изображал из себя такого вот служаку-хитрована, не желавшего брать на себя больше положенного.

— Это правильно, в общем и целом. Однако диалектика требует более гибкого подхода... Как всякий хороший, — Сталин голосом подчеркнул последнее слово, — разведчик, вы должны иметь и собственное мнение и сообщать его, когда командир попросит...

— В таком случае... Ваше решение, безусловно, правильное. Сначала нужно найти наркома Шестакова, как следует разобраться в мотивах его поступка, может быть, там имели место еще какие-то, пока неизвестные нам подробности, возможно — устроить очную ставку...

— Кому с кем?

— Естественно, Шестакова с Ежовым. Пусть обменяются мнениями и попробуют защитить каждый свою позицию в вашем присутствии. А уже потом принимать окончательное решение. Лично я поступил бы именно

так... — Лихарев сделал паузу, долженствующую означать, что отнюдь не предлагает поступить подобным образом и Сталину.

— Наверное, мы так и сделаем. — Вождь расправил усы мундштуком трубки. — Только для этого, очевидно, нужно сначала иметь в наличии обе стороны?

— Вы же приказали Николаю Ивановичу обеспечить явку своего «оппонента»... За трое суток.

— Вы уверены, что он уложится в этот срок?

— Располагая возможностями НКВД, достаточно обширными, сделать это можно. Теоретически. И при условии, что Шестаков все еще жив. И будет жив Ежов...

— Даже так? Считаете, он способен на такой шаг?

— Чужая душа потемки. В экстраординарных ситуациях люди иногда начинают вести себя непредсказуемым образом. Если вспомнить Гамарника, Томского... И сам Шестаков — хорошее подтверждение данному тезису.

— Да, да, это так. Ну вот, чтобы избежать неприятных неожиданностей, возьмите под свой контроль... и розыск одного наркома, и «личную безопасность» второго. Договорились?

И, словно отыграв сольную партию, Сталин вдруг расслабился, вперевалку прошел к своему деревянному креслу, опустился в него, положил на стол руки.

— А что, Валентин, найдет он наркома, как ты думаешь?

— Честно сказать, не знаю, Иосиф Виссарионович. Дело трудное, самому Ежову, конечно, не по уму, но в аппарате у него умелые люди пока остались. Пусть попробует.

— Он пусть пробует, а ты ему на «хвост» сядь и наблюдай внимательно. Я ведь не шучу, мне Шестаков на самом деле как можно скорее и живой нужен. Занимательно очень получается. Я вот к этому человеку с пол-

ным доверием относился, друг мой Серго его любил, и вдруг без моего согласия арестовать вздумали. Почему, зачем, а? Один момент — сюрприз мне сделать захотели, показать: вот смотрите, вы ему верили, а он такой же, как остальные, тоже троцкист-бухаринец. И как бы намек сделать — не умеете вы верных людей выбирать, доверчивый вы очень, товарищ Сталин, а враги этим пользуются.

Он опять потянулся было за трубкой, потом махнул рукой, зачем, мол, это, сунул под усы просто папиросу, закурил.

— Однако диалектика учит — все может быть совсем наоборот. Я сказал — хороший человек Шестаков, можно его секретарем ЦК избрать, и Председатель Совнаркома из него со временем тоже может получиться, и сразу — на тебе! Арестовать Шестакова, в тюрьму его, под закон от первого декабря 34-го подвести... А это значит что? — уставил он указательный палец с длинным желтоватым ногтем прямо в переносицу Лихарева.

— Опять заговор, товарищ Сталин. Пусть не антипартийный, пусть даже с добрыми намерениями, но ведь заговор!

— Совершенно правильно понимаешь текущий момент! Молодец! Так вот ты теперь мне Шестакова раньше Ежова найди. Сюда привези. Мы с ним как мужчина с мужчиной разговаривать будем. А потом посмотрим, кто в доме хозяин. Так я говорю, Валентин?

— Разумеется, Иосиф Виссарионович, тут и вопросов не возникает. Все сделаю. Если нарком еще живой и за границу не успел сбежать — найду.

— Нет, — жестко сказал Сталин, вполне доброжелательно при этом улыбаясь. — Ты мне его и в заграницах найдешь, и из могилы, если надо, выкопаешь. А там я сам посмотрю, Шестаков это или не Шестаков, живой он или не совсем живой. А потом скажу, что дальше делать нужно... Договорились?

— Так точно!

— Теперь иди. Деньги нужно — у Александра возьми. — Сталин показал пальцем в сторону приемной. — Остальное все сам знаешь. Так?

Валентин щелкнул каблуками (Сталин это любил), слегка кивнул головой, поскольку фуражки на ней не было и честь отдать было нельзя, повернулся и вышел.

С Поскребышевым он побеседовал, и не только по финансовому вопросу, спустился потайной лестницей к угловому крылечку на Ивановскую площадь к ожидающей его машине, имея при себе командирскую полевую сумку, доверху полную не только советскими рублями, но и иностранной валютой, и чеками Торгсина.

Все это было ему совершенно не нужно, однако человек, получивший деньги, внушает куда больше доверия, чем человек, от них отказавшийся.

ГЛАВА 19

Буран утих только на третьи сутки. То есть утих ветер, и в наступившей тишине продолжал сыпаться и сыпаться с по-прежнему низкого и мрачного неба крупный мягкий снег.

И мороз послабел, поднялся градусов до десяти Реомюра (у Власьева дома висел старый градусник, с толстой трубкой, налитой подкрашенным синей краской спиртом). Выбраться с кордона, хотя бы и на лыжах, стало уже возможно, но все равно трудно. А добраться до него — тем более. Районные милиционеры сорок километров по рыхлому снегу и при минимальной видимости пройти не смогли бы и под страхом немедленного расстрела.

Так что вполне можно без риска обождать еще день-другой. Спешить все равно некуда. До весны — как до Марса пешком. Да и риска, считал Власьев, с

каждым днем, по мере угасания энтузиазма чекистов, будет все меньше.

Они занимались хозяйственными работами, да и то больше от нечего делать, сугубой необходимости в этом не было. Разве что, когда Зое с детьми придется оставаться здесь одной, надолго, так чтобы не надрываться женщине непривычным деревенским трудом.

За ребят Шестаков не беспокоился. Им здесь было хорошо. Играли во дворе с собаками, катались на санях и лыжах с горки от дома до озера, читали книги по вечерам, щелкая каленные в печке лесные орехи и тыквенные подсолненные семечки, и совершенно не скучали по Москве и школе.

Главное — они видели отца и мать с утра до вечера и чувствовали на подсознательном уровне, что родителям здесь тоже хорошо и спокойно. А что еще нужно детям?

Из сеней крытый переход вел в большой сарай, где половина была занята спрессованными брикетами душистого сена (нарком, хотя и инженер, впервые увидел довольно примитивную, но остроумно устроенную машинку для их изготовления), а вторая половина была пуста, и Шестаков, с расстегнутым воротом и закатанными рукавами гимнастерки, радостно колот топором сухие до звона чурбаки и укладывал дрова в аккуратную поленницу поближе к дверям, чтобы легче было носить их в дом. Судя по длине и высоте штабеля, дров должно хватить до лета.

Эта необременительная работа напоминала наркому что-то приятное, будто бы недавнее, но вот что, он сообразить не мог, как ни напрягал память.

С памятью вообще происходило нечто непонятное. Если бы в ней возникли вдруг провалы — это плохо, но объяснимо, от переживаний или болезней часто случается. У него же все время объем воспоминаний расширялся. Хорошо бы посоветоваться со специалистом, так

где ж его взять. И вновь всплывающие воспоминания были не смутно-бредовые, как после дурного сна, а весьма отчетливые и главное — убедительные. Такое с ним тоже бывало раньше — вдруг придет ни с того ни с сего совершенно забытое, вроде времени растворения в морской воде сахарного предохранителя мины заграждения или порядка подготовки к выстрелу торпеды образца 1912 года, но сейчас происходило нечто совсем другое.

Под вечер они запрягли в сани одну из двух лошадей, что держал у себя Власьев в качестве служебного транспорта (после коллективизации простым крестьянам иметь лошадей запрещалось. Коров как-то вдруг разрешили, а вот лошадей — упаси Бог!), привезенной из озера водой наполнили две стоящие в сених сорокаведерные бочки. Тоже не придется Зое бегать с коромыслом по воду каждый день.

Запасов же продовольствия — битой по осени дикой птицы, мороженой рыбы, зайцев, оленины и кабанятины — в холодной кладовке было полно, как и картошки в яме, соленых грибов, огурцов, квашеной капусты и моченых яблок в пузатых дубовых бочках.

А вот кур и коровы у Власьева не было.хлопотнo для одинокого мужика, куда проще в случае нужды съездить в ближнюю деревню. Да и сами бабы приносили, даже и не за деньги, а в обмен на дичину. Местным мужикам последнее время в казенном лесу охотиться запрещалось, да и где денег взять на ружье, порох, свинец и прочую снасть?

Так что без яиц и молока Зое придется обойтись и хлеб печь самой, если мужчины задержатся в своей экспедиции. Ну да и ничего, работа нетрудная.

...Ушли из дома на пятый день, еще до света, когда снег перестал сыпать, а мороз, наоборот, резко окреп.

— А отчего это вы решили так издалека начинать? — спросил у Шестакова Власьев, уже сидя на ку-

че дров в тендере маневрового паровоза, неторопливо постукивавшего по стыкам узкоколейки в сторону Торжка. Наркома не переставала удивлять манера егеря — иногда он бывал чрезмерно разговорчив, а иногда, вроде фенимор-куперовского индейца, ухитрялся воздерживаться от самых, казалось бы, необходимых и важных вопросов.

Как сейчас, например.

Они давно решили, что осуществление любых далеко идущих планов невозможно без надежных документов. Причем, как сказал Власьев, потребуется отнюдь не один комплект на каждого. Поначалу это показалось Шестакову излишним — ну что, в конце концов, за сложность — появиться на день-два в Москве, сделать не такое уж трудное, как ему представлялось, дело и вернуться обратно, ждать на кордоне весны?

Если уж и придется предъявлять при внезапной проверке документы, так чекистского удостоверения с аккуратно исправленной фамилией и переклеенной фотографией будет вполне достаточно. Как он считал, сама по себе малиновая книжечка с грозной аббревиатурой на обложке отобьет охоту у любопытных милиционеров задавать лишние вопросы.

Власьев только рассмеялся его наивности.

— Вы, Григорий Петрович, похоже, о настоящей жизни вообще представления не имеете. Да и когда бы получить его? Наверное, с нэповских еще времен от народа окончательно оторвались. Вон даже и деньгам цены не знаете... Хорошо о вас Советская власть заботилась. В поезде, в вагоне бесплацкартном, давно ездить приходилось, в кассе билет брать, а потом со всей толпой на перрон продавливаться? Вот то-то... Простите за маленький урок политграмоты, но ваши товарищи такой в стране суровый порядок завели, что в прошлую войну и в прифронтовой полосе не снился. Особенно после коллективизации.

★ Чтобы, значит, людишки из колхозов не разбежались да из ссылки-высылки, у них паспортов вообще не имеется. Разве если справку в сельсовете или у председателя вымолит, тогда можно в поезд сесть, да и то если маршрут и цель поездки совпадают. Для того и специальные войска НКПС созданы — на вокзалах перроны охранять и документы проверять, по вагонам и под вагонами зайцев и бродяг беспаспортных вылавливать. Очень это дело солидно поставлено. От Осташкова, бывало, в Питер едешь — не раз и не два паспортину предъявишь, не испытывая при этом никакой «законной гордости».

Куда там против крепостного права! Любой крепостной николаевских времен супротив нынешнего колхозника интуристом мог бы себя считать...

И опять Шестаков с непонятной радостью уловил совпадение слов Власьева с собственным глубинным восприятием окружающего мира. Будто бы именно так он сам всегда мыслил, нет, не просто мыслил, а знал великолепно, но забыл вдруг отчего-то, а вот говорит Николай Александрович, и словно медом по сердцу.

Не от смысла произносимого, а потому, что помогает вернуться из придуманной жизни в настоящую.

И в то же время слова Власьева звучали для Шестакова почти что откровением. Он ведь действительно года, считай, с двадцать седьмого, а то и раньше, не имел понятия о реальности «за бортом». В командировки ездил — сначала в отдельных купе международных вагонов, а потом и в собственном наркомовском салоне, питался — в спецбуфетах и спецстоловых, одевался — в спецателье и «закрытых распределителях».

Документы предъявлять — только партбилет на конференциях и съездах. Милицию видел лишь в виде регулировщиков, отдающих честь номенклатурному «ЗИСу».

В своем деле он был специалист, знающий, решив-

тельный, волевой руководитель отрасли, а когда поставил себя на улице, на вокзале, в толпе непонятных, сумрачных людей, так не похожих на персонажей бодрых кинохроник и оптимистических комедий, ему стало очень не по себе.

Выходит, даже просто так оказаться среди собственного народа, теоретически самого свободного и счастливого на земле, — и то страшно, а уж когда тебя наверняка разыскивают всеми силами соответствующих органов...

— Да-да, в нашем случае особенно, — словно прочитал его мысли Власьев. — Не намерен вас пугать, а исключительно, чтобы вы осознали серьезность положения. Я-то скоро двадцать лет фактически на нелегальном положении, так что и передумал много всего, и жизнь советскую изучил во всех ее омерзительных проявлениях, с народом всяким беседовал, читал опять же нужную в моем качестве литературу... В розыске всесоюзном вы наверняка теперь числитесь, а это значит, и ориентировки на вас разосланы, и словесные портреты, а может, и не только словесные, и уж на вокзалах-то сейчас каждый легавый тройную бдительность проявлять обязан.

На документик энкавдэшный особо не рассчитывайте, в райцентре где-нибудь и сойдет, а в Москве вот... Мы ж не знаем, вдруг у них там в корочках этих какие-то тайные знаки проставлены. На такой как раз случай — мы фамилию переписали и рады, а наметанный глаз взглянет — вот и спекся раб божий...

Увидев, что Шестаков совсем загрустил, егерь вдруг подмигнул и хлопнул его по колену.

— Но не так все и страшно, с другой стороны. Давно ведь сказано: «Суровость российских законов значительно смягчается необязательностью их исполнения». На это и расчет. Ну день, два, неделю будут все от Москвы до самых до окраин землю от усердия рыть, а по-

том-то? Один забыл, у второго жена рождает, третий с похмелья мучается, четвертому просто надоело в каждого прохожего всматриваться. У них что, думаете, вы один такой? Да в розыске, может, несколько тысяч сразу значатся, что же, тому милиционеру малограмотному все эти тысячи ориентировок и примет в уме держать?

— Ну, я же не каждый все-таки, — словно бы даже оскорбился Шестаков. — Наркомы, наверное, не так часто в розыск попадают... На моей памяти по крайней мере такого не случилось...

— А кто бы вам и сказал, если б даже... Думаете, сейчас так прямо везде распечатано: сбежал народный комиссар имярек, член ВКП(б) с такого-то, многих орден-ов кавалер... — Он покрутил головой, будто сам удивляясь такому абсурдному предположению. — В крайнем случае — до начальников облНКВД правду доведут, прочим же прикажут по фамилии да по приметам искать. Народ-то у нас глуп, как ни печально, им скажи — «нарком», они и будут высматривать самых вальяжных, с орденами и значками Верховного Совета. Как в ту войну шпионов немецких ловили, помните?

— Как же, помню...

— Ну вот. Так и выходит, что нам и пугаться чересчур не следует, но и расхолаживаться — тем более. Знаете ведь, сапер ошибается лишь два раза в жизни...

— Я слышал, что один.

— Нет, первый раз — когда решает в саперы пойти. Вы свой лимит выбрали, больше — нельзя.

В итоге того долгого, неспешного разговора, перебрав все мыслимые и теоретически допустимые варианты, они пришли к выводу, что самое лучшее было бы обзавестись минимум тремя-четырьмя комплектами подлинных документов, позволяющих ездить в поездах, останавливаться в гостиницах, более-менее спокойно проходить уличные проверки. И при первом же намеке на опасность и документы, и легенду менять.

— Не слишком ли сложно? — усомнился Шестаков. — Я слышал, уголовники ухитряются годами по подложным документам жить, и ничего...

— С уголовниками нам равняться нечего. У них система отлаженная, воровские «малины» да притоны в каждом городе, опыт соответствующий. Да и цена ошибки другая — год-два тюрьмы или лагеря, а что с нами сделают, если, упаси Бог?..

Спорить с Власьевым было трудно. А при мысли о том, что будет в случае поимки, Шестакова снова аж за-тошнило. Но где, в самом деле, они могут взять подлин-ные паспорта, да еще и по несколько штук на каждого, и не только паспорта, ведь Власьев сказал, что без ко-мандировочных удостоверений, броней и всяких других бумаг ни в поезд сесть, ни в самой захолустной гости-нице переночевать.

И вдруг мгновенно, словно озарение на него сни-зошло, Шестаков испытал одновременно и радость, что так просто можно решить вроде бы неразрешимую про-блему, и подобие гордости за себя: мол, не такой я ото-рванный от жизни чинуша, как вообразил Власьев, и тут же — недоумение.

Как-то не замечал он раньше за собой таких спо-собностей. Решения возникающих проблем он обычно находил путем долгих, напряженных, подчас мучитель-ных раздумий и сомнений. Знал, что многие считают его тяжелодумом, и для самоуспокоения называл это рассудительностью и основательностью. Результаты ведь чаще всего оказывались в его пользу...

И также непонятно отчего, он не стал сразу рас-крывать товарищу своих планов. Сказал только, что знает, где без особого труда можно взять необходимое, причем почти в неограниченных количествах и отве-чающее любым, самым строгим требованиям.

Власьев кивнул.

— Вот и хорошо. А далеко ли?

— Не слишком. За пару суток обернемся...

...Выехали затемно, чтобы попасть в леспромхоз к началу утренней смены. Там у Власьева тоже были знакомые, и посадили их на паровоз без всяких. Нужно Александру с кумом в Торжок, ну и ладно. И что за кум — никто не спросил. Кум и кум, за десять-то лет, пока церкви всерьез и сплошь рушить не стали и попов изводить, сколько в своем районе и в соседних районах тоже детей поперекрестили. И своих кумовьев не упомянешь, где уж до чужих.

Власьев одет был в старый овчинный полушубок, заячью шапку и мохнатые собачьи унты, как всегда почти, за исключением особых случаев, одевался по погоде, а Шестакова, согласно легенде, нарядили по-городскому — в неновое, но еще приличное драповое пальто, юфтевые сапоги и кожаную, с мехом, шапку вроде кубанки, какие в моде были в конце двадцатых годов, но и сейчас их еще донашивали мелкие и мельчайшие начальники.

В кармане у него лежало удостоверение сержанта госбезопасности с неузнаваемо переделанной фамилией и фотографией Шестакова в непривычном для него облике.

Голову ему постригли почти наголо, оставшийся ежик и уже сильно пробившиеся усы подкрасили в почти черный цвет, а главное, Зоя, разыскав среди власьевских химикатов пузырек с коллодием, сделала мужу устрашающего вида шрам от виска и до угла рта.

— Дня два-три точно продержится, а то и больше. Даже умываться можно. Потребуется — спиртом смоешь.

— Пузырек с собой возьмем, всегда подновить можно будет, — успокоил ее Власьев.

Вдруг Шестаков заметил, что Зоя слишком уж внимательно всматривается в его лицо.

— Что такое?

— Знаешь, Гриша, как-то ты непонятно меняешься. Неужели... от переживаний?

— Не понял, как меняюсь? — Он взглянул в зеркало и ничего особенного не заметил. Похудел разве?

— Трудно это объяснить, но какой-то ты не такой становишься. Щеки запали, морщины разгладились, и взгляд другой... Я бы сказала — помолодел даже...

— Чему же тут удивляться? — включился в разговор Власьев. — То человек двадцать лет себя насиловал, совесть и страх попеременно его изнутри выжигали, а теперь наконец сам собой становится. Отьелся вдобавок, отоспался. По мне, так на бывшего юнкера он сейчас куда больше похож. Вы его военные снимки видели?

— Видела... — В голосе ее все равно отчетливо читалось сомнение.

Конечно, жене виднее, чем другу. Она ведь не только меняющееся лицо имела в виду, она и о нескольких последних ночах помнила. Таким он раньше никогда не был. После особенно бурного пароксизма взаимной страсти она тоже спросила: «Что это с нами, Гриша?»

А он ответил: «На грани жизни и смерти все чувства обостряются. Эти — в особенности».

Зоя только хмыкнула неопределенно и отвернулась лицом к стене.

...Власьев установил на треноге пластиночный фотоаппарат «Агфа» с двойным мехом, пыхнул магнием и через час уже клеивал в удостоверение чекиста в меру тускловатую фотографию. Дорисовал на уголке сектор фиолетовой, чуть вдавленной в бумагу печати.

— Сойдет, пожалуй. Если в лупу специально не рассматривать.

Шестаков тоже взгляделся. Нет, на его взгляд, подделка вообще неразличима. А узнать его да почти и невозможно. Сравнил этот снимок с тем, что был в его наркомовском удостоверении. Если и будет у розыскников фотография, переснятая с хранящегося в канцеля-

рии Совнаркома, или где там еще, личного дела, так ничем она им не поможет. Особенно, конечно, менял его внешность шрам.

А уже когда уходили они из дома, в сенях его вдруг остановила Зоя, уже попрощавшись:

— А ты ко мне вернешься, Гриша, или насовсем?

— Да о чем ты? — не понял, даже испугался Шестаков.

— О том. Слишком ты стал непонятным для меня, чужим даже. И всего за четыре дня. Еще через неделю что будет? Но ты все же вернись, хоть ненадолго. Ребятам же не объяснишь.

Ему вдруг стало и горько, и страшно, но что ответить жене, он не знал. Махнул рукой как-то растерянно: «Ну ты совсем говоришь что-то несусветное, Зоя, куда же мне без тебя?» — еще раз неловко зацепил губами ее щеку и выскочил наружу торопливее, чем следовало бы.

ГЛАВА 20

Леди Спенсер, закончив разговор с Лихаревым, перешла в зал, примыкающий к ее рабочему кабинету. Предусмотрительно разожженный лакеем камин и исходящее от него живое тепло настраивали на романтический лад, особенно когда погода за окнами отвратительная, почти ураганный ветер завывает в печных трубах. Летящие, похоже, прямо с Северного полюса снеговые заряды залепают оконные стекла рыхлой коркой, а через час она смывается струями холодного, злого дождя. А потом снова. Не позавидуешь оказавшимся сейчас вблизи берега морякам.

Но, как писал античный поэт: «Сладко, когда на просторах морских разгуляются ветры, с твердой земли наблюдать за бедою, постигшей другого».

На сервировочном столике ее ждала бутылка розо-

вого джина, хинная вода, соленые орешки кешью, коробка тонких ароматических сигарет.

Сильвия любила все эти маленькие радости жизни, закономерно вытекающие из ее положения. После Первой мировой войны нравы стали куда свободнее, и если раньше дама из общества должна была соблюдать массу глупых условностей, начиная от обязательного ношения корсета, то теперь с этим покончено.

Сделав маленький глоток своего любимого напитка, Сильвия погрузилась в размышления. То, что она оборвала Валентина, — правильно. Незачем рядовым клеркам задумываться о большой политике. Однако в главном он прав. Не только его небольшие, но неоспоримые прерогативы нарушены, но и ее — на Земле почти безграничные.

Неужели вправду там, на Главной базе, не поставив ее в известность, кто-то начал самостоятельную операцию?

Причем, очевидно, серьезную, раз объектом воздействия стал высокопоставленный функционер одной из важнейших держав мира. Если так — это прецедент. Неприятный.

Версию координатора она приняла сразу. Трудно допустить, что два важных, а главное — столь неординарных события совпали почти до минут совершенно случайно.

Что же из этого вытекает? Ей перестали доверять или это общая смена курса? И то и другое ее равно не устраивало. В любом случае делать вид, что ничего не происходит, глупо. Куда правильнее самой сделать первый шаг. Связаться с Таорэрой и прямо задать вопрос. Пусть видят — она полностью контролирует ситуацию, ничто не проходит мимо ее внимания. Ее это не касается — пусть так. Но ведь существует опасность, понятная даже Лихареву, пусть вероятность ее исчезающе мала.

Что, если матрица на самом деле принадлежит совсем другим? Не агграм? Тогда это ловушка!

При этой мысли ей стало зябко. Не от страха, от чувства прикосновения к явлениям совсем иных порядков.

По должности ей полагалось знать, что, кроме них, облаченных в человеческие тела посланцев великой аггрианской цивилизации (на самом деле она называлась иначе, этот термин взят из другого языка и другого контекста, но раз он уже стал общеупотребительным, то пусть и остается), на Земле присутствуют агенты так называемого Союза Ста миров.

Они ведут здесь свою игру, руководствуясь десятки веков назад сформулированными правилами, своего рода «Гаагской конвенцией» Галактической войны. Войны, цели и перспективы которой рядовым бойцам знать как бы и ни к чему.

Один из земных военных философов неплохо сформулировал: «Доблесть солдата не в рассуждении, а в повиновении. Твой враг избран не тобой, а для тебя. И нельзя отказаться от задачи под предлогом того, что она невыполнима. Как ты можешь рассуждать об этом, пока не сделал все, чтобы ее выполнить?»

До сего момента Сильвии не приходилось напрямую сталкиваться ни с одним из форзейлей. Она могла лишь пытаться угадать, кто из политиков мирового уровня (или приближенных к ним «людей») исполняет на Земле функцию, аналогичную ее миссии. Но была уверена, что такая фигура есть и в случае крайней необходимости возможно с ней вступить в контакт.

Только причина должна быть уж очень веской.

Так как же ей поступить, если этот ее коллега-враг прибег к столь нестандартной мере, как использование в своих целях им, агграм, принадлежащей техники? По-

тому, что не имеется своей, или в целях введения противника в заблуждение?

Впрочем, мера эта нестандартная только для них, пришельцев, коренные земляне прибегают к ней испокон века, считая такой прием само собой разумеющимся.

Приняв решение, леди Спенсер начала готовить свою аппаратуру к сеансу прямой связи с базовой планетой.

Увы, экстренная консультация с Центральной базой помогла ей мало. Там тоже ничего не знали, вернее — знали слишком хорошо о том, что сами подобной акции не проводили, необходимая аппаратура на Землю в означенный период не доставлялась и других резидентов соответствующего ранга, кроме Сильвии, среди землян не имеется.

Значит, по принципу Оккама, который на Таорэре тоже признавался, гораздо проще допустить, что имел место какой-то сбой в земных приборах контроля и слежения.

После этого разговора, предположила Сильвия, «дело» за маловажностью вполне может быть «списано в архив». В смысле бюрократизма и чиновничьей рутины сотрудники Центральной базы не уступали своим российским, советским, китайским коллегам.

Поняв настроение руководства, Сильвия предпочла не заикаться о своих подозрениях в адрес соперников — форзейлей. Действительно, лучше во всем разобратся самой.

Еще раз вызвав Лихарева, она повторила приказ — отслеживать ситуацию в пределах своих технических возможностей, все силы бросить на поиск «таинственного наркома» и пообещала в случае необходимости прислать в помощь парочку полевых агентов с усовершенствованными поисковыми детекторами.

...Но... Как часто даже в самой обычной жизни вдруг случается это «но»!

Следующим утром дворецкий сообщил, что внизу просит встречи с леди Спенсер посыльный.

Она спустилась по широкой лестнице в холл. Молодой еще, но старающийся для солидности выглядеть лет на десять старше клерк из банка, где она еще с довоенного времени держала значительную часть своих капиталов, вручил ей узкий конверт глянцевого голубоватой бумаги с ее собственной монограммой в правом верхнем углу.

— Что это? — спросила Сильвия, медля разрывать пакет прямо в прихожей. Во всем должен быть порядок, и для такого случая в кабинете есть целый набор костяных и металлических ножей для разрезания бумаги.

— Этот пакет был депонирован в начале 1921 года с поручением вручить его вам лично не ранее 10 января 1938 года. Поскольку это единственное условие, а сегодня как раз десятое, директор решил исполнить волю поручителя немедленно. Банк «Братья Бэринг и Дж. Сметс» считает тщательность и пунктуальность важнейшим условием своей деятельности.

— Благодарю вас. Я не имела и не имею оснований сомневаться в надежности банка и высоких деловых качествах его сотрульников.

Клерк с достоинством поклонился, придерживая локтем котелок и зонтик, с которого капало на ковер, невозмутимо принял от клиентки золотой соверен. В отличие от банкноты равного достоинства, викторианская монета могла рассматриваться не как чаевые, а чем-то вроде наградного жетона.

Стоя у окна, за которым почти ничего не было видно — дождь пополам со снегом продолжал изливаться на Лондон третьи сутки подряд, да еще и пропитанный угольным дымом туман спустился почти до уровня черных шиферных крыш, — Сильвия распечатала пакет.

В нем находились два листка шелковистой, чуть пожелтевшей бумаги и еще один конверт, гораздо меньший, плотно заклеенный, с выразительной надписью наискось: «Для м-ра Р. Мэллони. Только». (Естественно, по-английски.)

Пожав плечами, она развернула письмо.

«Доброе утро, дорогая! — прочитала Сильвия написанные ее собственной рукой слова. — Надеюсь, ты получила мое письмо вовремя и ничего экстраординарного пока не случилось. А возможно, и не случится. Понимаю, что получить письмо от самой себя да еще когда великолепно помнишь, что его отнюдь не писала, — это шокинг. Даже при том, что нас с тобой удивить чем-либо трудно».

Сильвия хмыкнула, на секунду оторвалась от текста, словно действительно пытаясь вспомнить, писала ли она нечто подобное. Когда? Ах, семнадцать лет назад. Если это мистификация, то чья и зачем?.. Бумага и конверт из ее бюроара, с 1914 года она не меняла стиль. Почерк тоже на взгляд неотличим.

Она продолжила занимательное чтение.

«Разумеется, все не так просто. Тебе пока с подобным сталкиваться не приходилось, но я недавно поняла, что мир устроен несколько сложнее, чем нам представлялось. Поясняю. Я — это ты, какой, возможно, станешь к 1984 году. Что, впрочем, теперь проблематично.

Так вот, я из восьмидесят четвертого года пишу себе в тридцать восьмой, находясь при этом в двадцать первом и, может быть, не в прямой, а в параллельной, только что возникшей реальности. Или скорее всего как раз на развилке между ними. У меня нет времени, да и особого желания излагать здесь все события и парадоксы, сделавшие такое возможным. Они уже произошли, и этого пока достаточно. Все остальное ты узнаешь сама, если я права в своих предположениях.

Перехожу к сути дела. На днях я, и не совсем по

своей воле, побывала на Таорэре, или, как ее называют уже добравшиеся и сюда земляне, — Валгалле. Нам с тобой, в силу нашего воспитания, это имя даже ближе.

Здесь мне удалось познакомиться с твоим рапортом о выявлении якобы функционирующей в Москве электронно-квантовой матрицы некой личности. Если ты ее смогла обнаружить, значит, я совершила грубую ошибку. Это урок тебе — никогда не пытайся делать вещи, смысл и последствия которых ты не в состоянии предвидеть.

Подсказываю — носителем матрицы является член Советского правительства в Москве, министр, или, на их жаргоне, — народный комиссар Шестаков.

Но человек, чья личность в нем присутствует и с которым, возможно, теперь сможешь познакомиться и ты, находился в чужом теле не более трех часов, после чего благополучно вернулся назад и в настоящее время жив, здоров и никаких признаков потери части личности или ее раздвоения не проявляет.

Если же излучение матрицы фиксируется после ее снятия, значит, имеет место не предусмотренный теорией феномен. Впрочем, я не слишком удивлюсь, когда окажется, что так оно и есть. Мозг и психика господина Шульгина имеют несколько необычное устройство, и, по своей обычной манере, он мог придумать нечто такое, что позволило ему оставить свой дубликат в мозгу советского министра».

Сильвия вновь оторвалась от письма, осмысливая неожиданную информацию. Налила в бокал джина, чего с утра обычно не делала. Надо все-таки дочитать, а проанализировать содержание и проверить достоверность текста можно будет позже.

Хотя многие моменты в откровениях ее «альтер эго» казались чересчур странными даже на первый взгляд.

Прежде всего теорию параллельных реальностей

она считала не теорией даже, а некой умозрительной гипотезой, позволяющей просчитывать возможные последствия предпринимаемых вмешательств в земную историю, но отнюдь не предусматривающей возникновения и одновременного существования как исходных миров, так и альтернативных.

Из слов же «Сильвии-84» следовало, что указанные параллельные реальности — дело самое обычное. Если ей верить, — а оснований не верить пока не было, — за следующие десятилетия в метрополии коренным образом изменили свои отношения с агентурой, им стали гораздо больше доверять и снабжать куда более сложной и эффективной аппаратурой. Позволяющей самостоятельно осуществлять манипуляции с квантовым переносом личностей и даже произвольно перемещаться во времени. А также знакомить с последними достижениями фундаментальных наук, чего раньше не было.

За последние семьдесят лет, с того дня, когда «юная наследница угасающего рода» сошла с палубы пакетбота линии Бомбей — Кейптаун — Лондон, чтобы вступить в полные права владения родовым гнездом и начать свою блестящую светскую карьеру, никаких «курсов повышения квалификации» или «семинаров по обмену опытом» для нее не организовывали.

Более того, Сильвия была уверена, что «на родине» давным-давно забыто само понятие «прогресса», неизвестно, сколько тысячелетий ничего нового там не появлялось и не могло появиться. Так же, как в муравейнике трудно вообразить внезапное возникновение оригинальных, передовых технологий строительства или реформы системы воспитания подрастающего поколения.

С точки зрения землянки, живущей в эпоху самого бурного за всю историю человечества прорыва во всех областях науки и техники, такое положение вещей выглядело крайне странным; базовые же установки лич-

ности заставляли ее воспринимать обе несовместимые парадигмы спокойно, как должное.

«Очень многое из того, что сейчас кажется тебе странным и невозможным, господин Шульгин сможет объяснить при личной встрече, поскольку обладает даром популяризатора и является непосредственным участником событий, приведших к нынешнему нашему положению.

Я не могу сейчас сказать, в каких именно отношениях находится «драйвер» со своим подопечным, степень подавления базовой личности может варьироваться от 25 до 100 процентов. Если «драйвер» преобладает, достаточно назвать его настоящим именем и сказать нечто вроде: «Леди Сильвия приветствует сэра Ричарда», после чего передать ему письмо и поступать по обстановке, воспринимая партнера как посвященного первой степени.

В ином случае необходимо использовать вербальную формулу активизации матрицы (приводится текст на агтрианском командном языке).

Дальнейшее будет зависеть от степени доверия, которое между вами установится. Поскольку секретов у нас друг от друга быть не может по определению, хочу тебе сказать, что какое-то время я с Александром находилась в достаточно близких, взаимоприятных отношениях, большая часть которых, к твоему сожалению, приходится на период времени, следующий за его возвращением в собственное тело.

Так что сейчас он должен будет воспринимать тебя по преимуществу негативно. На то есть веские причины, и осуждать его за возможное недружелюбие не стоит. Но адресованное ему письмо, вскрывать которое тебе ни в коем случае не рекомендую, должно помочь.

Ключевыми словами для первоначального подтверждения твоей со мной адекватности могут быть: «Валгалла, Новиков, Левашов, Воронцов, Берестин, Ан-

тон, Замок, Ирина». Но это даже лишнее. Хватит и письма.

Теперь — чтобы тебе самой еще кое-что стало понятнее. По всем известным мне законам, прямая связь между параллельными реальностями невозможна. Но у нас случился несколько иной вариант.

В силу обстоятельств, о которых у меня нет времени распространяться, я оказалась сейчас у самого основания очередной вилки бифуркации, где одновременно уже почти сформирована альтернативная реальность, но продолжает существовать и прежняя. Их окончательное разделение должно случиться в ближайшие дни, когда волна изменений докатится от России до Англии.

Так что я сейчас существую фактически в двух воплощениях одновременно, причем нахожусь почти в одной и той же точке пространства. Я — на нашей виле в Истборне, она (то есть — ты) дома, в Лондоне. Если я не ошибаюсь в расчетах, то успею еще передать это письмо в банк на хранение. И тогда его сейчас читаешь ты — которая на самом деле я сорок шесть лет назад. Читаешь с пользой для себя и будущего. Если же нет, тогда тебе, леди Спенсер из какой-то очередной реальности, увы, так и не доведется узнать, что Шекспир, как всегда, прав и на самом деле «есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

На этом — прощай. Желаю успехов в твоём нелегком и, как мне не так давно стало известно, довольно-таки бессмысленном деле. Жаль, что мне не дано узнать, что и как у тебя сложится. В моем прошлом ничего подобного не происходило. Расходящиеся мировые линии уносят нас все дальше друг от друга. Хотя — кто знает? Все еще может случиться.

P.S. Выслушай на прощание еще несколько практических советов».

У самого обреза листа — знакомая, почти каллигра-

фическая подпись рукописной готикой. Безо всяких дежурных формул типа: «Целую», «Примите уверения», «Искренне ваша».

Уф! Длинное письмо и достаточно бессвязное. Но Сильвия хорошо знала себя и понимала, что крайне трудно второпях написать логически безупречный, достаточно понятный текст, в который необходимо вложить информацию о событиях, происшедших за полсотни лет, разъяснить вещи почти необъяснимые, изложить несколько гипотез, да еще и дать практические рекомендации самой себе, все время путаясь в воспоминаниях, что тебе было в тот момент известно, а что нет.

Но в любом случае на мистификацию это похоже очень мало. Репутация банка действительно безупречна, и если они сказали, что письмо депонировано именно в 21-м году, значит, так оно и есть. И автором его не мог быть никто, кроме нее самой или человека, настолько посвященного в дела резидентуры, что... Что, если такой человек существует, вся ее деятельность теряет смысл.

Сильвия испытала мгновенное и острое сожаление, даже тоску, что невозможно лично поговорить с той, что писала вот это.

У нее никогда не было ни родственников по крови, ни просто близких людей. Не считать же таковыми деловых партнеров и многочисленных, но на очень короткий срок, любовников.

А вот с ней, с «леди Спенсер-84», Сильвия была бы счастлива повстречаться. Как со старшей и любимой сестрой. Что-то важное спросить, о чем-то поплакаться.

А тот Шульгин, о котором она пишет. Близкий человек старшей Сильвии — ей самой он кто? Побочный зять?

Она рассмеялась. Скорее ее собственный будущий любовник, сейчас, возможно, еще и не родившийся. На него посмотреть не менее интересно.

Невероятно. Она — и вдруг ловит себя на приступе сентиментальности.

Кстати, что значат слова той, другой, о безнадежности их дела? Не здесь ли ключ? Может быть, как раз так враг и хочет посеять в ней сомнения, а потом...

Сильвия сразу напряглась. Нет, всякие глупости по-боку. Тут, возможно, начинается раскручиваться сложнейшая, тщательно проработанная и глубоко замотивированная вражеская операция.

Нет, на самом деле — кто бы мог помешать ей самой себе позвонить по телефону, договориться о личной встрече? Тогда никаких сомнений и неясностей не осталось бы.

Впрочем, то был бы парадокс покруче нынешнего.

Она нервно бросила письмо на стол, плеснула себе еще джина, заходила широкими, почти мужскими шагами по комнате.

Что стоит, на самом-то деле, подкупить или запугать директора банка, управляющего, пару клерков, заставить их утверждать то, что требуется неизвестному для его планов? Ничего не стоит, она это знала лучше, чем кто-либо другой.

Но в чем цель?

Это и предстоит узнать.

И почти сразу ей вдруг пришла в голову интересная гипотеза.

Если ее старшая ипостась сообщила ей информацию из восьмидесяти четвертого года через двадцать первый в тридцать восьмой и это действительно так, то, значит, содержание письма должно быть известно ей же, она должна непременно помнить, как получила это письмо от себя. Причем это знание должно сопровождать ее постоянно и не допустить создания ситуации, в которой возникнет необходимость написать данное письмо.

Или, может быть, тогда она не знала ничего об этом

★ письмо, поскольку еще его не написала, а вот теперь написала, передала себе молодой и теперь будет знать, но именно фактор знания и заставит ее поступать так, чтобы необходимо стало его написать.

Леди Спенсер почувствовала себя в привычной стилии напряженной интеллектуальной работы, хотя голова у нее слегка кружилась от невозможности усвоить физический и психологический смысл создавшегося па-радокса.

Конечно, она немедленно предпримет все необходимые, достаточно рутинные меры, чтобы установить, не мистификация ли все происходящее.

Прежде всего — проверит мелкие детали, на которых часто «прокалываются» даже специалисты. Подлинность почерка, бумаги и чернил, примерная дата написания письма, наличие в банке неопровержимых документов, зафиксировавших момент его получения.

Это совсем несложно.

Лихарев в Москве пусть продолжает поиск наркома с матрицей. Не странно ли, что и его сообщение, и письмо поступили одновременно? Послать ему людей на помощь?

Или — а что, интересная мысль — отправиться туда самой. В инспекторскую поездку. Последний раз она была в России еще перед великой войной, но русским, как и многими другими языками, владела абсолютно свободно.

Слегка приведя мысли в порядок, Сильвия снова вызвала Москву. На ее идею лично посетить красную столицу Валентин отреагировал уклончиво, без энтузиазма. Как и любой нормальный подчиненный отнесся бы к предложению начальника проинспектировать его деятельность и оказать «практическую помощь».

Слишком часто это плохо кончается. Для проверяемой стороны.

Поэтому он ответил уклончиво, в том смысле, что

всегда рад увидеть уважаемую и т.д. в Первопрестольной, но считает, что появляться ей здесь следует только по официальным каналам. Выправить с соответствующей мотивировкой визу, прибыть в английское или какое угодно посольство, а уж потом...

Иначе придется постоянно прятаться у него на квартире, а на улицу, если потребуется, выходить в старушечьем гриме, галошах поверх вязаных носков и плюшевом салопе.

— Вы же поймите, леди Спенсер, — дама с вашей внешностью и вашими манерами, оказавшись в нынешней Москве, в ближайшие десять минут станет объектом пристального внимания самого зеленого опера, не считая куда более опытных участковых и дворников.

Сильвии большая часть этих жаргонных выражений была непонятна, но она верила, что ее сотрудник знает, о чем говорит, и ручается за свои слова.

— Поэтому вам проще сделать все необходимое законным образом и приехать сюда поездом или самолетом. Неделей больше или меньше — особого значения не имеет.

— Хорошо. Я подумаю и приму решение. Но, может быть, я немедленно направлю к вам двух-трех полевых агентов для непосредственного поиска носителя матрицы?

— Это было бы неплохо, — осторожно ответил Валентин, понимая, что слишком долго демонстрировать независимость мышления неразумно в общении что со Сталиным, что с резиденткой. — Пусть приезжают. Как только я дам сигнал. Желательно только, чтобы они занялись именно этим делом. И под моим контролем. Вы понимаете, о чем я?

— Да, да, разумеется. Короче — я еще подумаю, приму решение и в нужное время вас извещу. А пока работайте и знайте.

Лихарев догадался, на что она намекает, и не соби-

рался доводить до того, чтобы это знание воплотилось в нечто реальное. Хоть в плохом, хоть в хорошем смысле. С него хватало собственных проблем, и новые ему были совершенно ни к чему.

Сильвия вышла из связи, а Валентин стал собираться на очередную встречу с Буданцевым.

ГЛАВА 21

В Лихославле, когда садились на поезд Ленинград — Москва, не на «Красную стрелу», конечно, а на обычный пассажирский, со всеми остановками, Шестаков сдал свой первый экзамен.

Не зря его Власьев инструктировал по дороге:

— Вы, главное, напрочь о своей прежней должности забудьте. Вспоминайте, как юнкером были, как тогда с проводниками и городовыми держались. Вроде как и на равных, а все же и выше. Но и не по-генеральски, разумеется. И не напрягайтесь, не напрягайтесь. Все время помните, что они вас, теперь чекиста, куда больше опасаются.

Обращайтесь без всяких «вы», в глаза не смотрите, а так, на мочку левого уха... И еще вот, пока поезда ждать будем, самогону глотнете раз-другой, чтобы развязности побольше...

Так все и вышло. На узкий заснеженный перрон, вход на который охраняли в необычно большом количестве стрелки НКПС, где толпилось с полсотни желающих сесть в общие вагоны местных мужиков, направляющихся по своим делам кто в Калинин, кто в Клин, а кто и в саму Москву, несколько человек городского вида, мелких служащих и полуответственных товарищей, они прошли легко.

Правда, у самой калитки Шестаков почти непроизвольно напрягся и тут же вдруг ощутил в организме необыкновенную легкость. Ему совсем перестало быть

страшно, напротив, дело показалось удивительно забавным. «А что, мол, слабо мне пройти через строй этих вохровцев, тоже забитых, задержанных, но одновременно упивающихся своей властью над еще более запуганными жизнью мужиками? Они себя считают властью? Ну-ну. Так я пройду с понтом человека, из них же произошедшего, но добившегося неизмеримо большего».

Получилось просто великолепно. На ходу наливаясь злой силой, он ткнул ближайшему стражнику почти что прямо в лицо полураскрытое удостоверение, не давая ни времени, ни возможности прочесть, что там внутри написано, и Власьева потянул с собой за руку, так что у того вообще не спросили документа, и тут же начал искать глазами вагон, очередь к подножке которого была поменьше.

Таким, естественно, оказался голубой мягкий. Ни один из здешних пассажиров не бросился к его тамбуру, и проводник даже не потрудился откинуть на заходную станцию — «стоянка 3 минуты» — прикрывающую ступеньки железную площадку.

Зачем руки пачкать, если его немногочисленные пассажиры едут «от и до» и только законченный дурак вздумает платить за три часа езды сумму, которую местный колхозник вряд ли сможет заработать, распродав на городском рынке все свои скромные товары: мороженую рыбу, сало, пару ведер картошки, деревянные ложки и катанные из бурого войлока валенки.

Но, подчиняясь правилам, важный проводник в застегнутом на все пуговицы черном кителе все же стоял в тамбуре, держа перед собой свернутый желтый флажок. Шестаков коротко, повелительно взмахнул рукой, и он с готовностью отступил назад, открывая вход.

Нарком поднялся в тамбур, пропустил перед собой Власьева, который, нарочито сутулясь, придерживая на плече вещмешок, прошмыгнул мимо проводника. Словно как бы арестованный или просто подневольный че-

★ ловек, а уже потом Шестаков поднес к глазам проводника свою книжечку.

— До Москвы. Этот — со мной. На свободное? Или в коридоре посидим?

— Конечно, конечно. Третье купе совсем пустое. И пятое тоже...

— В третье и сядем. Да вот еще, пивка у тебя найдется? — Шестаков достал из кармана смятую десятку. Мол, ехать — дело служебное, а в остальном мы не злоупотребляем.

— Сей момент. У меня кончилось, так я в ресторан сбегаяю. Не извольте беспокоиться... Чайку тоже можно, если желаете.

Поезд, постепенно набирая ход, все чаще загромыхал по стыкам. Шестаков снял шапку, расстегнул пальто, откинулся на синюю бархатную спинку дивана.

— А ничего вроде получилось, — улыбнулся он сведенными морозом губами. — Я и не думал... Непривычно как-то.

— Неплохо получилось. Вообще вы мне все больше нравитесь. Проявилось в вас, на самом деле, нечто этакое, черт меня возьми, гардемаринское. Лихое и дерзкое. Будто действительно в старое время возвращаемся.

★ Нуте-с, пока проводник пиво принесет, можно и водочки еще выпить, и перекусить. И вправду хочется, да и натуральней будет выглядеть.

Разложили на чистом, из дому прихваченном полотенце, поверх казенной крахмальной салфетки, нехитрую дорожную еду, Власьев разлил самогон в мятые алюминиевые стаканчики, чокнулись, выпили, поморщились, выдохнули с хеканьем, закусили разрезанной пополам луковицей, потом стали есть неторопливо и со вкусом, поглядывая в окно на заснеженный лес и радуясь, что пока все идет хорошо. Неплохо, вернее сказать, чтобы не сглазить.

До Москвы ехать часа четыре еще, а то и больше,

можно и подремать немного в тепле и уюте мягкого купе. Только не получалось у Шестакова расслабленно задремать, как раньше бывало в дороге. Зудело и ныло в душе странное, ранее неведомое ощущение. Причем это не было страхом перед будущим или раскаянием за прошлое. Что-то совершенно другое. Он постарался понять это незнакомое чувство. Примерно такое он испытывал, впервые попав за границу в служебную командировку в Германию.

И Власьев, досмолвив до самых пальцев махорочную самокрутку, еще добавил беспокойства. Именно тем, что коснулся уже четвертый день занимающей наркома темы.

— Извините, конечно, Григорий Петрович, но вот продолжаю я за вами наблюдать и никак не соображу, что же с вами происходит...

— В смысле — чего не сообразите? — Шестаков приподнялся на локтях, отодвинулся к окну, оперся плечами на вагонную стенку.

— Ну, как бы это получше сказать, все же меняетесь вы прямо на глазах. Оно бы и не стоило сейчас этой темы касаться, однако мы же с вами на серьезное дело решились, так хочется в спутнике разобраться... И супруга ваша о том же почти говорила. Я ее отвлек, но сам-то вижу.

— А разве... есть какие-то сомнения? Может, и не я это вообще, а подменыш какой? Лжегригорий первый?

— Сомнений как раз нет. Дело с вами иметь можно. Но — не пойму, куда вы свои предыдущие двадцать лет так просто сбросить ухитрились?

Шестаков не совсем понял сказанное.

— Это вы имеете в виду — как из... — он чуть было не сказал — «наркома», но спохватился, подумал, что через тонкие стенки купе их могут услышать соседи, и ограничился нейтральным, — из того, кто был по должности, в такого вот монстра превратился?

— Зачем же такие слова? В моем понимании вы как раз в нормального человека превратились, пусть и поздновато немного. Меня другое занимает — вы в зеркало давно смотрелись?

Шестаков поднес ладонь к щеке.

— Что, шрам поплыл?

— Да нет, все в порядке. Изменились вы просто сильно и продолжаете на глазах меняться. Слышал я, что от сильных переживаний люди в одночасье седеют и стареют, хотя сам не видел, врать не буду. А вы, — он сделал паузу, — вы молодеете с каждым часом.

— Не понял...

— Да что ж понимать? Глаз у меня наметанный. В позапрошлом году вы ко мне приезжали, этакий вальяжный товарищ, полнеть начали, кожа на лице нездоровая, мешки под глазами, ну все, что полагается при вашем возрасте и образе жизни. А сейчас...

Шестаков и сам уже только и делал последние три дня, как отмечал некоторые странности в собственной внешности и характере тоже. О том, что он изменился психически, Григорий понял почти сразу. Так он умел в состоянии любой степени опьянения какой-то частью мозга оценивать и контролировать свое поведение, отмечать все несообразности в словах и поступках, не умея одновременно их не допустить.

Но разговоры разговорами, а уже после Калинина Шестаков вдруг начал испытывать смутное беспокойство. Сначала он относил его на счет обычного страха перед очередной встречей с неизвестностью, как перед первым боем в ту войну, но постепенно ему стало казаться, что дело тут в другом.

Словно предчувствие конкретной опасности, которой просто пока нет названия. Он сказал об этом Власьеву.

— Что же, вполне понимаю. Возможно, стоит к этому чувству прислушаться. У вас оружие наготове?

У Шестакова был с собой казенный чекистский «наган» в кобуре, кстати, тот же самый, что был записан в принадлежащем ему теперь удостоверении чекиста. А еще во внутреннем кармане пальто — «вальтер», прихваченный на случай, если потребуются негромкая, но точная стрельба.

— У меня тоже. Так что в случае чего будем прорываться с боем. Если разминемся или потеряемся — точка сбора у меня на кордоне. Как выйдет, через неделю или через месяц. Если кто-то не вернется, ну, мало ли, оставшийся действует по обстановке. Я обещаю не бросать вашу семью до последнего. Вы... Ну, без меня вы совершенно свободны в действиях, только слишком долго там оставаться не советую... И — на допросах правды не говорить ни в коем случае. Плетите что в голову взбредет. А уж о кордоне — вообще забудьте.

Такое похоронное настроение товарища Шестакову не понравилось, оптимизма не внушало, но он был совершенно прав, ничего не поделаешь. Однако походит на то, что Власьев только его имеет в виду. Если схватят егеря с его подлинными документами, так о чем речь? Там молчи — не молчи, толк один.

Перед Клином в дверь их купе вежливо постучали. Шестаков, не вставая с дивана, крикнул:

— Входите, не заперто!

Вошли два стрелка НКПС и с ними младший сержант госбезопасности в форме.

— Проверка документов.

Вновь удивляясь пришедшему спокойствию, Шестаков полез в карман.

— Тут свои. А в чем дело?

Внимательно прочитав удостоверение и бросив короткий, но внимательный взгляд, сличая оригинал с фотографией, чекист вернул удостоверение.

— А вы разве не в курсе? Спецсообщение... — и замолчал.

— Понятия не имею. Я из Москвы уже неделю. Командировка. Что случилось-то?

— Я и сам не слишком знаю, — не стал развивать тему чекист, — очередное усиление паспортного режима. — И, козырнув, вышел. Документами Власьева он не поинтересовался вообще.

Это особенно и насторожило.

— Вот вам ваше предчувствие, — сказал егерь, когда за патрулем грохнула переходная дверь тамбура, а они вышли в коридор, якобы покурить.

— Так вроде обошлось пока...

— Ой ли... Что-то взгляд его мне очень не понравился. И свои со своими так не разговаривают...

— Это у вас воспоминания о прошлой жизни. Сейчас все так разговаривают, откровенность не в моде, и кастовый дух за последние два года повыветрился. Друг друга боятся больше, чем посторонних.

— Дай-то Бог, а я все ж таки предложил бы на ближайшей остановке распрощаться с этим гостеприимным вагоном и продолжить путь иным способом.

Так они и сделали. Изображая не в меру выпивших, сначала попрепирались с проводником, настаивая, чтобы тот сбегал в ресторан и принес еще пива, а проводник отговаривался, что перед Москвой ресторан уже закрылся и товарищам нужно подождать всего полчаса, ну, может, совсем чуть-чуть больше.

— А какая следующая остановка? — спросил Шестаков.

— Не будет больше остановок. Только в Химках тормознем на две минуты...

— Брось, Тимофей, — назвал Шестакова Власьев именем покойного чекиста, — зачем с человеком спорить, он же при исполнении, пойдем лучше сами в ресторан, уговорим как-нибудь.

— Ну и пойдем...

В тамбуре третьего по счету, плацкартного, вагона

они оказались, как раз когда поезд стал замедлять ход. Здесь, по счастью, никого не было. Курящие разошлись одеваться и собирать вещи, проводники принимали постели и раздавали билеты.

Вот только двери тамбура были заперты согласно инструкциям. По той самой причине, чтоб никто не сел и не вышел, где не положено.

— Попали мы, похоже, — сказал Власьев. — На перроне нас и прищучат.

— А это еще как сказать. Читал я где-то, что пистолетный ствол отлично заменяет «вагонку» (то есть трехгранный ключ для тамбурной двери). — Но вот где и когда он такое мог читать — убей Бог, не вспомнил.

— Так то пистолетный, — возразил Власьев, — а у нас «наганы». Мушка не пустит. Взяли б вы «ТТ».

«Господи, из-за такой ерунды», — с отчаянием подумал нарком. А за грязноватым стеклом вот-вот замелькают предстанционные постройки.

Но Власьев не потерял самообладания.

— А если так? — Он выхватил из кармана сделанную из патрона зажигалку, сморщившись, зубами выдернул из дульца гильзы бронзовую втулку с фитилем. — «Наган» свой давайте!

Ударом рукоятки насадил гильзу на трехгранник замка, зажал ее между рамкой и клювом курка, резко повернул.

Дверь открылась.

Отлично кто-то придумал в старое время в России — унификация, по одним модулям делать снаряды и кастрюли, ружейные стволы и вагонные ключи, патроны образца 1908 года и зажигалки.

В провонявший махорочным дымом и волглыми валенками тамбур ворвался свежий морозный ветер и дробный, асинхронный грохот колес. Мимо летела стена заснеженного леса, выстроенная из раскидистых, до земли елей, в метре от подножки мелькали высокие от-

валы грязного снега. В них даже хотелось прыгнуть, чтобы сразу отделиться от поездного, ставшего опасным мира. Только вот слишком часто и внезапно возникали торчащие из сугробов придорожные бетонные столбики, об которые, если не повезет, разломает кости в мелкие дребезги.

Частый, между прочим, вариант для не слишком сообразительных и удачливых поездных воров и безбилетников, вздумавших не вовремя соскочить.

Но как раз тут закрипели тормозные колодки, мелькнул решетчатый столб входного семафора. Шестаков выглянул, убедился, что платформа Химок с другой стороны, а их дверь выходит в узкую щель между поездом и стоящим на втором пути эшелонном бурых двухосных теплушек, они же — «нормальные товарные вагоны 1898 года».

Не дожидаясь полной остановки, друзья соскочили на протоптанную обходчиками и смазчиками тропинку. Не оглядываясь (чтобы не сглазить?), нырнули под тормозную площадку ближайшего вагона, обождали, пока, загремев буферами и коротко свистнув, вытянется со станции их поезд.

Со вздохом: «Ну, снова пронесло!» — спустились по крутоватой обледенелой лестнице на привокзальную площадь.

Нужно отметить, что интуиция в данном случае действительно не подвела Шестакова с Власьевым. В одном, может, из сотни чекистских патрулей оказался такой начальник — необыкновенно педантичный, старательный, а главное — творчески мыслящий. И занесло его именно в этот поезд. Нет бы в следующий сесть!

Попав в НКВД всего полгода назад по комсомольскому «ежовскому» набору с четвертого курса МИИТа, сержант относился к своей службе с молодой романти-

кой и энтузиазмом, тем более что направили его в седьмой, транспортный, отдел, почти по специальности, и, значит, напрямую с грязной работой он не сталкивался.

А сейчас его в числе прочих сотрудников центрального аппарата направили «обслуживать» дистанции Московской железной дороги «на усиление», для поиска особо опасных преступников. В полученной ориентировке имелись не только приметы «беглеца», но и предупреждение о том, что он может использовать документы сотрудника НКВД на одну из трех перечисленных фамилий.

И хотя немолодой старший сержант с обезображенным шрамом лицом никаким краем не подходил под словесный портрет и фамилия в его удостоверении значилась совершенно другая, что-то уполномоченного насторожило.

Вряд ли густой запах алкогольного перегара в тесном купе. Это скорее должно было бы рассеять подозрения, какой преступник будет вести себя столь опрометчиво, да вдобавок и ехал он в Москву, а не из нее.

Но все же, все же...

То ли взгляд у него был слишком уж настороженно-пристальный, то ли неуловимый оттенок привычной властности, ощутимый даже в нескольких сказанных им словах. Совершенно неуместный для сорокалетнего сержанта. Неудачника, малограмотного служаки, тем более — пьяницы. Был бы он капитаном или майором ГБ — все понятно, а так...

Однако по неопытности молодой чекист совершил непростительную ошибку. Не до конца уверенный в своей догадке, не сообразивший, что и он себя выдал не совсем адекватным поведением, сержант решил закончить проверку поезда, а уже перед Москвой вернуться в спальный вагон и передать пассажиров третьего купе в вокзальный пост НКВД для окончательной проверки.

Он не слишком насторожился, даже когда провод-

★ ник сообщил, что случайные пассажиры отправились добавлять в вагон-ресторан. И, лишь пробежав вдоль всего поезда, убедившись, что подозрительные личности исчезли бесследно, сержант сначала расстроился, а потом и испугался. Как теперь быть?

Будь он опытнее, просто сделал бы вид, что ничего не случилось. Сопровождавшие его кадровые стрелки НКПС ничем не выделили этих пассажиров из нескольких сотен уже проверенных за день. Но это и не их дело, им приказано только сопровождать старшего наряда и исполнять приказания, какие последуют.

Зато сам сержант был теперь почти стопроцентно уверен, что попал в точку. Зачем бы иначе этим двоим исчезать из поезда перед самой Москвой? Сразу после проверки документов?

В нем боролись чувство долга и вполне естественный страх. Как теперь доложить по начальству о случившемся, навлечь тем самым на себя долгое разбирательство, неизбежное наказание за халатность, если не хуже?

Сержант вышел на перрон, продолжая терзаться сомнениями.

Совсем было решился наплевать и забыть. Но, посидев, расстегнув шинель, в теплой комнате вокзального пикета, поразмыслив как следует, он пришел к выводу, что комсомольцу, тем более — представителю состава, не пристало ставить личные интересы выше общественных.

Пусть его накажут за нераспорядительность и даже политическую близорукость, но начинать службу с обмана нельзя.

Вдруг он действительно обнаружил врага, на которого объявлен всесоюзный розыск? Ну, не разобрался вовремя, упустил подозрительного субъекта из-за недостатка опыта. Так и прошло-то всего полчаса, не боль-

ше. Приметы он запомнил. И реквизиты удостоверения — тоже.

Круг поиска сузится. Остальные товарищи будут наготове.

Только — кому докладывать? Здешнему задерганному и не слишком умному на вид уполномоченному линейного отдела? Так информация, глядишь, и завтра до нужного места не дойдет. Или в комендатуру дистанции бежать?

Сержант выхватил из-под локтя дежурного замусоленную книгу приказов и телефонограмм, быстро пролистал, нашел нужное место и, слегка обмирая от бесповоротности собственного действия, начал набирать указанный перед фамилией передавшего спецсообщение сотрудника ГУГБ номер телефона.

Сглотнул слюну, когда услышал ответ, сказал в потрескивающую трубку ломким голосом:

— Младший сержант госбезопасности Петраков говорит. Из транспортного. С Ленинградского вокзала звоню. Имею информацию по вашему исходящему 126/15 от 9 января сего года. Что значит — не помните? Телефограмма особой важности. Ну, жду, жду, соединяйте. Как никто не отвечает? Вы понимаете, о чем идет речь? Да не кричу я на вас, телефон здесь плохой. Ну, тогда сами примите телефограмму, а то я рапорт на вас напишу! Диктую, записывайте.

Петраков вышел на перрон, недоуменно пожимая плечами и что-то бормоча. Нет, раз так в Главном управлении к этому относятся — пожалуйста. Ему тоже не больше всех нужно.

ГЛАВА 22

Следующие двое суток Буданцев почти вообще не спал.

Ему хотелось поскорее разделаться с этим гиблым

делом. Найти наконец беглого наркома или убедительно доказать, что это в данный момент невозможно. В чем, кстати, крылась главная трудность. Как на самом-то деле такое докажешь? Разве что труп предъявить, но и труп нужно где-то взять.

Вот он и трудился.

Используя все известные ему методы. Поскольку результатов от тотальной облавы с использованием всей мощи хотя и не слишком квалифицированного, но разветвленного аппарата НКВД пока не было, оставался единственный путь.

По методу честертоновского патера Брауна. Для этого Буданцеву пришлось проштудировать биографии наркома и его жены так, что знал он их теперь не хуже собственной, из наблюдательных дел выбрать малейшие упоминания о родственниках, близких друзьях, людях, с кем «объект» так или иначе пересекался в последние десять лет. Допросил всех, кого удалось, о чертах характера, манерах и привычках Шестакова.

К сожалению, с очень многими побеседовать он так и не смог. Одних уж нет, как писал поэт, а те далеке. Да и с теми, кто пока жил и здравствовал, с ныне действующими членами правительства и ЦК ему встречаться было не рекомендовано.

«Чтобы не привлекать ненужного внимания, — сказал Шадрин, — с кем потребуется, без вас поговорят. Вы только скажите, с кем и о чем конкретно».

Буданцева это мало устраивало, он доверял своей интуиции и ход допроса обычно строил по наитию, исходя из личности собеседника. Чужой протокол с формальными вопросами и столь же формальными ответами тут не поможет.

Загрузив мозг всей доступной информацией, он валялся на диване, почти непрерывно курил, глядя в потолок невидящими глазами, пытался максимально отожде-

ствить себя с Григорием Петровичем и выстроить линию поведения в предложенных обстоятельствах.

Вариантов вырисовывалось только два. Что и не удивительно. Если нарком действовал совершенно спонтанно, под влиянием аффекта, то, увидев дело рук своих, наиболее естественным следующим шагом было вскочить в оказавшуюся тут же автомашину и гнать куда глаза глядят, как можно дальше от Москвы за то время, что ему отпущено. А он не мог не понимать, что в его распоряжении максимум три-четыре часа.

Рассчитывать на большее было бы уже безрассудством. Судя же по истории всей его предыдущей жизни и по тому, как тщательно он устранил улики на месте преступления, забрал оружие и документы у сотрудников, к безрассудным людям Шестакова никак не отнесешь. Скорее наоборот.

Те же три-четыре часа отводилось ему и на то, чтобы определиться с планом дальнейших действий. И, судя по тому, что пошли уже четвертые сутки, такой план он придумал.

Буданцев словно наяву видел перед собой карту ближнего Подмосковья, все, что там находится внутри круга радиусом в сто километров. Все опрошенные им шоферы в один голос утверждали, что по нынешней погоде да ночью на «эмке» больше ни за что не проехать.

— Ну, по хорошему асфальту я, может, и полтораста бы сделал,— сказал только один из всех, самый разбитной на вид.

Хороших же асфальтов из Москвы вело только три: Минское, Симферопольское и Горьковское шоссе. На них Буданцев и отложил по 150, хотя личный водитель наркома сообщил, что машину тот водил еле-еле, мог только трогаться с места и ехать по прямой. Даже скорости переключал неуверенно.

Ну да все равно, если брать по максимуму, считая наркома умелым водителем, в крупные города до утра

Шестаков добраться бы не успел. Кроме Тулы, Калинина и Владимира. Вот они и находящиеся внутри очерченной зоны райцентры были проверены все и насквозь.

Свидетельство тому, что милиция и госбезопасность взяли за дело всерьез, — сотни отловленных в ходе операции беспаспортных колхозников и бродяг, других числящихся в розыске преступников, самогонщиков и спекулянтов. А также масса ни в чем не повинных людей, солидных товарищей, имевших несчастье отправиться по своим делам с женами и детьми.

Вдоль всех более-менее проезжих мощеных дорог и грейдеров проехали и прошли поисковые группы, опрошившие местных жителей, в особенности сельских мальчишек, которые знают и замечают обычно все.

Тоже без всякой пользы. Ни машины, ни подходящих одеждой и статью людей обнаружить не удалось.

То, что нарком с семьей уехал поездом, Буданцев исключил сразу. Не идиот же он. Проще сразу явиться в «органы» с повинной. Хотя, конечно, поезда и вокзалы прочесывали с неменьшим усердием.

И все более сыщик склонялся к мысли, что нарком скрывается в Москве. Только вот человек, который мог бы, рискуя головой, предоставить убежище Шестакову, никак не просматривался. Не простой ведь должен быть это человек, наверняка давно и хорошо с ним знакомый, чем-то очень и очень ему обязанный. Брат, любовница? Не катит! Сейчас дети на родителей доносят, жены от мужей, мужья от жен без всякого отрекаются. Разве из бывших кто? С устаревшими и классово чуждыми понятиями совести и дворянской чести? С такими Буданцев сталкивался. Которым проще срок за недоносительство и укрывательство отхватить, нежели «принципами» поступиться.

Но где среди наркомовых знакомых такой человек? Где?

Буданцев вскочил с дивана, заходил кругами по комнате, ритмично ударяя себя кулаком правой руки по ладони левой.

А если так — подмосковная дача? И люди на них живут, подходящие по классовому происхождению, не все, конечно, но много там таких, много. Писатели всякие, художники, родственники членов правительства, старые политкаторжане, артисты.

Стоп! Артисты! А жена Шестакова ведь артистка. Пашкова. (В шифровке ее по ошибке назвали по мужу — Шестаковой.) Известная, в кино снималась, открытки с ее портретами в киосках продают. У нее ведь тоже могут быть друзья, пожалуй, более «надежные», чем у наркома, и любовники, само собой.

Вот где надо как следует покопать!

Буданцев распахнул дверь, позвал писавшего справку о проделанной за день работе помощника.

— Ну-ка, Толя, живо гони в Вахтанговский, разыщи там парторга, директора, предместкома, вот что выясни.

— Какой театр, Иван Афанасьевич, скоро двенадцать уже, спят все.

— Тоже мне, сыщик. Давно из деревни? Там самая жизнь как раз сейчас. Спектакль закончился, кто разгримировывается, кто с поклонниками по уборным пьет.

Уполномоченный фыркнул, подтверждая свое рабочее-крестьянское происхождение.

— Пьют? По уборным? Они там что?..

— Ох, Толя, Толя! Уборная — это где артисты гримируются и переодеваются, а куда по нужде ходят, у культурных людей называется клозет, туалет, гальюн, сортир, в конце концов.

Давай рысью, чтобы через два часа представил полный список всех, кто дачи имеет, какие, где. А у артисток, обязательно у тех, кто постарше и на вид так себе,

★ досконально выпроси, с кем, когда и как дружила их лучшая актриса Зоя Пашкова.

Так и скажешь — «лучшая», вроде ты сам от нее без ума. Можешь и открыточку предъявить — вот эту.

«Выйдет — не выйдет, — подумал он, — но зацепочка приличная. На дачах и сараи есть, где машину спрятать можно, и речки, где утопить. Вообще там машин много ездит, еще одна и внимание бы не привлекла, заборы вокруг участков высокие, народ бывает солидный, хорошо одетый. Если и здесь облом — я уж тогда и не знаю! Но театр — это только на первый случай. Надо прямо сейчас Шадрину позвонить, пусть с утра по всем дачам сплошную проверку паспортного режима и пожарной безопасности начинает. А потом поспать пару часиков».

Но вот Шадрин он на месте не застал. У того возникли свои заботы.

А вскоре они возникли и у самого Буданцева.

Только-только успел он разделаться с самыми неотложными делами, выслушать рапорты вернувшихся с заданий сотрудников и улечься наконец на неудобный, продавленный в самых неподходящих местах диван, укрыться с головой и провалиться в сон, как его самым безжалостным образом разбудили. Несмотря на то, что он недвусмысленно предупредил своих помощников — беспокоить только в том случае, если появятся существенные и не терпящие ни малейшего отлагательства новости.

А тут он открыл глаза и, щурясь от яркого света направленной в лицо настольной лампы, увидел над собой две темные фигуры. Они еще ничего не успели сказать, а он уже все понял.

«Допрыгался!» — мелькнуло в голове. Машинально хлопнул ладонью по стулу у изголовья, где лежал ремень с револьверной кобурой.

— Спокойно, гражданин, без резких движений, —

услышал он неприятный, какой-то сдавленный голос. Или ему так показалось из-за внезапного звона и гула крови в голове.

Буданцев сел, не глядя на тех, кто пришел за ним, нашарил на полу сапоги, обулся.

«А что, если и мне сейчас так, как наркому?» — мелькнула мысль. Да ну, куда там.

— В чем дело? — спросил он как можно более спокойно. — Я выполняю специальное задание комиссара Заковского.

— Нам это без разницы. Приказано доставить, а там объясняйте.

«Может, все не так страшно, — подумал Буданцев, как тысячи людей до него. — Может, действительно вызвали по делу, а эти просто перестарались? Но Шадрин приглашал совсем по-другому.

Или это от Лихарева привет? Сладко пел, а потом так вот? Но зачем, почему вдруг?»

С путающимися мыслями, чувствуя, что начинает мелко дрожать от противного, расслабляющего страха (загадка психики — перед задержанием опасного бандита, от которого вполне можно получить «перо» в бок или пулю, — не дрожишь, а сейчас...), Буданцев вышел на крыльцо.

Хоть и идти до нужного места было всего сотню шагов, его усадили в машину.

Через ворота напротив 40-го гастронома въехали во двор. Потом по чугунной лестнице повели вниз, вверх, налево по длинному коридору. В этой части здания Буданцев не был ни разу.

Узкие глухие двери через равные интервалы, полы покрыты плетеными веревочными матами. И тишина, как в подземелье, неподвижная, давящая. Для того и маты, чтобы ничто не нарушало этой тщательно продуманной тишины.

Наверное, та самая знаменитая внутренняя тюрьма. В том, что это именно так, сыщик убедился немедленно.

Его ввели в комнатку без окон, пожилой лейтенант с малоподвижным, бледным, словно непропеченная булка, лицом предложил назвать фамилию и инициалы, снять брючный ремень, выложить на стол содержимое карманов. Но и только, обыскивать отчего-то не стал.

Противно царапая пером по бумаге, составил опись изъятых, сгреб в холщовый мешочек деньги, документы, часы, авторучку. Папиросы и спички подвинул об-
ратно:

— Это — можно.

Буданцев ни о чем не спрашивал, стоял молча и смотрел поверх коменданта, привыкая к своей новой роли. Что ж, пятнадцать лет ты сажал в тюрьму людей, теперь сажают тебя. И никого не интересует, что ты считаешь это вопиющей несправедливостью. Большинство его клиентов считали точно так же.

Вот и ему придется привыкать.

Отвели в камеру. Не в камеру даже — в какой-то «отстойник», два на три метра, сбоку голый топчан, под затянутым частой сеткой окном — табурет, в углу чистая, прикрытая крышкой параша, над дверью рубчатый матовый плафон, накрытый вдобавок проволочным намордником.

Впервые в жизни Буданцев услышал, как замок камеры запирается снаружи.

Лег на топчан, вытянул ноги.

На воле пока еще ночь, значит, скорее всего его не поднимут грубым окриком раньше общего подъема.

Мандраж неожиданно прошел. А чего дергаться, раз теперь от него лично ничего не зависит? Вызовут на допрос, предъявят обвинение, тогда и будем думать.

Но думать все равно пришлось, хотя поначалу Буданцев собирался наплевать на все и попробовать за-

снуть в ожидании предстоящего, обещающего быть не легким днем.

Так в чем все-таки дело? Кто его сюда законопатил? Шадрин — невозможно. Как раз Шадрину он нужен сейчас больше всего. А за Шадриным стоит Заковский. Комиссар ГБ самого первого ранга! Выше его только двое — Фриновский и Ежов. Значит, можно предположить...

Предполагать не хотелось, потому что этот вариант означал для Буданцева скорый и неизбежный конец. Если низвергнут Заковский, то не жить и его приближенным, в число которых сам он попал против собственной воли всего три дня назад.

Версии выстраивались в голове сыщика автоматически.

А вдруг дело совсем в другом? Нарком Шестаков пойман (или найден его труп) без участия Буданцева, силами гбэшников, и он теперь просто не нужен тому же Шадрину. Превратился из старшего опера в опасного свидетеля. Чего и боялся с самого начала.

И, значит, последняя надежда — товарищ Лихарев. С его обещанием помощи и защиты.

Закуривая, он со смешанным чувством тоски и насмешки над собой (разинул рот на чужой каравай) вспомнил, что даже одного раза не переночевал в «своей» новой квартире. А такую вот, как эта, квартирку не угодно ли?

«Эх, Валентин, Валентин, — чуть не сказал он вслух, но спохватился, — поможешь мне или я вам всем — как известное резиновое изделие?.. На один раз».

По подъему (да и есть ли он здесь, во внутренней тюрьме, общий подъем?) его не разбудили, и он сначала спал, а потом просто валялся на топчане, не видя смысла вставать. Для чего? Чтобы, как попугай на жердочке, сидеть на вмурованной в пол железной табуретке?

Примерно в девять утра, как определил по своим

внутренним часам Буданцев, принесли завтрак. Кусок черного хлеба с маслом, кружка сладкого чая. Для тюрьмы — неплохо.

Едва он успел поесть, без аппетита, а по необходимости и из самодисциплины — чтобы совсем не расклеиться, как надзиратель вернулся. Забрал кружку и буркнул, не глядя в лицо:

— Собирайтесь на выход. Без вещей.

«Какие еще вещи?» — удивился Буданцев, а потом сообразил, что тюремщик просто произносит затверженную годами формулу, не задумываясь о смысле. «Без вещей» — значит, предстоит вернуться в эту же камеру, «с вещами» — переводят в другую камеру, тюрьму, или отпускают на волю, или — к стенке...

На допрос вели недалеко, до конца коридора. Поднялись на один марш лестницы с забранным частой сеткой пролетом, свернули в коридор, неотличимо похожий на нижний, застеленный тем же веревочным матом, но чем-то неуловимым отличающийся. Это уже позже Буданцев сообразил чем.

Здесь за дверями размещались не тюремные камеры, а обыкновенные кабинеты, и, значит, не исходило из них насыщенного нервного излучения страха и отчаяния, производимого сотнями лишенных свободы, мучительно ждущих решения своей участи людей.

Он уже сталкивался с этим феноменом, бывая по делам службы в ДОПРах, и, обладая достаточно тонкой нервной организацией, всегда удивлялся, думая о тамошних сотрудниках, — как можно ежедневно и постоянно выносить подобную убийственную ауру?

Кабинет специальный, допросный, мало отличающийся своим оснащением от тюремной камеры, только вместо топчана — железный стол с лампой и телефоном, кроме табурета — венский стул для следователя да окно, хоть и зарешеченное, но с нормальными, прозрачными стеклами.

Следователь — немолодой, со шпалами капитана ГБ в петлицах, лицо неприятное, даже не старается казаться доброжелательным, наоборот, демонстрирует, как ему противно повседневно общаться со всякой сволочью, вроде как этот, только что введенный.

У следователя — три шпалы, у самого Буданцева — ромбик, отчего-то до сих пор не сорванный, оба они — в какой-то мере коллеги, хоть и специализация у них разная. Не ожидая приглашения, сыщик сел на табурет, сложил на коленях руки, уставился в переносицу капитана, словно все у них наоборот и это он, а не Буданцев, подследственный.

Помолчали. Наконец капитан первым нарушил паузу — протянул пачку «Беломора», предложил:

— Закурим?

«Отчего же нет, хоть и свои папиросы имеются, но их можно и поберечь, сколько еще сидеть придется? И передач ждать не от кого».

Капитан, очевидно, после некоторых сомнений избрал тактику доверительной беседы: свои мы, мол, тут, а между своими какие формальности? Хоть и лежал перед ним на столе стандартный бланк допроса, он отодвинул его в сторону. Не стал спрашивать анкетных данных, предупреждать об ответственности за ложные показания, не сообщил даже, в каком качестве видит сейчас Буданцева — свидетеля, подозреваемого или уже обвиняемого.

— Ну что, расскажите, какое задание вы получили от бывшего старшего майора Шадрина? — предложил следователь после второй или третьей затяжки. Спокойно так, даже безразлично.

И Буданцев ответил спокойно, обращаясь к понимающему человеку:

— Какое задание? Сами ведь знаете. Третьего дня вызвал меня начальник МУРа, приказал прибыть в этот вот дом и поступить в распоряжение комиссара госбез-

★ опасности 1-го ранга Заковского. Замнаркома передал меня в оперативное подчинение старшего майора Шадрина, которого я, замечу, увидел впервые в жизни.

Тот поручил мне принять участие в расследовании, — здесь Буданцев замялся. ГБ, оно и есть ГБ, кто их знает, в какие они игры играют, а он может влететь на ерунде. Сейчас на него ничего нет, а скажешь не то — и тут же появится. — Вы — капитан, он — старший майор. Заковский — замнаркома. Я предупрежден об ответственности за неразглашение. И как теперь быть?

— Некогда нам ерундой заниматься. Он велел заниматься поиском исчезнувшего наркома Шестакова, так?

Не желая уступать слишком легко, Буданцев ничего не ответил, просто кивнул.

— Да знаю я все, — начал раздражаться следователь. — И что поручил, и кого в помощь дал. Поэтому хватит валять дурака. Быстро и подробно все расскажете — и свободны. Не зря же у вас только ремень отобрали. Что в камере ночевать пришлось — прошу прощения. Нужно было вас до поры изолировать. Только.

«Только? — подумал Буданцев. — Если так, зачем вообще было сажать? Сразу бы и поговорили. Тут другое что-то».

Демонстрируя полную готовность к сотрудничеству, а как же иначе — милиция, ГБ, все равно одна контора, — он изложил все, что знал и делал, за исключением собственных версий происшедшего, и, конечно, ни словом не упомянул о Лихареве.

— Все? — разочарованно спросил следователь. — Три дня работали — и никаких результатов?

— Как же никаких? — возмутился Буданцев. — Обыски провел, повторную экспертизу получил, версии сформулировал, 27 свидетелей опросил — это вам мало? Результаты обязательно будут. Другое дело — когда? Могут и сегодня, могут — через неделю. Но это уж,

брат, такая специфика. Скоро только кошки родятся, — вспомнил он поговорку одного сыщика, имевшего за это прозвище Акушер. — Теперь вы знаете ровно столько, сколько я. Если не больше. Словно у вас так не бывает.

— У нас — не бывает, — с нажимом ответил капитан. — У нас быстро признаются.

— Когда есть кому и в чем — у нас тоже быстро получается. А пока найдешь — забегаешься.

— Не получается разговора, — с сожалением сказал следователь. — Попробуем по-другому. Отвечайте — какое задание вам дал разоблаченный враг народа Шадрин? Затянуть следствие, дать возможность другому врагу — Шестакову скрыться, замести следы?

— Да послушайте, капитан, о чем вы говорите? Соображать же надо! Кто я и кто Шадрин?! На кой ему меня вообще приглашать надо было, чтобы следы замечать? У ваших это куда лучше получается. А я сыщик, понимаешь? Ловлю нормальных бандитов и убийц, такая у меня квалификация.

Он не успел закончить свою возмущенную тираду. Следователь извлек откуда-то из-под стола гибкую резиновую дубинку и наотмашь перетянул Буданцева по плечу с захлестом на спину.

— Нет, ты мне, сволочь, все скажешь! Где нарком скрывается, зачем вы его прячете, с кем и куда позавчера на заграничной машине ездил. — Каждую фразу следователь сопровождал ударом — по спине, по ребрам. Лицо и голову пока не трогал. — Думаешь, мы не знаем, что у вас заговор против наркома Ежова составлен? Кто у вас главный? Кто тебя завербовал, когда, как?

Был краткий миг, когда Буданцев чуть было не бросился на следователя, не выхватил у него дубинку, но кое-как сдержался. Дернись только, ворвутся ждущие

за дверью дюжие выводные, повалят на пол, начнут месить пудовыми яловыми сапогами.

Умаявшись или решив, что для начала хватит, капитан бросил дубинку на стол.

— В камеру. Иди, еще подумай. Сдашь своих главарей и Шестакова — обещаю снисхождение. Нет — сто раз пожалеешь, что родился.

ГЛАВА 23

На площади перед станционной платформой обнаружилось несколько промысляющих извозом крестьян с санями-розвальнями и даже один возок на круто изогнутых кованых полозьях, с нарисованными на задней стенке аляповатыми цветами, отдаленно похожими на розы. Наверное, на нем ездил какой-нибудь бывший кулак, обслуживавший по случаю сельские свадьбы. И лошадь была запряжена хорошая, имевшая отношение к орловским рысакам.

— Вот это нам подойдет, — сказал Шестаков, вновь ощутивший прилив энтузиазма и активности.

Чем острее складывалась ситуация, тем бодрее он себя чувствовал.

— Слышь, земляк, — подошел он к вознице, — небось довезешь до Мытищ?

— Эвон? — удивился дымивший махорочной скруткой мужик лет сорока, русобородый, как раньше говорилось — «справный», одетый в некогда белый нагольный тулуп. — Я тут, по ближним деревням, или до Москвы, если что, а Мытищи, почитай, верст двадцать да лесом? К вечеру и не обернешься. Чего ж на поезде не поехали? Оно бы быстрее вышло.

— Ты чего, браток, на заработки вышел или от колхоза повинность исполняешь? — прищурившись, спросил Власьев. — Надо нам ехать, и заплатить есть чем, а не хочешь — другого найдем. Так повезешь?

Видно было, что заработать мужик хочет, но терзает его извечное российское противоречие между рациональностью и духом. Деньги — оно неплохо, трешку, а то и пятерку слупить со странных пассажиров вполне можно, но и тащиться на холодном облучке два часа туда да столько же и оттуда, наверняка порожняком, как бы и скучно. Куда проще зашибить полтинник коротким концом и снова развлекаться спокойной беседой с коллегами, пропустив «с почина» чарку-другую.

— Эх, а можно и поехать... — изображая отчаянность, хлопнул возчик шапкой по колену. — А сколь положите?

Не успел еще Власьев, знающий характер и обычаи таких мужиков и систему здешних цен тоже, начать достойно торговаться, как Шестаков, в роли наркома о ценах никакого представления не имеющий, но вообразивший, что сейчас стоит шикануть, протянул мужику красную тридцатку.

Власьев и возчик ахнули одновременно. По разным, впрочем, причинам.

— Ну, ин ладно, товарищи-граждане. Чего уж. Если вам и вправду надо — с ветерком доведу. Только бы это — для сугреву чего взять. Там от, в чайной, казенка имеется. По такому морозу, да через лес, без сугреву неинтересно ехать...

Власьев толкнул наркома локтем. Молчи, мол, хватит уже, пока еще чего лишнего не сболтнул.

— Так и беги, раз хочется. И на выпивку хватит, и на закуску, еще и сдачу принесешь. Думал, всю тридцатку тебе? Держи карман... Червонца выше головы хватит. Я бы и пятерки не дал, да приятель мой свататься едет, вот и не в себе немного...

Разочарованный, но совсем немного — десять рублей тоже были непомерно солидной платой — мужик отправился в чайную.

Дождавшись, пока он скроется за ободранной голу-

бой дверью, Власьев, не меняя выражения лица, прошипел наркомун:

— Вы, Григорий Петрович, думайте все же время от времени. Здесь такими деньгами разбрасываться — все равно что по улице Горького в воскресный полдень нагишом бегать. Разговоров на неделю хватит. Хорошо, я его малость разочаровал, он сейчас водки купит и, в расстройстве об упущенной выгоде, ни с кем впечатлениями делиться не будет. А то бы... Нашелся доброхот, сейчас участковому стукнул, поехали, знать, подозрительные да богатые, деньгу без счета швыряющие, лесом в Мытищи, когда поездом туда полчаса езды. Там бы нас и повязали.

Санки довольно споро скользили по накатанной просеке, окруженной густым еловым лесом, из-за быстро бегущих по небу кучевых облаков то и дело просверкивало яркое послеполуденное солнце, и вновь казалось наркомун, что находится он непонятно где — то ли в проклятом, но все равно незабвенном прошлом, то ли в каком-то совершенно искусственном, выдуманном мире.

Левой рукой он перебирал в кармане, как мусульманин четки, россыпью брошенные туда револьверные патроны. Десятка два. Скользящие в пальцах длинные теплые цилиндрики успокаивали.

«Гипноглиф» — опять всплыло в памяти незнакомое слово, и тут же нашлось ему объяснение. Так вроде бы называется нечто вроде осязательного наркотика. А если попросту, развлекало его ощущение, что целую горсть смертей он держит в кармане. Каждый патрончик — тщательно изготовленная консервированная смерть. Не страшная старуха в саване и с косой, а тем не менее...

Но все же с гораздо более эффективной и технологической смертью он имел дело в молодости. Торпеда образца 1912 года, к примеру. Та несла в себе сразу

сотню или две гарантированных смертей в металлической обтекаемой оболочке, снабженной притом парогазовым мотором. Когда они засветили, помнится, под Норчепингом в борт немецкого крейсера «Герман»...

Ямщик на облучке, спрятав в заглашник деньги, суммой превосходящие чуть ли не месячный возможный заработок от местного извоза, согревшись вдобавок дармовой же водкой, пел громко и нескладно какую-то местную песню, а в глубине души надеялся, что не стукнут его гирькой по затылку странные пассажиры и позволят вернуться домой живым и с прибылью.

— Может, вы скажете наконец, куда мы все-таки едем? — спросил Власьев.

Шестаков отдал должное терпению старого товарища. Отправился с ним в явно опасную и в любом случае противозаконную экспедицию, так и не поинтересовавшись ее замыслом и конечной целью.

— Есть по Ярославской дороге такой городок — Кольчугино. А в нем — место, где без лишнего труда возможно добыть нужные нам предметы в неограниченном количестве...

Они говорили, едва шевеля губами, чтобы не услышал возчик, хотя предосторожность была почти излишней: опущенные уши шапки, поднятый воротник и громкая песнь мужика исключали риск утечки информации.

— Отчего — именно Кольчугино?

— Да просто другого места я не знаю. Подходящего. Там два оборонных завода всесоюзного значения, куда постоянно приезжают толкачи-снабженцы со всех концов страны. По сорок-пятьдесят человек живет в гостинице одновременно. Бывал там, приходилось, отчего и выбрал. Паспорта, командировочные удостоверения — все сдается в гостинице администратору. Легко взять... — он вдруг осекся. — Ну не так чтобы совсем легко, но возможно...

— Умно... — Власьев посмотрел на наркома с уважением. — Но — позволю себе вопрос. Почему сразу не сказали?

— А вы — не спросили...

— У меня свой резон. Сейчас вы банк держите, я же, прошу прощения за цинизм, продолжаю наблюдать, стоит ли на вас полагаться и дело с вами иметь. Еще раз простите — до сих пор думаю, тот ли вы человек, чтобы очертя голову за вами в бой кинуться, или...

— А я не сказал... Да потому, что до последнего в себе не был уверен. Вдруг испугаюсь, просто раздумаю. Переступить-то я переступил, как Раскольников выражался, но все время думал, не остановиться ли? На что руку поднимаю?.. Вся ведь жизнь «этому» отдана...

— Честно ответили. Ценю. Значит — идем до конца. А про дальнейшее пока говорить не станем, от греха.

Власьев, явно собравшись еще что-то сказать, вдруг замолчал, начал закуривать.

Так и ехали молча не меньше получаса, каждый думая о своем.

Шестакову по-прежнему не совсем понятны были резоны Власьева. Неужто просто оттого, что случайно подвернулся ему на пути старый товарищ, поднявший руку не просто на нескольких мелких чинов НКВД, на всю СИСТЕМУ, решился он сломать остаток своей, довольно спокойной и благополучной по нынешним временам жизни? Такого вот только толчка ему не хватало, чтобы включиться в борьбу со всем коммунистическим государством? Или же?..

Шестаков, опять будто не своим собственным умом, а как бы заемным, начал просчитывать варианты. А откуда старлейту знать, что на самом деле у Шестакова есть возможность, в случае прорыва на Запад, завладеть хорошими, даже огромными деньгами? Он и сам-то сообразил буквально вот только что...

А почему, кстати, вообще пришло ему это в голову?

Несколько лет бесконтрольно распоряжался секретными суммами и помыслить не мог, что можно использовать доллары, фунты и франки в собственных интересах. И вдруг...

Нет, что, если и вправду Власьев знал? Через свои эмигрантские круги и связи. Нельзя ведь исключить, что имеются они у него. Эмигранты, троцкисты — там, «пятая колонна», те же троцкисты-бухаринцы-зиновьевцы — здесь, сотрудники ныне разоблаченного и преданного суду Ягоды, которые не могли не быть в курсе секретных операций с испанским золотым запасом и нашими встречными поставками...

А если не от троцкистов, а от родного НКВД он это знал? Просчитали аналитики, что, в случае чего, бежать наркому будет некуда, кроме как к старому сообщнику.

Шестаков подумал, что так можно зайти слишком далеко. Ни одна душа в мире не смогла бы просчитать такую комбинацию — попытка ареста, его неожиданное сопротивление, причем удачное, с убийством чекистов, побег, тоже удачный, и именно к Власьеву, ночной разговор, мысль об этих деньгах (невысказанная до сих пор, кстати)....

Стоп, просчитать, конечно, нельзя, а тщательно спланировать, срежиссировать?

Нет, все это невозможно просто потому, что никто, и сам он в первую очередь, не мог представить, будто в состоянии нарком Шестаков уничтожить целую опергруппу НКВД, да еще столь профессионально и изощренно. Но тем не менее... Отчего же вообще посещают его подобные мысли?

Однако, пусть это и похоже на шизофрению, но за Власьевым нужно понаблюдать. Отнюдь не раскрывать ему все сразу. Поэтапно, не торопясь, и по возможности ставя его в такое положение, чтобы егерю приходилось делать самую опасную и «грязную» работу.

Как там говорил кто-то из народников, Нечаев, что

★ ли: «Любое дело будет надежно, когда под ним струится кровь»? Если вдруг (во что не то чтобы не хочется, просто невозможно поверить) он все же провокатор, пусть покажет, до какого края способен дойти. А если вдруг остановится, станет искать поводы и оправдания — тогда и посмотрим...

Вдали наконец завиднелся дым из печных труб над Мытищами, ничем иным это огромное скопление полудеревенских-полугородских бревенчатых домов быть не могло.

— Приехали вроде, — привстал, потягиваясь, разминая затекшую от долгого сидения в санках спину Власьев. — Я все думал — большую вы таки ошибку сделали, Григорий Петрович. Не знаю, сумел ли я ее компенсировать должным образом. Если бы вы торговались с нашим возницей и в итоге заплатили ему разумную сумму, ну, чуть больше общепринятой, он бы уехал довольный и забыл о нас через полчаса. А теперь ваша тридцатка, пусть и неполученная, все равно запомнилась, и будет он болтать на каждом шагу, особенно по пьянке, об очень странных пассажирах. О чем еще на стоянке с другими такими же разговаривать, которые гривенник в день выручают? Сейчас ведь не тринадцатый год, когда подгулявшие купчики или лихие мичмана швыряли деньги без смысла и расчета. В самом лучшем случае нас посчитают удачливыми ворами...

— И к чему вы сейчас снова об этом говорите?

— Так, рассуждая. Не проще ли... избавиться от такого свидетеля? Сутробы тут глубокие.

Удивительно совпали мысли Шестакова с предложением егеря.

— Ну, в общем-то вам виднее, — раздумчиво сказал нарком. — Лес рубят — щепки летят, такова сейчас линия партия. Вам «наган» дать или ножом управитесь?

Похоже, Власьев ждал иного ответа. Думал, что Шестаков ничтоже сумняшеся мгновенно исполнит его

пожелание? Привык, мол, уже. Где пять человек, там и шестой без проблем пойдет...

— Да бог его знает. Может, и не стоит лишний грех на душу брать? Посмотреть сначала, что он делать станет? Сразу в обратный путь тронется или кинется властями докладывать...

— Если кинется — остановить успеем? — полюбопытствовал Шестаков.

— М-да, интересно вы вопрос ставите...

— Отнюдь, просто — в практическом плане. Мы же только-только начинаем свой путь. А от начала многое зависит...

— Тоже верно. Тогда, пожалуй, так поступим... — Власьев тронул возницу за плечо. Тот, вроде как задремавший, чисто автоматически подергивавший вожжи и чмокавший губами, вскинул голову.

— Чего изволите?

— Приехали мы, — егерь указал рукой на второй от тракта дом в переулке, полуторазтажный, окруженный глухим зеленым забором. — Благодарствуем, быстро доvez. Давай на прощанье по чарочке, и ворочай обратно, а то дотемна домой не управишься...

При виде почти полной бутылки мужик, явно испытывавший сухость во рту и обычное после дневной выпивки состояние вялой расслабленности, приободрился.

— Дак чего же, я с удовольствием. А разве мы не до вокзала подражались?

— Какого вокзала, окстись. Здешние мы, артельные, кроликов водим, шапки шьем. Расторговались в Москве, домой приехали. Забыл, что ли?

При этом Власьев, сделав вид, что хорошо отхлебнул из бутылки, обтер горлышко рукой и протянул остальное мужику.

— Ага, ну да, как же... — тот, похоже, не вспомнил о недавних словах Власьева о предстоящем сватовстве, скинул рукавицу, принял угощение, приложился.

— Ну, бывай. Заезжай, если что... — Власьев как-то очень естественно и небрежно ухватил лошадь за оголовье, приговаривая что-то, развернул на широкой дороге. — Смотри только, не допивай все сразу, ехать еще... — и шлепнул лошадь по заиндевелому крупу.

— Артист вы, однако, — отметил Шестаков, когда они уже sporo шагали в сторону станции. — Если не свалится с облучка и до дому доберется, пожалуй, и вправду ничего не вспомнит, кроме как кустарей домой подвозил. Литр без закуски — тяжело, пусть и на свежем воздухе.

Власьев, не ответив, пожал плечами.

...До цели они доехали без приключений и с комфортом — в почтовом вагоне скорого Москва — Владивосток.

И сели в него легко и просто, по прежней схеме — удостоверение под нос почтарю, принимавшему с тележки какие-то тюки и ящики. Дождались, пока тот распишется в ведомости, поинтересовались, не везет ли кого постороннего, прошлись по отсекам, заглядывая за стеллажи, выгородки и в прочие укромные места обширного, под завязку загруженного вагона, пошевелили разложенные в соответствии с маршрутом мешки с письмами и пачки свежих центральных газет.

Старший вагона, средних лет мужчина в форменной тужурке и с «наганом» на поясе, и его напарник, спавший в маленьком двухместном купе, отнеслись к появлению «чекистов» спокойно, привыкли, наверное, регулярно контактируя с их коллегами, сообщили, что в Москве на Ярославском их уже проверили.

— Ничего, лишний раз не помешает. У тех своя работа, у нас своя. Следующая остановка где?

— В Александрове.

— Ну, до Александрова с вами и прокатимся. Веселее будет.

— Не положено на перегонах посторонним в почто-

вом вагоне находиться, — как бы с сомнением сказал старший. И выглянул в открытую дверь, словно надеясь увидеть на перроне кого-то, кто мог бы либо подтвердить непреложность инструкции, либо ее же и отменить.

Шестаков, вновь испытывая легкое возбуждение и нервный подъем, ответил, не задумываясь:

— Это где же ты посторонних увидел, браток? Говори, да не заговаривайся. Чей-то я не слышал, чтобы наш товарищ Ежов вашему наркому подчинялся. Или, пока я из Москвы отлучился, новый приказ вышел?

Выждал короткую паузу, словно действительно надеялся получить положительный ответ, после чего сам захлопнул дверь, снял шапку и поискал глазами, куда бы сесть.

— Лучше б чайку сгоношил, а то замерзли мы, с утра мотаемся. Перекусить есть, а горяченького хочется...

Так и поехали. За три часа пути словно сдружились даже. Попили чаю, покурили, Власьев вытащил из пачки сегодняшнюю «Правду».

— Ну-ка, что новенького пишут?

Писали то же самое, что и всегда. Шестаков хоть и не думал, что в главной партийной газете напишут про его побег и прочее, а все же напрягся, пока старлейт вслух зачитывал заголовки и самые интересные места из статей и заметок.

Причем интересным, на его взгляд, было только то, что касалось готовящегося в Москве процесса правотроцкистского блока, по которому проходили и Бухарин, и Рыков, и даже предыдущий всесильный Генеральный комиссар госбезопасности Ягода.

Суд еще и не начался, а газетные материалы уже кипели яростной злобой и призывами раздавить гадин и размозжить собачьи головы предателей и двурушников... Слышать все это Шестакову было жутко. Кто зна-

ет, не для того ли его арестовывали, чтобы добавить еще одну голову на скамью подсудимых? Усилить, так сказать, картину всеобщей измены еще одним наркомом, обвинить его, к примеру, в убийстве Орджоникидзе или в продаже Гитлеру всей советской оборонной промышленности оптом?

А за маленьким зарешеченным окном (но, к счастью, пока еще не тюремным) мелькали все быстрее и быстрее заснеженные сосны, успокаивающе гроыхали на стыках вагонные колеса, было тепло и уютно.

Шестаков вдруг остро позавидовал железнодорожным почтарям, как давеча капитану Бадигину.

Десять дней до Владивостока, день-другой там, и столько же обратно. Почти месяц размеренной, спокойной жизни, в которой ничего совершенно не происходит. Выгрузи на узловой станции почту, прими новую и снова спи, любуйся сибирскими и дальневосточными пейзажами, покупай на станциях местные дары природы — где рассыпчатую вареную картошку с укропом, где копченого омуля... И никаких более забот. Разве ж не жизнь?

И, главное, никому в голову не придет арестовывать вдруг этого мелкого служащего с незначительными значками на синих замусоленных петлицах.

— ...Никак не могу понять, — услышал он вдруг голос этого самого почтальона, обращенный к Власеву. — Нарком вот бывший, товарищ Ягода. Пишут — предатель, агент Троцкого, фашистов, собирался вождей наших убить, Горького велел отравить, в случае войны нанести удар в спину и все такое...

Похоже, любит порассуждать о высокой политике, а раз сейчас пребывает в дороге и на митинге выступить нет никакой возможности, так хоть со случайными попутчиками мнениями обменяться.

А что сами они из того же ведомства, так даже и лучше.

Честному человеку сотрудников славных органов бояться нечего, а про своего бывшего начальника они могут объяснить лучше, чем кто-то другой.

Непуганый, выходит, товарищ попался им. Не успевший проникнуться всеобщими чувствами. Да и то, когда бы и набраться? Месяц в дороге с малограмотным и не умеющим поддержать душевный разговор напарником, сколько-то дней отгулов в кругу семьи, и снова в путь.

— И что ж тут непонятного? — приподнял бровь Власьев. — Классовая борьба, сам знаешь, обостряется, эксплуататоры недобитые спят и видят поработить советский народ, а эти вот, — он изобразил на лице гримасу отвращения, — продались и так далее. Чтобы, это самое, нож в спину и восстановить власть помещиков и буржуев...

Шестакову показалось, что приятель переигрывает. Чересчур уж издевательски излагает. И тут же до него дошло, что как раз и нет. Лаконично, просто, максимально доходчиво Власьев и передал суть многостраничных правдинских статей, докладов на Политбюро и съездах. Мы, значит, строим, а они, мерзавцы, наоборот, вредят в целях реставрации. И зачем какие-то полутона и логически непротиворечивые обоснования?

Только почтовому работнику этого показалось мало.

— Да я и сам понимаю, — досадливо отмахнулся тот. — Я другого не понимаю — зачем оно именно этим? Ты не думай, я сам на гражданской воевал, красным партизаном был. Член партии, между прочим, секретную почту возить другому и не доверят.

Так вот и скажи, пусть он, то есть Ягода ваш, несомненный предатель, и что там ему суд вынесет, то и будет, а все же зачем он в предатели пошел? Что вот такого ему Антанта, Гитлер и Троцкий посулить могли? Как я из политграмоты помню, бывший товарищ Ягода

из беднейших аптекарей. Дослужился до немислимых чинов.

Видел я его как-то. Мундир, звезды на петлицах, что у самого Буденного, сапоги дорожные. Опять же как писали — беспощадный враг мирового капитала, верный соратник, каленой метлой...

Теперь Шестакову показалось, что уже почтарь издевается, с серьезным лицом повторяя штампы советской пропаганды всего лишь двухлетней давности. Будто не знает, что цитировать даже самого Ленина без учета очередной смены линии партии весьма и весьма чревато.

А почтальон продолжал:

— Я вот люблю до сути докапываться. И недоумеваю, что еще можно такому человеку посулить, чтобы он, не боясь смертной казни и всеобщего презрения трудящихся, в заговорщики подался? Царем же, императором всероссийским и прочая, и прочая его не посадят, на место Гитлера тоже не возьмут, а если даже первейшим помощником назначат, так он и так уже...

Не, чего-то нам не договаривают. Что они враги трудового народа — я вот ни столечки не сомневаюсь, но вот хотелось бы всю правду знать — через какой интерес даже наилучший друг товарища Ленина Бухарин и товарища же Ленина сменщик на посту Председателя Совнаркома Рыков сейчас под расстрел идут?..

Пока Шестаков думал, что бы такое ответить, не выходя из образа, Власьев вдруг дробненько, поинтеллигентски рассмеялся. Хлопнул почтаря по плечу.

— Ну ты даешь, Михеич. Прямо в точку спросил. Зачем, мол, и все тут... Тебя бы в гособвинители, в пару к товарищу Вышинскому. Он-то, конечно, и без тебя добьется ответа, а мы потом в газете прочитаем, но мысль верная. Должно то есть быть что-то такое, что даже человека вроде этих вот... — презрение на лице старлейта было неприкрытым и абсолютно искренним, — в ка-

кой-то момент заставляет идти против установленного порядка, не жалея ни чинов, ни больших звезд, ни головы своей...

Власьев помолчал немного.

— Но ты, Михеич, свою голову все же пожалей. Мы с товарищем сейчас другим делом заняты, и просвещать тебя нам недосуг, сходить скоро, а другой на нашем месте тебя бы с поезда ссадил. И совсем в другом месте тебе на твои вопросыки ответили бы. И мало тебе, друг ситный, не показалось бы. Поскольку все, что тебе положено знать, в «Правде» уже написано, а если ты вдруг захотел узнать непопущенное, то это уже наводит на мысль... Так что впредь, дорогой, как писал русский поэт Тютчев, «молчи, скрывайся и таи и мысли и слова свои...». Уловил, что я имею в виду?

Хозяин вагона помрачнел. Мало, что интересный разговор прервали, так еще и намекнули на нехорошее.

Остальной путь проехали почти что в молчании. Шестаков только спросил, какая остановка следующая после Александрова.

— Станция Пекша, в смысле — город Кольчугино там. Потом Тейково и уже за ним Иваново.

...Солнце почти село за сероватые, подсвеченные снизу алым тучи, угрожающие очередным обильным снегопадом, а пока стряхивающие на землю сухую и жесткую, похожую на алюминиевые опилки крупу.

Назад и вперед, изгибаясь, убегали блестящие полосы рельсов, приколоченных к черным, воняющим креозотом шпалам. Белыми и фиолетовыми огнями светили фонари на стрелочных переводах.

Попыхивал, внезапно окутываясь облаками пара, зачуханный маневровый паровозик на боковом пути.

Справа, по ту сторону насыпи, пологий склон опустился к хмуру чернеющему лесу, и на нем в несколько

порядков теснились одинаковые бревенчатые избы, дружно дымившие из кирпичных труб столбами синего дыма в неподвижном воздухе.

Картина сама по себе спокойная, мирная, обещающая вроде бы отдохновение от предыдущих смертельных опасностей столичной жизни.

Но в неподвижный, чистый, вымороженный воздух неприятным диссонансом вторгался удушливо-острый запах только что вываленного из паровозной топки шлака.

Деревянная лестница вывела к невзрачному, еще, наверное, при купце Кольчугине сооруженному вокзалчику. От него круто вверх шла улица, образованная домами более цивилизованного вида, по преимуществу — двухэтажными, где низ был кирпичный, а верх — бревенчатый. Так здесь было принято строить в прежние времена.

Внизу — магазины и лабазы, с маленькими окнами и окованными полосовым железом дверями, над ними — жилье хозяев, удобное, просторное, теплое и сухое.

Перед угловым, сплошь каменным зданием с синей жестяной вывеской «Желдоркооп» вытянулась очередь. Длинная, мрачная и утрюмая.

Люди теснились в ней, поразительно похожие друг на друга, одетые как один в серо-черные телогрейки, хоть мужчины, хоть женщины. Что удивительно — не слышно было препирательств, ругани и даже просто разговоров. Только похрустывание снега под ногами, кашель, глухое бормотание, обращенное как бы в пространство, а не к соседям.

Это наркому показалось странным, все же в таком маленьком городе люди должны быть знакомы друг с другом, и отчего бы не поговорить на общие темы в общем же ожидании?

А егеря ничуть не удивило. Раз магазин железнодо-

рожный, прикрепленные к нему станционные рабочие за долгий день и наговорились, и намерзлись досыта. Сейчас бы отовариться скорее, и домой. Какие разговоры.

— За чем они стоят? — спросил Шестаков Власьева, проходя мимо.

— За хлебом, наверное, — пожал плечами старлейт. — Или мануфактуру обещали выбросить.

— Как — выбросить?

Власьев посмотрел на него с удивлением или с жалостью.

— Конечно, в ваших распределителях не выбрасывают. Там — отпускают. В срок и по норме. Здесь же, как и во всей Стране Советов, исключительно выбрасывают. Что и когда придется. Повезет — поймаете. Нет — жди следующего раза... Карточки были — хоть срок отоварки каждый знал, а теперь свободная торговля. Завезут чего-нито — хорошо, не завезут — такая у нас плануда.

Вновь Шестаков испытал мучительное чувство раздвоения личности. Он одновременно ощущал себя наркомом, наизусть знавшим показатели растущего благосостояния народа: «Жить стало лучше, жить стало веселее» и тому подобное, и главное, на себе испытавшим справедливость этой сталинской максимы. Но как человек, поживший при царском режиме, отлично понимал, насколько жалко выглядит это нынешнее «благосостояние» даже по сравнению с мировой войной. Тогда и на третьем ее году в принципе не существовало понятия «дефицит», просто кое у кого могло не хватать денег на некоторые продукты, но они были всегда и в изобилии.

Матросы на стоявших у стенки линкорах получали по фунту мяса и по два фунта хлеба в день, не считая приварка, а на минной дивизии, не выходившей из боев и походов, вообще кормили от пуза, включая шоколад, сливочное масло и рижские шпроты.

А в довершение всего он еще как бы видел себя со стороны, воспринимал и оценивал собственные мысли как нечто постороннее, хотел, но не мог на них активно повлиять.

От всего этого на душе делалось совсем мутно.

И в то же время он шел рядом с Власьевым, обсуждал предстоящее, давал даже советы, как тому вести себя по прибытии к цели.

Они поднялись наконец на взгорбок, откуда расходились с понижением четыре улицы и был виден, собственно, весь городок. Чешуя низких, будто придавленных к земле крыш, железных и тесовых. Монотонный пейзаж, прерываемый несколькими высокими, мрачно-массивными, словно в эпоху феодальных войн поставленными, зданиями. Больница, два заводских общежития, в просторечии называемых «тысячными», клуб завода имени Орджоникидзе, сами заводские корпуса, давшие повод существованию города, ряды кирпичных труб над ними.

Дежурная по гостинице, расположенной тоже в обычном здесь двухэтажном, полукирпичном-полудеревянном строении, только длиной в добрые полквартиры, приняла их неласково.

Довольно симпатичная в принципе женщина, которая в других условиях и в другой должности могла бы, наверное, быть и доброй, и внимательной к клиентам, сейчас, как только они появились в вестибюле и не успели даже ничего спросить, начала кричать, что свободных мест нет и не будет, что об этом написано на двери при входе и нечего тут...

— Нету местов и не будет. Все занято. Если на завод Орджоникидзе приехали, к директору идите, может, в общежитие подселит, а если на «Электрокабель», так и не знаю...

То, что мест нет, для планов Шестакова было хорошо. Чем больше постояльцев, тем больше выбор паспор-

тов и прочих документов. И в то же время — а где самим переночевать? Насколько он помнил, вечером и ночью поездов в сторону Москвы не бывает. Спать же хотелось сильно. Ведь встали они с Власьевым затемно, и дорога вымотала, и мороз, и переживания. Часика бы хоть три-четыре поспать в тепле и покое, а там уже...

И тут же нарком, уставший удивляться себе, отреагировал на агрессивный голос и тон дежурной мгновенно, не задумываясь, ответил ей так, как требовали его внешность и спрятанная в кармане бордовая книжечка.

— А ну заткнись, дура! Чего разоралась? Работать надоело? Так завтра не будешь! — И после короткой паузы, когда сам не знал, что ей предъявить — документ или сразу «наган», предпочел все-таки первое. — Видала? НКВД, Москва. Чему тут вас, деревню, учат?

Дежурная, мгновенно оторопев, опустилась на свой стул, и лицо у нее приняло выражение выхваченной из воды рыбы.

А Шестаков тут же добавил еще драматического напряжения:

— Мы что, думаешь, поселяться пришли? Мы тебя проверять пришли. Специально. Чем вы тут занимаетесь? Паспортный режим как соблюдаете? Что за народ живет?.. — И протянул ей все ту же чудодейственную книжечку, от которой у каждого нормального человека сердце уходило в пятки независимо от профессии и должности.

Женщина, на глазах теряя остатки своего провинциального гонора, только хлопала глазами и переводила взгляд с Шестакова на Власьева и обратно. Не соображая, кто из них главнее.

— Ну-ка предъявите нам списки в данный момент проживающих, листки учета по форме два, и заодно проверим соответствие наличия паспортов и брони на заселение...

Женщина неожиданно быстро успокоилась. Заулыбалась даже, демонстрируя природное добродушие.

— Ох, Господи, напугали как! Сразу бы и сказали. Да меня наши, местные милицейские, почитай, каждую неделю проверяют. А что это вы без Михаила Артемовича пришли?

— Кто таков? — спросил по-прежнему сурово Шестаков.

— Да наш же оперуполномоченный. Он у меня и проверяет все списки, и паспорта смотрит, и карточки я ему передаю.

— Он — ваш. А мы — из Москвы. Вот сейчас и разберемся, как вы тут с ним бдительность проявляете.

И, тоже мгновенно сменив амплуа, нарком превратился в любезнейшего, по провинциальным нормам, бонвивана, только что не попытался ущипнуть дежурную за пышный, едва помещающийся на стуле зад.

— Тебя зовут-то как, красавица? А то разговор у нас пошел наперекосяк сразу. Мы ж тебе не звери, работа у нас такая. Велено проверить, мы и проверим. Давай все списки, все паспорта на стол, посмотрим, потом и чайку можно попить, если угостишь, и чего покрепче тоже. Есть где закуски взять?

— Любовь Михайловна меня зовут. Давно я тут работаю. С самого тридцатого года. И никогда ко мне от власти претензий не было. Разве ж я порядка не знаю?

— Раз знаешь, давай начинать...

Перебирая стопки затрепанных паспортов, командировочных удостоверений, исполненных то на хорошей белой бумаге с типографским текстом, а то и на тетрадных листах в клеточку, написанных фиолетовыми и черными чернилами от руки, сверяя все это с карточками поселения, Шестаков старательно балагурил, выяснял обстановку в городе с продуктами, промтоварами, осведомлялся о мелких подробностях здешней жизни, и все это происходило так легко и естественно (в рамках,

по Станиславскому, «предлагаемых обстоятельств»), что и самому Шестакову делалось весело.

Стоявший рядом Власьев, не слишком понимая собственную роль, только крутил головой и усмехался время от времени, вот, мол, дает старый товарищ.

А Шестаков, будто всю жизнь этим занимался, стремительно пролистывал паспорта, примечая подходящие по месту прописки, с пригодными для переделки фамилиями и фотографиями, которые в случае нужды можно использовать без переклейки.

Наконец — закончил.

— Ну что, Любовь Михайловна. Пока вроде все в порядке. Однако...

Женщина насторожилась.

— Сегодня никого тревожить не будем...

— Да их еще и нету никого, — вставила дежурная. — Кто на заводах, кто в райкоме, а другие в ресторане, глядишь, ужинают...

— Я о том же. А вот утром, часиков в восемь, возможно, устроим «переключку». Так что вы документики в несгораемый шкафчик закройте, сегодня всех постояльцев пускайте, невзирая на время, а вот утречком — прошу прощения. Пока я не сличу каждого, чтоб ни один не вышел за дверь. Договорились?

Дежурная кивнула, начиная проникаться серьезностью намерений столичного товарища.

— Вот и ладушки. А теперь скажите, любезнейшая, где мы с товарищем сможем до утра головы преклонить?

— Ой, — всплеснула руками женщина. — Нету свободных номеров, хоть что делайте, ни одного нету. Разве кого переселить, по двое на одну койку, или раскладушки поставить?

— Любовь Михайловна, Любовь Михайловна... — укоризненно сказал Шестаков. — Если вы сейчас скажете, что и личный номер директора Яблокова занят...

То, о чем говорил нарком, было здешним номером-люкс. Как-то раз ему самому пришлось в нем ночевать. Только дежурную он не помнил, да и не вглядывался тогда. Не по чину было.

Две комнаты на втором этаже, отличающиеся от прочих только коврами на полу и на стенах, кроватями с никелированными шарами и хорошо натянутой панцирной сеткой, а также индивидуальным умывальником и чем-то вроде параша (приспособленный под это дело двадцатилитровый термос нержавеющей стали с герметической крышкой) в узенькой прихожей. Чтобы высокопоставленным гостям не бегать по нужде зимней ночью в деревянную будку в дальний угол двора.

— Так без директора разве я могу?

Директор завода им. Орджоникидзе был здесь царь и бог. Имя его произносили с придыханием. До поры, впрочем...

— Можешь, Люба, можешь. А нет — звони... — Шестаков подвинул ей телефон. — Звони, объясни все, а не поймет, мне трубочку передашь...

Отчего-то такой вариант показался дежурной еще хуже.

— Ладно, что мы будем Иван Самойловича беспокоить... Поселю... Только если что — скажете, что сами распорядились...

— Это уж как водится. Распорядились...

Дважды повернув изнутри ключ в двери, бросив пальто на крючок вешалки, Шестаков вновь испытал момент расслабления. Будто бы опять, укрывшись всего лишь за двумя сантиметрами дерева, он отстранился от угрожающего мира вокруг. Вроде бы и наивно, но, с другой стороны — психологически это что-то такое значило.

Спускаться для ужина в столовую на первом этаже, громко именуемую рестораном, никому из них не захотелось.

Перекусили наскоро в номере чем было, улеглись на кроватях поверх одеял, включив настольную лампу под глухим бакелитовым колпаком, закурили.

— Обсудим предстоящее, Григорий Петрович? — спросил Власьев.

— Наполеон говаривал, что каждое дело хорошо соображено, если имеется план действий хотя бы на его первую треть, остальное же следует предоставить превратностям судьбы. Главное я увидел. Подходящие для нас документы отложил в отдельное место. Железный шкаф, гордо именуемый сейфом, открыть не составит труда, если даже вдруг не удастся раздобыть ключ.

Там же я заметил кое-какие деньги, мелочь, конечно, исходя из наших потребностей, но взять их надо. В целях подкрепления версии ограбления. Койка дежурной — за занавеской, там она после полуночи наверняка будет спать.

Еще я обнаружил самовар. В случае чего — лишнее оправдание, если бодрствует. Чайку, мол, захотелось...

— Нормально все обдумано. Грамотно. Прямо удивительно, Григорий Петрович, что вы в наркомы пошли, а не по другой линии. Ничуть не хуже получилось бы...

— Талантливый человек, как известно, редко бывает талантлив в чем-то одном, — с усмешкой произнес Шестаков, отчетливо сознавая, что опять говорит не свои слова.

Ну не знал он раньше такого количества афоризмов, без усилий соскакивающих с языка при каждом удобном случае. И, чтобы не углубляться в эту непонятную, а оттого и неприятную для него область, сказал Власьеву:

— Давайте-ка сейчас соснем пару часиков, поскольку утомился я сегодня, а когда «умолкнет шумный день и на немые стогны града полупрозрачная наляжет ночи тень...», тогда и выйдем мы с вами на тропу войны...

Отвернулся к стене, не ожидая ответных слов това-

рища, накрыл голову рукой и действительно заснул сразу же, не успев даже ощутить прелести погружения в предсонные грезы.

Власьев еще раз удивленно хмыкнул и выключил лампу.

Словно бы от внутреннего толчка, без всякого будильника, Шестаков вскинулся в два ночи. Сел на кровати, мгновенно перейдя в стадию бодрствования, хорошо отдохнувший и по-прежнему не испытывающий никаких сомнений.

Осторожно пошевелил шпингалеты оконных рам, разрывая промазанные клеестером полоски газет, почти без шума открыл выходящее во двор окно номера.

Подышал морозным воздухом и только потом разбудил напарника.

По темному коридору второго этажа, мимо дверей, из-за которых доносился многоголосый храп не сдерживаемых никакими внутренними установками людей, они спустились в вестибюль. Власьев соответственно плану был полностью одет и держался позади наркома, который с двумя стаканами в руке, в расстегнутой гимнастерке без ремня шел спокойно, как человек, имеющий простую и понятную цель.

Любовь Михайловна и в самом деле спала при свете маленького ночничка. Шестаков еще раз прислушался. Мало ли что — вдруг как раз сейчас одному из постояльцев приспичит выйти по нужде в расположенную далеко в глубине двора дощатую уборную.

Однако ночную тишину не нарушал ни один посторонний звук, кроме осторожного похрапывания дежурной.

Шестаков сделал Власьеву предостерегающий жест. Вначале они планировали провести операцию по-другому, в расчете посильнее запутать будущее следствие.

Власьев должен был черным ходом выбраться во двор, потом постучать в дверь с улицы и, когда дежур-

ная откроет, оглушить ее и связать. После чего спокойно делать свое дело.

Но сейчас нарком (или направляющая его неведомая сила) увидел гораздо более простой и эффективный вариант.

Зачем усложнять?

Какое им, в конце концов, дело, начнется следствие или нет, падет подозрение на внезапно появившегося московского чекиста или заподозрят кого-то из местных грабителей?

Они-то будут уже далеко, в очередной раз сменив личину... Шестаков, так же, как раньше у себя дома, подчиняясь не расчету, сделать который был просто не способен, а странному инстинкту, несильно, но резко хлестнул дежурную расслабленной кистью пониже правого уха.

Заведомо зная, что вреда ей не причинит. Она теряет сознание на полчаса, минут на сорок в крайнем случае. И не догадается, очнувшись, ни о чем. Просто заснула, а теперь проснулась. Шея, возможно, будет побаливать, так это часто бывает, если заснуть в неудобном положении.

Сейф вдобавок хотя и был заперт, но ключ торчал в замке, что еще больше облегчало задачу.

Он сбросил в портфель заранее отобранные два десятка паспортов, по преимуществу мужских, но и несколько женских для Зои, вместе с командировочными удостоверениями, быстро пролистал книгу регистрации приезжих.

Он так и думал, Любовь Михайловна все же вписала на страницу директорского номера их фамилии. Очень педантичная женщина. Страницу он не вырвал, а аккуратно вырезал, чтобы ее отсутствие не сразу бросилось в глаза.

Шестаков не знал, что разозленная его «дурой», злопамятная и в то же время осторожная женщина

предприняла еще один шаг, имевший для многих людей трагические последствия...

Деньги из кассы, пусть и небольшие, он тоже забрал. Так будет правдоподобнее для версии ограбления, если она все же возникнет.

Осмотрелся. Тишина. Все получилось даже проще и удачнее, чем они рассчитывали.

Может быть, для окончательной убедительности уронить на пол зажженную керосиновую лампу? А потом поднять шум и принять активное участие в тушении начавшегося пожара?

Тогда несколько исчезнувших паспортов сочтут, конечно, погибшими в пламени и, выдав их владельцам справки для отделов милиции по месту жительства, навсегда о них забудут и в розыск, безусловно, не объявят.

Нет, это уже лишнее. Дом сухой, полыхнет так, что половина постояльцев выскочить не успеет.

— Все, — шепнул он Власьеву. — Уходим. Вы — через черный ход и ждите меня в переулке напротив. А я сейчас...

Согласно предыдущему плану он вышел в вестибюль без пальто и шапки, вдобавок в номере остался вещмешок.

Ему хватило трех-четыре минут, чтобы собраться и устранить все следы своего здесь пребывания.

Шестаков открыл окно, перебросил ногу через подоконник, и тут из-за дома, с улицы, ударил выстрел, второй... Через секунду-другую ему ответила сразу серия — похоже, кто-то неприцельно расстрелял весь ба-
рабан.

Шестаков успел с отчаянием подумать, что вот на тебе, опять вмешалась какая-то совершенно непредвиденная случайность, но не потерял самообладания, не кинулся, очертя голову, на звуки перестрелки. Он сначала разгреб сапогом снег в углу между забором и воро-

тами, сунул туда портфель с документами и оружием и вещмешок и лишь потом, пригибаясь, метнулся к калитке.

На улице уже всю заливались милицейские свистки.

Действительно, как это бывает даже в самым лучшим образом спланированных предприятиях, все погубил случай.

Любовь Михайловна, несколько придя в себя после вызванной проверкой растерянности, выпив чашку чая с бубликами и сахаром вприкуску, вернула себе способность рассуждать по-провинциальному здраво. Москва Москвой, а у них здесь и своя власть имеется.

И позвонила местному уполномоченному НКВД, который как раз и занимался лицами, приезжавшими в город оборонного значения.

Этот засидевшийся в сержантском звании особист поначалу значения сообщению дежурной не придавал. Ну приехали из Москвы, ну проверяют соблюдение паспортного режима. Мало ли по какой линии? Хоть угрозыск, хоть инспекторское управление, а то и секретно-политический... К нему предварительно не обратились? Ну и что? Они, может, в области все согласовали...

Но по мере того, как все дневные, затянувшиеся уже и в ночь дела закончились, сомнения у Михаила Артемовича как-то активизировались. Что-то его обеспокоило, без определенной причины, но все же...

Он сам набрал телефон гостиницы.

— Как там твои постояльцы, Люба?

— Закончили в бумажках ковыряться, спать пошли. Я их в «директорский» поселила.

— А, ну ладно. Когда уезжать собираются, не говорили?

— Сказали, утром съедут...

— Ну хорошо. Я утром, глядишь, подбегу. Надо же познакомиться с товарищами из центра.

★ Сам же он, уже выходя из кабинета, вдруг передумал. Чего это утра ждать, мыслями всякими терзаться? Сейчас и забежать в «Дружбу», переговорить наскоро, по стаканчику с коллегами выпить, узнать, может, свежие новости от столичных коллег.

Прихватил из тумбочки припасенные на всякий случай две бутылки, рассовал по карманам.

Не торопясь, похрустывая сапогами по не успевшему еще утрамбоваться снегу на тротуаре, с удовольствием вдыхая морозный воздух, сержант поднялся по крутой улице к гостинице и вдруг увидел, как приоткрылась боковая дверь и из нее выскользнула темная фигура. Перебежала через дорогу и замерла у стены трехэтажного «инженерского» дома.

Сержант тоже свернул в тень и, бесшумно ступая, приблизился. Шагов с пяти окликнул неизвестного:

— Эй, ты чего тут? Стоять! Кто такой? Документы!

Весь день напряженные нервы Власьева наконец не выдержали. Он шарахнулся в сторону, увидел, что человек в шинели расстегивает кобуру, и тоже выхватил свой «наган».

— Ты что? А ну брось! — вскрикнул сержант, и в этот момент Власьев выстрелил навскидку. Если и задел уполномоченного, то легко, потому что тот сразу же ответил беглым огнем. Пули завизжали рикошетами от кирпичной стены.

Но второй выстрел Власьева был точен. Пуля ударила в лоб, и сержант, раскинув руки, рухнул навзничь, ломая окружающие палисадник перед домом хилые кустики.

И надо же было так случиться, что из расположенного на полквартила ниже райотдела милиции как раз сейчас выходил на улицу дежурный наряд постовых.

Когда Шестаков выбежал из ворот, бой разгорелся нешуточный. Власьев, не сообразив в растерянности, что лучше всего выбросить револьвер и юркнуть куда-

нибудь в темный закоулок, бросился бежать через пустырь в сторону массивного двухэтажного здания больницы, на ходу оборачиваясь и стреляя из-под руки навскидку.

Милиционеры, ребята явно неробкого десятка, к тому же куда лучше знающие местность, рванули следом, прикрываясь стволами деревьев и тоже постреливая.

Одновременно они успевали оглушительно свистеть в свои костяные свистки, им отвечали постовые с окрестных улиц, на эти тревожные сигналы стали сбегаться верные помощники власти — дворники и сторожа.

Шестаков, очутившись на улице, мгновенно оценил ситуацию — ему хватило для этого той секунды, когда спрыгнувший с крыльца мужик, неизвестно за кого принявший наркома, замахал руками, показывая направление:

— Туда, туда он побежал, я видел!!!

Похоже, шанс выручить Власьева есть только один.

Поднять здесь, на улице, отвлекающую стрельбу, потом этим вот двором, наперерез милиционерам, застрелить ли их, или просто вырубить врукопашную, и — бегом, мимо больницы, в рощицу, оттуда вниз по косогору, где у речки начинается настоящий лес.

Пересидеть до утра, а потом...

Почти все у него получилось.

Набрав невероятную скорость, он сумел догнать приотставшего милиционера, не останавливаясь, взмахом руки сбил его с ног, чуть было не достал и второго.

Но уж пришла беда — отворяй ворота! Шестаков зацепился ногой за какую-то не замеченную в темноте железку, упал и чуть не закричал от острой боли в ноге.

Почти сразу же набежали со всех сторон еще какие-то люди. Откуда ночью — и столько? — недоуменно-отстраненно подумал он. А тут были, кроме милиционеров, и дежурные фельдшера, и кочегары из больнич-

ной котельной, привлеченные шумом (Власьев, не зная местности, забежал как раз в тупик между корпусом стационара, котельной и забором станции «Скорой помощи»).

Навалились, хекая и матерясь, заломили за спину руки, отняли «наган», поволокли через двор по хрустящему шлаку.

Он постанывал от боли в ноге, пытался выпрямиться и напрягал плечи, старался что-то объяснить, еще не веря, что все кончено и впереди допрос, камера, а уже, может быть, завтра — Москва и подвалы Лубянки.

«Как же глупо все, Господи, как глупо», — билась в голове мысль.

Следом, как он понял, волокли и Власьева.

Вдруг, уже на ступеньках райотдела, пришло озарение. Как тогда, в Кронштадтской ЧК.

И вместе с ним — вернулось спокойствие и даже кураж. Только вот нога болела все сильнее и, кажется, от колена вниз трикотажные кальсоны набухали мокрым и горячим.

ГЛАВА 24

Следователь не врал Буданцеву, не «брал его на пушку», когда называл Шадрина «разоблаченным врагом народа».

Вернувшись от Сталина и пережив короткий, но бурный взрыв бешенства, смешанного с паникой, Ежов в три глотка выхлестал свой неперменный стакан водки и несколько пришел в себя.

Интересной все же личностью был Николай Иванович. По-своему — феноменальной.

Совершенно необразованный, почти что малограмотный, он в течение десяти послереволюционных лет делал медленную, незначительную по тогдашним меркам карьеру. И вдруг начался стремительный, ничем ра-

зумным не объяснимый взлет. За каких-то три года из завождем провинциального обкома партии он превратился в секретаря ЦК ВКП(б), а потом так же внезапно занял вдобавок место дотоме всесильного Ягоды.

Наркомвнудел Генрих Ягода, конечно, тоже был далеко не сахар, но все же проработал в ВЧК— ГПУ — НКВД почти полных два десятка лет и в своем деле кое-что понимал. А Ежов...

Щуплый карлик с незначительным лицом, привитив к петлицам маршальские звезды Генерального комиссара, развернулся на славу. Что бы там ни говорили, а всего лишь за год практически уничтожить годами складывавшуюся систему госбезопасности и создать на развалинах абсолютно новую, не менее эффективную тайную полицию, пусть и иначе ориентированную, — это надо уметь!

Причем статистические данные показывают, что образовательный уровень вновь принятых сотрудников центрального аппарата вырос почти вдвое в сравнении с 1936 годом. И поставленные перед ним задачи, какими бы они ни были, возрожденный НКВД решал более чем успешно. Примитивному дураку и алкоголику (каким Ежов тоже был) сие вряд ли под силу.

Успокоившись, нарком вызвал своего первого заместителя, комкора Фриновского. Ввел его в курс дела.

— Понимаешь, Михаил, что с нами будет, если мы не отыщем этого долбаного Шестакова?

Фриновский понимал. Возможно, даже лучше, чем сам Ежов. Не впадая в панику — всю жизнь проходил по лезвию, рискуя головой едва ли не ежедневно, — задал единственный вопрос:

— А как? Соображения есть?

— Откуда им взяться? Для того и позвал. Два часа тебе времени. Пройдись по всей цепочке. Кто первый узнал, почему лично мне сразу не доложили, что сейчас делается и по чьему распоряжению? Тут ведь целое

гнездо недобитков просматривается. Нас с тобой топят. И вот еще узнать бы, что за военюрист у Хозяина сидел. Наверняка он на меня настучал, паскуда! Из чьего ведомства — Ульриха, Вышинского? Все узнай и мне доложи. А я пока немного отдохну.

Через два часа, минута в минуту, Фриновский возвратился. Отследить действия связки Шадрин — Заковский труда не составило. На то в распоряжении Фриновского было целых два мощных подразделения: секретно-политический и 6-й (чекработа в органах внутренних дел) отделы.

— Нет, ну какая сволочь! — вновь разбушевался Ежов, имея в виду Заковского. — Немедленно его сюда!

Разговор получился скандальный и трудный для Ежова. Старый чекист и разведчик, Заковский знал себе цену, с первых же слов наркома все понял и перешел в контратаку.

— А меня кто-нибудь в известность ставил? Я сам все узнал, по собственным каналам. И что мне оставалось делать? Вдруг это грандиозная провокация троцкистов, гестапо, я знаю, чья еще? Контрразведка — мой участок. Руководство не в курсе, опергруппа уничтожена, непосредственный начальник, майор Шадрин, ничего не знает, начальник отделения, который и послал группу, застрелился или ему помогли, концы рубят. Я принял решение и начал действовать!

— Ты мне мозги не засерай! — кричал в ответ Ежов. — Почему не доложил немедленно? Кто нарком — ты или я? Под меня, сука, роешь! Сам узнал, сам раскрыл, сам доложил, а я в говне?! Может, и Сталину ты настучал?

— А ты на меня не ори! — расчетливо психанул и Заковский. Ему сейчас выгодно было перевести дело в план бытовой склоки. — Я в разведке с двадцатого года работаю, лучше вас обоих дело знаю. Нечего было среди своих тень на плетень наводить. Прикажи мне лично

с самого начала, я бы такого облома не допустил, на работе бы его взял, тепленького.

Фриновский курил у окна, не желая ввязываться, но на ус мотал.

Или вывернется сейчас соперник, да и всех их за собой из могилы вытащит, или всем конец. Только ему — раньше.

— Ладно, закончили, — понимая формальную правоту заместителя, Ежов утих. — Но почему все-таки не доложил сразу, ни мне, ни Михаилу?

— Сделал бы — доложил. Чего зря болтать, гнать волну? У вас своих дел невпроворот. Я и взял на себя, потому что увидел — день прошел, и никто не поинтересовался в тюрьме, привезли Шестакова или нет. Так и подумал — не сверху инициатива идет, сбоку откуда-то. А это уж чисто моя епархия.

— Ладно, ладно, — повторил Ежов. — Все свои наработки передай Михаилу. Он закончит. А Шадрина придется арестовать. Он ближе всех стоит. Не заговор, так преступная халатность. Разберемся.

Заковский понял, что спорить дальше — бесполезно. Шадрина ему не вытянуть. По крайней мере — сейчас. И правильнее всего будет озаботиться собственным спасением. Если успеет.

Дело осложнялось еще и тем, что Заковский ввязался в него, действительно исходя из профессиональных соображений, ну и, само собой, из желания подсидеть Ежова, о подлинной же подоплеке понятия не имел.

В противном случае не отступил бы так легко.

Валентин был свидетелем всего происходящего. Нынешний поворот событий его огорчил. В том смысле, что теперь поиск Шестакова значительно осложнился. Придут новые люди, к которым у него нет подходов. Да и профессионализма снова будет на порядок меньше.

Зато в перспективе облегчается задача устранения Ежова, который самым фактом своего существования мешал Лихареву. Это хорошо, но Шестаков сейчас важнее.

А детекторы излучение матрицы опять потеряли. Слишком далеко уехал нарком или...

То, что дела после вмешательства Ежова пойдут хуже, подтвердилось в этот же день. После ареста Шадрина начали рваться и тщательно выстроенные им, и замкнутые только на него цепочки взаимодействия разных служб наркомата.

Так, например, бесследно ушло в песок сообщение транспортного сержанта о появлении в поезде подозрительных людей с документами чекистов. И сам Лихарев, занятый кремлевскими делами и наблюдением за Ежовым, прозевал долгий, почти трехчасовой, пеленг, вновь пойманный «шаром», когда Шестаков оказался в зоне его досягаемости.

Запись об этом важнейшем событии Валентин прочитал только утром.

Вот когда ему позарез потребовался Буданцев. Как же прав был сыщик, предположив, что нарком никуда не делся, скрывается в ближнем Подмосковье. Совсем недавно Шестаков находился не дальше тридцати километров от центра города, и — снова исчез. Но теперь уже вряд ли надолго.

Но! Буданцев арестован вместе с Шадриным, непонятно, впрочем, для чего. Сыщик ведь просто инструмент. В руках Ежова он способен работать ничуть не хуже, чем по поручению Шадрина. На месте Ежова следовало бы, наоборот, пригласить его на беседу, еще раз подчеркнуть важность дела, намекнуть на возможное повышение и повышение по службе. Нет, «осел останет-ся, хоть ты осыпь его звездами». Даже — звезда Генерального комиссара госбезопасности.

Теперь надо соображать, как вытащить Ивана Афанасьевича из застенков, пока он еще не потерял там свои деловые качества.

Буданцева втокнули в камеру, и дверь за ним захлопнулась, дважды провернулся ключ в замке.

Отделал его следователь «как следует». Даже в этом состоянии он усмехнулся внезапному каламбуру. Горела спина, трудно было вздохнуть, но ребра, кажется, целы. Постанывая и матерясь сквозь зубы, сыщик кое-как устроился на жестком топчане. Полез в карман. Один из ударов дубинки пришелся как раз по коробке папирос. Это совсем его расстроило.

Выбрав одну, не до конца переломившуюся, он подклеил ее бумажкой, оторванной от другой. Осторожно раскурил.

Случившееся не укладывалось в голове. Полный абсурд. Чего от него добивались? Чтобы выдал, где прячется беглый нарком. А где ж его взять? Неужели в ГБ такие кретины, что всерьез надеялись добыть истину с помощью резиновой палки? Признания, что Буданцев сообщник наркома и знает, где он прячется, добиться можно. Завтра или через три дня. Можно и сегодня, если опять потащат на допрос и возьмутся за дело «настоящим образом». Ну и что это им даст?

И сразу пришла здравая мысль — а что, если они на самом деле убеждены, будто он, Буданцев, — знает?! Или — узнает вот-вот. Настолько убеждены, что другие версии им рассматривать уже не нужно. Кто-то, на самом деле заинтересованный, чтобы у Шестакова оказалось побольше времени для бегства (тут следователь, вольно или невольно, сказал нечто близкое к истине), направил ГБ по ложному следу. Ценой его, Буданцева, свободы. А возможно, и жизни.

Он будет молчать, поскольку сказать ему нечего,

потом, чтобы хоть немножко отдохнуть от пыток, станет нести всякую ерунду, ее будут тщательно проверять, потом снова бить.

Печальная перспектива для него, но спасительная для Шестакова и его покровителей.

Ох и попал ты в чужую мельницу, Иван Афанасьевич, ох и попал. Значит, была хоть доля правды в его высказанной Лихареву версии, что не сам по себе действовал нарком, что были у него сообщники.

Час или два провалялся он так на топчане, то впадая в полное отчаяние, то вновь начиная мучительно выискивать пути спасения. В положенное время принесли обед, но есть он не мог. Хотелось курить, однако четыре последние изломанные папиросы надо было поберечь, неизвестно, что дальше будет. Он не знал, позволят ему на отобранные у него деньги купить в тюремном ларьке папирос или следователь пожелает еще и таким путем усилить его мучения.

А еще через какое-то время, когда свет за матовыми стеклами окошка стал по-вечернему меркнуть (пятый час, значит), замок снова загремел.

— Собирайтесь, — сказал уже другой надзиратель. — На выход. С вещами.

Лихарев, безусловно, мог и еще раз прибегнуть к помощи Сталина или найти иной, достаточно убедительный способ воздействия на Ежова, чтобы заставить его освободить Буданцева. Беда лишь в том, что этим он привлекал к себе совершенно ненужное внимание, выдавал чрезмерную заинтересованность в деле, и никто не мог сказать заранее, каков будет эффект. Не исключалось, что на сей раз просто из упрямства или с какой-то иной целью вождь не поддержит своего помощника. Хотя бы — чтобы посмотреть, как он будет выкручиваться из ситуации, в которую сам себя поставил.

А главное — любая интрига такого масштаба и уровня требовала тщательной подготовки, а значит, и драгоценного времени.

И Валентин решил действовать, что называется, напролом. В бюрократической державе лучше всего срабатывают бюрократические же средства. Не нужно тратить время и силы на гипноз, еще какие-то мистические способы. Ибо сказано: «Не умножай сущностей сверх необходимости». Земляне доверчивы.

Спасти сыщика, дать ему возможность продолжить работу, а что будет дальше — посмотрим.

Заодно всесильный нарком получит чувствительный щелчок по носу, который заставит его как минимум потерять самообладание. А его ведь время тоже поджимает!

Лихареву уже не раз приходилось использовать и такие методы.

Порывшись в ящиках стола, он нашел нужный бланк, заполнил его, не задумываясь, словно делал это каждый день, совсем немного помедлив, поставил внизу требуемый росчерк. Из богатой коллекции всевозможных печатей и штампов выбрал один, старательно подышал на фиолетовый кружок, оттиснул рядом с подписью.

Кажется, все «*in lege artis*»¹.

В небольшой комнате между спальней и кабинетом, больше напоминавшей театральную костюмерную или гардероб самого элегантного мужчины начала века — принца Уэльского, Валентин выбрал достаточно поношенную, хотя и аккуратную гимнастерку с эмблемой госбезопасности на левом рукаве и знаками различия старшего лейтенанта на малиновых петлицах. Присев к зеркальному трельяжу, приклеил под носом модные среди военных и ответработников усы узкой щеточкой, смазал волосы специальной жидкостью, чтобы плотнее

¹ По всем правилам искусства (лат.).

★ лежали, натянул сверху парик, имитирующий хорошо выбритый череп.

И стал похож одновременно на маршала Блюхера и на Котовского из недавно вышедшего фильма.

Снял трубку телефона, набрал номер одного из своих «внештатных сотрудников», проинструктировал, не боясь подслушивания. Его телефоны хотя и были подключены ко всем телефонным сетям города, в том числе и к правительственным ВЧ, существующей аппаратурой не засекались. Они для нее вообще как бы не существовали.

Когда за окном крякнул сигнал подъехавшей машины, Валентин снова позвонил. Голоса он тоже умел подделывать мастерски, тем более что в данном случае это было совсем не трудно. Через коммутатор НКВД вышел на телефон дежурного помощника начальника внутренней тюрьмы.

— Кто? — бросил в трубку высоким ломким голосом и, когда услышал ответ: «Такой-то, товарищ Генеральный комиссар», рассмеялся довольно: — Молодец, узнал. У тебя там все в порядке? Слушай внимательно. Сейчас к тебе подойдет человек с моим предписанием. Передашь ему арестованного Буданцева. Да, милиционер, из МУРа. В журнале запиши — убыл согласно ордера. Ну, все как положено. Понял, повторять не надо? А остальное тебя не касается. Все! — бросил трубку на рычаг так, чтобы на той стороне провода стало ясно — нарком хоть и не матерится в голос, но чем-то раздражен, и задавать лишние вопросы хоть ему, хоть его посланцу — опасно.

Нет, дальше все было действительно просто. Со специальным удостоверением сотрудника 6-го отдела, того, чья функция — выискивать врагов в собственных рядах, Лихарев прошел через три поста контроля внутри здания, спустился по боковой лестнице в зону спец-

тюрьмы, а уже там предъявил ордер ожидавшему его, стоя у двери, дежурному.

— Арестованный к этапу готов?

— Так точно, ждет. Вот опись изъятых вещей, вот вещи, вот он сам.

Лихарев лишенным всяких чувств оловянным взглядом окинул Буданцева. Выглядел он пока еще неплохо, хотя и видно было, что по предварительной программе ему досталось сполна.

— Жалобы, заявления на условия содержания есть? — спросил Валентин. Буданцев, не узнавая и, несомненно, готовясь к еще худшему, отрицательно мотнул головой. — Тогда поехали.

Двое рядовых охранников, без присутствия которых роль посланца наркома выглядела бы странно, указали Буданцеву на дверь, умело защелкнули на запястьях изящные никелированные наручники (полученные в виде шефской помощи от германских коллег) и загремели сапогами по коридору, будто специально ступая не на веревочную дорожку, а мимо. Привыкший к порядку тюремщик поморщился непроизвольно.

— Так, где тут расписаться? — спросил Лихарев.

— Чего расписываться, есть документ, — дежурный махнул в воздухе ордером и спрятал его в папку.

— Тогда все, — Валентин не то сделал намек на отдание чести, не то просто покрутил ладонью у плеча.

Такая же черная, как и большинство выпускаемых Горьковским заводом, «эмка» свернула с Фуркасовского в сторону улицы Кирова, будто отрываясь от преследования, несколько раз вильнула по узким, почти непроезжим переулкам, разогналась под накат Старой площади, завывая явно форсированным мотором, пронеслась вверх по совершенно пустынным в это время Хрустальному и Сапунова и наконец, убедившись, что погони нет, остановилась перед домом на Столешниковом:

И только здесь доселе молчавший Лихарев сказал своим нормальным голосом:

— Прошу прощения за пережитые неприятности, Иван Афанасьевич. Выходите.

Сидевший слева от Буданцева «чекист» без дополнительной команды расстегнул наручники.

— М-да, — только и сказал сыщик, ступив на покрытую грязным, истолченным в скользкую кашу снегом брусчатку. — Дела с вами иметь — себе дороже.

— Свободны, ребята, — бросил Лихарев своим помощникам, вежливо придерживав Буданцева под локоть, направил его в нужный подъезд и уже на лестнице сказал негромко: — А если б не с нами — догадываетесь, чем оно могло кончиться?

ГЛАВА 25

В тесной от заполнивших ее людей дежурной комнате, освещенной желтым светом сорокасвечовой лампы, лучи которой вдобавок вязли в клубах табачного дыма, из-за невысокого деревянного барьерчика поднялся навстречу полноватый плохо выбритый милиционер с тремя синими квадратиками на петлицах шинели.

И Шестаков, рванув руки так, что державшие их люди чуть не отлетели к стенам, заорал прямо в лицо этому усталому от суточного дежурства провинциальному служаке:

— Вы что себе позволяете, придурки, мать вашу так, так и еще три раза наоборот?! Я вас, раздолбаев, законопачу так, что Магадан Сочами покажется. Вы у меня...

Кричать громовым голосом и ругаться виртуозным флотским матом, вызвавшим оторопь и удивление у наивных, круглоглазых, только что и умеющих старательно «окать» и неостроумно употреблять в дело и не в дело три известных слова аборигенов, Шестакову не со-

ставляло труда. Хорошо помнилась балтийская служба, да и учинять разносы директорам заводов и начальникам главков он тоже наловчился.

Это с рабочими и младшими итээрами нарком был сдержан и вежлив, а «командирам производства» спуска не давал, обучившись этой номенклатурной дипломатии у самого Орджоникидзе, который, как известно, в случае чего и рукоприкладством не брезговал.

— А ну пусти, сволочь! — он еще раз дернул рукой, освободился из ослабевших от растерянности пальцев милиционера, выхватил из внутреннего кармана удостоверение, махнул перед носом дежурного.

Удовлетворившись произведенным эффектом, уже спокойнее протянул его, раскрытое.

— Читай, деревня!

Дежурный прочитал. Дернулся инстинктивно, будто пытаясь неумело отдать честь. Забормотал что-то. Слишком силен был страх перед всемогущим Центральным аппаратом, чтобы остались силы вспомнить, какие инструкции он получал, что там говорилось в областном циркуляре о всесоюзном розыске какого-то Шестакова.

Да и не одна такая ориентировка пылилась в ящиках стола, за год их накопилось незнамо сколько, где значились и беглые из лагерей карманники, и солидные воры, и покинувшие места высылки спецпоселенцы, алиментщики даже. Запомнить их все явно не под силу было не только провинциальному милиционеру. Тут нужен был знаменитый сыщик Путилин, который, по слухам, знал наизусть всю картотеку московского департамента полиции.

— Сиди, — махнул рукой Шестаков, сам опустился на лавку у стены, морщась от боли, стал стягивать сапог. Край портянки, штанина и голубые кальсоны промокли вишневою кровью. Посередине голени зияла глубокая рана, на дне которой, кажется, просвечивала обнаженная кость.

— Вот кретины, — словно бы ни к кому не обращаясь, но отмечая, что слушают его внимательно, сказал Шестаков. — Хотел им, дуракам, помочь, а вместо этого... Ну, чего вылупися?! — снова рывкнул он на дежурного. — Бинт какой-нибудь есть и йод тоже?

— Сейчас, мы сейчас... Виноградов, бегом в «Скору»! Там Зинка Щукина дежурит, чтоб сейчас здесь была!

И обратился к наркому непосредственно:

— Ну, так вот получилось, кто же знал? Темно, крик, стрельба, своих-то они всех знают, а тут обмишурились, за сообщника приняли... Болит-то сильно?

— Нормально болит. Пускай «наган» отдадут. Дай, номер посмотрю, а то чужой подсунете, а он в удостоверении записан. Можешь убедиться. Ох, жалко, что отходчивый я, а то бы как врезал сейчас кому-то...

— Вы это, товарищ, — дежурный снова заглянул в удостоверение. — Вы, главное, зла не держите. Должны ж понять... Может, вам водочки налить? Помогает для успокоения...

Шестаков понимал, что сейчас пора налаживать дружеские отношения.

— Ну налей, что ли... И документик давай сюда, и «наган» тоже. Да вот еще — у тебя патрончиков лишних не найдется? Я четыре раза пальнул в воздух, думал этот бардак прекратить, а вышло наоборот. Терпеть ненавижу с пустым барабаном ходить...

Запасные патроны у него как раз были, Шестакову таким образом просто захотелось проверить, насколько дежурный проникся моментом, степень его доверия к наскоро придуманной легенде.

— Найдем, конечно, найдем, о чем разговор.

Шестаков выпил полстакана не водки, а просто самогона, картофельного, судя по вкусу. Наверное, изъятая в какой-то деревне и не уничтоженного, как требовал закон, по естественной русской слабости.

Закурил с дежурным «богатую» папиросу, которые, конечно, и должны курить московские товарищи.

Тот выгнал из комнаты всех посторонних, только Власьева оставил в загородке для задержанных.

Николай Александрович привалился к стене, опустил голову, чтобы взгляд не выдал, но Шестаков видел, как напряженно он ловит каждое слово и каждый жест. Ждет, каким образом друг станет его выручать.

А Шестаков пока и понятия не имел как.

Тут и Зинка Щукина появилась, бойкая румяная девка лет двадцати двух.

Осмотрела рану, присыпала желтым, вонючим йодоформом, сноровисто перевязала.

— Укол столбнячный надо бы, — предложила она.

— Это что, по схеме, три через каждые полчаса? — угадал Шестаков, хотя сроду понятия не имел ни о каких схемах.

— Ага...

— Не надо, обойдется. Грязи ж нет, у меня подштанники чистые, утром только сменил.

Фельдшерица вдруг разулыбалась.

— Ну, нет, так нет, как хотите, дяденька...

— Вот так и хочу. Спасибо за помощь, иди, занимайся своими делами... — У него появилось впечатление, что он уже знал эту девушку, и довольно хорошо, но как, откуда, сообразить не мог.

Щукина ушла, а Шестаков, поболтав немного с дежурным, изобразил вдруг смертельную усталость.

— Слушай, Володя, — он уже узнал имя дежурного и фамилию его тоже — Семилетников, — что-то плохо вато мне. Надкостницу зашиб, а она, сволочь, болючая... Тут где-нибудь за стеночкой на полчаса прилечь можно? Не дойти мне сейчас до гостиницы. А утром уж как-нибудь...

— Так, может, в больницу? Сейчас отвезем. Поле-

★ жите там, и врач посмотрит, а то — что там Зинка. Сейчас сделаем...

— Да брось, не стоит. Мне, правда, чуток полежать, и все... Голова кружится...

Дежурный отдернул грязноватую занавеску слева от своего стола.

— Топчанчик вот. Не слишком удобно, а другого нет. Подойдет?

— Разумеется. Не обращай внимания, занимайся своими делами. Этого вот допроси, кто такой, чего стрельбу поднял, и вообще. Если нужно, я потом подпишу протокол, как свидетель...

И еще раз незаметно сделал движение рукой, показывая Власьеву, что не бросит его ни в коем случае.

Лежа на жестком топчане, Шестаков сначала вслушивался в пульсирующую и дергающую боль в ноге, соображая, помешает ли ему эта, такая несвоевременная рана сделать то, что требовалось, или как-нибудь обойдется?

Он слышал, как дежурный на удивление лениво и вяло задал Власьеву несколько вопросов. Тот ответил в том смысле, что знать не знает, в чем дело, на него напали в темноте, неизвестно кто, он думал, что грабители, выстрелил для острстки один раз в воздух, а потом все завертелось, он и не понял, что и как... На вопросы о личности вообще понес какую-то околесицу.

Паспорт, как и деньги, Власьев еще дома спрятал в потайных карманчиках изнутри голенищ. Поэтому, кроме ранее отнятого «нагана», у него при беглом обыске ничего и не нашли.

Видно было, что дежурный не имеет ни малейшего желания всерьез заниматься неизвестным. Бесперспективно, не обещает ни славы, ни премий. Он даже спросил, чуть ли не сочувственно:

— Мужик, а может, признаешься в чем? Кражонка там или побег из мест заключения? Так быстренько

оформим, судья у нас тоже не зверь, наш, местный. Годику дадут, ну в крайности трояк, — и обратно в зону. Чего уж лучше в твоём положении? А про «наган» и забыть можно, никого ж не убили, так?

Шестаков подумал, что, возможно, и не врет милиционер. Ему, может, тоже совсем не хочется разводить бодягу, которая вполне грозит неизвестному человеку одним из двенадцати пунктов знаменитой 58-й статьи.

Но тут с шумом распахнулась дверь, ввалились сразу двое или трое милицейских и наперебой заговорили, что только что нашли под стенкой «инженерского дома» убитого наповал Михал Артемовича Рыбина, и не иначе как вот этот его...

Дело принимало совсем другой оборот. Убийство оперуполномоченного НКВД — это уже теракт, и не раймилиции этим заниматься.

Тем более что и сейчас Власьев молчал упорно. В традиции дореволюционных бродяг и уголовников, объявлявших себя «Иваном, родства не помнящим» и уходивших таким образом на каторгу или в ссылку без груза предыдущей, подчас весьма пестрой биографии.

Дежурный тем временем позвонил по телефону начальнику милиции. Тот через пятнадцать минут появился.

Попытался хоть что-нибудь выяснить у упорно молчащего, словно вставшего в ступор Власьева. Тот словно бы начал репетировать будущую позицию на следствии. Уничтожить, если удастся, паспорт и до последнего изображать дефективного бродягу, не сознающего, где он находится и что совершил.

В итоге начальник с дежурным решили, что им этот случай не по силам. Уполномоченный НКВД, которому бы и заниматься террористом, сам убит, остальная госбезопасность вся во Владимире. Туда преступнику и дорога.

Подразумевая, конечно, что вешать такое на себя просто незачем. Имеются признаки теракта — ну и от-

лично. Завтра как раз отправляются по этапу во Владимирскую тюрьму арестованные согласно очередной столичной разнарядке антисоветские элементы — бывшие кулаки, скрытые троцкисты и уголовники-рецидивисты, которых решено проводить по 58-й статье. Ну и этого туда же. Кому надо — разберутся.

— А пока наручники ему — и в камеру. Обыскали?

— Обыскали. Совсем ничего нет. Полпачки папирос, коробок спичек, и все.

Лежа на топчане и слушая разговор милиционеров, словно забывших о его присутствии, Шестаков ждал, что подскажет ему ставший привычным внутренний голос. Как раз подходящий момент.

Самым простым решением проблемы казалось такое: после ухода начальника милиции, пока Власьева еще не отправили в КПЗ, ударить дежурного рукояткой «нагана» по затылку, после чего спокойно выйти из здания, при необходимости нейтрализовав еще двух-трех милиционеров, если они попытаются воспрепятствовать. Но что потом?

Выбираться пешком из города, ожидая погони, которая непременно будет организована? А ведь непременно догонят. Местные, каждая тропинка в округе им известна, и в лицо их вдобавок знают.

Зимой из города уйти невозможно иначе, как по двум шоссейным дорогам.

Можно попробовать и лесом, но далеко ли уйдешь?

Зато вариант с отправкой Власьева «по этапу» сулил другой, более эффектный способ освобождения.

И Шестаков решил исходить из него. Сейчас он уйдет. Часа ему хватит, чтобы, забрав из гостиничного двора вещи, выйти на Владимирский тракт, там остановить «воронок», хотя бы перегородив дорогу бревном в подходящем месте, и освободить Власьева. Нормальное, четкое решение, правда, тоже не совсем в духе нынешнего времени.

— Спасибо за помощь, Володя, но я, наверное, пойду потихоньку. — Шестаков встал, попробовал демонстративно, как ведет себя раненая нога. Ничего, терпимо. — В гостинице у меня комната, директорская, там поудобнее спать, чем здесь. А утром загляну. Есть о чем поговорить... А с этим вы правильно решили. Не ваша это забота. Когда этап?

— Часов в семь, наверное. А я в восемь сменяюсь, — немного растерянно сказал дежурный. Ему еще раз встретиться с московским чекистом не хотелось никаким образом. Ушел бы, и навсегда, и слава богу.

— Сменяйся. Припоздаю, с твоим сменщиком поговорю. А то и с самим начальником. Как пожелаем, так и сделаем, понял?

Эти слова тоже выскочили сами и произвели на дежурного впечатление, которого, возможно, не ожидал Шестаков, но подразумевал его альтер эго.

Прихрамывая, Шестаков вышел во двор, где кирпичная дорожка вела к деревянному заведению.

Сколоченное из толстых сосновых досок и разделенное на четыре отсека, оно стояло в углу двора, совсем рядом с фургоном-«воронком».

И возле него дымили самокрутками двое в толстых полушубках, а еще один справлял малую нужду, не прикрыв за собой двери. И громко разговаривал с товарищами.

— Это, часов до одиннадцати мы обернемся, в тюрьму сдадим быстро, я там кое-кого знаю, задержки не будет, а потом уже спешить некуда.

Обратно, если через Небылое поехать, под Юрьев-Польским на Колокше проверенные затончики есть. Рыба, как зверь, клюет. Сядем, лунки пробьем, повезет, так по мешку возьмем. До ночи все равно никто не спохватится. Идет?

— Чего ж не идет? А снасть?

— И снасть есть, и прочее. Если чуток обождете, я домой сбегаю и все принесу.

Шестакову мгновенно пришла в голову новая идея. Куда более верная, хоть на первый взгляд и рискованная.

Отчего, в самом деле, он решил встречать «воронок» на Ставровской дороге? Вполне возможно, что местный водитель предпочтет ехать через Юрьев-Польский...

Сейчас же случай подсказывает ему великолепный вариант.

Он постоял, прячась за углом, подождал, не скажут ли еще чего-нибудь полезного охранники.

Однако они, докурив, скрылись в боковой двери флигеля.

Светящиеся немецкие часы показывали ровно три. Как быстро пролетело время.

Шестаков, слегка прихрамывая, пересек улицу, посмотрел, как утихает суматоха вокруг гостиницы. Интересно, что скажет дежурная, когда обнаружится пропажа паспортов и денег? Ограбление местные следователи легко могут повесить на Власьева же, и тогда самой дежурной ничего не грозит. Свои ведь все, с детства знают друг друга, чего уж тут мудрить?

Кто Рыбина убил, тот и гостиницу ограбил, кому же еще?

Судьба Любви Михайловны, несмотря на куда более грандиозные и трагические события, происходящие вокруг, Шестакова тем не менее волновала. Может, оттого, что женщина все же никаким краем в мужские игры не замешанная.

Он разыскал в сугробе свои вещи и окрестной дорогой, через дворы, вернулся обратно к милиции. Проявляя крайнюю осторожность, вскарабкался на крышу уборной, устроился там и затаился. Еще раз попадаться

на глаза представителям местной власти ему совсем не хотелось.

Как долго тянутся предутренние часы, когда крепчает мороз, полная луна светит с неба в окружении январных облаков, и даже покурить нельзя, поскольку окна флигеля, в котором помещается КПЗ, прямо напротив.

Одет он был неплохо, но не для неподвижного лежания на ледяной крыше. Ноги в сапогах начали неметь, в пальцах ощущалась острая боль, да и щеки тоже... Градусов, наверное, до двадцати пяти упала температура к утру.

Но вот наконец-то во дворе милиции снова началось шевеление.

Сначала появился шофер, который откинул боковую дверцу капота и стал там возиться, позвякивая металлом о металл и безадресно матерясь. Еще бы — голыми руками возиться в прокаленных морозом железках.

Потом появился еще человек, несущий два исходящих паром ведра воды.

Шофер залил кипяток в радиатор, воткнул спереди заводную рукоятку и начал ее, хекая, вертеть.

Удивительно, сколько трудов требует запуск мотора обычной полуторки. Стоящие рядом охранники подавали нецензурные советы хриплыми голосами.

На десятом примерно лязгающем обороте ручки мотор чихнул, потом рявкнул, выбросив из выхлопной трубы пучок искр, дернулся, застучал неровно, сопровождаемый поощрительными криками болельщиков, но тут же смолк. Начало тем не менее вселяло надежду, и после еще двух-трех оборотов «кривого стартера» движок наконец завелся по-настоящему.

В заснеженном, глухом и темном дворе рычащая и плюющаяся вонючим дымом машина казалась отчего-то Шестакову самым здесь симпатичным существом. Мож-

но было рассчитывать, что она-то и поможет в очередной раз спастись из почти безвыходного положения.

Люди же были врагами по определению, пусть и безличными. Он ничего не имел против каждого из них, как и они против него, однако на пощаду при столкновении рассчитывать было нечего.

Еще минут через десять появился и старший конвоя, тот, что выдвинул идею рыбалки. На плече он нес два деревянных ящика со снастями, в руках пешню, коловорот, еще что-то...

— Эй, Рыжков, открывай будку, сунь там под лавку, — позвал он водителя.

— Куда под лавку, в «собачник»?

— А куда ж еще?

— Так нельзя ж по инструкции в помещение для заключенных посторонние предметы...

— Учить меня будешь? Куда ж тогда, в кабину? Там и без того в тулупе и валенках не развернешься. Я это добро три часа на коленях держать буду? Эски все равно в наручниках поедут и под замком, а главное, два долбо... с винтовками рядом. — Он засмеялся. — Хрена ль бояться? Грузи. А то сам в охалке держи до самого города...

Знаток инструкций на такой вариант не согласился, полез в фургон, принял у начкара снасть.

«Вот оно, сейчас только и можно», — подумал Шестаков, соскальзывая с крыши на землю.

Водитель, разместив груз, снова занялся мотором, пристраивая понадежнее стеганый чехол на капот и решетку радиатора, а командир скрылся в доме для выполнения связанных с отправкой заключенных формальностей. Или просто чтобы провести последние перед дальней дорогой минуты возле жарко натопленной печи.

Если кто не знает, езда зимой в полуторке — не слишком приятное дело. Кабина не отапливается, жес-

тяные стенки промерзают вмиг, да еще сквозь прорези для педалей и рычагов хлещет ледяной ветер. Даже и в подшитых валенках с двумя теплыми портянками через пару часов ноги начинают деревенеть, хоть останавливайся и скачи по дороге, как самый затрапезный ямщик времен проклятого царизма, а не облеченный властью «член органов».

Выбрав момент, Шестаков стремительно пересек отделявшее его от машины расстояние, замер, осмотревшись напоследок, и скользнул внутрь фургона, стараясь ничем не загромоздить и не качнуть легкую машину, чтобы не привлечь внимания водителя.

Отсек размером примерно два на три метра, без окон, с трех сторон довольно широкие лавки, позади — деревянная, обитая железом дверца, отделяющая конвоирский тамбур с квадратным зарешеченным окошком, через которое можно наблюдать за арестованными.

Шестаков осторожно заполз под переднюю лавку, улегся там, загородившись спереди рыбацкими ящиками, замер. Оставалось только ждать.

ГЛАВА 26

Задремавший было от пережитого стресса Власьев проснулся, лишь только звякнул вставленный в замок ключ. Тут же стало до тошноты тоскливо. Сразу подумалось, что Шестаков его, конечно, бросил, пробирается небось в сторону Москвы самостоятельно...

Да нет, не может этого быть! Не таков бывший нарком. За минувшие дни Власьев успел в этом убедиться, да ведь и горячо им любимая семья оказалась как бы в заложниках. Стоит ему начать признаваться — и их мгновенно арестуют. Хорошо ли будет Шестакову в таком случае на воле?

Однако чем друг сможет реально помочь, Власьев

пока не представлял. Ладно. Время пока еще есть. И надежда остается.

В кронштадтском подвале не лучше было, а выручил его тогда бывший юнкер. Не забыл командира, не струсил.

Вот когда за ним захлопнется дверь Владимирского централа, тогда все. Уж там и обыщут как следует, и допрашивать начнут по-настоящему. До тех пор «Дум спиро — сперо»¹.

Начкар привычным жестом еще раз охлопал Власьеву карманы, нацепил наручники, толкнул в плечо: «Выходи».

Расписался в ведомости.

Пока вывели наконец из камеры всех арестованных, пересчитали, сверили со списком, проинструктировали о правилах поведения на этапе, каждому сковали руки, и только после этого повели к машине, Шестаков окончательно замерз.

Оступаясь на узкой железной лестничке, отругиваясь от конвоиров, хрипло дыша утомленными камерной духотой легкими, арестованные лезли в будку. Водитель из кабины включил крошечную лампочку под потолком, которая едва освещала тесный «собачий ящик».

Четверым здесь было бы нормально, шестерым — тесновато, но терпимо, а седьмой втиснулся уже через силу и кое-как уместился на полу, между ног спутников.

Шестаков по унтам узнал Власьева, тот оказался ближним к нему пассажиром левого по ходу сиденья. Воняющие распаренной в камере собачьей шерстью голенища оказались прямо против его носа, и он, как мог, вдавился в передний борт, отгораживаясь ящиком.

Залязгали запоры, и наконец-то, подвывая мотором и скрежетнув коробкой передач, машина тронулась.

¹ «Пока дышу — надеюсь» (лат.).

Закованный в наручники народ по обычаю умищался поудобнее, матерно комментируя каждое движение свое и соседа, поминал добрым словом тех, кто их сюда законопатил, и вообще всю Советскую власть в целом. Понять же, кто и отчего оказался в этом скорбном месте, пока не получалось: эмоционально окрашенная лексика не несла осмысленной информации.

Власьев в этот момент испытал очередной приступ глухого отчаяния одновременно со злостью. На себя, на Шестакова, на судьбу, вообще на все. С одной стороны, решение ввязаться в совершенно сумасшедшее предприятие нельзя было назвать иначе как временным помрачением рассудка, с другой — он по-прежнему считал, что иначе поступить просто не мог. Накопилась за пятнадцать лет критическая масса ненависти к советскому режиму, когда желание рискнуть головой и, весьма честно признаться, скромным благополучием было уже непреодолимо.

Он представлял, чем кончится для него эта эскапада, как только его довезут до места назначения, или, наоборот, что только и начнется. И все же сохранял надежду, что чудесным образом переродившийся старый товарищ придумает что-то, чтобы его выручить. И стал себе в утешение воображать, как именно все будет выглядеть.

Обычная для каждого нормального человека надежда на благополучный исход в самой безнадежной ситуации.

И почти тут же, совершенно в стиле Дюма, ожидаемое случилось.

Шестаков сообразил, каким образом вступить в контакт с товарищем и договориться о дальнейших действиях. Благо оба они служили на царском флоте, где и новобранцев-матросов, и гардемарин в корпусе учили одинаково хорошо.

★ Он нащупал носок унта Власьева и начал пальцем выстукивать на нем азбукой Морзе:

— Я здесь. Как понял, ответь.

Власьев испытал не просто вспышку радости от того, что не обманулся в своих ожиданиях и надеждах. У него, словно в скоротечном бою, пошел перебор вариантов — как с наибольшим успехом и эффектом использовать последний шанс.

Заключенные теснились в темном ящике, возились, толкались, вскрикивали и спорили, будто не ждала их в ближайшее время печально известная Владимирская тюрьма, где и эта тесная клетка будет вспоминаться с тоской. Ведь какая-никакая, а жизнь пока еще дорога.

Поэтому, приняв сигнал, Власьев ответил так, чтобы и Шестакову понятно было, и в контексте обстановки звучало естественно.

Ткнул локтем в бок соседа:

— Ну, че ты растопырился, понял, нет? Сидим, бя, как кильки в банке. Ни повернуться, ни дух перевести. Что за толпа, ни одного вора с понятием. Или есть? Счас рассветать начнет, будем разбираться или как? — и движением ноги ответил Шестакову, что все понял и ждет дальнейшего.

Пока нарком составлял в уме короткую и емкую фразу, которой следовало сообщить Власьеву линию поведения, откликнулся вроде бы даже мягкий, но ощути-мо авторитетный голос из противоположного угла.

— Еще один законник? Кликуху дай.

— Сам назовись, — ответил Власьев. — Мою кликуху, если кто и слышал, так давно в земле лежат. И мы сейчас на смерть едем, если кто не понял еще. Ты из каких?

Человек напротив вдруг смолк. Даже Шестаков слышал, как он задышал неровно. Наверное, понимал в психологии, на своем, конечно, уровне, и тоже уловил дуновение надежды. Или чего-то другого.

— А ну, пономарь, пересядь ко мне. Прошлепаемся¹.

— За базар ответишь. Хилый сам сюда, — огрызнулся Власьев злым, требовательным голосом.

Короткая суматоха в темноте, человек с серьезным голосом кого-то передвинул и опустился на скамейку рядом с Власьевым.

— Ну? Так ты кто? Я — Косой. Или — Колян Витебский... Шесть ходок. По масти — шниф по фартам. А сейчас лепят 58-10 через первую, сто девятнадцатую и сто вторую сверху. (Шестаков откуда-то вдруг понял, хотя и не знал никогда статей Уголовного кодекса 1926 года, что человеку этому вменяют грабеж социалистической собственности, но не просто так, а с умыслом на измену Родине и подрыв советской власти. То есть — вместо законных пяти-восьми лет светит ему как бы не расстрел.)

И с удивлением услышал ответ старлейта. Будто бы и тот хорошо разбирался в уголовных и политических статьях, а кроме того, знал и собственно воровские дела.

— А я, — шепнул на ухо собеседнику Власьев, — я — Пантелеев Питерский...

— Да ты что? Охренел? Кому туфту заправляешь? Ленку ж убили еще в двадцать третьем...

— Ты что, мертвым меня видел?

— Братва говорила... В газетах писали...

— Ну и ... Пусть дальше пишут. А я живой. Лучше меня никто из тюрем не уходил. Из Крестов — два раза. С Гороховой — тоже. Жить хочешь? Со мной пойдешь?

Долгая пауза. Настоящему вору, да еще в клетке тюремной машины, услышать вдруг имя отчаянного налетчика давних нэповских времен, который давно стал

¹ Здесь и далее — «блатная музыка» 20-х годов.

легендой, прославился и дикой жестокостью, и своеобразным бандитским благородством, многократно уходил из рук угрозыска и чека, а потом будто застреленного при странных обстоятельствах, было так же и жутко, и радостно, как апостолам узнать о воскресении Христа.

Но одновременно, как Фоме неверующему, требовалось подтверждение.

— А где ж ты парился пятнадцать лет? И вдруг объявился, чтобы попасться, как фраеру? Да где — в сраном Кольчугине? Порожняк гонишь...

— Толковище будет, ты мне предьяву сделаешь. Или я тебе. А сейчас вопрос — на атанде поддержишь?

Власьев говорил медленно, старательно подбирая нахватанные еще в первые годы своей новой жизни слова и выражения. Тогда в монастыре «Нилова пустынь» образована была колония малолетних преступников, вроде макаренковской, и леснику-бакенщику приходилось общаться с ее обитателями почти ежедневно. Когда по делу, а когда из любопытства просто.

— Какая атанда, в железах?

— Нормальная, на рывок. Моя специальность. Тут еще блат в доску есть или одна шелупонь голимая?

— Зуб не дам — на особняк хожу... Но двое — на брусов шпановых кочуют. А скажешь, что делать, на слам иду. Мне терять нечего.

— Договорились.

Шестаков слушал весь этот разговор, в свою очередь удивляясь неожиданным талантам бывшего арис-тократа. Или книжек он прочитал много в своем лесном затворничестве, или имел контакты не только с лесной флорой и фауной.

Ему стало даже интересно, что дальше будет, словно бы не он сам выступал инициатором и главным действующим лицом предстоящего действа.

— Мне про тебя много штрихи бармили, — продол-

жил разговор шепотом Косой. — Как же ты здесь заместился?

— Так масть легла. Как заместился, так и сплетую.

— Сплетуешь? В ланцухах, отсюда, два болтухи с трубками за дверью?

— Увидишь. Только не лажанись, когда момент придет.

Очевидно, в голосе Власьева прозвучала такая убежденность, что вор аж задохнулся:

— Да я, да... сукой буду.

Наступила пауза.

Шестаков простучал по ноге Власьева:

— Попроси у конвоя закурить...

— Эй, начальники, — тут же откликнулся Власьев, стукнув кулаком в дверцу, — будьте людьми, окурочек суньте...

— Да мы бы и сунули, — отозвался голос конвоира, — а как ты в наручниках-то его возьмешь?

— А ты подай через решеточку, мы губы подсунем и дернем по разу-другому. Сам же знаешь, куда нас везешь, так неуж пожалеешь табачку-то?

— Вполне свободно и пожалею, — отозвался другой конвоир, голосом помоложе и понахальнее. — Если только у вас заплатить есть чем?

— Да чем же? — проныл Косой. — Шмонали вы нас бессчетно, разве останется что?

— Знаю я вас, злоехидных. Всегда заначить умеете, хоть пять раз подряд шмонай...

— Ну, хер с тобой. Есть. За трояк две целых папиросы дашь?

По тем временам три рубля стоила пачка «Казбека» или четвертинка водки.

— Дам, если заплатишь...

Колян привстал на сиденье. Отстранил тех двоих, что загораживали путь к окошку.

— Держи, начальник. В шапке, за козырьком трояк спрятан. Забирай, и курево сюда толкни.

Конвоир потянулся рукой между прутьями, подсветил фонариком, нащупал в указанном месте туго скрученную купюру, засмеялся довольно.

— Не соврал. Я ж знаю — хитрые вы, бандюги. Держи свою папиросу...

И когда Косой потянулся лицом к решетке, со смехом воткнул ему горящую папиросу под нижнюю губу.

Вор сначала ахнул от неожиданной боли, а потом разразился страшными ругательствами и угрозами.

Конвоир от ощущения безопасности и полученного удовольствия искренне веселился.

— Покурил, да, сука? Покурил? Ты у меня еще покуришь. Тут тебе не у Проньки. Я вас всегда давил и давить буду... Жалко, в расстрельную команду у нас не набирают. Я бы пошел.

Косой неожиданно быстро успокоился. Громко харкнул в сторону окошка, потом сказал вразяжечку и чрезвычайно веско:

— Развлекся, курвеньш? На здоровье. Но и ошибся же ты! Тебе моего трояка ни на похороны, ни на поминки не хватит... И матери твоей, блядище старой, икаться не проикаться...

Конвоир дернулся было с руганью открывать дверцу «собачника», но его удержал второй охранник. Он тихо сказал, но в наступившей вдруг тишине все услышали, и Шестаков под лавкой тоже:

— Зря ты это, Сеня. Смертники — они тоже люди. Молчал бы, как я молчал, а раз пообещал... Нехорошо.

— Да... видал я их всех. И тебя тоже. Нашлись тут. Посмотрим еще, как ты в другом месте говорить будешь... Жалельщик...

— Спасибо, мужик, — вновь вмешался Косой. — Тебе тоже зачтется, если что...

После очередного сигнала Шестакова Власьев шепнул новому приятелю:

— Ну, друг, теперь шум какой-нибудь устрой. Хоть песню запойте, «Гоп со смыком» или там «Солнце восходит и заходит». Давай. И места мне чуток освободи.

По команде Косого двое или трое оживившихся от происходящего арестованных действительно начали петь разудалыми, хотя и лишенными мелодичности голосами нечто подходящее, а Власьев опустил на пол, подставив Шестакову скованные руки.

Замок в наручниках был примитивнейший, рассчитанный именно на то, что никто, кроме владеющих ключом конвоиров, открывать его не станет.

Поэтому через минуту, поковыряв, с определенной, впрочем, сноровкой, кончиком ножа в скважине, Шестаков разомкнул браслеты.

Сказал, не боясь, что его кто-то услышит за песенной разноголосицей:

— Теперь Косого давай...

С тем получилось еще быстрее.

Изумленный вор сжал руку Власьева.

— Вот теперь верю, свояк. Твой я до конца. Что дальше? Командуй.

Власьев, как бы между прочим, потеснил его на лавке, и рядом сел выскользнувший снизу Шестаков.

Хотя на улице уже слегка рассвело, изнутри клетки только окошко двери высветилось серым, а темнота была прежняя и непроглядная.

— Ты местный? — спросил Власьев у вора.

— Не совсем, но все же. В чем дело?

— Мы где сейчас?

— Судя по времени и скорости — к Черкутино подъезжаем, — неожиданно перешел на вполне человеческий язык Косой.

— Там местность какая?

— Насколько помню — лес глухой с обеих сторон. И спуск длинный, крутой...

— Хорошо, готовься... И сиди тихо, что бы ни случилось, пока я не скажу...

Дождавшись, когда стихнет бессвязная и тоскливая, несмотря на ухарские слова, песня, к окошку подвинулся уже Шестаков.

— Эй, мужик, не к тебе, кагай, обращаюсь, — осадил он снова сунувшего голову к решетке первого конвоира, — а к человеку. Может, хоть ты закурить все же дашь? Я опять заплачу... Даже больше.

— Да ладно, я и без денег, — охранник просунул сквозь решетку едва раскуренную самокрутку. Шестаков принял ее зубами. Глубоко затянулся дважды, передал Власьеву.

— Спасибо, друг, ты и вправду человек...

Прикинул, достаточно ли светло уже в отсеке охранников, правильно ли они поймут ситуацию, и выставил между прутьями ствол «нагана».

— Теперь — спокойно. Стреляю без предупреждения.

Винтовки у конвоиров стояли, прислоненные к стенке, а револьверы из кобуры в узкой выгородке с маху не выдернешь. Тесно, и на юлов бриннеров в те времена вохровцев не учили.

У первого охранника отпала челюсть — что совершенно соответствовало типу, подлые люди обыкновенно бывают и трусливыми, исключения редки, а второй инстинктивно откинул голову к стенке, уходя с линии прицеливания, и глупо спросил:

— Настоящий? Откуда?

— А ты присмотришь. От.... — ответил на вопросы Шестаков в порядке поступления. — Желаешь проверить — прошу.

Конвоир мотнул головой отрицательно.

— Тогда отпирай. Жить будешь, обещаю. Заслужил.

А машина продолжала ехать, подпрыгивая на кочках и моментами пробуксовывая на наледях. Водитель крутил руль, начкар, наверное, спал.

— Что теперь? — спросил Власьев у Шестакова, когда дверь клетки была открыта, а охранники лежали на полу, придавленные шестью парами ног.

— Сейчас. Эй, ты, как просигналить водиле, чтобы остановился?

— Вот, кнопочка, — конвоир показал на большую бакелитовую кнопку в углу отсека.

Шестаков нажал ее, в кабине хрипло загудел зуммер от полевого телефона.

Шофер начал тормозить. Привычное дело. Скорее всего ребятам по нужде потребовалось.

Он и из кабины не стал выходить. Так и упал на руль, когда Шестаков рванул на себя дверную ручку и ударил его кулаком в висок, а Власьев с другой стороны дернул из кабины начкара.

Всех четверых поставили у занесенной высокими сугробами обочины, растерянных, ошеломленных переменной судьбы, распоясанных, с вывернутыми карманами.

Не менее растерянные ээки, вывалившись из клетки, толпились рядом. Команду вдруг принял не объявивший себя Пантелеевым Власьев, а Шестаков, упивающийся не столько фактом спасения, как авантюристостью сюжета.

— Значит, так, господа-товарищи. Власть переменилась, как говорил герой популярного кино. Теперь наш верх. Мы уедем, а вы останетесь здесь. Убивать не будем, мы не злодеи, а вы люди тоже подневольные. Привяжем к деревьям, и ждите. Когда-нибудь кто и проедет и отпустит. Одеты вы прилично, не замерзнете. А будут спрашивать — Ленька Пантелеев вас повязал. Если не сразу вспомнят начальники — скажите, тот самый, из Питера, которого так поймать и не сумели, а для понта

постороннего жмурика взамен подсунули. Я все сказал. Прощайте.

И уже обернувшись к своим попутчикам, сказал неизвестно отчего по-польски:

— Прошу панов до самоходу.

— Э, нет, подожди, братан, — перебил его Косой. — Я ведь тоже слов на ветер не бросаю. А тем более бог на свете есть, который не фраер и правду видит. Он что сказал на кресте? Не пройдет и часа, как ты будешь со мною в царствии небесном. Так я примерно это и пообещал орелику. — Вор пальцем указал на помертвевшего охранника. — Только ему похуже будет...

Власьев пожал плечами и отвернулся, давая понять, что вмешиваться в чужие разборки не станет.

Шестаков же испытал даже некоторый интерес — что сейчас произойдет и как.

Он всегда ненавидел подонков, получающих удовольствие от чужих страданий, с детства, и в данном случае вспомнил тоже библейскую формулу: «Какою мерою меряете, такою и отмерится вам!»

Вид вора был не столько страшен, как угрожающе деловит, и охранник привычно, генетически привычно для уроженца среднерусских мест, упал на колени.

— Дяденька, прости, дяденька, не по злобе я, от глупости так, прости, не буду больше...

Парню, как стало видно в лучах развернувшегося во все небо малинового морозного рассвета, и было всего-то лет двадцать пять. Пришел по призыву в конвойные войска в разгар голодных лет и остался сверхсрочно на сытой и неустомительной, по сравнению с колхозным бессмысленным трудом, службе.

Но лицо у него было тяжелое, щекастое, отнюдь не отмеченное печатью интеллекта, и надежды на чудесное преображение после пережитого страха тоже не обещало.

Косой улыбнулся щербатым ртом.

— Да упаси бог. Убивать тебя, грех брать на душу? Я сказал, что моего трояка тебе на похороны не хватит? Так и не потребуется. Жить будешь, милоч, долго будешь, ишь какой гладкий, и мамка твоя с тобой заплачется. Как моя из-за вас, сук красных, плакала...

Только ты это, полушубочек-то сними, нам еще долго до родного дома добираться, не то что тебе, и валенки тоже. Казенного ватника и штанов тебе вполне хватит. — Лицо у вора было удивительно спокойное, сочувствующее даже. Сложив рядом все снятые охранником дрожащими руками вещи, он резко толкнул его кулаком в грудь.

Парень сделал шаг назад.

— А теперь держи.

Вор взмахнул винтовкой, которую все время держал в руке, а сейчас перехватил за край цевья, и, словно хоккейной клюшкой, подсек вохровца под колени.

Тот с воплем рухнул на дорогу. Колян подошел к нему и, все так же зловеще улыбаясь, коротко и страшно ударил его прямо в правый локтевой сустав.

Шестакову показалось, что он даже сквозь толстый ватный рукав телогрейки услышал хруст костей. Охранник заорал совсем уже отчаянно.

— Нормально? Нравится? — и второй удар окованным металлом затыльником приклада, теперь по левому локтю.

Стрелок, похоже, потерял сознание от дикой боли.

Шестаков дернулся, испытав желание прекратить расправу, но теперь Власьев удержал его:

— Стоп. Не наше дело.

При этом они оба не спускали стволов «наганов» с остальных конвоиров, ошеломленно и подавленно взиравших на происходящее.

Вдруг кто-нибудь все-таки вздумает проявить профессионально-классовую солидарность.

Таковых не нашлось.

А Косой по-прежнему спокойно, деловито перебил охраннику и коленные суставы, размахиваясь винтовкой, будто цепом на току, и попадая в нужное место удивительно точно.

Опустил винтовку и вытер пот со лба.

— Вот и все. Теперь пускай живет, пала, как сможет....

Что особенно странно — Шестаков одновременно и подавлял тошноту от картины жестокой, средневековой расправы, и воспринимал ее же вполне адекватно, словно бы как справедливое возмездие. Самое же интересное — переживала его наркомовская составляющая, а иная — почти что развлекалась.

Отошли втроем к обочине, после того как пристегнули наручниками к придорожным деревьям всех охранников, кроме подвергнутого суровой, но и справедливой экзекуции. Закурили.

— В СЛОНе¹, на Соловках, еще и не такое делали, — словно бы оправдываясь, сказал Косой. — Стукачей в тумбочку засовывали и с Секирной горы по лестнице в свободный полет пускали. Полтыщи ступенек, между прочим.

Или, еще забавнее, связать — и на бревнотаску кинуть. Пока до места доедет — накричится вволю. А уж там или в шестеренки попадет, или в затон, где баланы в три слоя плавают... — Затаптал в четыре затяжки высмоленный бычок, повернулся к Власьеву: — Давай команду, Леонид. — Видно было, что он едва не подпрыгивает от внутреннего возбуждения. — Что дальше требуется, какие планы? — Шестакова он как бы и не замечал, считая просто пантелеевским ассистентом.

— А никаких. Сорваться бы отсюда, пока живы.

¹ СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения.

Времени у нас совсем нету... Те мужики, что с нами едут — кто?

— Да так. Серьезных деловых нет. Два паренька вот — мои. Взялись со мной в стырщики податься, да сгорели сразу. А теперь под 58-ю хряют. Брусы шпановые...

— Сейчас спросим, — вмешался в разговор Шестаков. — Эй, подходи по одному...

Первый, человек лет сорока на вид, оказался инженером гальванического цеха, арестованным за вредительство. Грозило ему по максимуму десять лет, в Кольчугине он имел собственный дом и жену с двумя детьми, за которых очень переживал, поэтому честно заявил, что предпочитает остаться здесь, глядишь, и зачтется ему правильное поведение, и обвинение снимут...

— Не смею спорить, — вежливо наклонил голову Шестаков. — Может, и так получится. Но, как сказано в книге пророка Исаяи, если не ошибаюсь, лучше быть живой собакой, нежели мертвым львом. Сейчас я вам еще могу предложить некоторые шансы, а через пару часов, вновь оказавшись в камере, их у вас не будет. И, биясь головой о шконку¹, вы, наверное, пожалеете об утраченном миге свободы.

Потом поймал неприятно-тусклый взгляд собеседника и испытал острое раздражение.

— Впрочем, к чему рабам ее плоды? Может, и так выйти, что мы через час падем в перестрелке, а вы еще пару недель или пару десятков лет проживете...

— Хватит болтать, Гриша, — одернул его Вла-сьев. — Не хрен проповедовать. Время поджимает.

Шестаков сам ощутил бессмысленность своих филиппик и без дальнейших слов кивнул, отходя в сторону.

С остальными тоже разобрались быстро. Один из товарищей по несчастью был арестован как ранее уже

¹ Шконка — койка в тюремной камере.

отсидевший «саботажник», зарезавший во время коллективизации собственного бычка и двух свиней, отбыл пять лет и все понимал правильно. Надеялся получить не более чем ссылку, с беглецами ему было никак не по пути.

Третий, парнишка лет семнадцати, арестован был вообще за букву У. Приписал ее для смеха в стенгазете к популярному лозунгу: «Жить стало лучше, жить стало веселее! Сталин». Получилось — «Сталину». Сейчас хлюпал носом и тоже надеялся, что в городе разберутся, пожурят и отпустят.

— Эхе-хе, — вздохнул Шестаков и сказал неожиданно: — Смотри сам, парень. Году в пятьдесят третьем вспомнишь этот момент, если доживешь.

Почему он это сказал, почему вдруг назвал именно пятьдесят третий, а не какой-нибудь более близкий год, он ответить даже сам себе не смог бы.

А двое молодых, после всего происшедшего отчаянно настроенных воров примкнули к обществу.

— Ладно, решили. И «патриотов» подцепим к охране, пусть крепят нерушимую дружбу блока коммунистов и беспартийных, — с усмешкой сплюнул под ноги Власьев, — а мы — поехали.

Шестаков удивился, насколько старший лейтенант удачно вписывается в неожиданно придуманный образ. Откуда он вообще набрался уголовных манер?

Но не стал вникать в ненужные сейчас тонкости. Будет еще время обменяться мнениями.

Крутнул ручкой не успевший остыть мотор, развернул в три приема полуторку на узкой лесной дороге.

— Ну, по машинам.

— Как это — по машинам? — вскинулся вдруг один из молодых воров. — Вы, дяденька, отоварились, а мне? Вертухай тут в тулупах и в валенках париться будут, а я замерзай?

И тоже потащил белый, хотя и грязноватый романовский полушубок с начальника караула.

— Эй, подожди, — слабо возразил тот, — ну будь человеком. Мороз-то... Когда нас еще найдут?

— А мне по... Вы обо мне думали, когда трое суток в холодной камере без одеяла и матраса держали? А в эту жестянку запихали в опорках на босу ногу? Снимай, падла, и валенки снимай. Скажи спасибо — портянки не забираю. На вон, подарок, — и сбросил перед начкаром свои действительно хилые опорки и ватную стеганку.

— Замерзнешь — с кобелей своих можешь поснимать, — он указал на рядовых конвоиров.

— Не, куда там, мне тоже холодно, — и второй сявка потянулся за своей долей добычи.

— Хрен с вами, прибарахляйтесь, только этого мужика не трожьте, я ему обещал...

Шестаков отвернулся. Сцена мародерства тоже выглядела неприятно, но напрямую его не касалась.

Это были разборки внутри своеобразного мира, где роли якобы жестко распределены, но вот же, могут иногда и переходить от одних актеров к другим.

И еще он откуда-то знал, что теперь эти конвоиры, когда их найдут, отправятся на их место. «Тут правило простое: головы зэка недосчитаешься, своей головой пополнишь».

Неизвестно, как пришла на ум эта фраза, но он ее точно раньше уже слышал. Или читал.

Он ждал, что с ним в кабину сядет Власьев, однако ошибся.

— Давай ты сюда, — показал тот Косому на дверцу. — А я с парнями в кузов. Если что — постреляем...

У них действительно на всю компанию было теперь две винтовки с полсотней патронов на каждую, четыре отобранных у вохровцев «нагана», плюс власьевский, который вез в полевой сумке начкар вместе с сопрово-

диловкой в качестве вещественного доказательства, и еще «наган» и «вальтер» Шестакова.

Стоя у машины, нарком сказал Власьеву:

— Смотри, Александрыч. В запасе у нас час-два, вряд ли больше. До первой машины или саней, которые здесь проедут.

— Непременно. Только когда еще машина здесь появится и сколько им до города добираться? А ты куда ехать собрался?

— Как куда? Выбора нет. Обратно до Кольчугина, а там на Александров...

— Прости, Гриша, но что-то ослабел ты разумом. Утром, в самый разгар людского движения, вздумал через город ехать, где каждая собака, не считая милицию, эту машину навскидку знает? Тебе не наркомом, а золотарем бы работать. Иди лучше ты в кузов. Я попробую другим путем выбраться.

Увидел, что Шестаков насупился, подсластил пилюлю:

— Нет, я, правда, сейчас кое-что интереснее придумал. Да и с вором поговорить надо. Не обижайся, сиди у окошка, смотри, чтоб погони не было, но без крайней необходимости не стреляй.

Шестаков вдруг почувствовал, как и на флотской службе, что Власьев в критических моментах умеет быть спокойнее и как бы мудрее его.

В кабине полуторки, которую Власьев вел неторопливо, но умело, пошел другой разговор.

— Признаю, кореш, что ты с дружкой — фасонные ребята. Таких побегов на рывок и я не упомяну. Наверно, правду говорили про Пантелеева, что он и из Крестов умел уходить, и с Гороховой. А все ж не верится, чтобы пятнадцать лет об тебе в законе ни слуху ни духу. Не бывает так, понял...

И вдруг вновь перешел на сплошь блатную музыку

и так зачастил, что Власьев успевал выхватывать лишь отдельные знакомые слова.

Ответил несколькими тщательно сконструированными фразами, тоже по фене, но исключительно царского времени и первых нэповских лет. Тут же перешел на нормальный русский язык.

— Зря стараешься, кент. Я настоящим блатным и тогда не был. Может, слышал, после революции в налетчики кто придется шел: гимназисты, бывшие попы, офицеры... «Музыку» учить незачем было и некогда. Более того, у нас, тогдашних уркаганов, природных, старорежимных воров совсем даже и не почитали, ну, разве медвежатников со стажем. А так — портяночники, одно слово.

При царе налетчиков вовсе ведь, почитай, не было.

Помолчал, будто раздумывая.

— Ладно, скажу — последние годы я совсем не в Совдепии прожил. Что я тебе, дурак, из-под третьего расстрела сбежав, здесь оставаться? В Финляндию ушел. Совсем недавно вернулся.

— Зачем? — жадно спросил вор.

— А так. Тоска по Родине заела, — откровенно заухмылялся Власьев. Давая понять, что об истинных причинах своего отъезда из Финляндии и о целях возвращения на Родину он говорить не намерен. — Да вот, видишь, нюх чуток потерял. Попался по дурочке. Но тут же взял и ушел. Подтвердил квалификацию?

Колян, похоже, впал в сомнение.

Не подстава ли, мол, и не фигарь ли (сиречь — стукач) этот, назвавший себя громким именем легендарного налетчика?

— А человечек твой, с пушкой, откуда в «воронке» взялся?

— Да легавые и посадили. Специально для тебя. А сказать по-хорошему — одолел ты своими вопросами.

★ Ноги-руки я тебе ломать не стану, хоть и в полном праве за твою трепотню язык вырвать. Знаешь, как оно бывает? Хочешь — прямо сейчас прыгай и сваливай, при- торможу из доброты душевной, хочешь — по делу говори...

И Власьев демонстративно переключил рычаг на нейтраль, машина начала останавливаться.

— Даже могу на прощание к одному «нагану» второй подкинуть. На...

Власьев выдернул револьвер из-за отворота полушубка, но протянул его вору не рукояткой, а стволом вперед, и для слабонервного человека это могло бы выглядеть двусмысленно.

— Ладно, Пантелей, — сказал вор, отстраняя от себя ствол. — Верю. Прости за пустой базар. Но уж больно все хапово вышло.

ГЛАВА 27

Полученное письмо меняло очень и очень многое. Сильвия пока еще не представляла до конца, к каким последствиям не только для нее лично, для всей Галактической кампании может привести его появление. Нет, конечно, не появление двух бумажных листков как таковых, а события, приведшие к тому, что они появились на свет.

Поразмыслив как следует, взвесив изошренным, привычным к интригам умом все «за» и «против», она решила просить личной беседы с Верховным координатором проекта «Земля», которую знала под именем Дайяна. До этого они беседовали с глазу на глаз всего два раза — перед выпуском из спецшколы и накануне мировой войны.

Сильвии было неизвестно, является ли эта, на вид сорокалетняя дама, подлинной агтрианкой и лишь принимает человеческий облик по мере необходимости,

или они с ней равны по происхождению и отличаются лишь ступенькой иерархической лестницы.

— Что у вас еще? — не слишком любезно осведомилась Дайяна, когда Сильвия вновь вышла на связь. Как будто они расстались полчаса, а не двадцать пять лет назад. «Ну да, она имеет в виду мой последний запрос, очевидно, расцененный как неуместный», — подумала Сильвия, но отступить было некуда.

Стараясь говорить как можно взвешенней и убедительней, она доложила, что факт, по поводу которого она обращалась с запросом, получил неожиданное продолжение. Весьма кратко передала содержание письма и добавила, что имеет основания предполагать возникновение угрозы самой структуре мироздания в доверенном ее попечению секторе. Поскольку действиями — она хотела сказать — моей предшественницы, но вовремя поняла, что прозвучит это глупо, и ограничилась обтекаемым: неких непонятных сил нарушен закон причинности. А это уже вне рамок ее компетенции. И она просит распоряжений и инструкций.

Красивое, несколько восточного типа лицо Дайяны — с равным основанием ее можно было принять за южную итальянку, египтянку или даже еврейку — изобразило мгновенное недоумение. И тут же вновь приняло прежнее, холодно-надменное выражение. Очевидно, она была уверена, что именно так следует держать себя при разговоре с нижестоящими сотрудниками. Привыкшей к внешнему демократизму британского истеблишмента Сильвии это показалось моветоном.

Впрочем, неизвестно, какие нравы царят в высших эшелонах агтрианской власти. В них она была не вхожа, по определению.

Экран внепространственной связи на долю секунды подернулся рябью, изображение Дайяны деформировалось, исчезло, тут же появилось снова. Возможно, след гравитационного возмущения на одном из полусо-

тни парсек, разделяющих Землю и Таорэру. Но с тем же успехом Дайяна могла взять тайм-аут для размышлений и консультаций, существующая на базе зона нулевого времени такое вполне позволяла.

Второе предположение было правдоподобнее, поскольку и выражение лица, и интонации голоса аггрианки неуловимо изменились. И то, что она сказала, не выглядело мгновенной импровизацией.

— Сказанное вами действительно слишком важно, чтобы обсуждать это по дальней связи. Вам следует явиться на Таорэру.

Такого Сильвия не ожидала. Еще ни разу она не покидала Землю и не слишком представляла, как это делается. Поэтому она кивнула машинально, ожидая продолжения.

— Вы умеете настраивать приемный терминал канала перехода?

— Лучше, если вы дадите мне все необходимые установки, — осторожно ответила Сильвия. — Я боюсь ошибиться.

Дайяна с неудовольствием поджала губы. Сильвия подумала, что продолжает набирать «штрафные очки». Но что же делать, если и в самом деле никогда не использовала свой универблок для внеземных перемещений.

— Кроме того, мне нужно хотя бы час местного времени, чтобы собраться и отдать необходимые распоряжения на время моего отсутствия.

— Хорошо, пусть так. Запоминайте параметры настройки. Ровно через пятьдесят девять минут сорок секунд локально-земного времени.

Словно отправляясь на уик-энд к себе в поместье, Сильвия переделалась в костюм для верховой езды, сложила в небольшой баул вещи, которые, как она считала, могут ей пригодиться на далекой планете, о которой привыкла думать как о своей Родине. По крайней мере,

именно там она впервые осознала себя как личность, хотя каких-либо связанных воспоминаний о ней не сохранила.

Это могло показаться странным, ведь на Землю Сильвия попала в облике двадцатидвухлетней девушки и теоретически прожила на Таорэре, в спецшколе, не менее двадцати сознательных лет, получила там всю необходимую подготовку. А с другой стороны, наверное, все правильно. Здесь ей воспоминания «детства» только мешали бы.

Сильвия положила перед собой на стол продолговатый золотой портсигар со сложной монограммой из мелких, но очень ярких алмазов на рифленой крышке. Внутри он был заполнен тонкими черными сигаретами с широким серебристым обрезом. Еще одна, внутренняя, крышка откинулась после нажатия потайной защелки. На вид портсигар был тонким, как раз на один ряд сигарет, никому и в голову бы не пришло, что в нем найдется место для небольшого зеленоватого экрана и нескольких рядов сенсорных клавиш с непонятными символами.

Женщина набрала заданную комбинацию знаков и стала ждать, поглядывая на скачущую стрелку старинного корабельного хронометра в массивном ореховом футляре. По преданию, им пользовался один из предков, соратник великого Нельсона.

С Таорэры к Земле протянулся внепространственный канал, который теоретически имел внешнюю протяженность более ста сорока световых лет, внутреннюю же — ноль. Сильвия слегка нервничала, все же такой «шажок» через половину Галактики — не шутка. Из-за действия принципа неопределенности разброс точек входа и выхода мог составить десятки километров. Сбой же по времени грозил куда более серьезными последствиями. Что однажды и произошло.

Однако на сей раз все обошлось. В заданное время

прямо перед ней, поглотив и стол, и всю обстановку кабинета, распахнулось круглое отверстие, гораздо более черное, чем самая лучшая китайская тушь, окруженное пульсирующим сиреневым кольцом. В последний момент Сильвия непроизвольно закрыла глаза и шагнула вперед.

Дайяна принимала гостью в обширной гостиной, обставленной, как номер высококлассного отеля. «Риц», например, или «Уолдорф Астория».

Снаружи Сильвия ожидала увидеть смутно запомнившийся ей пейзаж окрестностей Главной базы — тоскливую равнину, покрытую синевато-желтой растительностью, похожей на тундровый мох, черными корявыми деревьями без листьев и скоплениями малахитовых валунов.

Однако она ошиблась — помещение, в котором она оказалась, двумя своими окнами выходило на склон холма, окруженного дремучим сосновым лесом совершенно земного вида.

С высоты примерно пятого этажа можно было различить цепь столбообразных скал с плоскими вершинами у горизонта, излучину посверкивающей под лучами здешнего светила реки, высокое небо, покрытое глыбами кучевых облаков.

Этот пейзаж Сильвия тоже припомнила — здесь проходили «преддипломную практику» выпускники спецшколы, привыкая к земным ландшафтам и земному воздуху.

Зона «нулевого времени», в которой размещалась операционная база для прямых контактов с Землей, была своего рода шлюзом, связывающим миры аттрианской метрополии со Вселенной, подконтрольной Конфедерации Ста миров.

Удивительное дело — стоило Сильвии оказаться здесь, как начали легко и свободно оживать давние

ощущения, казалось бы, навсегда стертые при отправке на Землю.

Нет, раннего детства она все равно не вспомнила, да и было ли оно вообще — такое, как у нормальных человеческих детей, а вот последние год или два теперь казались необыкновенно близкими. С того момента, когда определилась ее будущая функция и соответственно — национальная принадлежность.

Ее поселили в типично английском коттедже, по легенде — расположенном в Капской колонии, в пригородах Кейптауна, где под руководством наставников юная «мисс Сильвия» стала привыкать к обычаям, манерам, стилю поведения людей «своего круга».

Совершала долгие верховые прогулки по окрестностям, в совершенстве овладевая и женской, и мужской посадкой, стрельбой из ружей и пистолетов. Вообще готовилась к появлению в Лондоне в качестве богатой, хорошо воспитанной, но несколько самобытной наследницы южноафриканской ветви рода Спенсеров.

Отец ее якобы погиб в очередной стычке с кафрами великого воина Чаки, мать умерла от злокачественной лихорадки, а сама она прибыла в Туманный Альбион на попечение многочисленных дядюшек и тетюшек, никогда не видевших племянницу, но заранее очарованных ее красотой, печальной и романтической биографией, а главное — несметным состоянием.

Которым Сильвия, предусмотрительно дождавшись совершеннолетия вдали от родственников, могла распоряжаться самостоятельно и бесконтрольно.

Всеми необходимыми для исполнения предписанной роли знаниями она, конечно, владела изначально, но требовалась их шлифовка, отработка стереотипов поведения, «лепка характера», если угодно.

Впрочем, на сентиментальные воспоминания времени у нее сейчас не было. Может быть, несколько позже ей будет позволено хоть недолго погулять по ближним

★

тропам и лужайкам, еще раз увидеть «отчий дом», если он еще существует, не уничтожен, как ненужная театральная декорация.

Встреча с Дайяной выглядела вполне светски.

Две дамы сидели за чаем в красиво обставленной гостиной, так они могли бы беседовать в любом из «хороших домов» того же Лондона. Только кавалерийский наряд Сильвии чересчур диссонировал с длинным золотисто-алым платьем хозяйки.

На круглом столике перед Дайяной лежало пресловутое письмо.

Смысл своих сомнений Сильвия уже изложила. Ведь из текста следует, что она сама, в роли земного резидента, существует сейчас как минимум в двух ипостасях и трех временах. Но ведь известно, что перемещение конкретной личности в прошлое и возвращение оттуда в аутентичную реальность невозможно по определению.

Однако это произошло, подтверждением чему является письмо. Парадокс чистейшей воды.

Дайяна взяла письмо длинными пальцами, украшенными несколькими антикварными перстнями.

«Зачем они ей здесь, для кого? — не к месту подумала Сильвия. — Разве что в них тоже скрыты какие-то приборы, положенные по рангу?»

— Вы абсолютно уверены, что это не мистификация? — спросила Дайяна. — И это не вы, а «она» была здесь несколько дней назад?

Вопрос Сильвию поразил. Неужели Верховная считает, что она способна на такие «шутки»? Или Дайяна настолько растеряна?..

— Да, да-да! — с нажимом повторила аггрианка. — Именно так я и позволила себе подумать. Потому, что при этом остается какая-то надежда.

Проще поверить, что стала жертвой нелепого розыгрыша уставшей от монотонности жизни сотрудницы,

нежели... Простите, очень не хочется присутствовать при крушении всех своих представлений о мире.

Сильвия видела, что Дайяна волнуется. Даже пальцы слегка вздрагивают. Это ее неожиданно обрадовало. Значит, она тоже «обыкновенный человек», а не истинная аггрианка. С живой женщиной можно договориться. Неизвестно пока о чем, но можно.

Как полковнику с генералом одной и той же армии. А это совсем не то, что гончей собаке договариваться с псарем.

— Боюсь, я не совсем понимаю, — осторожно начала Сильвия.

— Да-да, при крушении, — повторила Дайяна. — Хорошо, давайте будем до конца откровенны. И во всем разберемся вместе.

Негромким голосом, делая длинные паузы, Дайяна заговорила о вещах, о которых Сильвия до сих пор не имела понятия.

Возможно, она успела получить на это соответствующие санкции, потому что вдруг затронула тему существования в этом мире, а то и за его пределами неких Высших сил, не являющихся богами в человеческом понимании, но настолько же превосходящих любую существующую в обеих Вселенных цивилизацию, как сами аггры — землян. И с этим нельзя не считаться...

Однако сейчас произошло нечто, необъяснимое даже этим фактором. Некоторое время назад — точнее сказать невозможно — полностью прервалась связь с Метрополией. Полностью и абсолютно. Мало того что перестали действовать устройства Дальней связи и внепространственные каналы, исчезла сама База.

— Как?! — не удержалась от удивленного вскрика Сильвия. Она хорошо помнила титаническую конструкцию Базы, похожую на косо воткнувшийся в поверх-

ность планеты ребристый бронзовый барабан. И неземной, уныло-завораживающий пейзаж вокруг.

— Так. База исчезла вместе с межвременным барьером. Из трех зон теперь остались две — нулевого времени, где мы сейчас и находимся, и зона собственного времени Таорэры.

— Но это же невозможно?!

— Именно это я и хотела довести до вашего сведения. Более того, стерта сама «Главная историческая последовательность», если можно так выразиться.

— Не понимаю, — честно сказала Сильвия.

— Я тоже, — «успокоила» ее Дайяна. — Доступная нашему наблюдению земная реальность как бы перестала существовать. Доступная восприятию История заканчивается приблизительно в мае вашего 1941 года. Дальше — чистые листы.

— Повторите еще раз, если можно. Когда заканчивается История? — почти робко переспросила Сильвия.

Она сейчас чувствовала себя, как школьница, услышавшая от учителя, что нет на свете никакой Европы, а сразу за Дувром начинается Китай.

— Ах да, вы же не в курсе. Все правильно, ваша... — она поискала термин, которым можно корректно обозначить «другую Сильвию», не нашла и досадливо тряхнула головой, — ну, пусть так и будет «Сильвия-84», появлялась здесь незадолго до вас. Решала достаточно пустяковые вопросы, я даже удивилась, стоило ли вообще ради этого тратить энергию.

А мы как раз готовились провести интересный, многообещающий эксперимент с использованием матричного наложения. И как раз в сорок первом году. Я ее поставила в известность, поскольку могли возникнуть некоторые парадоксы. — Дайяна снова помолчала. — Теперь я начинаю понимать. Очевидно, она записала установочные параметры и решила сама поупражняться. Нет, какая мерзавка! — Вспышка эмоций была

совершенно неожиданной. Дайяна ударила ладонью по столу и вскочила. — И я теперь ничего, ничего не могу изменить и даже проверить. Стерто все, абсолютно вся информация. Удивительно еще, что в голове у меня кое-что осталось. Я же помню, почти все помню, до... — Лицо Верховного координатора стало растерянным. — До восемьдесят четвертого?.. Или нет?.. Восемьдесят четвертый — это уже из ее письма? Тогда — шестьдесят шестого? Я помню, была какая-то проблема с очередным координатором.

А в памяти компьютеров, которые у нас здесь остались, нет вообще ничего. Стерты даже базы данных. Это — вселенская катастрофа. Если я... Если без меня... Никто и знать ничего не будет.

Дайяна в отчаянии сжала пальцами лоб.

Сильвии показалось, что Верховная сходит с ума.

— Успокойтесь, Дайяна, вот же есть письмо, она тоже пишет, что был восемьдесят четвертый год. Просто... Просто какой-то технический сбой.

— Нет-нет, вы не понимаете. Тут нечто грандиозное. У меня память плывет. За час до вашего прихода я помнила гораздо больше. Она тает, как сахар в кипятке.

Но все же подготовка у нее была великолепная, и мозг наверняка мощнее и эффективнее просто человеческого. Дайяна почти мгновенно восстановила самообладание.

— Вы тоже успокойтесь. Давайте рассуждать без эмоций. Если произошло нечто глобальное, хроносдвиг, например, вызванный поступком той, другой. Тогда, вполне естественно, происходит «стягивание шва». Ее не стало там, и, соответственно, у нас просто исчезло будущее. Мы с вами остались в реально существующем моменте. — Помолчав, собравшись с мыслями, агтрианка продолжила: — Мы были убеждены, что существует так называемая «Генеральная мировая линия». А все остальные, в том числе и та, с которой связалась с вами

«Сильвия-2», или же «Сильвия-84», являются дубль- и псевдореальностями, которые обернуты вокруг основной, как провода в многожильном кабеле. Они могут возникать в силу тех или иных причин, могут и исчезать, еще некоторые — по неведомым нам причинам вновь сливаются с Генеральной линией.

Мы здесь, на Таорэре, отслеживали эти процессы, это одна из наших важнейших функций, но старались не вмешиваться без крайней необходимости.

Парадоксы, почти любые, согласно теории, существенно повредить закономерному ходу событий не могут.

Тем более — существует теория, что время дискретно, определенным образом оно согласуется с шагом витка каждого отдельного «провода» и целых «пучков». Наши ученые там, — Дайяна неопределенно пошевелила пальцами, — знают об исторических процессах неизмеримо больше того, что положено было знать вам подобным.

При этих словах Сильвии захотелось сделать какой-нибудь протестующий жест, слишком она привыкла быть самой умной и информированной женщиной на Земле. Дайяна поняла ее реакцию. И ответила соответственно:

— Теперь, возможно, пора узнать и вам. Мы ведь гораздо менее всемогущи, чем принято говорить, но имели намного больше возможностей, чем вам только что показалось.

К примеру — сидя вот здесь, — Дайяна сделала широкий жест рукой, обозначая не только гостиную, но и базу, и вообще всю планету, — я до недавнего момента могла в масштабе реального времени разом наблюдать события целого века. — И тут же, грустно улыбнувшись, добавила: — Да, могла. А теперь? Выясняется, что от нас вообще мало что зависит.

Мы об этом догадывались и раньше, но... Вы что же,

милочка, еще не успели обратить внимания — даже зная какие-то важнейшие факты из земного будущего (оно же — наше прошлое), нам не удавалось отследить предшествующую им цепь событий, предотвратить нежелательные последствия.

Иногда, впрочем, такое получалось, но лишь в точках «коротких замыканий», то есть соприкосновений витков реальности. Увы, теперь мне кажется, что именно наше вмешательство сдвинуло лавину.

Скажу и больше — наши действия ограничены правилами, которые наверняка вам кажутся бессмысленными, напрасно сковывающими инициативу талантливых специалистов...

Дайяна вдруг достала из складок платья пачку самых обыкновенных земных сигарет. Впрочем, не совсем обыкновенных — твердая синяя с золотом коробка с надписью «Ротманс». В 1938-м таких не было. Нервно закурила. Поймала взгляд Сильвии.

— Удивлены, что я курю? Отчего? Наши с вами организмы устроены одинаково, а никотин — великолепный стимулятор мозга. Угощайтесь. А я продолжу.

Эта «война» начата не нами и ведется не нами. Я за последние дни стала ужасно свободомыслящей, — усмехнулась Дайяна, — почти как вы там у себя, на Земле. Боюсь, мы такие же инструменты в чужих руках, как земляне — в ваших. И кто-то вдруг поменял правила игры.

— Тогда каким же образом мы можем планировать свою деятельность, осуществлять проекты, стремиться к «Высшей цели», если в любой момент, мановением пальца, так сказать, вся наша деятельность может быть обесмыслена, вообще отменена за ненадобностью?

— Мы уже ничего не можем, дорогая, успокойтесь, — голосом, ставшим совершенно равнодушным, ответила Дайяна. — Я вам предлагаю — живите точно так же, как жили до этого. Как живут миллионы ваших

подопечных, верящих в существование Всевышнего, а атеисты — знающие, что в любой момент дело всей их жизни может быть уничтожено землетрясением, наводнением, тайфуном, падением на Землю астероида, наконец.

И для нас — Вселенная со всеми ее законами есть данность, возможные изменения правил игры и даже основополагающих констант — тоже. Знать о таком положении дел необходимо, задумываться о возможных последствиях — бессмысленно.

— Тогда для чего вообще потребовалась наша встреча? — осмелилась спросить Сильвия.

Один из героев Достоевского терзался вопросом: «Если Бога нет, то для чего я штабс-капитан?»

Дайяна же сделала противоположный вывод.

— Понимаете ли, дорогая, возможно, я просто растерялась. Простите эту слабость. Однако, несмотря ни на что, в наших Вселенных действует один, но универсальный Закон. Его подлинная формулировка нам, разумеется, неизвестна. Я бы попробовала изложить ее так: «Чем больше все меняется, тем больше оно остается тем же самым». С точки зрения авторов этого Закона, естественно. Мы же должны к нему лишь применяться.

Нам сегодня стало известно нечто новое. Ну и хорошо. Круг наших знаний расширился. Остается...

— Что же нам теперь остается? — События последнего часа так повлияли на Сильвию, что она позволила себе перебивать Верховную. Но Дайяна словно не заметила грубого нарушения субординации.

— Остается решить, как следует откорректировать наши планы в соответствии с полученной информацией. Честно говоря, у нас есть один-единственный шанс. Разыскать «Сильвию-84» где-то в вашей реальности. Она же сама пишет: «Я передаю это письмо в наш банк». Вы письмо получили. Значит — в момент

передачи она жила параллельно с вами. И куда же она могла деться?

— Но она же пишет еще и о развилке.

— Да ерунда все это! Если она сумела попасть из 84-го в 20-й и передать вам письмо, а вы его получили, то, значит, развилка уже позади.

Подумайте сами. Чему вас учили? Вывод: единственная наша надежда — найти ее и заставить все рассказать.

Возможно, еще есть шанс как-то все отыграть назад. Эффект растянутого настоящего. Только распространить его не на пять минут, а на любой необходимый отрезок времени...

— Разве это возможно?

— Надо, чтобы стало возможно. Какая принципиальная разница — пять минут или пять десятилетий? Или у вас есть другие предложения?

— Нет, но я не знаю, как ее найти.

— Думайте. Для чего вас готовили, позволяли жить на Земле так, как вам нравится, закрывали глаза на ваши склонности, пока они не мешали главному? Пришла пора отрабатывать.

— Но...

— Никаких «но»! Других людей у меня нет. Поскольку нет больше Базы. Несколько юношей и девушек, заканчивающих первоначальную подготовку по программе координаторов третьего ранга, — и это все. Весь мой резерв.

Видите — я откровенна. Найдите ее или хотя бы того, о ком она здесь пишет. — Дайяна снова коснулась пальцами письма. — Этот человек тоже должен знать многое. Не зря же она не только работала с ним. Как вы думаете, женщина вашего психотипа способна спать с человеком, не представляющим совсем никакого интереса для нашего дела? Да и вдобавок использовать его в качестве матрицы? — голос Дайяны теперь сочился

ядом. — Найдите их, милая, найдите. Иначе... — она не сказала, что означает «иначе». Напротив, будто сразу забыв об этих словах, Дайяна вновь стала сама любезность. Отставила чайную чашку, завершая приятный для обеих «файв-о-клок». — Ну что же, дорогая. Я вам более чем благодарна за полезную информацию. Надеюсь, все, что мы с вами узнали и обсудили, послужит еще более успешным действиям на благо конечной победы.

Кроме того, я думаю, что следует сообщить вам несколько новых методик, которые будут вам полезны. В том числе — дать возможность самостоятельно работать с матрицами. Имеющаяся аппаратура это позволяет.

Но будьте осторожны, — Дайяна менторским жестом подняла указательный палец. — Не повторяйте ошибок своей... — она опять не нашла подходящего слова и досадливо махнула рукой. — Найдите этого человека, активизируйте внедренную в него матрицу, извлеките из нее все, что возможно. Судя по письму, «партнер» вашего аналога знает много интересного. О результатах меня незамедлительно проинформируйте. Но в любом случае помните — за Землю отвечаете только вы. Персонально. Что бы там ни случилось. Ну, в крайнем случае повторим второй раз уже прожитый кусок истории. Скажу вам откровенно, следующие полвека были не лучшим временем. Возможно, мы сумеем что-то сделать несколько иначе.

Приятной прогулки по «планете детства» у Сильвии не получилось. Да она как-то и не вспомнила о мелькнувшем у нее желании.

Возвратившись в Лондон, она вначале хотела немедленно вызвать для доклада Лихарева, но, приняв горячую ванну с ароматическими солями, что привыкла делать после каждой, даже краткой, прогулки, решила не спешить.

Пусть агент поработает самостоятельно. Хотя бы

еще сутки-двое. Если будет результат — и сам не замедлит с докладом, если нет — придется ему помочь. И вообще, что такое день или неделя в сравнении с вечностью?

В том, что впереди у нее именно вечность, леди Спенсер почти не сомневалась. Судя по всему, Дайяна простилась с ней, исполненная благорасположения. Да и куда ей деваться? Связь с Метрополией потеряна, замены на Базе нет. Значит, и вопрос об отзыве с должности вряд ли возникнет. Да и в самом худшем случае она просто останется на Земле как «частное лицо».

Сильвия-2, как известно, успешно и не без удовольствия дожила до 1984 года, сохранив и молодость, и силу чувств, а теперь вот начала «следующий круг». Чего же ей-то вдруг грустить?

Служебные заботы можно отложить и на потом. Сейчас гораздо правильнее будет воспользоваться преимуществами нынешнего положения.

Леди Спенсер прислушалась к своим ощущениям.

Поразительно, ни малейших отрицательных эмоций не осталось. Скорее — все наоборот. Ее охватывало нечто вроде легкой алкогольной эйфории.

Свобода! Она наконец получила желанную свободу!

Возможно, что-то подобное мог чувствовать губернатор колонии, неожиданно узнавший, что далекий сюзерен низложен и он теперь в полном праве объявить себя полноправным монархом.

Проблемы, конечно, возникнут, но завтра, завтра! А сегодня — первый день независимости!

Вытираясь невесомым махровым полотенцем, она с удовольствием рассматривала в зеркальной стене свое отражение. Великолепное тело, даже и тридцать лет ему вряд ли можно дать. И, пожалуй, слишком давно к нему не прикасались мужские руки. Неплохо бы наконец встряхнуться как следует.

Завернувшись в халат, Сильвия позвонила, вызывая горничную.

— Спросите дворецкого, Дэзи, какие у нас есть приглашения на сегодняшний вечер, и пригласите, пожалуйста, парикмахера. Я собираюсь наносить визиты.

ГЛАВА 28

Припугнув спутника, который стал ему отвратителен, просто как хам офицеру, Власьев вел машину по узкой, заваленной снегом, но вполне проезжей просеке.

Под колеса ложилась прикатанная снеговая дорога, на которой едва ли разъехались бы две машины.

Высокие сугробы по сторонам розовели от вставшего над лесом солнца, и опять трудно было поверить, что это Берендеево царство, как писал о среднерусских лесах Пришвин, со всех сторон окружено опасным и враждебным миром, где вот-вот будет открыт очередной этап охоты за ними.

Власьев все меньше верил в то, что им удастся уйти из все время сжимающегося кольца, добраться до кордона, а потом и прорваться через границу.

Пока им да, везло, причем везло удивительно, и это вселяло определенную надежду, но одновременно и настораживало. До бесконечности счастливая карта выпадать не может.

В конце концов, все упиралось в Шестакова. Власьев еще в шестнадцатом году заметил за ним некоторые черты характера, излишние на строгой царской службе, но весьма полезные в эпоху смут и революций. Что он и подтвердил в Кронштадте в двадцать первом.

Но то, что бывший юнкер вытворял сейчас, выглядело как-то совершенно по-другому. И обнадеживающе, и даже несколько пугающе.

Нет, только не это! Последнее дело — думать о поражении, когда все складывается более чем хорошо. Пока что нужно продержаться час-другой, не потерять темпа, а уж потом...

...Мороз и солнце, день чудесный. Еще чуть-чуть поддать газку, выиграть лишних полчаса, которые, быть может, все и решают.

Власьев повернулся к вору, сумрачно дымящему отобранной у начкара папирсой.

Лицо у него, как только сейчас рассмотрел в утреннем свете Власьев, было смуглое, жесткое, давно не бритое, с просвечивающими сквозь несколькодневную щетину резкими морщинами. В углу рта поблескивает стальная фикса. На вид ему примерно сорок, но, учитывая биографию, можно как отнять лет пять, так и прибавить.

Пора уже поговорить по-настоящему.

— Давай так, кореш. Нам с тобой или жить недолго осталось, или, наоборот, кое-какие дела еще предстоят. Поэтому коротенько — когда начал, где сидел, какие планы на будущее имеешь и чем со мной считаешься?

— Опять ты мне опера напоминаешь, — вздохнул вор. — Счас я проверю, тогда и базарить будем.

Он крутнул ручку на дверце, опускающую стекло, высунул в щель ствол «нагана» и выстрелил в ближайшее дерево. В кабине запахло порохом, от соснового ствола полетели щепки.

— Пожалуй, да. Пушка в порядке, и маслята не гнилые. Легавые такого б не дали. Согласен, верю окончательно.

А что тебе сказать? Всю жизнь, считай, воруя, с самого семнадцатого года. Отец с германской не вернулся, мать как с Самары к сестре в Ростов уехала, так я ее больше не видел. Ходок у меня бессчетно, последний раз на Беломорканале «перековывался». Сейчас залетел — ребята серебро с завода выносили, на ложки переливали, царские пробы ставили, а я их в Москве в Торгсин загонял.

Нормально получалось, два года горя не знали, пока хмырь какой-то не допер, что царское серебро — 76-й

вроде бы пробы, а наше — «четыре девятки после нуля». Я сам не понимаю, что это значит, а легавые схватили. Парней посадили сразу, а меня взяли на той неделе, когда за товаром приехал.

И сразу — 58-я! Что ты — хищение соцсобственности в крупных размерах, да с оборонного завода...

— Добавь еще — с целью подрыва боеготовности страны и дезорганизации валютно-финансовой системы. Тут, брат, вышак чистый. По закону 7—8 (закон от 7 августа 1934 года), да еще можно применить указ от 1 декабря того же 34-го, а это уже суд без участия сторон, без права обжалования, в исполнение приговор приводится немедленно...

— Ну, ты законник, бя. Не слишком ли круто? Я на червонец рассчитывал...

— Можешь и дальше рассчитывать. Как раз до первого милицейского поста. И не забудь прибавить сегодняшнее — это еще три пункта 58-й, один из которых — групповой терроризм против представителей власти, а второй — соучастие агенту иностранных разведок... Это мне то есть, раз я в Финляндии успел побывать.

— Ну а третий какой? — со странным любопытством спросил вор.

— А любой выберешь — не ошибешься. Какой следователю больше понравится. Можно — шпионаж, можно — доноительство, можно — антисоветская агитация. Они отчего-то по три пункта вменять предпочитают...

— Наверное, в церковно-приходской хорошо учились, — догадался вор. — Ну, что Бог троицу любит.

— И это возможно. Ты у них здесь «на пианино поиграть»¹ успел?

— Нет. Раньше играл, в Сегеже, когда на канал привезли...

¹ «Играть на пианино» — сдавать отпечатки пальцев.

— Твое счастье. Если до Москвы не поймают, глядишь, обойдется. Хаза надежная есть, ксиву выправят?

— Тебе зачем? Тоже надо? — насторожился вор.

— Мне от тебя ничего не надо, — сплюнул под ноги Власьев. — А вообще, по закону-то, тебе теперь у меня в долгу ходить и ходить... Если ты вправду вор, а не сявка подзаборная...

— Нет, да чего, Пантелей, я ж не отказываюсь. Просто это, опасаясь, сам не знаю чего, а вот...

— Как раз чего теперь опасаться — куда как понятно. Ты, главное, не ошибись. Нам бы до Москвы добраться, а там поговорим по делу. Разок-то ты мне уж точно поможешь. Или нет?

— Да что ты, Пантелей, да какие вопросы? В Москве у меня корешей — море! Всем обществом поможем. Да когда я расскажу, с кем судьба свела...

Власьев уже понял, что его судьба свела с не слишком серьезным и авторитетным «деловым». Хотя кто его знает, не лепит ли и его случайный спутник горбатого так же, как и он сам сейчас? Нестыковка выходит по поведению и психологии.

Но сейчас главное — доехать до Москвы. Там посмотрим.

И он замолчал, не обращая больше внимания на соседа — пусть, если хочет, думает о случившемся, а надо будет, сам и заговорит.

Власьеву же, привыкшему за семнадцать проведенных почти что в лесном скиту лет, опять нужно было порефлексировать.

Недавно пережитый страх, вернее — отчаяние, который он испытал в кольчугинской КПЗ, был куда сильнее, чем в камере кронштадтской гауптвахты. Там — молодость, боевой азарт, вера в Белое Дело, готовность претерпеть «за веру, царя и отечество».

А на этот раз — прежде всего ощущение бессмысленности происшедшего. Жил, мол, жил, хорошо там

или не очень, но все же. И вдруг поддался на старости лет неизвестно какой идее, пошел на поводу у обиженного властью приятеля (из них же!), и что теперь?

Вся оставшаяся жизнь сжалась вдруг до недели, двух, ну пусть месяца, провести которые предстоит в мерзких, вонючих камерах, в общении с нечеловечески жестокими следователями, и закончится все... Чем?

Он не знал, как сейчас принято у большевиков — в лоб стреляют приговоренным или в затылок.

И вдруг — возвращение Шестакова. Совсем как тогда. Одного его незаметного движения руки было достаточно, чтобы поверить — старый друг не выдаст, сделает все, чтобы спастись самому и спасти его, старейта Власьева.

Но. Если в тот раз, в двадцать первом году, Шестаков рискнул бескорыстно, по старому, несоветскому правилу «сам погибай, а товарища выручай», то теперь что?

Теперь нужно не допустить подобных промахов впредь.

— Слышь, браток, — обратился он к Коляну, — а в том Торгсине, куда вы ложки скидывали, там по вечерам как, много рыжьи и денег скапливается?

Вор посмотрел на него со свежим интересом. Догодываясь о смысле вопроса.

— Знаешь, вот этим я не интересовался. Не мой профиль, и самый же центр, Смоленская площадь. Но думаю так — поутру, к открытию, у них там в кассе только боны, на которые жратву и барахло дают. Ближе к закрытию — наоборот, рыжье, серебро, валюта. А советские башли — даже и не знаю, бывают они там вообще... А ты что, сильно жохом ходишь?

Власьев, вошедший в одну из тех ролей, к которым почти два десятка лет себя готовил, трижды хрипло кашлянул, как бы изображая то ли смех, то ли возмущение.

ние неуместным вопросом нижестоящего по иерархической лестнице сотоварища.

— Вообще-то у нас за такие вопросы кишки на телефонную катушку наматывали... — раздумчиво сказал он и тут же резко крутнул руль, объезжая глубокую выбоину на проселке. Задним правым колесом он в нее все же попал, да так, что оба они чуть не пробили головами фанерную крышу кабины.

— Да нет, ты что, — прошипел вор, сплевывая кровь от прикушенного языка. — Я думал так, по-простому поговорить..

— А если по-простому, то доберемся до Москвы — если, чтоб не сглазить, тогда и поговорим.

Доехали. И даже без происшествий. Сначала до глухой станции Берендеево Ярославской дороги, чуть севернее узловой станции Александров, на окраине которой свалили в овраг машину и побросали в снег винтовки, а потом, рабочим поездом, и до Москвы.

Не подверглись даже и проверке документов, потому что соскочили возле Депо, где валила густая толпа пригородного народа, расходясь по многочисленным тропинкам к дыркам в заборе справа и слева от платформы. Никаких вохровцев не наставить, чтобы всех отследить.

Вышли к началу Большой Переяславки и побрели переулками в сторону Мещанских улиц.

— Все, здесь — расканались, — сказал случайным спутникам Власьев. — Спасибо, как говорится, за компанию. Тебя где найти? — ткнул он пальцем в грудь вора. — Да не менжуйся ты, почаще вспоминай, где сейчас вот был бы, если б не я. Говори, а то мало ли как еще повернется...

— Да нет, я не понимаю, что ль? Приходи на Тишинку. Там такой есть Электрический переулок. Дом 5. Постучишь, меня спросишь. Я предупрежу. Скажут, что и как.

— Вот и лады. До встречи, братан. И, как мой дед говорил, почаще води ухами...

— Чем-чем?

— Вот этими, — он показал пальцем. — Ушами, по-научному выражаясь...

— Понял, спасибо за совет, — и уже повернулся, чтобы уходить, как нарком его снова окликнул:

— А это вот — тебе нужно? — и вытащил из-за отворота пальто стопочку документов.

— Что такое?

— Да ксивы ж ваши. Которые легавые в сопроводительном пакете везли. Паспорт на имя гражданина Копылова Семена Денисовича, со спецотметкой минус семь, твой, что ли?

— Ну, мой...

— И еще пять. Забирай все. Может, и пригодятся. Тут еще и выписки из следственных дел... Тоже чего-нибудь стоят?

Похоже, вор уже испытывал идиосинкразию к чересчур навязчивым спасителям. Но ведь, с другой стороны...

Он не нашел ничего лучшего, как еще раз вымученно улыбнуться, принимая документы, даже поклонился слегка.

Наконец расстались и с вором, и с державшимися всю дорогу чуть поодаль его молодыми подельниками.

ГЛАВА 29

Лихарев помог Буданцеву стянуть гимнастерку, причем сыщик шипел сквозь зубы и сдержанно матерился — кое-какие удары резиновой дубинки просекли кожу, и нательная рубашка присохла к ранам. На желтоватой бязи расплылись грязно-розовые пятна сукровицы.

— Вот тебе, Иван Афанасьевич, революционная це-

лесообразность на практике. — Валентин неожиданно перешел на «ты», и Буданцев после всего пережитого воспринял это как должное. Но решил, что и сам ответит тем же. — Ты по своей неизжитой буржуазной законопослушности, как дурак, третий день достоверные улики ищешь, а тут раз-два — и готово. Как миленький признание бы подписал в ближайшее время.

— Не понимаю, — продолжал удивляться сыщик. — Ну и «признался» бы, а что толку?

— А ничего. Следовательно свое дело сделал. И передал бы тебя кому-то другому, из другой службы, кто вместе с тобой отправится брать Шестакова по указанному адресу. Желательно — подальше.

— И? — продолжал настаивать сыщик.

— Ты что, в детском саде до сих пор живешь? Никакого наркома они бы там, естественно, не нашли, снова тебя в оборот взяли, чтоб признался, зачем врешь. А дальше как получится. Повезет твоему следователю — про него больше не вспомнят, с крайнего спросят. У них сейчас один принцип — умри ты сегодня, а я завтра. А может, и не так. Дали твоему капитану приказ — за сутки разобраться и доложить. Он уже понял, что дело мертвое, и бил тебя просто от отчаяния, что из-за такой вот сволочи самому пропадать придется. И решил, по крайней мере, материал на Шадрина, Заковского, кого-то еще выколотить. Наркома, извините, не удалось, они его давно в Москве-реке утопили, теперь, пока лед не сойдет, ничего не сделаешь, а очередной разговор — вот он, по фигурантам расписан.

— А что, не так уж и глупо. Сейчас январь, лед сойдет в апреле, а за это время — ого-го.

Буданцев действительно плохо представлял эту механику, всю сознательную жизнь занятый ловлей реальных преступников. Догадывался, конечно, что чекисты не брезгают туфтой, в политических делах без этого не обойтись, где причастность к враждебным классам зна-

чит больше конкретной вины каждого отдельного человека, но, когда столкнулся с этим непосредственно, испытал на собственном горбу, в буквальном смысле.

— Беда в том, что лично мне Шестаков нужен непременно живым, и я стопроцентно знаю, что он жив, — сообщил Лихарев.

Он тщательно осмотрел все кровоподтеки и раны Буданцева, напустил в ванну горячую воду, высыпал в нее какие-то разноцветные, остро пахнущие порошки. А в довершение надел ему на запястье широкий черный браслет со светящимся желто-зеленым окошком.

— Это что?

— Прибор медицинский новейший. Лечит с помощью электромагнетизма. У тебя образование какое?

— Не очень пролетарское, — усмехнулся Буданцев, садясь в зеленоватую пышную пену. — Реальное училище, а потом полугодовые курсы юристов при Первом МГУ.

— Многовато для члена «ордена меченосцев», — без иронии сказал Лихарев. И был прав. В описываемый период почти две трети сотрудников центрального аппарата НКВД писали в анкетах в соответствующей графе: «низшее», «домашнее», а какой-то мудрец выдумал изящную формулу — «несистематическое». И ничего, успевали сделать приличную карьеру до почти неизбежной «стенки».

Боль в спине и боках прошла почти сразу, и Буданцев блаженно расслабился, его потянуло в сон. Необыкновенно приятно и в то же время удивительно было видеть вокруг кафельные стены цвета морской волны, высоченный потолок, начищенную бронзу кранов и труб, огромное овальное зеркало над ванной и другое, поменьше, над широкой чашей умывальника, пушистые полотенца и купальные халаты на вешалке у двери.

Словно не в квартире ответственного сотрудника ЦК партии находился этот «храм гигиены», а в особня-

ке великосветской кокотки, промысляющей собственным телом, которое необходимо постоянно поддерживать в состоянии «полной боевой готовности».

Особенно же нереальным все это казалось после тесной камеры, где он находился меньше часа назад, и уж никак не помышлял о столь волшебном повороте судьбы.

Буданцев уже с полной уверенностью подумал, что жизнь его по неведомой причине изменилась круто и безвозвратно, к добру или к злу — пока неведомо, но что скучной она не покажется — это уж точно.

Ощущая удивительную легкость и бодрость во всем теле (и одновременно — желание немедленно очутиться в чистой, хрустящей простынями постели, именно здесь, в этой квартире, чтобы насладиться покоем и безопасностью), сыщик сидел напротив Валентина в малой столовой, пил чай с ромом и жевал бутерброды с икрой, холодным языком и сыром. На выбор или все подряд, как захочется.

— Обстановка кое в чем осложнилась, Иван Афанасьевич, — объяснял ему Лихарев, — но в общем стала куда понятнее. Главное — фигурант наш жив, здоров и никуда не делся. Значит, не сегодня-завтра мы его достанем.

Тебе, конечно, придется какое-то время в моей конторе поработать, поскольку ни домой, ни на Петровку тебе хода нет. Товарищ Ежов, представляю, как рвать и метать начнет, когда ему предъявят ордер с собственноручной подписью. Уж и не знаю, кого он злее ловить станет, Шестакова или нас с тобой. — Валентин не засмеялся, а так, слегка скривил губы, демонстрируя пренебрежение к усаженному очередной раз в лужу наркому.

— Скажи, кто ты такой все же есть, Валентин Валентинович? — поинтересовался Буданцев. Передернул

★ плечами. Совершенно никакой боли, словно и не касался его следователь дубинкой.

— Зачем нам сейчас это обсуждать? — ответил Лихарев спокойно. — Мои документы ты видел. Возможности тоже. Вот покончим с этим делом, сочтемся славою, а потом и о прочих интересных вещах будет время поговорить. Помнишь как у О'Генри в «Королях и капустах»?

— Ну ладно, ладно, не буду ни о чем спрашивать, но все ж таки одно меня особенно занимает — выходит, ЦК, хотя бы в твоём лице, воюет против своего же секретаря, исполняющего на данном этапе роль «карающего меча революции»? Забавно.

— Не так уж и забавно. Кого-то, мне помнится, Владимир Ильич называл в своём завещании, вам, увы, неизвестном, «любимцем партии»? И где он сейчас? Или товарищ Тухачевский, «маршал революции», товарищ Примаков, «предводитель красного казачества».

Пора бы сообразить, милейший Иван Афанасьевич, что враги у нас на самом деле не выявляются, а назначаются, по мере необходимости и с учётом текущего момента. Тебе это удивительно слышать?

— Не так чтобы очень. Просто я думал, что для этого достаточно самого НКВД.

— Что ты, что ты... А если в нём самом заведётся гниль, что уже, кстати, в позапрошлом году и имело место?

— Хм! — Буданцев выпил уже достаточно «чаю по-адмиральски» (то есть после двух-трех глотков крепкого индийского чая доливая в него столько же душистого ямайского рома), чтобы сохранить способность удивляться откровениям, за которые простым смертным полагалась безусловная вышка через «Особое совещание».

— Ты, значит, принадлежишь к совсем уже высшей касте, безошибочной и безгрешной?

— Да где уж мне? — Лихарев только что руками не

замахал в притворном ужасе. — Только не нужно ловить собеседника на ваших муровских штучках. Что ты классный профессионал, я и так знаю. И когда можно будет, сам расскажу. Сейчас — не время.

А чтобы ты немного успокоился — вот тебе сравнение. Врачи говорят, что самые точные диагнозы ставят патологоанатомы. Только не совсем вовремя. А я как бы из них же, но — ухитрюсь успевать. Таким вот образом.

И хватит, хватит тебе чаи гонять. Как сказано у Пруtkова — ничего не доводи до крайности. Постель тебя ждет, именно такая, о которой ты мечтаешь. И до восьми утра я тебя не потревожу. А засим — извольте отрабатывать очередной хлеб с маслом.

А со следующего утра события завертелись с неожиданной скоростью. Хотя и были они с Буданцевым теперь лишены большей части своих возможностей, не могли больше привлекать к поиску почти неограниченное число людей и из милиции, и из УГБ, но информация к ним по-прежнему поступала в полном объеме.

Оперативные сообщения о событиях в городке Кольчугине пришли одновременно и в 7-й отдел 1-го управления ГУГБ, и в Главное управление Рабоче-крестьянской милиции.

Были они составлены второпях, не содержали пока почти никаких подробностей и тем более выводов. И в той, почти истерической, суматохе, что царила сейчас на доброй половине Лубянского дома, мало кого заинтересовало сообщение об убийстве провинциального уполномоченного и побеге с этапа нескольких подсудимых. Не до того. Есть облУНКВД, пусть само и разбирается.

Только Буданцев почти мгновенно связал «ЧП районного масштаба» с «делом наркома». Потому что толь-

ко он непрерывно думал об этом уже пятые сутки и смог мгновенно сопоставить сообщение и слова Лихарева о появлении похожего по приметам человека (об излучении матрицы тот, конечно, не упомянул) в близких окрестностях Москвы.

Этот факт очень хорошо ложился на его версию о том, что Шестаков скрывается в дачных поселках. И удивительная дерзость побега из тюремной машины настоятельно требовала. Невероятная ловкость неизвестного, странным образом проникшего в машину, обезоружившего опытный и хорошо вооруженный конвой, чем-то напоминала ему стиль действия беглого наркома.

Но с этого момента вопрос становился уже крайне конкретным — нарком ли он? Мог ли быть тот, кого они ищут, одновременно и наркомом, и этим вот «специалистом»?

Буданцев тут же позвонил по междугородному телефону в Кольчутинский райотдел милиции.

Аппарат в кабинете Валентина обеспечивал удивительную чистоту и громкость связи. Совершенно не требовалось стучать по рычагу, дуть в трубку и кричать, как Бывалов в кинофильме «Волга-Волга».

Со своими коллегами Буданцев разговаривать умел и, представившись подлинным именем и должностью (таиться было ни к чему), за двадцать минут вытянул из них все интересующие подробности.

Картина вырисовывалась более чем увлекательная. Неясно пока было одно — за каким дьяволом потребовалось Шестакову вообще появляться в совершенно ничем не примечательном городке.

Кроме наличия там двух полусекретных заводов, абсолютно ничем не мог он привлечь ТАКОГО человека. Разве только...

Буданцев привычно схватил лист бумаги.

Впервые в «деле наркома» обозначился сообщник. И конвоиры, и этапиремые в один голос утверждали,

что и убийца уполномоченного Рыбина, и его сообщник явно давно и хорошо знакомы.

Возможно, для того, чтобы встретиться с этим человеком, Шестаков и приехал в Кольчугино? Но что может связывать наркома и похожего на бандита бродягу? Если только это бродяга. Но если нет, то кто? Бежавший из заключения старый приятель, человек его круга?

Как ни напрягался Буданцев, он не мог вспомнить в биографии Шестакова ни одного человека, подходящего на такую роль. Жаль, что больше нет возможности покопаться в его анкетах, в разное время писанных автобиографиях. Вдруг что-нибудь важное он пропустил?

— И что будем теперь делать, Иван Афанасьевич? — спросил Лихарев, выслушав его соображения.

— Что же, судя по всему, они двинулись в сторону Москвы. Клички уголовников, что пошли с нашими «клиентами», я знаю. Придется мне обратиться к своим осведомителям. У меня их, как у всякого нормального опера, достаточно. Почти наверняка в ближайшее время на одной из «малин» он проявится. А тогда уже...

— Бог в помощь, как говорится. Работайте. А я своими вопросами займусь. Смотрите только, чтобы вас самого ежовские ребята где-нибудь не прихватили.

— Да уж как-нибудь.

Одевшись в самую заношенную из той, что можно было найти в гардеробе Лихарева, одежду, Буданцев отправился по известным адресам.

Валентин, оставшись на Столешниковом, включил свой «шар», на который возлагал гораздо больше надежды, чем на старомодные методики сыщика. Впрочем, одно другого не исключало.

Возвратился Буданцев уже под вечер. Усталый, но почти счастливый. Лихарев даже удивился — насколько этот человек увлечен своей профессией, раз способен испытывать чистую радость, взяв след дичи.

Наверное, не так уж не правы были те, кто дал

таким, как этот сыщик, презрительную, а может, и уважительную в чем-то кличку «легалые».

Сам он просто исполнял свою работу, как мог профессионально, но не вкладывая в нее ничего личного.

— Все один к одному, Валентин Валентинович, один к одному! Полдня, как Косой в Москве появился, а звон уже пошел. Давно ничего похожего не случалось, вот деловые и оживились. Гуляет Косой в Марьиной Роще, всем, кто нальет, хвастается, как он с боем, на рывок, с этапа ушел. Да не с кем-нибудь, с самим Ленкой Пантелеевым! Питерским.

— Пойдите, с каким это? — Память у Лихарева была абсолютная, одного лишь имени хватило, чтобы вспомнить все подробности питерской эпопеи начала двадцатых годов, когда знаменитый налетчик терроризировал северную столицу, нагло и дерзко грабил нэпманов, изображая из себя современного Робин Гуда, многократно уходил из милицейских засад и ловушек. Венцом его карьеры был побег из камеры смертников в знаменитых «Крестах». — Так он же вроде...

— С тем самым. И что шлепнули его — абсолютно достоверно. Я в Ленинграде, в тамошнем утро, все материалы видел. Фотографии, рапорты, протокол опознания трупа и все остальное тоже. Убит он, пятнадцать лет как убит, нормальные люди про него и думать забыли. Хотел бы я знать, чего ради нашему наркому про него вспомнить вздумалось. Если для авторитета, так можно и посвежее, и погромче имена найти.

— Для того и вздумалось. Чтобы страшнее и загадочнее. И без риска попасться. Вору-то настоящие легенды про Пантелеева помнят, а в лицо его наверняка никто не видел. Вот вам все сразу — и авторитет, и сказочка про воскресшего налетчика. А что, звучит. Ну и где же он теперь, не выяснили?

— Пока — нет, — развел руками Буданцев. — Но если появится... Косой ему свой адресок дал и всю бра-

тву оповестил, что не сегодня-завтра Леонид его гостем будет. И тогда такие дела начнутся. Вся Москва на уши встанет.

— Не глупо, совсем не глупо, — покивал головой Лихарев. — И весьма похоже на правду. — Он помолчал немного. — Потому что, по моим данным, наш нарком находится буквально в двух-трех километрах отсюда, вряд ли дальше.

— Да вы что?! И знаете — где? Тогда нужно готовить план захвата.

— Увы. Где конкретно — пока не знаю.

Не мог же Валентин сказать, что засек он наркома с помощью инопланетного прибора, который, к сожалению, существуя здесь в единственном числе, свойствами подлинного пеленгатора не обладает. Вот было бы их хотя бы три.

Поэтому он ответил в доступных сыщику понятиях:

— Мои помощники зафиксировали телефонный звонок Шестакова одному из его знакомых. Звонил из автомата в пределах Садового кольца. К сожалению, разговор был очень короткий и довольно бессодержательный. Возможно — шифрованный.

— Тогда нужно брать под плотный присмотр этого друга.

— Спасибо. Без вас бы я не догадался. Поэтому вы пока отдыхайте, время есть, а я, в свою очередь, займусь кое-какими приготовлениями. Ждите моего звонка. В случае чего — пять минут на сборы, и все дальнейшие указания выполнять беспрекословно и не задумываясь.

Буданцев хотел было возразить, что не привык к такому тону и так далее, но вовремя спохватился. Не в его положении хорохориться. Было время убедиться в способностях и возможностях Лихарева. Говорит — так, наверное, знает, что и зачем.

Молча кивнул и отправился на кухню заваривать себе чай. На этот раз — без рома.

Лихарев решил, что пришло время воспользоваться помощью Сильвии. Ему требовалось как минимум еще два прибора, аналогичных «шару», чтобы четко запеленговать Шестакова. Но сразу же возникал вопрос — чьей добычей в таком случае станет нарком, и не только сам он, с которым Валентин уже связывал далеко идущие планы, а и та личность, которая таилась внутри его мозга. Это ведь благодаря ей вполне обычный советский функционер приобрел характер и способности средневекового японского ниндзя. Нельзя отдавать его в чужие руки.

Здесь уже в Лихареве заговорил человек, гораздо более заинтересованный в собственной выгоде, чем в успехах вышестоящего начальства. В конце концов за СССР отвечает он, и неизвестно, какие проблемы придется решать в ближайшем будущем. В случае неудач спросят по полной программе именно с него, и никому не интересно будет вспоминать его прошлые заслуги.

Поэтому Валентин решил, что стоит попробовать обойтись собственными силами. Взять наркома, разобратся с ним поближе, а уж потом, если потребуется, докладывать «наверх».

Инженером он был хорошим, куда лучшим, чем кто-либо другой на Земле в это время, и не прошло и двух часов, как он придумал схему пеленгации, пусть и не такую совершенную, как с тремя «шарами», но, по расчетам, достаточную, чтобы засечь местонахождение объекта с точностью до двух-трех сот метров.

Валентин разыскал в своей мастерской подходящую по размерам бакелитовую коробку, просверлил на верхней крышке три отверстия и вывел в них сигнальные глазки-индикаторы от радиоприемника. Ближе к заднему краю закрепил обыкновенный армейский компас системы Адрианова в медном корпусе. Внутри ко-

робки вставил четыре батарейки от карманного фонарика, соединил их особым образом разноцветными проводами с индикаторами, двухпозиционным тумблером и пружинными лапками-зажимами. Прозвонил тестером схему странного устройства. Выглядело оно в точности как творение радиолюбителя из районного Дома пионеров, но Лихарева вполне удовлетворило. В заключение он вложил в зажимы свой золотой портсигар и туго затянул крепящие крышку винты.

Риск, конечно, был, и немалый — доверить обыкновенному человеку важнейший прибор, без которого аггрианскому резиденту на Земле делать нечего.

Но — другого выхода сейчас не было, а в случае чего Валентин сможет его найти и вернуть, даже если прибор попадет в руки чекистов. Воспользоваться им по назначению или даже испортить непосвященному было невозможно. Разве что кто-то решит просто переплавить портсигар на металл и сунет добычу в тигель или муфельную печь.

Но это — вряд ли, ценность украшенного сапфирами изделия неизмеримо выше стоимости слитка золота, что должно быть понятно любому дураку (достаточно умному, чтобы завладеть «портсигаром»).

«Шар» устойчиво фиксировал присутствие объекта в пределах города.

— Ну, Иван Афанасьевич, придется тебе еще поработать не по специальности. Возьмешь сейчас мою машину с водителем и сделаешь первый круг, примерно по линии Окружной дороги. Попробуем поискать нашего наркома с помощью технических средств. Машинка нехитрая, но сверхсекретная, поэтому из рук ее не выпускай ни при каких обстоятельствах. Шофер — человек надежный, и охрану обеспечит, и переговоры с представителями власти на себя возьмет, если возникнет такая необходимость. Твоя задача — через каждые, скажем, пять километров направлять пеленгатор вот

этой стороной на центр города и включать тумблер. Если загорится одна из лампочек — засекай по компасу азимут. Умеешь?

— Да уж как-нибудь, — обиделся Буданцев.

— Тогда вперед. Дело долгое и не слишком веселое, но результат может получиться вполне интересным.

Буданцев возвратился около семи часов вечера, и Валентин тут же, вооружившись линейкой и транспортиром, принялся переносить полученные данные на большую, совершенно секретную карту Москвы.

Сколько он жил в СССР, столько и поражался неизвестно откуда взявшейся и неизвестно какие цели преследующей мании секретности, охватившей буквально все сферы здешней жизни.

Вот те же и карты. В любой цивилизованной стране в обычном магазине можно купить точно такую, как эта, разложенная на круглом обеденном столе, однако...

Можно подумать, что тысячи сотрудников соответствующих служб более всего на свете озабочены, чтобы простой советский гражданин, упаси бог, не узнал точное расстояние от Белорусского вокзала до Красной площади или под каким углом расходятся улица Горького и Неглиная.

— Вот и пожалуйста, — закончив труды, поднял Валентин голову от исчерченной красными линиями карты. — Последние пять часов наш «друг» маневрировал в этом квадрате. — Лихарев накрыл ладонью пространство между Колхозной площадью, Курским вокзалом и Ильинкой. — Район обширный, но показателен сам факт. Теперь давайте думать вместе. Почему именно здесь, какие объекты привлекают его внимание?

Буданцева гораздо больше интересовал сейчас сам метод поиска, нежели местонахождение Шестакова. Нет, оно, конечно, тоже, но особенно способы пеленгации. Он представлял физический смысл явления, знал, что радиопеленгация применялась еще в мировую вой-

ну, и все это время пытался догадаться, что в данном случае играет роль излучателя.

Нельзя же вообразить, что нарком таскает за плечами постоянно включенную радиостанцию. Так он и спросил.

— Об этом мы еще поговорим, Иван Афанасьевич, и даже обязательно. Но не сейчас. Времени у нас нет совершенно. Где гарантии, что нарком вновь не вскочит в автомобиль или поезд — и адью! Дальность у моего прибора — тридцать километров максимум.

Лихарев понимал, что долго морочить голову такому умному человеку, как Буданцев, ему не удастся. Другое дело, что выводы, к которым может прийти сыщик, будут самыми фантастическими, никакого отношения к реальности не имеющими, но тем хуже. Последствия его размышлений тоже могут быть непредсказуемыми. И, значит, придется от него или избавляться, или — за-вербовать.

Под какой легендой — тоже придется подумать. Буданцев ему нравился, и, если все пройдет благополучно, помощник из него выйдет хоть куда. А если еще вкупе с Шестаковым... Очень интересные вырисовываются перспективы.

— А что касается вопроса, что и где нарком делает, — ответил Буданцев, — не вижу ничего странного. Варианты, конечно, могут быть разные, но в указанном квадрате располагаются и его квартира, и наркомат. С большой вероятностью можно предположить, что ему очень нужно что-то именно там. Ваши приборы в состоянии сузить район поиска?

— Хочь на это надеяться. Поэтому сейчас мы сделаем вот что... — Лихарев импровизировал на ходу. — Людей у меня чертовски мало, и пеленгатор только один. Но мы попробуем заставить НКВД поработать на нас втемную. И, если повезет, покончим сегодня с этим делом.

ГЛАВА 30

— Фу, слава богу, — с облегчением выдохнул Власьев, — как я устал с этими типами выкобениваться. Прямо язык поломал. Думал, легче будет...

— Аврелия помните, который философ и император? Что-то он говорил подходящее к нашему случаю. За точность не ручаюсь, но кажется так: «Приспосабливайся к обстоятельствам, выпавшим на твою долю. И от всего сердца люби людей, с которыми тебе суждено жить». Вот из этого и исходите, Николай Александрович. А сейчас какие у нас планы?

Власьев остановился и развел руками.

— У нас в Корпусе Аврелиев не изучали, но мысль верная. В первой своей части. Что же до второй... Не обессудьте...

— Да не стойте вы, не стойте, здесь главное — в потоке движения держаться, не выделяясь из народа. А если что — помню, мне один вольнодумный гэдэушник еще тогда говорил, — Шестаков махнул рукой, обозначая вегетарианские времена раннего Ягоды, — если бы люди умные были, когда их на улице арестовывать станут, первое дело — вырываться, орать погромче, что угодно, да хоть — «караул, грабят», и в девяноста случаях из ста сотрудники растеряются и оставят вас в покое. В данный момент, конечно. Ну а дальше от вас зависит — как сумеете.

— Значит, и среди них нормальные люди бывают? — словно бы удивился Власьев. — В том смысле, что раз он вам это говорил, то больше арестуемым почувствовал, чем своим коллегам?

— Как и в любых кругах общества. Патологические типы всегда составляют меньшинство. Остальные просто делают дело, к которому их приставили. Невзирая на собственные убеждения.

— Да уж... — не то согласился, не то выразил неко-

торое сомнение Власьев. — Так, а все же, сейчас-то куда?

— Вы есть хотите? — вдруг спросил Шестаков, и Власьев только тут вспомнил, что пресловутая маковая росинка была у него во рту как раз сутки назад. До этого мысль о столь простой и насущной вещи в голову ему не приходила. Что и неудивительно. — Тогда предлагаю найти совершенно невыразительную забегаловку, типа привокзальной извозчицкой чайной, чтобы абсолютно внимания не привлекать, перекусить как следует, а с наступлением темноты...

Темнота наступила, как и положено в середине января, около пяти часов пополудни. К этому времени друзья, чтобы не примелькаться, перебрались уже в третье заведение, постепенно смещаясь к центру города.

В одной столовой они выпили по соточке водки и закусили щами с куском сомнительного происхождения мяса, потом, прогулявшись по крепчающему морозу, на углу Самотечной и Цветного бульвара под следующую сотку побаловались «бигосом», состоящим из тушеной капусты с мелко накрошенной картошки с салом. Невзирая на голод, Шестаков жевал эти общепитовские изыски без энтузиазма.

И уже когда они вышли к Неглинной, Власьев позволил себе наконец спросить (а до тех пор воздерживался, пока не разморило):

— Ночевать-то где будем, вам, Гриша, известно или к ворам на поклон пойдем?

— Обязательно и всенепременно знаю. Только еще час-другой по улицам побродить придется и в магазин зайти, поскольку смертельно мне кофе захотелось, хорошего сыра и коньяка. Ничего нет лучше перед сном. И папирос приличных.

Сказал и опять привычно удивился сказанному. Как раз таких вкусов у него никогда и не было. На ночь он обычно пил крепкий чай с тремя ложками сахара на

★ стакан, а есть так и вообще не имел по вечерам привычки. Но Власьев его поддержал, заметив только, что подобный ужин требует и соответствующего места. Не в подворотне же и не в заезжем дворе для колхозных крестьян при Центральном рынке «мо́кко» с армянским коньячком баловаться.

— За это — прошу не беспокоиться, ваше высокоблагородие... — последние слова он произнес неожиданно громко и увидел, как вздрогнул и ускорил шаг случайно оказавшийся рядом совслужащий.

Денег у них с собой было около пяти тысяч рублей, считая те, что прихватили в кассе гостиницы. По здешнему времени — на пару месяцев очень приличной жизни, а если исходить из того, что либо удастся задуманное, либо все равно пропадать, так просто очень много. Невпоровот.

Для удовлетворения заявленных потребностей зашли они не в обычный районный гастроном, возле которого, как всегда и везде, тянулась по тротуару длинная очередь утомленных всем на свете людей, озабоченных скромной надеждой купить на свои жалкие деньги хоть ливерной колбасы, а в совершенно свободный от покупателей, сверкающий зеркальными витринами коммерческий магазин.

Шестаков по долгу службы читал постановления и закрытые письма об обострившейся в стране продовольственной ситуации, о введении взамен карточек «норм отпуска продовольственных и промышленных товаров». Слышал, что это повлекло рост нездоровых настроений среди несознательных элементов, вследствие чего имелось указание очередей отнюдь не допускать, а буде таковые возникнут — разгонять их силами милиции и негласного оперсостава.

Но все это интересовало его очень мало, хватало «настоящих» забот, а реальную обстановку он понял

только в последние дни, как принц из книжки Марка Твена, внезапно ставший нищим.

Шестаков на пленумах и съездах предпочитал радоваться вместе с товарищем Микояном, наркомом торговли и пищевой промышленности, сводкам о крепнущем благосостоянии советского народа.

Теперь же увиденное напомнило ему «хвосты» за хлебом на улицах Петрограда в конце шестнадцатого года, которые, как известно, и привели к Февральской революции.

Но здесь уж точно не приведут.

Хватило бы у царя ума устроить парочку показательных процессов против наиболее одиозных министров и царедворцев, не обеспечивших снабжение столицы, с непременными расстрельными приговорами, глядишь бы, и обошлось...

А в коммерческом было хорошо. Почти как в цэковском закрытом распределителе.

Внутри полукруглых застекленных витрин на прилавках и на полках позади них громоздились пирамиды отборнейшей снеди, батареи бутылок, причудливые башни из консервных банок, плиток шоколада, пачек печенья.

Скучающие продавщицы в белых халатах и наколках оживились было при виде вошедших мужчин, но тут же потеряли к ним интерес.

Слишком непрезентабельно они выглядели. Купят в лучшем случае бутылку водки и грамм двести вареной колбасы, да и то если не испугаются обозначенных на этикетках цен.

Однако Власьев, считавший себя более опытным в реальной жизни, нежели бывший нарком, направился к прилавку уверенным шагом. Изображая из себя то ли только что вернувшегося в Москву полярника, то ли сибирского артельного золотоискателя. Бывали тогда и такие.

— Ну-ка, девушки, отвесьте нам...

Нагруженные кулками и пакетами друзья вышли на улицу, распечатали коробку «Герцеговины флор». Гулять так гулять.

— Теперь берем такси, и поехали...

Пробудившиеся и окрепшие навыки специалиста тайного фронта стали Шестакову настолько привычными, что пользовался он ими уже автоматически, уверенный, что не подведут.

Попросил водителя остановиться на площади перед Курским вокзалом, да еще и говорил перед этим с Власьевым исключительно о предстоящем путешествии в Ростов. На всякий случай.

Когда вышли из машины, сначала направился к ярко освещенному вокзальному входу и, только смешавшись с массой отъезжающего и прибывшего в Москву народа, резко свернул вправо, увлекая за собой товарища.

Через десять минут они стояли в обширном и темном дворе восьмиэтажного дома, прячась за трансформаторной будкой.

С чувством легкой, уже отстраненной печали бывший нарком смотрел на некогда родные окна квартиры, в которой прожил почти шесть лет. И первые два-три из них были, пожалуй, счастливыми.

Метров пятьдесят до двери черного хода пройти было желательно так, чтобы не попасться на глаза дворнику или, хуже того, человеку, которого могли поставить для наружного наблюдения за жилищем «объекта».

А снег, как назло, перестал идти еще со вчерашнего дня. И двор, освещенный яркой лампой на столбе у подворотни, был виден как на ладони, если можно так выразиться.

— Идите, Николай Александрович, — подтолкнул Шестаков Власьева. — Не спеша, будто местный житель, и лучше — выпивший. Поднимитесь на четвертый

этаж и, если все будет тихо и спокойно, махните мне рукой в окошко.

— А если — нет? — будто бы пошутил лейтенант.

— Тогда — не машите.

Однако все обошлось, и Шестаков вскоре стоял рядом с Власьевым у задней двери своей квартиры.

На крутую довольно грязную и воняющую кошками лестницу с цементными ступенями и тонкими металлическими перилами на каждом этаже выходило всего по две двери.

Было время, когда всякая приличная квартира оснащалась таким вот «черным ходом», чтобы прислуга по хозяйственным делам ходила по своей лестнице, а господы — по своей, широкой, чистой, застеленной ковровой дорожкой. И чтобы пути их ни в коем случае не пересекались. В самом деле — у людей, допустим, торжество какое, и сам директор департамента приглашен, действительный статский советник, а навстречу ему кухарка Дарья с ведром помоев или дворник Михей с охапкой дров. Хорошо ли?

Советская власть, разумеется, с этим безобразием покончила, черные лестницы в новых домах строить перестала, поскольку господ теперь нет, а равноправным товарищам на чужие поганые ведра смотреть незачем, но вот в старых домах их замуровать и заколотить удосужилась не везде. Особенно — в квартирах ответработников и лиц, к ним приравненных.

У Шестакова в квартире эта дверь использовалась крайне редко и была обычно заперта изнутри довольно солидным медным засовом с навесным замком, тоже дореволюционной еще работы.

И, покидая свой дом, как ему казалось — навсегда, нарком все же, подчиняясь непонятному импульсу, задержался на несколько минут, вывернул крепящие засов шурупы, перекусил их плоскогубцами, а шляпки вставил на место.

Выходит — знал, что еще вернется? А откуда?

И теперь достаточно было резко дернуть покрытую коричневой шелушащейся краской дверь, как она открылась с негромким скрипом.

Что и требовалось доказать.

Они вошли.

— Ловко, — сказал Власьев. — Предусмотрительно. Значит — с той стороны казенная энкавэдэшная печать, а здесь — пожалуйста. Не устаю восхищаться.

— Чего уж тут, — устало ответил Шестаков. Ему сейчас не хотелось ничего объяснять. Раздеться, принять горячий душ, выпить пару рюмок и как следует выспаться. Сутки выдались слишком трудными. Похуже, пожалуй, и первых.

Но вначале надо обеспечить светомаскировку.

— Зажигайте, Николай Александрович, — он протянул Власьеву коробок спичек.

Завесил окна в спальне и кухне одеялами, в остальных комнатах просто задернул плотные шторы и вдобавок закрыл все выходящие в коридор двери.

Чтобы, значит, ни лучика не пробилось на улицу и во двор.

— Вот теперь и лампочку можно включить. — После чего обошел всю свою обширную квартиру, будто желая убедиться, что не осталось в ней никаких следов случившегося той роковой ночью, защелкнул стопор французского замка парадного входа.

Если вдруг явятся сюда чекисты по какой-то вновь возникшей надобности, будет время и собраться, даже не слишком спеша, и уйти без шума.

И лишь после всех этих фортификационных мер ощутил наконец желанный покой и уверенность в будущем. Хотя бы в самом ближайшем. До следующего утра.

Что удивило Шестакова — квартира даже не была разграблена чекистами, слишком они, наверное, были

шокированы происшедшим. Следы весьма тщательного обыска имелись, но и только. Разбросанные по полу книги из шкафа и пристенных полок, развороченные постели, выдернутые и не вставленные на место ящики письменного стола и секретера. А так — ничего. Даже в холодильнике осталось достаточно еды и выпивки.

Можно бы и не заходить в магазин, не привлекать к себе лишнего внимания.

Ну да ладно, обо всех проблемах — не сегодня.

Чудом вырвались из очередной передрыги, живы-здоровы — чего же еще желать? А до завтра доживем, тогда и будем тревожиться очередными проблемами.

Только вот электрическая лампочка под четырехметровым потолком кухни горит слишком ярко. Глазам больно, и все время кажется, что могут через какую-нибудь щелочку увидеть посторонние свет в квартире беглого наркома.

Шестаков порылся в кухонных ящиках. Нашел когда-то давно припасенную женой пачку свечей. Зажег одну, прилепил горячим стеарином к блюду. Так-то лучше будет. И неприметнее, и уютнее даже.

Вспомнились, но как-то мельком, Зоя и дети. А чего о них беспокоиться? Сидят в надежном месте, а пройдет все удачно, через день-другой встретимся.

— Подождите, Гриша, — сказал Власьев, — пока вы тут занимаетесь, позвольте мне немного прогуляться.

Старший лейтенант взял еще одну свечу, зажег ее и удалился в темные глубины квартиры. Его не было долго. А когда вернулся, присел к столу со странным, одновременно просветленным и печальным лицом.

— Вы знаете, я сейчас пережил нечто незабываемое. Смейтесь, если хотите. Впервые за двадцать. Нет, семнадцать лет, я впервые ощутил себя человеком. И знаете почему? Я побывал в ватерклозете. Уверен, вам этого не понять. Но — непередаваемо!

Воспоминания молодости, возможно, а может быть,

и нет. Просто я вдруг убедился, что есть на свете нечто неизменное, постоянное, непреходящее! Благоухающий сосной озонатора офицерский гальюн на линкоре, уютный «приют уединения» в гельсингфорсской холостой квартирке на берегу — и двадцатилетний провал: сами знаете, не хочу вспоминать дощатые сортиры и все с ними связанное. — Власев снова вздохнул и, не чокаясь, опрокинул рюмку «Двина».

Шестаков наблюдал за ним с интересом, удивляясь, какие странные формы подчас принимает сублимация неотреагированных эмоций.

— Так и что же из сказанного вами проистекает? — спросил он сочувственно.

— Да абсолютно ничего. Вы от меня откровений или притчи какой-нибудь ждали? Напрасно. Просто порадовался, что сподобил Господь перед смертью к исходному состоянию вернуться.

— Подождите, ваше высокоблагородие, еще не вечер, возможно, кое-что и получше, чем ватерклозет, сподобимся лицезреть.

Сидя в одном исподнем у кухонного стола, они еще раз, теперь уже никуда не торопясь, приступили к ужину. Оказывается, пережитая смертельная опасность и сутки, проведенные на морозе, очень пробуждают аппетит. словно бы и не ели ничего в забегаловках каких-то два часа назад.

Нет, конечно, и сравнивать нельзя. И пища совсем другая, и марочный коньяк куда лучше вонючего «сучка», а главное — впервые за долгое время не нужно оглаadyваться поминутно, не стоит ли кто за спиной.

Да и поговорить по душам наконец, пожалуй, пришло время.

По непонятной самому себе причине Шестаков все никак не мог заставить себя раскрыть товарищу свой план. Не оттого, что не доверял, тут сомнений не было, а так. Из суеверия скорее всего и осторожности. Подра-

зумеая, в частности, возможность вчерашнего инцидента.

— Такое вот дело, Николай Александрович, — начал он, опрокинув вторую чарку. — Как вы считаете, пятнадцать миллионов долларов нам хватит с вами на приличную жизнь в эмиграции?

— Сколько-сколько? — Власьев не донес до рта вилку с наколотыми на зубья шпротами.

— Пятнадцать, ну, может быть, на несколько десятков тысяч больше. Я так уж точно и не помню. Однако за порядок величины ручаюсь. Если удачно пройдет все, что я на завтра наметил, мы с вами можем стать обладателями именно такой суммы.

Самообладание у Власьева было совсем неплохое. Или он за двадцать лет отшельничества просто потерял ориентировку в покупательной способности иностранной валюты и ему теперь что пятнадцать тысяч, что пятнадцать миллионов — все едино.

— И каким же, простите, образом такое состояние приобрести возможно?

— Да уж и не знаю, как назвать. Кража? Хищение государственного имущества в особо крупных размерах? А то и сразу измена Родине со всеми вытекающими.

— Названные вами диспозиции весьма отличаются, не знаю даже, как их совместить, либо одно, либо другое-третье. Поподробнее извольте объяснить.

Шестаков попробовал.

Времени на рассказ ушло гораздо больше, чем требовалось для того, чтобы передать суть вопроса. Очевидно от того, что, по-прежнему комплексуя, Шестаков одновременно с изложением фабулы пытался каким-то образом заранее подыскивать оправдания своим предстоящим действиям.

Власьев сразу это заметил, но собеседника не перебивал, только усмехался понимающе-иронично в бороду.

Когда нарком наконец замолчал, Власьев с сомне-

нием покашлял, почесал затылок, закурил, причем продвигал все это нарочито медленно.

— И что же вы ждете от меня, Григорий Петрович? Какой реакции? Я должен сейчас начать вас успокаивать? Укреплять в мысли, что ничего плохого вы не затеваете, что просто вынуждены поступить подобным образом, и хоть и грех воровать казенные деньги, но в вашем особенном случае...

Так не дождетесь.

Шестаков вдруг вообразил, хотя и глупо это было, что бывший старший лейтенант, дворянин почти равных с Рюриковичами кровей, сейчас заявит ему, в духе небезызвестного графа Игнатьева, автора только что вышедшей и ставшей невероятно популярной книги «50 лет в строю», что честь не позволяет украсть у народа тяжким трудом заработанные, по копейке собранные деньги, пусть и распоряжается ими сейчас вполне преступный режим, но признанный все же этим народом.

Сам-то он в своих ночных бессонных размышлениях терзался как раз этим.

Но Власьев, выдержав долгую паузу, вдруг рассмеялся не слишком трезвым, издевательским смехом.

— Господи боже мой, до чего вы странный все-таки человек, Григорий Петрович! Как только сумели столько лет продержаться у подножия Красного трона? Не голова у вас, прошу прощения за грубость, а котелок с возвышенными мыслями! Да на вашем месте... Как только такая возможность представилась... Не пятнадцать миллионов, всю казну большевистскую увел бы не задумываясь! Вы хоть понимаете, что это за деньги? Золотой запас российский, предательски у Колчака захваченный, сокровища Эрмитажные, за границу по дешевке проданные, рабским трудом мужиков в колхозах заработанные. А на что их потратить вам вот лично было поручено? На еще одну гражданскую войну, чтобы и в Испании большевики власть захватили и тамошних по-

томков Дон Кихота к стенкам ставили да в теплом море живьем топили.

Возбуждись, Власьев торопливо, расплескивая коньяк, наполнил стаканы. Не чокаясь и не ожидая собеседника, сделал крупный глоток.

— Да если удастся, это же великолепно будет! Сколько мы людей от смерти спасем, против которых ваше оружие могло быть направлено! И, наоборот, сколько большевикам, и здешним и тамошним, гадостей сделать можно будет. — Власьев от восторга задохнулся даже. А может быть, от коньяка, не так пошедшего.

Прокашлялся, отдышался. Взглянул покрасневшими глазами на наркома. Подсвеченное снизу дрожащим язычком свечи, лицо его вдруг напомнило Шестакову не то древнегреческого сатира, не то персонажа с фресок Микеланджело.

— А если все ж таки терзает вас воспаленная совесть, мой милый гардемарин, то можете совершенно безупречное оправдание к себе применить.

— Какое же это?

— А такое. Деньги, «казенные», вам взять вроде бы невместно. А оружие вражеское на поле боя захватить да умело его использовать — не стыд уже, а доблесть. Орденами за это награждают. В статуте ордена святого Георгия так прямо и написано: «Кто с боя взял вражеское орудие».

— Но...

— Какое «но»? — повысил Власьев голос. — Какое «но»?! Украденные у своего народа деньги, на которые покупают оружие, чтобы убивать чужой народ, чем от подлинного оружия отличаются? Разве что формой. Хрустящая бумажка, конечно, не линкор и не пушка, а по сути? Так что посчитайте захваченные суммы военным трофеем в продолжающейся гражданской войне и не психуйте, а гордитесь! Если же все равно руки жечь будут, передайте их по принадлежности.

— Кому же, извольте пояснить?

— Вот это — все равно. Хотя бы Российскому общевоеинскому союзу. — Власьев как-то расслабленно усмехнулся, потом подобрался и, приподнявшись на стуле, резко скомандовал: — Юнкер, встать! Смирно!

Шестаков совершенно автоматически дернулся, привстал, качнувшись и оперевшись о стол, и только через секунду понял всю глупость своего поведения. ◆

— Шутить изволите, господин старший лейтенант? — с некоторой обидой спросил он.

— Какие уж шутки? Просто проверил, в какой мере вы еще сохраняете собственную личность, а в какой уже превратились в нечто иное.

Самое интересное, что нарком отлично понял смысл вроде бы странных слов Власьева. Даже испытал некоторое, не от себя исходящее удовольствие. Поскольку сам уже успел достаточно осознать степень расщепленности своего сознания. Шизофрении, выражаясь медицинским языком. Но это его не только не угнетало сейчас, а скорее радовало.

Потому что он понимал — в роли бывшего наркома шансов на выживание у него нет, а если довериться другой, поселившейся в нем личности, все более и более овладевающей ситуацией, — можно не только выжить, но и достигнуть многих успехов.

Дело ведь было в чем? В сравнительно спокойном состоянии он ощущал себя Григорием Шестаковым, пусть и с некоторыми новыми чертами характера, приобретенными, очевидно, вследствие невероятным образом завертевшейся жизни, а когда ситуация становилась по-настоящему острой — на первый план выходила натура совсем другая, жесткая, агрессивная, все умеющая. И ему все чаще и чаще хотелось, чтобы она, эта новая личность, взяла на себя полную ответственность за его поведение.

— Так вот, гардемарин. Пока вы не доказали еще

мне, что стали наконец офицером, извольте слушаться старшего по возрасту, званию и производству в чин. Когда докажете — готов подчиняться беспрекословно.

— А разве я не доказал еще? — с обидой спросил Шестаков. — Хотя бы и там, в машине?

— Доказали. Но не совсем. Впрочем, не о том мы сейчас. Я что говорил? Стыдно вам советские деньги на себя тратить — ради бога. Можем их положить на специальный счет в банке, с условием снять после свержения Советской власти в России. А сами будем жить только на проценты, как будто это командировочные нам будут.

А сам Власьев при этом, хитро улыбаясь, уже посчитал, что даже и проценты составят по триста с лишним тысяч на человека в год, если считать его, Шестакова, и жену наркома. Вполне прилично. Хватит и на квартирку в Париже, и на виллу где-нибудь в Нормандии или Бретани. Ницца его не привлекала своим вечно синим небом и толпами курортников. Хотелось пустынности, штормового моря и дождливого неба.

— Оставьте свои планы, Николай Александрович, — сочувственно сказал Шестаков, будто догадавшись о мыслях товарища, — до поры до времени. У нас еще столько препятствий и опасностей впереди.

— А это не так уж существенно. Главное, цель наметить и убедить себя в непреложной обязательности ее осуществления. Остальное приложится. Проверено. Вот я еще что придумал. Только что, услышав от вас о возможных суммах добычи. — Старший лейтенант вновь усмехнулся, то ли своим мыслям, то ли чересчур серьезному лицу товарища. — Флот наш Черноморский, как вам должно быть известно, по-прежнему догнивает в Бизерте.

Французы, лягушатники поганые, ни себе, ни людям. — Он длинно, с чувством выругался в лучших балтийских традициях. — Так я решил — если доживем и

★ деньги будут — выкуплю у них крейсер «Алмаз». Хорошая из него яхта получится.

— Да какая там яхта, — возразил неизвестно зачем Шестаков. — Соржавел он давно.

— О чем вы говорите? Тридцать лет для корабля — не возраст! Ну, капитальный ремонт сделаем, вместо паровых машин турбины поставим. А так, он и строился как яхта для наместника Дальнего Востока адмирала Алексеева. Цусиму невредимым прошел.

От души скажу: не корабль — игрушечка. Бывал на нем, приходилось, еще в девятом году. Как раз перед производством. — Власьев загрустил. — Уж так мне на вторую эскадру попасть хотелось, с желтокожими макаками сразиться. Да возрастом не вышел. В «Новом времени» с возмущением откровения капитана Кладо почитывал, про наш бардак и неизбежность разгрома. Только когда подрос и поумнел, понял, как мне повезло.

А теперь обзаведусь крейсером-яхтой, по морям стану плавать куда заблагорассудится, так и помру на мостике. Поверите ли, сколько лет прошло, а море снится и снится.

Видно было, что Власьева начало развозить. По-офицерски, вполне прилично, без намека на возможные безобразия и неправильное поведение, но все же. Шестаков помнил, что в таких случаях достаточно было сифона зельтерской, двух часов сна и чашки крепкого кофе, чтобы человек вновь обрел здравомыслие и бодрость духа.

— Ну, дай бог, чтобы так и вышло. Тогда слушайте план. Или на завтра перенесем, по причине общей утомленности организмов?

— Вы что же, думаете, пьян я? Ошибаетесь. Не знаю, как вы нынешние, а мы в свое время из ресторации в шесть утра вываливались, а в восемь на вахту заступали. И правили оную со всем тщанием. От начальства за все восемь лет ни разу нареканий не имел.

Потому, Гриша, говорите сейчас подробно, что на-думали, а я до утра с боку на бок поваляюсь, сна-то на-верняка не будет, глядишь, уточню диспозицию.

Старший лейтенант откинулся на стуле, слегка уже масляными от хмеля и удовольствия глазами обвел стены, оклеенные редкостным кремовым линкрустом, стол, накрытый согласно новому их образу жизни, и снова с замирающим сердцем, не веря сам себе, подумал: а ведь что, чем черт не шутит, может еще начаться новая, человеческая жизнь!

Какие наши годы, сорок восемь всего! Здесь бы, в Москве, еще двое суток продержаться, а потом доберемся до кордона, пересидим месячишко, все успокоится — и в Петрозаводск.

Далее же — лесом на Суоярви или Ладогой до Сортавалы. Дорога известная.

— Что же, коли так, Николай Александрович, слушайте, — сказал Шестаков. — Я, кажется, все уже в деталях обдумал, но если свежие мысли у вас появятся — выслушаю со всей признательностью.

Изумительное чувство испытывает человек, внезапно и, что важно, на короткое время избавленный от смертельной опасности.

Любому фронтовику, отведенному с передовой в ближний тыл, это чувство известно.

Вот и сейчас Шестаков, устроив на ночлег товарища в своем кабинете (сам он там спать не захотел, по известной причине), постелил себе на широкой оттоманке в гостиной, отдернул шторы, чтобы видеть уголок неба, где летящие облака время от времени приоткрывали полную луну, поставил на стул стакан с остывшим чаем — если вдруг ночью захочется пить, рядом положил взведенный пистолет и позволил себе медленно погружаться в сон.

Только мысли на грани яви и сна пришли к нему совсем не те, которые он ожидал.

Он рассчитывал подумать о предстоящей спокойной жизни, о том, как они с Зоей и детьми окажутся в Париже, в котором он никогда не был, или в Берлине и Лондоне, где бывать приходилось, как начнет делать только то, что хочется, не обременяя себя понятиями «долга» и «исторической необходимости», то есть станет наконец просто богатым и ни от кого не зависящим обывателем.

А вместо этого представилось ему совсем другое. Какой-то морской берег, ресторанчик на веранде над обрывом, красивая светловолосая девушка в непривычной одежде, запомнилось даже ощущение нарастающего влечения к ней — причем в обстановке удивительного спокойствия, курортного благополучия. В котором чашка кофе стоит восемнадцать копеек, а стакан легкого вина — двадцать.

Потом наступило пробуждение, более чем неприятное оттого, что вернулся он в чужую жизнь.

В какой-то краткий пограничный миг между сном и явью Шестаков успел почувствовать или запомнить мысль, что привидевшееся ему — не совсем иллюзия, что это часть реальности, которая станет возможной, но лишь после того, как он пройдет некое испытание.

Может, так, а может, и нет. Очень трудно не только истолковать, но и просто воспроизвести в памяти недавний, совершенно отчетливый и логичный сон.

Наверное — даже вообще невозможно, поскольку требуется совместить две абсолютно неконгруэнтные системы координат.

Всплыл в памяти неизвестно откуда взявшийся очевидной парадокс: «Сон — это та же реальность, только увиденные в ней события нигде не происходят».

И только потом Шестаков осознал себя окончательно в той реальности, где все происходит на самом деле.

А овладевшая им тоска имела совершенно четкое обоснование: наступил день, когда определится все. Или — долгая, в меру приятная жизнь, или — смерть. Хорошо, если быстрая и окончательная.

Но выбирать не из чего. Делай что должен, свершится, чему суждено.

Власьев тоже не спал почти до утра, но размышлял не столько о планах на завтрашний день, как о будущем, когда все уже будет позади и снова он окажется в нормальной, человеческой жизни. Купит себе квартиру в Париже, или нет, все-таки лучше в Лондоне.

Англичане ему ближе и как лучшая в мире морская нация, и просто так, психологически. Немаловажно и то, что уж на острова Альбиона коммунизм не придет никогда, ни под каким видом, ни мирным способом, ни военным.

Не квартиру, а дом он приобретет, на тихой, близкой к аристократическому центру улочке, с камином, с узкими лестницами-трапами на второй этаж и в мансарду. Сошьет себе три костюма, смокинг, фракную пару, атласный халат, фланелевую вечернюю куртку, станет бриться два раза в день, ужинать в клубе, а там и яхту купит, как наметил.

И незаметно начал соскальзывать в уютный сон, будто и не готовился еще предыдущим утром к лютой смерти в подвалах Владимирского централа.

Утро же пришло неожиданно и вместе с адреналиновой тоской от неумеренно выпитых вчера хорошего коньяка и плохой водки (словно и вправду вообразил, что ему по-прежнему тридцать лет), с мутно-серым светом из-под откинутого края шторы принесло тревожные мысли.

Многое предстоит сегодня сделать, и на каждом шагу будет подстерегать совсем нешуточная опасность.

Власьев понимал, наверное, лучше Шестакова, что оперативное сообщение о небывало дерзком побеге прошло уже по всем каналам милиции и госбезопасности, доведено до каждого участкового и опера, и опять ищут их, ищут со всем азартом и профессиональной злобой не только по всем прилегающим областям, но и в Москве тоже.

Хотя, по элементарной логике, не должны бы предположить сыскари, что рванут беглые преступники в столицу, где и в спокойные времена затеряться куда труднее, чем в провинции, только совсем неопытный человек может подумать иначе.

Но минуточку, ищут ведь уже не беглого наркома Шестакова, а тех бандитов из Кольчугина. А значит, расклад совсем другой.

Что же, придется быть поосторожнее, только и всего, и не дать повода любому из полутора тысяч столичных постовых заинтересоваться ими и попытаться проверить документы.

А ситуация, возможно, изменилась для них и к лучшему. Приказ бросить все силы на поиск беглых бандитов как бы полуофициально снижает степень важности приказа предыдущего, о поиске исчезнувшего наркома с семьей.

Кто-то из высшего начальства продолжает, безусловно, держать и тот приказ на контроле, но не рядовые исполнители. Для тех выполнение одновременно двух почти взаимоисключающих заданий — дело почти непосильное.

Поднявшись, попили они с Власьевым чаю, перебрали и просмотрели доставшиеся им паспорта. Шестакову выбрали подходящий, с не очень отчетливой фотографией отдаленно похожего на него человека, некоего Батракова Василия Трофимовича, 1898 года рождения, прописанного в городе Фрунзе, столице Киргизской АССР.

Имелась при паспорте и командировка, удачно выписанная по маршруту Фрунзе — Москва — Кольчугино. Сроком — до 25 января. То есть в случае проверки никто не удивится, откуда да почему.

Власьеву же с документами, нигде не засвеченными, не было проблем. Он по-прежнему мог оставаться самим собой.

Перед выходом из дома Власьев сбрил свою дремучую, двадцатилетней давности растительность, оставив лишь усы и небольшую интеллигентскую бородку. Вроде как у Чехова.

Возникли у него, впрочем, известные сомнения. Как воспримут его новый облик окрестные селигерские жители, если придется вернуться, конечно. Такой факт непременно вызовет долгие пересуды у соседей, заинтересует при встрече и участкового, и районного уполномоченного НКВД.

— Не беда, — успокоил его Шестаков, перебиравший вещи в платяном шкафу, соображая, как бы им приодеться получше. — В Кольчугине вас запомнили именно по бороде и бекеше. Других примет и зацепок нет. А будущее... Не понимаю, отчего вы считаете, что любое изменение вашей внешности хоть кого-то взволнует? Прямо по поговорке — пуганая ворона куста боится.

Ну, скажете, если спросят, — жениться собрались. Учтите — окружающим на вас наплевать гораздо больше, чем вы предполагаете.

На Тишинском рынке друзья всего за пятьдесят рублей приобрели деревянный плотницкий ящик с обычным набором инструментов — ножовкой, рубанком, коловоротом, парой стамесок, молотком. Там же подыскивали моток крученой бельевой веревки, еще кое-какой скобяной товар.

До намеченного Шестаковым момента было еще долго. Чтобы скоротать время, побродили по окрестным

улицам и переулкам, тщательно проверяясь, нет ли слежки.

Похоже, это начинало превращаться уже в некоторую манию. Но преодолеть себя, успокоиться, держаться как ни в чем не бывало нарком никак не мог.

Власьев предпочел полностью довериться Шестакову, поскольку спорить на улице было бы себе дороже, а предосторожность, даже и излишняя, в принципе повредить не могла.

Два раза они соскакивали с трамвайной подножки в самых неподходящих местах, и никто не повторял их маневров, потом они еще на всякий случай проехали по обеим линиям метро, тоже садясь в голубые вагоны в самый последний момент и покидая их после громкого выкрика «Готов!» дежурной по перрону.

Убедившись, что слежки нет безусловно, друзья зашли пообедать в полуподвальную столовую на Пушкинской улице.

Еда была ничуть не лучше вчерашней, но Шестакову внезапно понравилось. Вспомнились вдруг времена беззаботной студенческой молодости. Он даже улыбнулся, глотая сильно одобренный горчицей борщ.

Думая, что понимает мысли товарища, Власьев хитро подмигнул.

— Ничего, коллега. Вот он — ваш социализм. Пусть дерьмо, но всем поровну и без карточек. Ради этого стоило делать Великую пролетарскую революцию? А помните, чем проклятый царизм кормил рядовых матросов даже в разгар империалистической бойни?

Шестаков помнил. При Советской власти никого и никогда (кроме ответработников выше среднего ранга) так не кормили.

— А вот если бы нам, пока есть время и возможность, взять да и пойти в приличный ресторан? Посидели бы, как люди, старое вспомнили, — мечтательно ска-

зал Шестаков, который, кстати, в ресторанах не бывал с времен нэпа.

— О чем вы говорите? — возмутился Власьев. — Я, признаться, несколько раз выбирался то в Питере, то в Москве. Были моменты. Так ни разу вкусно не поел. Негде. Нечего и пробовать. Лучше уж так.

— Ну как негде? — не согласился Шестаков. — Есть же очень приличные рестораны. «Метрополь», «Националь», «Савой». Люди хвалят.

— Да о чем вы, милейший?! Наверное, никогда вы толком не ели. Да и когда? При царе молоды были и не слишком состоятельны, как я помню, а уж потом... Вы не представляете, как кормили у «Дона», у «Кюба», в той же «Астории», не говоря о гельсингфорсских «Фении» и «Берсе».

В Зимнем на приемах так не угощали. Поскольку любое искусство — а кулинария это тоже искусство, — под рукой тирании вырождается автоматически. Очевидно, это очередной, пока не познанный закон природы. Ведь правда — в царском дворце повара готовили намного хуже, чем в небольшом частном ресторане провинциального Гельсингфорса!

— Наверное, дело в том, — предположил Шестаков, — что частному повару нечего бояться. В худшем случае клиент обидится и не придет больше. Так другой придет. А у царского стола? Карьеры лишишься, если не большего. Тут не до фантазий, тут главное — предписанную технологию «от и до» соблюсти.

— Так, так, — согласился Власьев, — при вашем «социализме» всем просто на все наплевать. Понравится клиенту, не понравится, пустой будет зал или переполненный — все едино. Зарплата не изменится, и хлопот меньше.

На этом и закончили разговор, выходя на освещенную мутным полудневым-полувечерним светом улицу.

И только там наконец Шестаков объяснил товарищу предстоящую задачу.

Для визита в наркомат он выбрал наиболее удобный момент — время между двумя и четырьмя часами дня, когда большинство ответработников расходится пообедать, а кому положено — и поспать часика три после обеда перед обычным ночным бдением.

Сообразно с режимом дня Сталина все правительственные учреждения и партийные комитеты работали как минимум до часа ночи, а то и позже. Потом сотрудники расходились по домам, отдыхали, являлись на службу часам к десяти-одиннадцати утра — и все началось по новой.

ГЛАВА 31

Вопреки распространенному мнению, отнюдь не все учреждения высокого ранга располагались в новых многоэтажных зданиях, отделанных гранитом и мрамором, вроде тех, что возвысились недавно на Охотном Ряду, Фрунзенской площади или на улице Горького.

Наркомату Шестакова достался длинный, трижды изломанный на своем протяжении трехэтажный дом в отвечающем своему названию Кривоколенном переулке, большую часть которого он и составлял. Довольно удобный, со следами былой роскоши внутри, снаружи он не производил солидного впечатления.

Если бы не красная с золотом вывеска над парадным входом, случайный прохожий и не заподозрил бы, что за грязно-бурыми стенами и не слишком чистыми оконными стеклами творятся дела большой государственной важности.

Шестаков, не желая нарваться случайно на бывшего подчиненного, да наделенного вдобавок чрезмерной зрительной памятью, расстался с лейтенантом на углу Чистопрудного бульвара.

Завечерело в этот день даже раньше, чем обычно, слишком плотный слой облаков накрыл город, и уже в начале четвертого наступили бледные еще, серовато-голубые, вызывающие тоску и тревогу сумерки.

Независимо от реальных обстоятельств бывают в природе какие-то собственные биоритмы, определяющие настроение человека.

Все вроде у тебя хорошо, ты понимаешь это, а все равно — сидишь, допустим, с поднятым воротником плаща на чугунной оградке напротив «Националя», куришь, прикрыв согнутой ладонью сигарету от мелкого морозящего дождика, слушаешь музыку, доносящуюся из приоткрытых окон ресторана, наблюдаешь коловращение жизни и тоскуешь просто так. И даже наслаждаешься этой сладкой тоской, вспоминая невестреченную девушку с глазами как звездные сапфиры.

Сейчас, впрочем, обстановка была совсем другой, но все же...

А небо вдобавок за крышами высоких старинных домов, отгородивших переулок от улицы Кирова и площади Дзержинского, сумело вдруг зажечься закатным, томительным желто-малиновым светом, отчего вообще стало совсем тошно.

— Николай Александрович, — сказал Шестаков, — вы там поаккуратнее, пожалуйста, не забывайте, что мы с вами минеры. Сделайте все «от и до», без малейшей самодеятельности.

— Как в форте «Павел»? С нашим удовольствием. Только не думайте, что некие привходящие обстоятельства позволяют вам указывать мне на стиль и методы моего поведения.

Шестаков не понял, что произошло с товарищем, отчего он вдруг встопорщился, как испуганный лисицей на лесной тропинке еж. Неужели оттого, что, перенастроившись на новую реальность, вспомнил и о разнице в возрасте... и званиях между ними?

— Да я и не собираюсь. Просто имейте в виду, что вы в данный момент плотник из Кировского коммунхоза, вызвал вас начальник АХО наркомата Владимир Иванович Комаров, задание — подтесать косяки плохо закрывающихся дверей (и это была чистая правда, такое поручение сам он давал, когда не сумел затворить разбухшую от осенней сырости форточку).

На третьем этаже пройдете мимо моего кабинета, там на двери табличка: «Приемная», за ней тамбурок секретарши, справа нечто вроде глухого шкафа, а когда его откроете — уже настоящая дверь моего кабинета. Мельком взгляните, что там и как. А остальное знаете. Даже если вохровец за вами следом ходить будет, то, что положено, без проблем исполнить можно. Договорились?

Подумал вдруг немножко бывший нарком и сказал, приостановившись возле кривого, перегнувшегося через ограду до середины переулка дерева:

— Все будет хорошо. Безусловно. Но если вы сейчас начнете воображать нечто, то можно и сорваться. Поэтому забудьте о гоноре и работайте на команду. А то как бы не вышло наперекос. Я вам совершенно все рассказал, и, пожалуйста, удерживайтесь в этих пределах. Вы — плотник, хорошо информированный, приближенный к власти — но только плотник!

Власьев, словно бы опомнившись — что это на него нашло, — покивал, соглашаясь, глубоко вздохнул и пошел к главному входу наркомата.

За дверью, в просторном вестибюле, из которого вверх вела широкой и пологой дугой чугунная лестница с отполированными за полсотни лет десятками тысяч ног ступенями, а прямо и направо простирались длинные, погруженные в полумрак сводчатые коридоры, Власьева остановил вахтер.

— Куда эт ты направился? Не положено. Пропуск предъявь!

Власьев с такими представителями власти обращаться умел.

— Какой тебе еще пропуск? Я из ХОЗО Совнаркома сюда направлен. К товарищу Комарову лично. Велено рамы и двери на третьем этаже пристрогать. Вот и зови этого Комарова. А мне что? Не пускай, я и уйду. Сам разбирайся. Только фамилии твое как?

Вахтеру тоже было совершенно наплевать на здешние правила. Ему велено было спрашивать пропуск, отсиживая свои девять часов за триста рублей в месяц и кое-какой паек, он и спрашивал. А раз посетитель называет фамилию его непосредственного начальника — завхоза, да еще и за горло начинает брать, так и пошел бы он! В буквальном смысле.

— Чего тебе мое фамилие? Звали, так и иди. Только ты это, браток, — сказал Власьеву после того, как он протянул ему портсигар с дешевыми папиросами, вахтер, мужик на шестом десятке лет, с изможденным, то ли язвенным, то ли геморроидальным лицом, — ты уж там громко не стучи, если можно. Народ, они же сотрудники, многие по кабинетам придремывают, которым идти домой далеко. Тоже ведь пожалуйть нужно. Вроде и чиновники, по-старому говоря, а жизнь у них много более собачья, чем... Ну, сам знаешь, когда. Еще и увозят их то и дело.

Вахтер сокрушенно покачал головой.

— Вот и самого недавно.

— Которого? — не понял Власьев.

— Так наркома же. Был-был, невредный, я тебе скажу, а потом вдруг нету, и печать на дверь повесили. Это значит что?

— Да откуда я знаю — что? Их дела. Что затеяли, то и имеют. А я, значит, пошел. Мне тоже работу сделать,

а потом аж на Нижние Котлы добираться. На казенной машине, чай, не отвезут.

Работа Власьева предстояла несложная. В конце длиннейшего, чуть ли не в полверсты, коридора располагалась туалетная комната на шесть кабинок и курительная при ней, неистребимо пропахшая хлоркой и прогорклым табачным дымом.

Всего и дел, что отковырнуть стамеской окаменевшую замазку двойных оконных рам, выглянуть в глухой внутренний двор, огражденный с трех сторон высокими брандмауэрами доходных домов, а с четвертой — выходящий к обставленной мусорными ящиками подворотне на Банковский переулок, из которого, в свою очередь, можно было выйти и на улицу Кирова, и в путаницу здешних переулков, пристойных средневековой Бухаре, и на Чистые пруды тоже.

Перегнувшись через подоконник, Власьев заколотил молотком массивный изогнутый костыль в щель между брусками тесаного камня рядом с окном, затянул вокруг него конец веревки надежным рифовым узлом, остальной моток сбросил вниз. Здесь ее и днем трудно было бы заметить, а уж сумрачным вечером, желтоватую на грязно-буром.

Сделав главное дело, поширвав, для убедительности и на случай чего, рубанком по косякам двери здесь и в женском клозете напротив, загребя ногой небрежно стружки к стене, Власьев быстро поднялся по боковой лестнице на третий этаж, где и располагался кабинет наркома Шестакова. Там тоже было почти пусто, только в эркере на пересечении двух коридоров курили и о чем-то оживленно беседовали трое мужчин обыкновенного облика советских служащих, пренебрегающих специально отведенным для этого местом.

Старший лейтенант мгновенно напрягся. Не есть ли это засада чекистов? Во внутреннем кармане пальто у

него имелся привычный «наган», но успеет ли он его выхватить, если потребуется?

Однако чиновники не обратили на него совершенно никакого внимания. Ну, плотник и плотник, пусть ходит, если нужно. Лишь бы не подслушивал, о чем они на досуге разговаривали невзначай.

Приемная наркома, которую нельзя было спутать ни с каким другим кабинетом из-за ее высоких двойных дверей, была приоткрыта. Власьев и в нее вошел по-хозяйски, якобы осматривая подлежащие ремонту объекты. Секретарши на месте, разумеется, не было, пишущая машинка на столе прикрыта черным фанерным кожухом, а на двери тамбура, непосредственно ведущего в наркомовский кабинет, скромно свисала на веревочке сургучная печать.

Снять ее, в случае необходимости, а потом пристроить на место без всяких следов вмешательства, ничего не стоило, Власьев убедился в этом за пару секунд, стоило лишь приподнять печать и взглянуть на нее сзади.

Осмотрел все, что требовалось, и спустился вниз.

— Че эт ты так быстро? — удивился вахтер.

— Да там и работы-то, — махнул рукой Власьев. — Стоило и звать. Любой дурак с рубанком за десять минут бы управился. А то надо же, шум подняли — езжай в наркомат, вызывают, двери перекошены, окна не закрываются. Тьфу, — Власьев очень натурально сплюнул и снова достал папиросы.

— Непременно — нового начальника ждут. Кто его знает, какой окажется. Может, как раз из-за кривых дверей и раскричится. — Вахтер еще подумал, стоит ли откровенничать с малознакомым, и все же сказал, не в силах удержаться: — Они-то, наркомы, думаешь, чем лучше нас с тобой? Тоже. Сам небось то плотником был, а то лекальщиком, вот и замечает поперед всего, что ему по старой специальности известно. Я их столько пересмотрел, начальничков-то.

На том и расстались два русских человека, с разных полюсов, но одинаково оценивающие нынешнюю власть.

Шестаков ждал Власьева, уже несколько нервно прогуливаясь по узкой, протоптанной среди сугробов дорожке между станцией метро и собственно Чистым прудом.

Теперь начиналась его сольная партия. Да и не Шестакова даже, он все отчетливее это понимал, а все той же новой личности, которой он с охотой подчинялся, пытаясь лишь понять, диалектический ли переход количества в качество с ним случился, или, может быть, имеет место не философский, а чисто медицинский случай. И, что примечательно, ощущение в себе еще одной ипостаси, которая умеет и может делать то, что он всегда и сам бы хотел, но или не решался, или, ну просто не получалось, радовало бывшего наркома.

Власьев, по диспозиции, отправился «домой», а Шестаков, одетый в свое единственное штатское пальто, длинное, драповое, с широким каракулевым воротником и такую же шапку пирожком, делающими его похожим на заслуженного артиста или члена Союза писателей, не спеша пошел к стоянке такси возле Красных Ворот.

По дороге заглянул в небольшой, но чистый ресторанчик на Тургеневской. Выпил в буфете рюмку водки, закусил балычком. Не потому, что хотелось выпить, а чтобы запах был, без чего убедительно не сыграть предстоящую роль.

На стоянке, среди многих машин, почти что тщетно ждущих пассажиров, выбрал длинный кремовый «ЗИС-101». Такие машины, как говорили — по личному приказу товарища Сталина выпустили на улицы, чтобы каждый трудящийся видел — коммунизм на подходе, и будь ты хоть гнилой интеллигент, хоть слесарь с завода «Шарикоподшипник» — можешь сесть в эту машину и

не хуже члена правительства прокатиться по столице первого в мире и так далее.

Правда, цена слегка кусалась. Два рубля километр, от Каланчевки до Калужской — два червонца. Тому же слесарю неделю кормиться в заводской столовой. Выбери-рай, браток-гегемон!

Шестаков сел, по начальственной привычке, на переднее сиденье, хотя правильное было бы на заднее. Раз уж он изображает лицо свободной профессии. Со сложным чувством ощутил знакомые запахи свежей нитро-краски и кожи сидений. Машина была явно новая, недавно с завода.

Слегка утрируя состояние приятного, легкого опьянения, того, что называется «подшофе», вполне естественного для благополучного и далекого от повседневных жизненных проблем человека, Шестаков неторопливо раскурил папиросу и лишь потом сказал:

— В Лаврушинский. Ну, ты э-э, знаешь, наверное?

— К кооперативному дому, что ли? — догадался таксист, которому наверняка приходилось туда возить клиентов неоднократно.

— Туда, туда. — И удобно откинулся на спинку, приготовившись барственно созерцать из окна зимние московские пейзажи.

С таксистом он расплатился не скупясь, вместо отбитых счетчиком девяти с полтиной — тридцаткой, и, прощаясь, процедил, имитируя манеру советского графа, писателя А.Н. Толстого:

— Благодарю, уважаемый, хорошо довез. Рад бы с тобой и впредь.

— Да это всегда пожалуйста. Заранее можете в парк звонить. На какое угодно время и место. Только предупреждайте диспетчера — обязательно, чтобы Слесарева Сергея прислали, а то, мол, жалобу сразу директору парка нарисую. Они этого ой как не любят, сделают в лучшем виде. Если выходной буду, тогда конечно,

так я по понедельникам всегда выходной, а смены... С утра звоните, я в любую смену выйду, если что.

— Хорошо, хорошо, — прервал он словоохотливого таксиста. — Сегодня как раз и пригодишься. Сможешь ровно к полуночи сюда же подъехать? Мне на вокзал нужно будет.

— Обязательно и с нашим удовольствием. Секунда в секунду буду. Может, навех поднять, вещички поднести?

— Этого не надо, я налегке. Ну, до встречи, Сергей э-э?

— Да Сергей просто, чего там, какие наши годы.

Лет ему на вид было далеко уже за тридцать, но уж тут хозяин-барин.

— А вас как величать прикажете?

— Валентин Петрович. Может слышал — Катаев. «Белеет парус одинокий» книжка у меня есть.

— Ну, как же! — восхитился таксист. — Пацан мой зачитывается. Петя там у вас и Гаврик. Ну, ребятам расскажу.

ГЛАВА 32

Для последнего боя Шестаков и Власьев в очередной раз переоделись, чтобы чувствовать себя легко и свободно, в наркомовские галифе и гимнастерки. Сапоги они тоже носили одного размера, только Власьеву пришлось впору вещи старенькие, тех времен, когда Шестаков не приобрел еще нынешней дородности. Впрочем, как уже отмечалось женой, Григорий Петрович за последнюю неделю заметно стал поподжарее, и ремень пришлось застегивать на другие дырки.

Поверх полувоенной одежды Шестаков накинул то же самое барское пальто, а Власьев ограничился короткой кожаной курткой.

— Ну а теперь сверим часы, есть такая народная

примета перед опасным делом, — пошутил Власьев. — Я, значит, жду вас ровно в два ноль-ноль в известном дворе, под окном. Постарайтесь не задерживаться, сами знаете, каково ждать в такой ситуации.

— Договоримся так. Ждете до трех. Если я не появляюсь — действуйте по обстановке. Второе контрольное время — с трех до шести здесь. Третье — завтра с двенадцати до четырнадцати в зале ожидания Ленинградского вокзала. Ну а уж если что, — Шестаков усмехнулся мрачновато. — Либо у вас на кордоне свидеться удастся, либо... Вы уж тогда о моих позаботьтесь, как сумеете.

Власьев не стал говорить почти обязательных в подобном случае слов: «типун вам на язык», «да о чем вы, все будет хорошо» и т.п. Он просто кивнул молча и только на пороге уже, пожав товарищу руку, буркнул коротко:

— Но вы все же постарайтесь не опаздывать.

Таксист не подвел, не успел Шестаков выкурить первую папиросу на ступеньках писательского подъезда, как в конце переуллка вспыхнули яркие фары, слышался мягкий гул мотора, и к краю тротуара подплыл длинный зализанный силуэт машины, будто адмиральский катер к трапу линкора.

Садясь по-прежнему на переднее сиденье, Шестаков щелкнул крышкой часов.

— Молодец, секунда в секунду подъехал. Теперь можно и не спешить, до поезда времени с запасом.

Ехали сначала по набережной, потом через Большой Каменный мост. На Боровицкой площади Слесарев неожиданно свернул налево, в узкую улицу Фрунзе.

— Здесь поближе будет и посвободнее, ни светофоров, ни ОРУДа, — пояснил шофер, не дожидаясь вопроса, отчего не через Манеж и улицу Горького они едут. — Вам все равно, а мне еще в парк ехать, потом

★
домой добираться, я и так специально на два часа после конца смены задержался.

Шестаков намек понял, но думал он сейчас не о том, сколько чаевых заслуживает Сергей за свою самоотверженность.

Пожалуй, так действительно лучше для его планов.

Где-то за Красной Пресней, на углу одного из безлюдных и темных переулков вдоль Большой Грузинской, он попросил шофера остановиться.

— Есть. Ай, забыли что?

— Да нет, не забыл, — ответил Шестаков, вытаскивая из кармана пистолет. — Ты, главное, не нервничай, — длинный и тонкий ствол «вальтера» уперся таксисту в бок.

— Что? Что такое? — не сразу понял происходящее Слесарев, которому, наверное, еще не приходилось сталкиваться с грабителями и налетчиками, которых в тогдашней Москве было никак не меньше, чем в нынешней, только вели они себя потише и власти поступали с ними куда беспощаднее. «Десятки» и «вышки» раздавали только так, без оглядки на адвокатов и «презумпции невиновности». Тогда суду достаточно было одного-двух свидетельских показаний, а «царицу доказательств» добывать тоже умели. Хорошо это или плохо — другой вопрос.

— Тут такое дело, браток Сережа, — мягко и ласково отвечал шоферу Шестаков, в очередной раз не переставая поражаться многосторонности своих актерских данных. — Или ты сегодня очень прилично заработаешь, так что и без всякой сберкассы на то вон хватит. — Он указал тем же пистолетом на к случаю повернувшийся рекламный щит, освещенный уличным фонарем. Там до ушей улыбался здоровенный рабочий, по виду — шахтер, приобнявший за плечи столь же лучезарную подругу на фоне сочинской набережной. Пожарно-красный текст гласил: «В сберкассе денег нако-

пил — путевку на курорт купил!» — Или все может совсем наоборот получиться. Я человек серьезный, деловой, мокруху не люблю. И ты меня к этому не вынуждай.

— Как, чего, о чем это вы? — испуг шофера был ненаигранный. Трусоват он оказался, даже как-то неприлично для разбитного московского таксиста.

— Да ничего, ничего. Сейчас ты выйдешь из машины и пойдешь, куда нравится. Чтоб не скучно было — на тебе для начала сотню. В ресторане можешь посидеть или девочку возьми на вокзале, время-то и пройдет. А часика так в четыре заберешь свою телегу, ну хоть на углу 1-й Брестской. Без обмана. У тебя зарплата сколько?

— В-восемьсот.

— Охота же за такое — по двенадцать часов спину гнуть, — хохотнул Шестаков. — А план? В день?

— Четыреста.

— Вот тут в ящике найдешь две тысячи. И свободен. Только не вздумай легавым настучать. — Шестаков теперь уже чувствительно ткнул его стволом в бок. — Тебя найти — плевое дело. Парк знаю, фамилию знаю, домашний адрес выяснить — что два пальца. А если я по твоей наводке сгорю — мои ребята тебя на ремешки порежут. Тупыми перьями, имей в виду.

Вот если машины на месте вовремя не окажется — тогда беги в легавку, заявляй. Мол, повез клиента, а он тебя кастетом по башке и в сугроб выбросил за Окружной дорогой. Пока очнулся, пока до телефона добрался. Отмажешься только так.

Таксист вдруг приободрился, осмелел, даже запел дребезжащим тенорком, но отнюдь не лишенным слуха:

— Деньги советские, ровными пачками, с полук глядели на нас.

— Молодец, — одобрительно кивнул Шестаков, — молодец. Боишься, а форс держишь. И меня боишься, что обману, и легавых боишься. Ладно, чтоб знал: дело

имеешь с самим Пантелеевым. На тебе сразу кусок. — Он отсчитал не спеша шоферу тысячу. — Те две, что обещал, тут и будут, — похлопал ладонью по крышке перчаточного ящика. — Начинаешь прилично жить, фраер, поймей это в виду. Понравится — все впереди. Так что будь умничкой. Ну, бывай.

Шестаков подождал, пока Слесарев откроет дверку, и дружески толкнул его в плечо. Но так, что тот почти вылетел из машины.

Пересел на его место и плавно, аккуратно тронулся. Ему неприятности с милиционерами, носящими на рукавах ромбическую нашивку «ОРУД», сегодня были не нужны.

Через полчаса Шестаков стоял чуть ниже поворота с улицы Дзержинского на Кузнецкий Мост, прямо напротив дверей приемной НКВД, от которых тянулась тоскливая, мрачная, чем-то для человека, сведущего в мифологии, даже похожая на очередь к вратам Аида лента на удивление хорошо одетых женщин. Что разительно отличало ее от очередей за хлебом.

(Да сколько же он вдруг увидел самых разных очередей за неполную неделю своего «хождения в народ»? Едва ли не больше, чем за многие и многие предыдущие годы.)

Зато выглядели эти женщины (мужчин в очереди совсем не было), куда более подавленными, чем даже голодные рабочие в Кольчугине. Оно и понятно, не за хлебом стоят, без которого и перебиться можно день-другой. Передачи принесли арестованным или просто надеются узнать, в какой тюрьме содержатся отцы, братья, мужья и сыновья.

Под следствием еще, или отправлены на этап, или осуждены «без права переписки».

Смотреть на них Шестакову было тяжело, сразу же приходила в голову мысль, что точно так же, среди этих женщин, могла бы стоять сейчас и его Зоя, сжимая в

руке узелок со сменой белья и кое-какими, поначалу, возможно, довольно приличными продуктами.

Если бы вообще было кому и что передавать.

И тут же он ощутил нечто вроде радости — к нему это все не относится. И даже больше — они те, кто сейчас пребывает внутри одной из московских энкавэдэшных тюрем — неудачники, не сумевшие постоять за себя тогда, когда это еще можно было сделать, а вот он — сумел.

И сейчас он, пусть и преследуемый гончими собаками волк, но — свободный волк. В карманах у него аж три смертоносных ствола — два «нагана» в наружных карманах пальто и «вальтер» во внутреннем. Барабаны и обойма полны патронов, и еще в карманах насыпью десятка три теплых латунных цилиндриков. В случае чего — прорвемся, мало не покажется.

Стрелком он себя ощущал классным, был уверен, что человек пять-шесть положит раньше, чем они успеют сообразить, что происходит. Теперь — не привыкать. И проходных дворов для маневра полно вокруг.

Убивать кого бы то ни было, даже этих человекообразных с малиновыми и синими петлицами, Шестаков отнюдь не хотел, однако знал, что сделает это без малейших колебаний. Четко и профессионально.

Он посмотрел сначала налево, где за стрельчатыми окнами НКВД, в каком-то из кабинетов писал справки и проекты дипломатических нот друг Витюша, потом направо, на нависающий над улицей и площадью Воровского айсберг Лубянского дома.

Айсберг? Или, наоборот, «Титаник» с рядами освещенных окон, за которыми веселятся пассажиры, не знающие своего часа?

Вот сейчас кто-то из них, тепло простившись с друзьями, пойдет домой, отдохнуть от трудов праведных. А кто-то собирается на задание, арестовывать очередного, заведомо готового к закланию агнца. И не думает о

возможной своей печальной участи, которая совсем уже у порога.

Разве что оркестр там у них не играет, поскольку не трансатлантический лайнер все же и в кабинетах пахнет не «шанелями», не дорогим табаком, а начищенными сапогами и немытым телом. В баню-то ходить приходится не чаще, чем раз в неделю, а служат по двенадцать-четырнадцать часов, и потеют там все непрерывно: подследственные от страха и боли, а допрашивающие просто от духоты, тесных суконных гимнастерок, ну и от злого азарта тоже.

Ладно, бог с ними. Шестаков усмехнулся неуместному полету фантазии. Ну а что еще делать, когда второй уже час болтаешься вдоль квартала — вниз до зоомагазина по одной стороне, потом до угла улицы Дзержинского по другой, ожидая старого друга.

Когда же, наконец, он закончит там свои дипломатические дела?

Время подходит к часу ночи. Очередь стоит, шевелящаяся и одновременно странно тихая и неподвижная. В ней самые любящие, заботливые и терпеливые. Заняли с полуночи, чтобы успеть к восьми утра оказаться в числе тех сорока-пятидесяти человек, у которых примут передачу. Которые успеют до шестнадцати, когда узкое окошко захлопнется до следующего утра.

Шестаков позвонил Витюше Овчарову полчаса назад из уличного автомата. Тот еще был на рабочем месте. Отозвался утомленным голосом. Григорий послушал троекратное «Алло, алло, говорите» и повесил трубку на никелированный крючок черного аппарата в тесной деревянной будке.

Тоже, бедняга, сидит на службе в дело и не в дело. Как будто без них вся мировая политика вразнос пойдет, несмотря на то что и иностранные посольства в Москве, и соответствующие министерства за границей закрылись в урочный час.

Только война или острые форс-мажорные обстоятельства могут выдернуть из квартир и дач степенных джентльменов в серых визитках. В Париже, Лондоне, Берлине и Токио.

А наши бдят. Ждут, трепеща в душе, звонка из-за кирпичной Кремлевской стены или где там сегодня проводит время Хозяин.

Наверное, и в древней Ассирии, и в Египте чиновники меньше боялись своих Рамзесов и Ашшурбанипалов, чем эти — вождя прогрессивного человечества.

Шестаков вроде бы и забыл, что две недели назад был точно таким же. А сейчас вот гордо ходит, загребая носками сапог сухой растоптанный снег пополам с песком, сжимая в кармане теплую рукоятку «нагана», и плюет на все, и презирает всех.

Кроме, конечно, Витюши. Его он любит по-прежнему, сочувствует и жалеет. И готовится сделать другу большую подлость, если это так можно назвать.

Овчаров появился из подъезда, что открывается прямо на памятник Воровскому, замершему в нелепой позе. Говорят, он очень точно передавал его манеру гримасничать и кривляться перед оппонентами во время острых дискуссий.

Но вообще-то выглядел карикатурой, неизвестно с какой целью водруженной на площади между двумя важнейшими в стране ведомствами.

Несмотря на мороз и ветер, Виктор держался франтом. Бежевое пальто-реглан, длинное, стянутое на талии поясом, на голове не шапка, а широкополая шляпа. Прямо тебе парижанин, хотя в Париже, кажется, так никогда и не был. Последние два года работал советником в Хельсинки, с началом испанской войны выезжал несколько раз в Стокгольм и Амстердам, где они и встречались по вопросам секретных поставок, не так давно вернулся домой и, как намекал после хорошего засто-

★ лья, вновь собирался за границу, теперь уже в более цивилизованные края.

Чем черт не шутит, вдруг и действительно повезет ему повидать «белль Франс».

Пока Овчаров стоял, несколько растерянно оглядываясь, ища глазами такси или служебную машину, если ему таковая полагалась, Шестаков успел добежать до своего «ЗИСа». Регулярно прогревавшийся мотор завелся сразу. Он резко развернулся поперек улицы и стал точно рядом с Овчаровым.

— Эй, товарищ, садитесь, довезу, как наркома! — крикнул он вроде бы в шутку, намекая на то, что такие автомобили положены только членам правительства. Но и на то одновременно, что считает хорошо одетого гражданина достойным подобной чести. Как при царе лихачи окликали возможных седоков: «Садись, прокачу, вашсясь!»

Виктор удивился такой удаче и, неизвестно кому кивнув, дернул заднюю ручку. Сел, аккуратно расправив полы пальто.

— Вот спасибо. Повезло, можно сказать. А я стою и не знаю, что и делать. Метро закрылось, дежурка в разгоне. Хоть пешком иди.

— Куда поедем? — немного вниз, глуховато, чтобы друг сразу не узнал его по голосу, спросил Шестаков.

— К Киевскому вокзалу, а там рядом.

— По Арбату не поедем, лучше через Садовое до Смоленки, — сказал Григорий, включая скорость. На правительственной трассе и ночью могут запросто документы проверить, а им это совершенно ни к чему. По кольцу вернее. И поговорить время будет.

— Я закурю? — спросил вежливый Виктор.

— Да ради бога. И я с тобой, Витюша, если не против. Как поживаешь, как Татьяна? — полуобернулся в салон Шестаков.

— Ты, Гришка? Откуда? Что за маскарад? — Овчаров натуральным образом обалдел, но, приученный в любых ситуациях не терять выдержки и реагировать быстро и четко (иначе советскому дипломату долго головы не сносить, прецеденты известны), сразу же взял себя в руки. — А ну давай разобъясни. Что решил в свободное время подработать на непредвиденные расходы, все равно не поверю. Может, шофер твой приболел и надумал сам от нечего делать покататься? Или меня разыгрываешь? В кабачок пригласишь или на дачу? Согласен, поскольку Татьяна третьего дня отбыла в отпуск, к родителям в Ленинград. Одним словом — я свободен и готов к любому применению. А ты что, уже успел узнать?

— Увы, настолько моя информированность не простирается. А что Татьяна уехала, это хорошо. Можно и у тебя посидеть с тем же успехом. Не против?

— Какие вопросы?! — Перспектива предстоящего дружеского застолья Овчарова вдохновила.

— А ты, в свою очередь, про меня никаких новостей не слышал?

— Никаких. Да и откуда бы? Что, еще один орден получил? — Такой вариант вполне объяснял и цирк с машиной к подъезду, и предложение посидеть за рюмкой.

«Значит, все пока держится в тайне, — с некоторым облегчением подумал Шестаков. — Хорошо, кое-какие проблемы на время снимаются».

Обычно слухи об арестах людей его уровня распространяются мгновенно, особенно среди знакомых. Как в том анекдоте, привязанном к идущей сейчас войне в Испании: «Вы слышали, вчера Теруэль взяли?» — «Неужели? А жену тоже?»

Но на праздную, пусть и приятную болтовню с другом времени не было, и он сразу, коротко, емко, избегая

лишь некоторых, не совсем уместных пока, деталей, рассказал почти все, что случилось за последние дни.

Овчаров молчал долго. Не задавал никаких вопросов, не ахал сочувственно и не возмущался столь непартийным и недостойным советского человека поведением Григория.

Скорее всего лихорадочно соображал, как ему теперь быть. Тайна, в которую его посвятили, по существующему кодексу поведения ответработников, да и просто по статье Уголовного кодекса должна быть немедленно доложена «куда следует». Иначе — все вытекающие последствия, вплоть до десяти лет тюрьмы.

Впрочем, за себя Шестаков не боялся. В любом случае, даже немедленно после прощания кинувшись звонить в ГУГБ, Виктор навредить ему не может. Ну, в худшем случае чекисты убедятся, что беглый нарком жив и находится (или несколько часов назад находился) в Москве.

И только. Он куда больше боялся за друга. Что тот поведет себя недостойно, «потеряет лицо». Это было бы печально. Ну и, конечно, серьезно бы осложнило исполнение дальнейших планов. Да что там осложнило, считай, сорвало бы их стопроцентно.

— Понятно, — сказал наконец Виктор совсем другим, как бы помрачневшим и несколько севшим голосом. Да и то. Любой на его месте, если и не струсил до дрожи в руках, так все равно напрягся бы. — И что от меня требуется? Убежище?

— Пока — ничего особенного. Хочу прежде всего тебя предупредить — я никогда, ни в какой ситуации, кроме как жене, не упоминал о связывающих нас с тобой отношениях. Кроме чисто служебных, да и то эпизодических, не нами организованных. Кому нужно, знают о двух наших вполне конспиративных контактах «там». Ты сам не распространялся, получая задание, о них?

— Да ты что? Я не понимаю, где живу и работаю? — возмутился Овчаров.

Тут он был прав. В те годы, да еще на загранработе, признаваться в наличии личных отношений с кем бы то ни было мог только законченный дурак или самоубийца.

— Отлично. На том и стой. Не исключаю, что с тобой рано или поздно захотят побеседовать соответствующие товарищи, хотя и необязательно. Не в связи с сегодняшней встречей, а если вздумают отследить абсолютно все мои «контакты и связи». «Не знаю, не видел, не слышал. С такого-то, всем известного, тем-то санкционированного и в отчетах отраженного момента видел только на фотографиях в газетах. Да и не тот у меня уровень, чтобы с членами правительства запросто общаться». За пределы этого — ни на шаг. Скорее всего и такого разговора не состоится, но все же.

Шестаков инструктировал товарища, уже не задумываясь, как у него логично и связно все выходит. Будто сам не один год в НКВД отслужил.

Возможно, так же подумал и Овчаров.

— Они там любят всякие фокусы, — продолжал Григорий, — то на мои показания ссылаться вздумают, то даже и протокол допроса предъявят. Не верь. Ничему. Я живым сдаваться не собираюсь ни в коем разе и вообще завтра из Москвы собираюсь исчезнуть. Надолго.

— Ты, по-моему, не о том говоришь. Как и что на Лубянке делают, я и без тебя знаю. Не только газету «Правда» читаем. Оттого нас — загранработников особым присмотром держат. И обойтись без нас невозможно, и невыносимо им знать, что имеются люди, от ежедневного воздействия их пропаганды свободные. Старик Литвинов нас защищает как может, а все равно половину полпредов уже пересажали. Вызывают в Москву, кого для нового назначения, кого якобы в отпуск — и аллес.

Овчаров длинно и тоскливо выругался, помянув и

★ вождя народов, и три основы, и три составные части марксизма. Хотя на флоте и не служил, но, в отличие от простонародья, не только тремя известными словами владел. Что до семнадцатого года не в последнюю очередь отличало аристократа от хама.

— Вот и я о том же. Все, понимаешь, хорошо. Но, кроме простого понимания, еще и делать что-то надо.

— А что? — с интересом спросил Виктор.

— Как кому. Твои, например, коллеги выбор делали разный. Кое-кто в Москву по вызову не вернулся, еще некоторые. Фамилии напомнить?

Машина в это время уже подъезжала к Смоленской площади.

— Выпить у тебя найдется? — спросил Виктор.

— Откуда? Я эту машину на время позаимствовал, скоро вернуть надо, а об этом товаре и речи не было.

— Ладно, сейчас, притормози вон там...

Шестаков остановил машину возле съезда к одному узкому и темному переулку. Справа от главной магистрали.

«Проточный» — прочитал Шестаков на табличке, и сразу ему вспомнились две темы — одна из Эренбурга 20-х годов, вторая — послевоенная. И тут же обычная мысль — какая послевоенная, после какой войны, откуда?

Овчаров исчез минут на пять и вернулся уже с бутылкой водки в руках, да вдобавок имел с собой завернутый в обрывок газеты соленый огурец.

— Нет, ты меня утомил сегодня до предела, — сказал он, снова откидываясь на вельветовую спинку сиденья. — Стакана тоже нет? Из горлышка будем. — И тут же громко глотнул, каким-то уж слишком отработанным движением сорвав засургученный картонный колпачок. — Поддержишь?

— Без вопросов. — Шестаков, хотя до последнего

времени не употреблял водку из горлышка, не было такой необходимости, лихо отхлебнул, не поперхнувшись.

Очевидно, от многодневного напряжения голову сразу повело легким кружением и теплым туманом заполнился мозг.

— Езжай, Гриша, по всему Кольцу на второй круг. Мне спешить некуда, поговорим, покурим, еще выпьем, глядишь, до чего-нибудь додумаемся... — сказал повеселевший Виктор, сбросивший уже пальто на спинку сиденья и вообще почувствовавший некоторое, безусловно, навеянное алкоголем расслабление, короткое, чреватое грядущей депрессией, освобождение от психологических оков режима.

Шестакову спешить было куда, но часы на отделанном красным деревом приборном щитке показывали только две минуты второго, и кое-какое время он Витюше мог уделить.

Он не имел оснований надеяться, что дружеские чувства, как бы сильны они ни были, заставят Овчарова отказаться от коммунистических убеждений (если они у него были), от карьеры, свободы, а то и жизни, наконец.

Уж больно это понятие — дружба — неосязаемый чувствами звук. В старой жизни, да, там понятия дружбы, дворянской чести кое-чего стоили. Ради них люди выходили к барьеру, бывало — и на эшафот. А сейчас... Но ведь и сомневаться в искренности Виктора он оснований не имел.

— Ты сам-то свое будущее как видишь? В конторе останешься или за рубеж направят все же? — спросил нарком.

— Обещают. Уже все документы выправил. Если все нормально сложится, через пару недель должен отъехать. Кстати — я со вчерашнего дня по тарифной сетке — первый секретарь.

— Это что же у вас значит?

— По-армейски взять — примерно комбриг. Или же применительно к петровской «Табели о рангах» — статский советник.

— Поздравляю. И ты в генеральские чины вышел. А от тебя мне сейчас одно требуется — по своим дипломатическим каналам переправить в Бельгию письмишко. Конверт с практически пустым бланком...

— Какого содержания? — насторожился Виктор, будто и не пил только что и разговора никакого не было.

— Точно того же, что уже десять раз через вас проходили. Специальный бланк моего наркомата, обычные реквизиты, несколько зашифрованных фраз и наборов цифр. Поскольку ты обо мне ничего плохого не слышал, никаких дополнительных инструкций не получал, сделаю вид, что конверт этот поступил к вам, ну, пятого, шестого, даже седьмого. То есть письмо ушло от нас раньше, чем меня навестили «товарищи». О чем ты, безусловно, и понятия не имеешь.

— И что?

— Мне непременно нужно, чтобы пакет по дипломатическим каналам поступил по указанному адресу определенному лицу. Как можно скорее. Теоретически это как может выглядеть?

Овчаров задумался на краткий миг.

— Если сейчас дашь мне пакет, то... Диппочта у нас пойдет в среду... В пятницу окажется в Берлине, это самый короткий путь. Ну, думаю, в воскресенье-понедельник ее твой контрагент получит.

— Годится.

— Так давай...

— А вот увы. Давать-то нечего пока. Я же не знал, встречу ли тебя и как оно все получится. Если ты согласен, письмо получишь завтра утром. По дороге на работу. Годится?

— Договорились же...

Но что-то Шестакова мучило и томило. То ли он Виктору до конца не верил, то ли все больше опасался окружающего мира, враждебного до невозможности. Сравнить это можно было только с тем, что он испытывал в военные времена, на том же форте «Павел», кстати.

Горит тротил вроде бы спокойным дымным пламенем, и не угадаешь, когда точка плавления перейдет в точку взрыва. И уж тогда...

Овчаров еще выпил, причем выпил солидно, заглотнув граммов полтора за один раз. И неудивительно. Человек, можно сказать, в одночасье менял всю свою жизненную линию. Там тебе Париж, а здесь, может быть, за углом — лубянские подвалы. И что прикажете делать? Исключительно из-за дружеских чувств на плаху отправляться? Не каждому дано, и в любом случае — не без душевных терзаний.

С другой же стороны — если прямо сейчас чекисты не схватят, так и риска почти никакого. Сунуть письмишко в огромную кучу таких же точно — и все. Зато потом...

— А вот знаешь, Гриша, если честно сказать? Я уже сто раз прикидывал: если взять и самому в невозвращенцы податься? Ну что за беда? Что теряю?

Зарплату, паек, положение. Родину, если угодно возвышенно выразиться. А что такое теперь — Родина? Мать она или все же мачеха? Почему при царе выехать на год-другой за границу — норма, были бы деньги, а сейчас — страшнейшее преступление? Ты это сам понимаешь?

Ах, да, о чем я... — спохватился Виктор. — Но ведь зато там, наоборот, хоть бы и улицы придется подметать, так свобода, безопасность, читай, что хочешь, говори и думай, в Лувр ходи каждый день, митингуй, если угодно, в ту же компартию вступай, коли душа социальной справедливости просит.

Но — без практических последствий! Ты меня понял?

— А как же. Чего тут не понять?

— Так, может, и правда — сорваться, и все?! Нет, мы с тобой, конечно, в советском духе воспитаны, капитализм нам претит как антигуманная теория и практика. Но есть же выход? Допустим, тот же товарищ Троцкий! Он же все равно товарищ? Я его труды «там» читал. Коммунист, никуда не денешься. Ближайший соратник Ильича, создатель Красной Армии, теоретик. И — честный! — Овчаров значительно поднял указательный палец. — На Западе живет, ничему ему вроде не нужно... Нет, правда, ему лично — уже ничего. А за идею болеет. Завещание Ленина знаешь?..

— Знаю... — говорить Шестакову больше было некогда. Хотя он только что решил сказать, что если Виктор ему поможет и он сумеет выехать за советский рубеж, то улицы ему подметать уж точно не придется.

Но он, хоть и был увлечен разговором, увидел в зеркале заднего вида, что проскользнувшая навстречу черная «эмка» вдруг развернулась кварталом позади и поехала следом за ними.

ГЛАВА 33

Великолепная ночь стояла в Москве. Морозец держался около пятнадцати градусов, с неба сыпался искрящийся в свете фонарей медленный и крупный снежок.

Сейчас бы сесть за стол в хорошей компании, как тогда, тридцать первого декабря семидесятого... На Ленинском проспекте, в компании молодых актеров театра имени...

А тут... Слишком пустынно московские улицы в один час двенадцать минут пополуночи, чтобы счесть

случайной эту коллизию с неизвестной машиной. Так просто не бывает. А если бывает... Ну, проверим!

Шестаков плавно прижал к полу длинную рубчатую педаль газа. «ЗИС-101» послушно рванулся вперед. Белая стрелка на круглой шкале спидометра пошла к флюоресцирующей сотне. «Эмка» сзади не приближалась, но и не отставала. Фары у нее не горели, только продолговатые подфарники на изгибах крыльев, и она то исчезала в темноте, то вновь обрисовывалась в пятнах уличных фонарей.

«Сейчас, сейчас мы все проверим окончательно, — думал Шестаков, вспоминая какую-то другую, давнюю гонку с неизвестным противником на московских же, но только летних улицах. — Вот тут сейчас будет одно хорошее место... Только не нужно ехать к центру!»

На улицах этой Москвы, в отличие от той, что непонятным образом вспоминалась Шестакову, вообще не было машин.

Нельзя же считать наличием уличного движения в столичном городе изредка появляющиеся автомобили, по преимуществу грузовики коммунального хозяйства, всякие «Хлеб», «Мясо», «Промтовары», очень редкие такси и еще более редкие машины без конкретных признаков принадлежности.

Притом, что в поле зрения едва ли видно было больше одной попутной и одной встречной машины одновременно. Поэтому не так трудно было Шестакову проверить свои предположения.

Перед самым Крымским мостом он внезапно и резко положил руль вправо. Длинную машину чуть занесло на свежей, покрывшей укатанную, смешанную с песком ледяную корку пороше, но в поворот он вписался.

— Вить, за нами гонятся.

— Кто? — словно бы не понял Овчаров.

— Пока, думаю, милиция. Продал шофер, сука! А я ему денег дал и вообще. Ты это, я сейчас тормозну за

поворотом, и выскакивай. Домой иди. А я разберусь сам и позвоню из автомата.

— Ты что? — Витюша был слегка пьян и оттого откровенен. — Вместе так вместе. У меня и пистолет есть... — Он полез в карман пальто и вытащил какой-то «браунинг» жалкого размера и калибра.

— Спрячь. Я правду говорю. Выскакивай. Мне проще будет. Не хочешь домой — иди проходными дворами на ту сторону Крымского моста. Там жди. Не подъеду через полчаса — вали домой и забудь все, что было. Вывернусь — я тебя найду. Нет — как знаешь. Может, и вправду Троцкий лучше Сталина. Давай!..

Шестаков, оглянувшись, плавно нажал на тормоз, прижимая машину вплотную к темной подворотне.

— Только без глупостей, Витя, спасибо за все и живи, как жил. Ты меня не видел и не знаешь... — Бросив вслед товарищу эти никчемные в принципе слова, нарком резко рванул машину вперед.

Тонкость его плана заключалась в том, что по странным старомосковским обычаям дугообразный Чудов переулок начинался и заканчивался на том же самом Комсомольском проспекте и не знавшие этого или просто забывшие в азарте погони чекисты сами оказались в положении преследуемой дичи. Одновременно это было и проверкой — даже в силу невероятной случайности ехавшая по одному с ним маршруту «эмка» такой петли закладывать бы никак не стала.

А зисовский мотор был куда мощнее газовского пятидесятисильного, и сейчас они увидят...

Тяжелые удары по крыше машины заставили Шестакова вздрогнуть. Он все время смотрел в зеркало и абсолютно не заметил, как Овчаров метнулся обратно и запрыгнул на задний край правой подножки. Дверца там была заперта, и он, балансируя в опасном положении, держась за тонкую ручку, бил ладонью по крыше, привлекая внимание Григория.

— Вот дурак, — выругался Шестаков, вынужденный вновь притормаживать. Дотянуться со своего места до задней дверцы он не мог. Распахнул переднюю.

Овчаров попытался влезть в машину. Тяжело дышащий и непонятно веселый.

— Ну, вот уж хрен им! Воевать так воевать до конца! Гони, начальник!

— Нет, Витя, нет! Ты мне в другом месте нужен, не запачканный и на свободе. Секунда времени у тебя, прыгай, дурак, твою мать, иначе...

Настолько, наверное, яростный голос был у наркома и настолько убедительный, что Овчаров все-таки спрыгнул с подножки, растаял в тени удачно оказавшейся рядом подворотни.

Облегченно вздохнув — одной обузой на душе меньше, — нарком с перегазовкой включил скорость, вновь разгоняя трехтонный «ЗИС», завертел руль, с трудом вписываясь в узкий и крутой поворот. Никогда он этого не умел по-настоящему, а сейчас выходило здорово! Адреналинчик в кровь, восторг от собственного мастерства, злорадное чувство при мысли о том, каково сейчас будет преследователям.

Лопухи ведь там сидят, никогда ничего легче трактора не водили, для них бы и «жигуль-шестерка» гоночным болидом представился, а уж тысячекубовая «Ямаха»...

Мелькающие в голове слова и образы Шестакова даже и не удивляли, сейчас он воспринимал все новые пробуждающиеся способности как счастливую данность, как приятный подарок судьбы. «Все действительно разумно», — так вроде бы говорил преподаватель на семинаре в институте Красной профессуры.

Он вывернул машину на длинный, прямой, освещенный редкими фонарями проспект и через минуту увидел в зеркале тусклые фары все той же повисшей на хвосте «эмки». И — на самом деле так было или поме-

решилось — приоткрылась на ходу дверка машины, вправо-вбок метнулась из нее человеческая фигура.

Похоже — послали одного из своих звонить по телефону. Ведь радиостанциями они, слава богу, еще осязаться не успели. Не то время. А вот засекли цель, увидели неподалеку будку телефона-автомата — и пожалуйста. Если так — минут через пятьдесят поднимут общегородскую тревогу, бросят на улицы все наличные силы, моторизованные и пешие, для перехвата приметного бежевого «ЗИСа» с шашечками. Тогда не уйдешь без боя. Надо все заканчивать немедленно. А как?

Он чуть ли не взмолился, обращаясь к своему новому естеству, к той непонятной силе, что в острые моменты позволяла ему действовать неслыханным для здешней реальности образом. И тут же получил ответ. Тоже не передаваемый словами, но отчетливый и убедительный.

Нет, преследователи тоже ездить умели, в пределах здешней нормы — весьма неплохо. Их машина не просто плотно держалась на хвосте «ЗИСа», а начала его нагонять. Со стороны — а они уже проскочили мимо двух или трех постовых милиционеров на перекрестках — это, наверное, напоминало правительственный выезд. Впереди, посередине улицы, большой лимузин, «эмка» сопровождения чуть сзади.

Мало ли что по этой трассе спецмашины обычно не ездили, но могли же? К примеру, в санаторий «Узкое» везут важных отдыхающих.

Метров с тридцати преследователи начали стрелять. Видно, нервы не выдержали или имели команду не отпускать беглеца ни в коем случае. А то ведь до выезда из города совсем недалеко, и не угадать потом, в какую сторону ему вздумается отрываться и как ориентироваться тем, кто примет телефонный звонок оперативника.

А на часах уже стрелки далеко перевалили за первое деление. Полчаса остается, чтобы все закончить,

вернуться к Власьеву. Другого случая может и не предстаться, раз пошли такие вот дела.

Пять револьверных хлопков, которые услышал Шестаков, его не испугали. Стрельба из движущейся машины по быстроходной цели могла принести успех только случайно. Это Жеглов в кино попал в «Студебеккер» почти сразу, а здесь...

Зато руки у наркома были теперь развязаны и совесть, если она вообще имела к происходящему отношение, — чиста. Все-таки первым начинать действия с известным результатом ему по-прежнему было психологически трудно.

А вот теперь — пожалуйста. Он только защищает свою жизнь и свободу.

Его никогда не учили подобному. Более того, он не читал о таком даже и в книгах. Однако, словно десятки раз отрабатывал маневр на полигоне, Шестаков на точно выверенный угол подвернул руль, одновременно прижал педаль тормоза. «Управляемый занос», вспомнил он название того, что сейчас проделывал. Покрытая укатанным снегом мостовая идеально для этого подходила.

Машину боком понесло вправо, к тротуару. Шестаков сделал еще несколько резких движений рулем, одновременно отпуская тормоз, перегазовал, выжал сцепление и перебросил влево и назад длинный рычаг скорости. «ЗИС» развернуло почти на 180 градусов.

Наплывающий отчего-то медленно-медленно радиатор «эмки» нарком увидел чуть-чуть левее длинной хромированной планки, идущей вдоль капота, как прицельная линия, буквально в десятке метров.

Откинувшись назад, упираясь в руль вытянутыми руками и невольно зажмутив глаза, он до пола вдавил педаль газа.

Невероятно долгая пауза, потом гулкий удар, лязг

сминающегося металла, звон стекла, похоже — вскрик. Тишина.

Шестакова бросило вперед, он ударился грудью о баранку, но не сильно. Открыл глаза. Толстое стекло «сталинит» выдержало. А вот «эмке» досталось куда больше. Облицовка радиатора уехала вверх и назад, боковые щитки капота раскрылись, словно крылья птеродактиля, переднее стекло покрылось густой белой паутиной. Над мотором поднимался столб пара.

Нарком дернул дверную ручку, мельком подумал — «лишь бы не заклинило». Выскочил наружу.

Черная «эмка», судя по первому впечатлению, восстановлению не подлежала. Уж больно ее исковеркал таранный удар лимузина, кованая рама которого далеко выступала за пределы кузова. Для того, возможно, и делалась.

...И конечно, первым делом, невзирая на ссадину на правом виске, из которой текла по щеке липкая и теплая кровь, Шестаков выдернул «наган» из кармана.

Он теперь был настоящим рейнджером.

Мало ли что чужая машина напоминала смятую консервную банку, отброшенную ударом до черного ствола раскидистой липы у дома на той стороне улицы. А вот соберется с силами кто-то внутри, пусть даже и умирающий уже, и пальнет навстречу...

Поэтому Шестаков подходил к машине со всей осторожностью. Ему даже было и несколько жаль этих неизвестных парней в машине, пострадавших неизвестно за что. Они ведь тоже, попросту говоря, всего лишь исполняли служебный долг...

«Так ведь и немцы при печах Освенцима исполняли его же...» — подумалось мельком.

В машине чекистов было трое. Водитель и передний пассажир погибли сразу, тут и смотреть нечего было, а тот, что сидел сзади, шевелился и выглядел почти невре-

димым. Он постанывал и держался обеими руками за голову.

Контузия скорее всего, и не слишком тяжелая, если только нет повреждений внутренних органов. Мысль тоже была мимолетная, не требовавшая от наркома специальных усилий. Профессиональная мысль человека, не один год проработавшего врачом «Скорой помощи».

И так же профессионально он охлопал карманы погибших, одетых, между прочим, в штатские пальто, но поверх форменных гимнастеров с петлицами. Знаки различия Шестаков смотреть не стал.

Хотел было забрать у них револьверы. Тот, что сидел справа, так и держал свой «наган» в сломанной руке, а у водителя он был в кобуре на поясе. Но тут же сообразил — зачем? Лучше вложить и второй «наган» обратно в кобуру. Кому нужно, поймут, конечно, что из него недавно стреляли, но заметят это не сразу.

Может быть, только завтра. А пока эта история вполне тянет на обычную аварию.

На большой скорости машину занесло на гололеде, и она врезалась в дерево. Но такая легенда, способная хоть на полсутки ввести в заблуждение следствие, пройдет, если удастся завести «ЗИС» и уехать с места происшествия.

На вид повреждение у него небольшие, только смят никелированный бампер и задрано вверх левое крыло.

Он убедился, что милиционер хоть и жив, к активным действиям пока не способен, и вернулся к своей машине. Навалился всем телом, крыло со скрипом стало на место. Включил зажигание. Стартер несколько раз провернулся, а потом взревел и мотор. Отлично!

Он перетащил стонущего чекиста в салон «ЗИСа», уложил на широкое заднее сиденье.

Трогая машину, Шестаков еще и успел оглядеться. Поразительная картина, между прочим. Длинный и совершенно пустой в обе стороны проспект, освещенный

редкими лампами под жестяными абажурами, раскачивающимися и скрипящими под ветром. Ни души. Несмотря на выстрелы и грохот столкнувшихся машин.

Кто-то, может быть, и смотрит из черных окон домов, даже, наверное, набирает телефон ближайшего отделения милиции, но вообще — мертвая тишина.

Сюрреализм. Антониони, кажется, такие мизансцены любил снимать...

«ЗИС» пошел вдоль бордюра, словно прихрамывая. Его все время тянуло вбок, наверное, повреждена подвеска, и внутри мотора что-то хрипело, вздыхало, побрякивало. Не машина, а раненая лошадь. Да и черт с ней, километра бы на три-четыре хватило, дотянуть до моста, где его должен ждать Витюша, а потом к наркомату.

— Эй, мы куда едем? — раздался вдруг слабый голос с заднего сиденья. Пришел в себя, значит, пациент. Но, судя по характеру травмы, у него должна быть ретроградная амнезия. То есть когда не помнишь, что было непосредственно перед ударом.

— Лежи, не дергайся, — ответил Шестаков. — Куда надо, к Склифосовскому.

— А что со мной? Ох, голова раскалывается...

— Что надо. Разбились вы с друзьями в аварии. Пить меньше надо...

— Дак мы разве пили? Мы вроде на работе...

Вот разговорчивый да памятливым попался!

А Виктор действительно стоял на мосту в указанном месте. Злой, замерзший, хмель из него напрочь выдуло морозным ветерком, и, наверное, клял он сейчас и себя, и старого друга, который втянул его в совершенно идиотскую, чреватую потерей не только должности, но и головы историю.

Он повалился на сиденье, матерясь и стряхивая с усов ледышки.

— Ну и что? Вывернулся?

Помятого крыла он со своей стороны не увидел.

— Надеюсь, да. Только конь мой железный на глазах сдыхает. Нам бы местечко укромное найти, да поближе, поговорить надо. И дальнейшие вопросы решить.

— Укромное? Так давай назад в парк Горького заедем, сразу влево с моста и через Якиманский переулок, там глухих аллеек полно...

Овчаров знал Москву гораздо лучше Шестакова, который вообще был петербуржцем, а по столице пешком не ходил уже, наверное, лет пять.

— Мысль, однако, я и не сообразил...

Заехали, остановились.

— А кто это у тебя там? — спросил Виктор, услышав очередные стоны и шевеление сзади.

— Как бы получше сказать — «язык». Захвачен в ходе скоротечного встречного боя. Сейчас мы с ним и побеседуем. У нас водки не осталось?

— Откуда же? — удивился Виктор. И вдруг его осенила гениальная идея. — Слушай, машина-то у тебя таксистская?

— Ну?

— Они же всегда с собой водку возят на продажу, особенно по ночам. Сам брал не раз. Давай поищем!

И ведь нашли. В багажнике, в клеенчатой сумке между запасным колесом и деревянным ящиком с какими-то автомобильными железками. Целых пять бутылок. Правда, три из них разбились при столкновении, но две уцелели в катаклизме, и Овчаров с торжествующим видом подкинул их в ладонях.

— Я же говорил! Куда наливать или опять из горлышка?

— Подожди, нам сейчас пить — ни в коем разе! А вот «языка» убоготворить надо. Ему хуже пришлось. Вздобрится — и побеседуем...

Влили грамм полтораста в рот милиционеру, тот

сначала только вяло шевелил губами, водка текла из углов рта на воротник, потом распробовал, несколько раз глотнул уже с жадностью, шумно отдышался.

Но по-прежнему, хоть и миновал шок, не понимал, где находится и что случилось.

— Ох, ребята, что-то плохо мне, к врачу скорее бы...

— Сейчас, сейчас. Только скажи, как вы этого гада засечь успели?

— Какого?

— Да за кем гнались, не помнишь, что ли?

— А-а... Ну как? Обыкновенно. Команда поступила, приметы, поехали мы, кажется, Балабанов и говорит — давай по кольцу пойдем. Другие как там еще, а мы по кольцу. Вдруг ему быстро надо...

«Умный человек был Балабанов», — подумал нарком.

— Поехали. Потом увидели, по приметам подходит. Балабанов кричит: «Вот он! Гоните! А я подмогу вызову. «Перехват» объявлю. Только не упустите». И выскочил. А мы поехали...

«Живой Балабанов, значит», — посетовал Шестаков.

— Поехали, а потом?

— Потом Скачков стрелять начал. Раз он не остановился.

— И все?

— И все. Ничего больше не помню...

Видно было, что ему стало совсем плохо. Голос у него то сипел, то срывался на задыхающийся крик, он пытался подняться повыше на сиденье, скреб пальцами по вельветовой обивке и вновь сваливался набок.

«Перелом основания черепа? — пытался поставить диагноз Шестаков, который и слов таких, считай, никогда не слышал. — Или просто тяжелое сотрясение?» — Он чувствовал себя как студент третьего курса, прогуливавший занятия по травматологии, а на первой прак-

тике вдруг столкнувшийся всерьез с тем, о чем лишь краем уха слышал на лекциях.

И не знал, умрет ли пациент в ближайшие минуты, или все обойдется и нет причин для беспокойства.

Шестаков щелкнул пальцами, протянул руку. Овчаров, правильно поняв, подал ему удостоверение милиционера. Оперуполномоченным горотдела он был.

— Василь, эй, Василь, подожди, не отключайся. Скажи, кто вас на задание посылал, что сделать-то поручили?

— Как что, а то ты не знаешь? — чекист явно принимал Шестакова за своего товарища, возможно, того, что сидел рядом с водителем.

— Да я же тогда с вами не был, а сейчас подменять придется...

— А... Так это... Из тюрьмы... Сбежал... Рецидивист... Особо опасный... У таксиста... Машину захватил... «ЗИС» номер... Вооружен... Взять. Любой ценой... но живого... — Василий Паничев упал лицом вниз на сиденье, его начало крутить судорогой, словно при эпилептическом припадке. Ничего больше добиться от него было нельзя.

Но и то хоть ясно стало, под какой легендой его сейчас ловят.

— Эй, так что делать будем? — спросил порядочно ошалевший от всего происшедшего Овчаров.

— Сейчас... — Шестаков потрогал пульс чекиста. Тот вообще или почти не ощущался, или вдруг начинал резко и неритмично отдавать в палец, которым Шестаков прижимал вену.

Кто его знает, возможно, и не жилец. Ну, так тем лучше. Стрелять в голову раненому человеку Шестаков абсолютно не хотел, хотя и знал, что сделать это необходимо. Профессионал ведь перед ним, судя по документу, должен обладать соответствующей памятью и навыками.

Но если парень и без того плох, можно и не брать грех на душу.

— Давай-ка, Вить, пересадим его на водительское место, за руль. И влей ему еще грамм сто...

Непослушные губы и коснеющий язык чекиста уже не повиновались ему, большая часть водки пролилась мимо или вытекла из углов рта на воротник.

— Ну, неважно. Брось бутылку рядом. Пусть потом гадают, что, как и отчего... — Шестаков вложил в карманы чекиста и «наган», и удостоверение, устроил его на сиденье поестественнее. Словно бы человек в пьяном виде врезался во что-то, потом, ничего не соображая, заехал в парковую аллею и здесь окончательно отключился.

Или даже умер. Недопитая бутылка с только его отпечатками пальцев, валяющаяся на сиденье рядом, рассыпавшиеся из пачки «беломорины» на коленях и полу должны доставить лубянским экспертам некоторую пищу для размышлений.

Но тут Шестаков взглянул на часы. До намеченной с Власьевым встречи оставалось всего пять минут. Какие тут, к черту, психологические изыски, когда времени совсем нет и, судя по развернувшейся на них охоте, больше и не будет.

— Давай, Витя, все переигрываем. Сажаем этого орла на скамеечку, и пусть отдыхает. Выживет — его счастье. Нет — а ля гер ком а ля гер. Цейтнот у меня.

Выворачивая в ближайший узкий переулок, ведущий приблизительно в нужном направлении, нарком продолжал говорить, решительно перебив желание Овчарова задавать еще какие-то вопросы.

— Все, что можно, потом узнаешь. Утром. Я к тебе еще до работы заскочу. А сейчас заброшу к Павелецкому, оттуда как-нибудь доберешься. Такси найдешь или хоть извозчика. Главное — вмертвую забудь, что меня видел и вообще. Придется вдруг показания давать — го-

вори правду. На работе выпил с устатку, потом в вокзальном буфете добавил, как домой приехал — помнишь плохо. Но номер такси и приметы водителя как бы случайно, а запомни.

В машине води себя соответственно. Пусть лучше алкашом тебя посчитают, чем...

ГЛАВА 34

Хотя опоздал Шестаков всего на пятнадцать минут, Власьев уже и замерз, и изнервничался.

Зато остальное было достаточно просто.

Минута, чтобы забраться с помощью веревки в окно, тихонько озираясь и ступая на носки, подкрасться к двери собственной приемной. На весь коридор горела лишь одна слабая лампочка, но ее света Шестакову было достаточно. Он бы и на ощупь не ошибся.

Лезвием безопасной бритвы срезал с веревочки сургучную печать.

Ключ от кабинета бесшумно повернулся в замке.

Власьев с револьвером на изготовку на цыпочках прокрался к лестничной площадке, хотя опасаться было практически некого.

Широкая чугунная лестница с ажурными перилами тонкого литья плавными изгибами спускалась вниз, поддерживаемая ребристыми дорическими колоннами. Или ионическими, Власьев точно не помнил, в Морском корпусе историю искусств преподавали так себе. Но сделано хорошо, красиво, человек должен испытывать уважение к самому себе, неспешно поднимаясь по ступеням с тщательно продуманной высотой и углом наклона.

Пролет зияет темнотой, только со стороны парадного входа на цветной кафель пола падает отблеск света дежурной лампочки.

Вахтер внизу, наверняка уже заснувший после не-

пременной чашки чая с бубликами за своим столом перед надежной двойной дверью. А больше ни души в этом огромном здании не осталось после того, как его покинул шестаковский зам, которому выпала нелегкая участь вести дела, официально их не приняв и не понимая, куда исчез «шеф». В очередную секретную командировку отбыл или — по известному адресу?

Кабинет наркома, такой же просторный, как и все подобные помещения начальников соответствующего ранга, ночью казался просто необъятным. Паркет под окнами едва освещался уличным фонарем.

Но света сейчас Шестакову требовалось побольше. Сейф-то он найдет и на ощупь, а вот нужные бумаги в темноте искать затруднительно. Пришлось задернуть шторы, и лишь потом включить настольную лампу, повернув в нужном направлении ее черный раструб.

На стене стал виден подаренный делегацией братьев по классу плакат: республиканский летчик на фоне лобастого капота истребителя «И-16», над ним, среди пухлых облаков, еще звено таких же «чатос», атакующих уже горящий вражеский бомбардировщик, и наконец надпись крупными алыми буквами по-испански: «1938 — год Победы!»

Чуть подвернув лампу, Шестаков осветил замочную скважину сейфа.

Так. Отключить звонок сигнализации. Попутно мелькнула мысль — а что, если тут есть еще одна линия, неизвестная и ему самому? Раньше подобное и в голову бы не пришло, а сейчас он помнил столько уловок спецслужб, что не удивился бы наличию в собственном кабинете и подслушивающих устройств, и даже новомодной телекамеры. Хотя, конечно, должной портативности они здесь еще не достигли.

Толстенная, как в башне главного калибра линкора, дверь сейфа отошла с тихим вздохом пневматического демпфера. На ее внутренней, окрашенной зеленой эма-

лью стороне вспыхнула золотом начищенной бронзы фирменная марка «СПБ завод Крейтона». В глубине — еще одна дверца, маленькая, и ключ к ней тоже маленький и изящный. И вот, наконец, оно, искомое, ценой в 15 миллионов долларов.

В кожаной папке, одной из десятка таких же, — стопочка бланков на шелковистой бумаге, с пространым грифом несуществующей фирмы, узкая чековая книжка. Тут же — медный футлярчик, в котором хранилась специальная печать, без которой все эти платежные поручения и чеки не имели никакой силы.

А на самом дне ящика — две пачки пятидесятидолларовых банкнот и одна, потоньше — фунтов стерлингов.

Все!

Шестаков сунул папку за пазуху, под ремень, деньги и футляр с печатью рассовал по карманам. Осталось только привести все здесь в прежний вид и...

Вдалеке, едва слышный за несколькими толстыми звукоизолирующими дверями, хлопнул револьверный выстрел. Один. И после секундной паузы — целый залп. Из многих стволов.

Совсем как позавчера в Кольчугине. Сюжет повторяется со скверным постоянством. «Тенденция, однако», — неуместно всплыла в памяти фраза.

Шестаков все же запер обе дверцы сейфа. Совсем не нужно, чтобы те, кто придут сюда через час или два, догадались, что именно неизвестный вор здесь искал.

В том, что ему удастся уйти и на этот раз, новая сущность Шестакова не сомневалась. У него было много вариантов ухода, или, как выражались на флотах в прошлом веке — «обратной амбаркации», то есть возвращения на корабли после завершения десантной операции, неважно, удачной или нет.

Надо, чтобы эта увенчалась успехом. Иначе зачем все?

Секунда потребовалась, чтобы добежать до двери кабинета, еще одна — чтобы повернуть ключ, третья — вложить на место веревочки печати.

А вот замазать специально приготовленной пастой обломленные края сургучной бороздки — уже некогда. Каждый лишний момент промедления может стоить жизни Власьеву.

Он, судя по звукам, сейчас отступает вверх по лестнице, прячась за колоннами, экономно стреляя.

Этакий Леонид при Фермопилах. Если там не рота нападающих, а там не рота — человек пять-семь максимум, им очень трудно заставить себя броситься в самоубийственную атаку. Марши лестницы, столь удобные для неспешного подъема, оказываются чересчур длинными и пологими под прицельным огнем.

Под острым углом пересекая коридор (здесь грохот выстрелов звучал куда эффектнее и убедительней), Шестаков увидел спину прижавшегося к изгибу арки Власьева. Оценил выбранную им позицию.

Нападающие, поднимаясь вверх, непременно должны были оказаться на площадке между вторым и третьим этажом, которая великолепно простреливалась сверху.

Им же, чтобы поймать на мушку почти невидимого за решеткой перил врага, нужно было или остановиться под огнем, или суметь пробежать еще один длинный лестничный марш. А это секунд пять, которые прожить очень непросто.

Двое, убитые или тяжело раненные, разбросав руки, уже лежали на площадке, не делая попыток шевелиться. Остальные, похоже, отступили и совещаются.

— Что там, сколько их? — подскочив к товарищу, спросил нарком.

— Я видел пятерых. Возможно, есть и еще.

— Ясно. Срываемся. Если квартал вообще не окру-

жен... Бегите, Николай Александрович. До окна. Там и ждите.

Вдруг что-то ему показалось очень странным. Так просто быть не могло!

— Дырки! Где дырки на стенах, лейтенант? Или хоть рикошет вы слышали?

Власьев уставился на него недоуменно.

Тут и его озарило:

— В самом деле! Ни одного рикошета от стен. Только шлепки какие-то.

— Ну, цирк! Ладно. Делайте седьмой выстрел и бегите, погромче топая ногами.

Сам он спрятался за шкафчиком пожарного крана за углом коридора. Сунул «вальтер» за голенище. Чекисты стреляют пластиковыми пулями?! Откуда? В это время? Поразительно! Что-то здесь очень не так. Ну ладно, сыграем в те же игры.

Не меньше минуты внизу пытались сообразить, что происходит, и принять решение. Наконец догадались — у защитника лестницы кончились патроны.

Сразу четыре человека кинулись на штурм «последнего редута».

Они пробежали мимо Шестакова, трое — в обычной форме НКВД, четвертый, приотстав и явно не торопясь, — в гражданском пальто и шапке. Очевидно, старший здесь.

Шестаков, словно гигантская обезьяна в дебрях Борнео, бесшумно вылетел из-за своего укрытия, в несколько мягких прыжков догнал охваченных азартом преследования чекистов, увидевших, конечно, брошенный на лестничной площадке «наган» и теперь ничего не опасавшихся.

Убивать нарком никого больше не хотел, надоело ему убивать людей, не способных оказать достойного сопротивления.

★ Тем более что Власьев и так только что положил двоих, заведомо, как выяснилось, безоружных.

Штатского он сбил с ног обычной подножкой, к которой добавил резкий толчок в плечо. Такой, что тот врезался в стену и обмяк, «придя в изумление». А остальных, которые, с его точки зрения, не бежали, а словно плыли в густой и вязкой жидкости, казавшейся им воздухом, по очереди снес одинаковыми, словно бы сабельными, ударами ребром ладони под угол челюсти. Стандартный, без всяких изысков, хорошо поставленный трюк. Никто и дернуться не успел. И не дернется в ближайшие часы.

Так все интересно здесь складывалось, что Шестаков решил прихватить с собой «языка». Еще ведь ничего не кончено, и следует выяснить многое.

Каким образом их все же выследили, почему попытались задержать столь странным способом, какие вообще планы имеются у чекистов на их счет. Нестандартных, судя по поведению, чекистов.

Задача не казалась сложной. Рывком за воротник он поднял человека в штатском, ткнул ему в подбородок ствол «вальтера», прошипел сквозь зубы, будто после давешней бешеной стрельбы требовалось соблюдать тишину:

— Молчи! Руки за голову. Оружие где?

Буданцев внял приказу, молча указал глазами на левый карман пальто.

Там действительно оказался небольшой пистолет. А еще — две пары блестящих наручников.

— Отлично. Какой ты предусмотрительный. Вперед. — Он указал сыщику, куда именно следует идти.

Власьев снизу, а Шестаков сверху наблюдали, как Буданцев спускается из окна по веревке. Потом нарком заклинил дверь туалета воткнутой наискось шваброй — долго будут дергать, пока за топором не сбегает — и

соскользнул вниз сам, не забыв притворить за собой и окно.

Лишь на земле подумал: «К чему эти изыски? Если с поличным не схватят, так какая разница, часом позже или раньше разберутся, каким путем нам удалось скрыться».

Просто действовала в нем стереотипная, не им придуманная и на какие-то другие случаи рассчитанная программа.

Не зря Шестаков, готовя операцию, предпринял хитроумные предосторожности. И поставил свой, пусть и засвеченный уже, но надежный и быстроходный «ЗИС» подальше, в узком, темном, выходящем совсем на другую улицу Банковском переулке.

Не желающий раньше времени получить вполне смертоносную, отнюдь не пластиковую пулю муровец, пересиливая себя, признался сквозь зубы, что напротив главного входа в наркомат кое-кто ждет результата акции.

«Кто — это потом разберемся, — решил Шестаков. — А пока уносим ноги».

Через три двора, перебираясь по крышам сараев, по мусорным ящикам, сквозь неизвестно кем и когда сделанные проломы в заборах, они со своим пленником, скованным на всякий случай его же наручниками, выбрались к машине. Теперь Шестаков боялся только одного — что мотор сразу не заведется, застынет на все крепчающем морозе, заправленный водой, а не антифризом.

Однако и тут обошлось. Отсутствовали они, как оказалось, меньше пятнадцати минут, и стрелка на приборном щитке показывала температуру между 40 и 60 градусами. Шестаков вытянул подсос, подкачал бензин педалью акселератора, и мотор схватил сразу, взревел, выстрелил пару раз, но после умелой подгазовки зафырчал ровненько, готовый к делу.

На какое-то, естественно, очень короткое, время они ощутили себя в безопасности, как в успевшей погрузиться до начала атаки глубинными бомбами подводной лодке. Что будет дальше — посмотрим, а пока успели!

Потустороннее знание подсказывало Шестакову, что наличных сил московской милиции и прочих дружественных ей организаций не хватит, чтобы перекрыть абсолютно все улицы и переулки. Но случайно влететь туда, где посты все же имеются, шансы тоже были. Поэтому он обратился к пленнику, который смиренно сидел на заднем диване рядом с Власьевым.

— Ну, давай, браток, подсказывай, как нам без потерь пробиться? Имей в виду — на засаду нарвемся, первая пуля твоя. Мы, может, и опять убежать сумеем, а ты — точно нет.

Буданцев вздохнул. Умирать ему совсем не хотелось, а то, что он знал об этом человеке, не оставляло сомнений в серьезности его намерений. Неизвестно, отпустит ли он его живым потом, но что при встрече с милицейским или чекистским патрулем сидящий рядом человек выстрелит ему в бок, сыщик не сомневался.

— Насчет постов ничего не могу сказать. Я их не ставил. Команда на поиск вашей машины была, да. Прошла два часа назад.

— Сережа, сука, продал-таки? — без особого удивления спросил Шестаков, сворачивая с Кирова в безопасную, на его взгляд, узкую и темную улицу Мархлевского.

— Таксист, что ли? — уточнил Буданцев. — Да, позвонил в милицию. Все рассказал, дал приметы. Объявили общегородскую тревогу.

Об остальном он решил не говорить. Как еще до сообщения об угоне такси Лихарев собрал собственную опергруппу и раздал всем специальные «усыпляющие» патроны, особо проверил, чтобы ни у кого не осталось при себе боевых. Потом они долго ждали неизвестно

чего, сидя в двух машинах, пока Лихарев не выбежал из подъезда и приказал гнать сюда, в Кривоколенный. И, наконец, заметив через специальный прибор отблеск света в окне третьего этажа, Валентин дал команду на захват. План здания у них имелся, и все действия были детально оговорены, а вот не заладилось.

Не оттого смолчал Буданцев, что надеялся на помощь, а просто считал, что незачем. Без пользы в данной ситуации. Сказал другое:

— Переулками поедете, как начали, возможно, и не попадетесь, до поры, конечно.

— А он умный, — иронически сказал Шестаков Власьеву. — Давайте его ко мне пересадим, ехать будем — и разговаривать. А то шею неудобно выворачивать все время. Ствол, конечно, у затылочка держите по-прежнему, коллега.

На секунду он остановил машину. Буданцев со сцепленными за спиной руками неловко пристроился на переднем сиденье.

— Вот так. И вам удобнее, и мне. Закурить желаете? Угостите его, друг мой. — Шестаков упорно не называл напарника ни по имени, ни по фамилии, и у опытного сыскаря Буданцева это родило некоторую надежду. Решил бы убить — не стеснялся в выражениях. И то, что стало известно о кольчугинской истории, тоже говорило в пользу наркома. Убивать он явно избегал.

Что же касается случившегося в квартире, ясности об этом эпизоде Буданцев так и не имел.

Переулков в Москве, слава богу, достаточно. Коротких и длинных, прямых и изгибающихся под самыми немыслимыми углами, которыми можно просквозить весь огромный город, ни разу не появившись на освещенных и контролируемых улицах.

Беда в другом — до сегодняшней ночи Шестаков понятия не имел о существовании большинства из них. Он оказался в Москве в том возрасте и в той служеб-

ной роли, когда по улицам, за исключением самых близких к дому и месту службы, пешком уже не ходят. Тем более — просто так, для интереса и удовольствия.

Но, однако, выяснилось, что он их все же знал. Не хуже московского извозчика — ветерана кнута и облучка. Словно в мозг ему спроектировалась подробнейшая схема. Причем — с заранее нанесенным оптимальным маршрутом.

Нога сама подтормаживала перед поворотами, а руки вертели руль — с Мархлевского на Костянский, по Ананьевскому на 1-й Коптельский, вдруг резко вправо на Безбожный, потом на Переяславку, на Пантелеевскую — вдоль железнодорожного полотна, с нее вправо на переезд, мимо Пятницкого кладбища (здесь можно резко прибавить газу) — и снова направо, в одну из Сокольнических просек.

Тишина, темнота, безлюдье, снова ощущение свободы и почти что счастья. Проскочили, прорвались! Сотни заснеженных гектаров леса вокруг. Погони нет. А если бы и появилась — звук мотора и свет фар можно будет засечь очень заблаговременно. На все времени хватит — и отъехать бесшумно в следующий лесной квартал, и «языка» ликвидировать, и даже пешком уйти, бесследно растворившись в левитановских аллеях.

До утра недалеко. Если ничего не случится — в половине шестого откроется метро, доедем до Киевского, повидаемся с Овчаровым, а там можно и домой, на утнувший в снегах кордон.

Впрочем, счастье и радость — они не для всех.

— У нас там вроде кое-что осталось? — спросил Шестаков у Власьева, забыв, что тот не присутствовал при сцене в Нескучном саду. Опомнившись, объяснил, о чем речь. Из кармана на дверце извлек оставшуюся бутылку. В просторном заднем отсеке, используя откидные сиденья как столик, выпили, пожалев, что закусить

нечем, за успех и чтобы окончательно привести в порядок нервы. Поднесли стаканчик и пленнику.

— Даю слово офицера, — вспомнил совсем уже забытую лексику Шестаков, — если расскажете сейчас все и откровенно, убивать вас не буду. Мне это просто незачем. Пристегну наручниками к рулю — и сидите до утра. Мотор заведем, печка работает — не замерзнете. А уж там — как получится.

— Плохо получится, — хмыкнул Буданцев. — Вы ж должны представлять, что со мной после всего происшедшего сделают.

— Если не расстреляют — все остальное переживаемо, — успокоил его Шестаков. — Думаете, мне весело бегать сейчас, как загнанному зайцу? Однако бегаю, поскольку даже такая свобода лучше пыточной в Сухановке или безымянной могилы.

— Это так, — согласился Буданцев. — Только мне предстоит как раз камера. А я из нее только позавчера чудом выбрался. Еще не нальете?

— Запросто. Пусть бутылка и последняя, но вам нужнее. Мы, если повезет, найдем где добавить, вам же куковать придется долго. Что вы там насчет камеры сказали? Подробнее, если можно.

Буданцев, которому спешить было некуда, довольно точно изложил суть предыдущих событий.

— Интересно, даже весьма интересно, — протянул Власьев. — Но об этом будем размышлять позже. Сейчас нужно сматываться.

Шестаков считал совершенно так же, но сказанное Буданцевым вызвало у него гораздо больше эмоций, чем у старшего лейтенанта.

— Что же мне с вами-то делать, коллега? — обратился он к сыщику. — Я вам очень сочувствую. Однако вы же нас немедленно и непременно выдадите. Вот если б вы дали слово, что хоть до обеда время протянете.

Жить Буданцеву хотелось, очень хотелось. И нар-

ком в самом деле вызывал в нем сочувствие. Но в то же время...

Шестаков его понял.

— Черт с вами. Не могу я вас сейчас застрелить. Поступайте, как совесть подскажет. Только все шины проколоть придется, а то вы, чего доброго, уехать вздумаете... Руль-то крутить можно и в наручниках.

— Если вы столь гуманны, что хотите оставить ему машину с работающим мотором, — вмешался Власьев, — с чем я лично категорически не согласен, то вернее будет сломать рычаг переключения скоростей, поскольку на спущенных колесах куда-нибудь доехать все равно можно.

Такой интересный пошел, чисто мужской, технический разговор. После пары сотен граммов.

Пришло время сказать слово и Буданцеву, поверившему, что убивать его не станут.

— Ваши опасения напрасны. Если наручники застегнуть вокруг рулевой колонки, то до скорости мне никак не дотянуться.

— Если потрудиться, то можно и ногами первую включить, а то и зубами даже, — задумчиво возразил Шестаков. — Впрочем, все это ерунда. Не о том говорим.

Свет фонаря ударил ему в лицо. Шестаков машинально прикрыл глаза рукой, в которой был зажат «вальтер». Сквозь опущенные ресницы он различил темную фигуру человека, в отставленной руке которого тоже поблескивало нечто огнестрельное.

— Бросьте оружие, товарищ нарком. У меня к вам тоже есть вопросы.

Лихарев, а это был он, настолько верил в свое превосходство над любым человеком в этом мире, что, несмотря на имевшиеся уже у него сведения о необычной манере поведения Шестакова, не предпринял никаких специальных мер безопасности. Да вроде и незачем

было — момент полной внезапности, расстояние около шести метров, наведенный на наркома длинноствольный «маузер», а пистолет Шестакова оказался в совершенно непригодной для ответного выстрела позиции.

— И не делайте резких движений, — продолжал Валентин, одержимый распространенной слабостью — словесным недержанием перед лицом уже бессильной жертвы, — побегали вы достаточно, пора и остановиться. Бросьте оружие, и поговорим спокойно, благо есть о чем.

Незнакомец говорил вполне доброжелательно и любезно, но Шестакову показалось — издевательски. Что и действовало известным образом.

Подчиняясь команде подкорки, Шестаков, который стоял, опираясь ногой о подножку «ЗИСа», правой рукой демонстративно бросил на землю «вальтер», а левой резко подсек сзади свою каракулевую шапку, швырнул ее в лицо очередному врагу. Сам же он, абсолютно неожиданно для окружающих, мощным толчком бросил тело вверх, ухватился руками за горизонтальный сук, отходивший от древесного ствола не меньше, чем в трех метрах от земли.

Качнулся, как на гимнастической перекладине, словно собирая крутнуть «солнце», но в точно рассчитанный не им, а его тренированным, знающим, что делать, телом момент разжал пальцы. В полете развернулся винтом на 180 градусов и сзади обрушился на плечи Валентина.

Все заняло едва ли больше секунды. Только-только Лихарев успел машинально перевести взгляд на падающий пистолет, тут же тяжелая шапка хлестко влипла ему в переносицу, и вот он уже лежит в сугробе, с рукой, завернутой за спину, а его «маузер» перешел к наркому и упирается холодным дульным срезом в ямочку у основания черепа.

Власьев, а тем более Буданцев вообще ничего не по-

няли. Да и Валентин, поднимаясь с колен и морщась от боли в плече (не сломано ли?), только начинал догадываться, что столкнулся с куда более серьезным противником, чем мог вообразить.

Даже убедившись, что посланная им опергруппа частично уничтожена и полностью обезврежена, а преследуемый исчез вместе с Буданцевым.

Так кто же там скрывается, внутри пока еще латентной матрицы, и что будет, когда она активизируется полностью?

Но леди Спенсер не предупреждала о какой-то особенной опасности объекта, значит, виной только его собственная неосторожность. Не стоило загонять в угол и без того находящегося в крайнем нервном напряжении человека. А то, что «нарком» проделал сейчас, не принадлежит ни к одной из известных боевых систем. Скорее — обычная акробатика плюс невероятная скорость движений.

— Встать! К дереву! Упрись руками! Ноги врозь и пошире. Лейтенант, общите его. Потщательнее. Кто таков? Как сумел нас выследить?

Чтобы прекратить неприятную, даже унижительную для него сцену, Лихарев отчетливо, но тихо, чтобы не слышали ошеломленные случившимся Буданцев и Вла-сьев, произнес словесную формулу активизации матрицы. И добавил:

— Спокойно, Шульгин. Свои.

Как несколько дней назад (или почти 50 лет вперед), черная вспышка выбила Шульгина из здешней реальности и отбросила в собственное тело, пребывавшее на затерянной где-то в Кордильерах вилле Сильвии, так сейчас он вернулся обратно (неизвестно откуда), испытывая тот же шум в ушах и легкую тошноту.

Словно провалился в воздушную яму на легком самолете.

Ведь вот только что он сжимал в руках рулевое ко-

лесо «ЗИСа», и метались по заснеженному асфальту лучи фар, вспомнилась даже последняя мысль, сожаление, что вряд ли ему будет позволено слишком долго руководить действиями наркома, и вот он стоит посреди неизвестно откуда взявшейся поляны в зимнем лесу, сжимая в руке тяжелый чужой пистолет.

Между тем и этим моментами — абсолютный провал. Что уже успело случиться и что теперь ему следует делать?

Лишь в следующее мгновение произошло новое, с обратным знаком совмещение личностей его и Шестакова. Сашка вспомнил все, что говорил и делал нарком за прошедшие дни. Заодно Шульгин понял, что теперь полностью отвечает за все. А наркома больше как бы и не существует. От него осталась только память, столь же неодушевленная, как хард-диск компьютера.

Григорию Петровичу теперь даже и пожалеть нечем о столь неожиданном завершении собственного существования.

Впрочем, Шульгин не собирался надолго задерживаться в этом теле. Наверное, Сильвия просто решила продолжить свой эксперимент.

Зачем, для чего?

Он ведь понятия не имел, что представляет собой сейчас только «вторую копию» собственной личности («симулякр»¹, можно сказать), зафиксированной в определенный момент, и что его оригинал продолжает жить дальше не один уже год.

То есть возвращаться ему, строго говоря, и некуда.

Но, как сказано, Шульгин этого пока не знал и узнает ли — кто сейчас может сказать?

Пока же он испытывал не столько шок от осознания вновь случившегося переноса души в чужое тело, как собственный полноценный боевой азарт.

¹ «С и м у л я к р» — копия несуществующего предмета.

Очевидно, выход его личности из чужого подсознания в сознание сопровождался очередным выбросом солидной порции эндорфинов, превращающих не столь уж полезные для выживания индивидуума ситуации, как сабельная рубка, подъем по западной стене на вершину Эвереста или карточная игра ва-банк под фамильное имя, в романтическое приключение, от которого захватывает дух и возникает непередаваемое ощущение полноты и яркости жизни.

Сашка опустил пистолет.

— Все в порядке, Николай Александрович. Ошибочка вышла. Наш товарищ.

Еще не понимая, с кем имеет дело, но зная, что ни один «нормальный» человек в этом мире не может знать его настоящего имени, он решил, что прежде всего надо уходить из парка.

— У вас машина далеко? — обернулся он к Лихареву. — Поехали. По дороге будем говорить. А «маузер» я пока у себя оставляю.

ГЛАВА 35

Пока его новые друзья приводили себя в порядок после счастливого, на их взгляд, завершения этой странной эпопеи, спрессовавшей в несколько дней массу событий, каждое из которых, даже по отдельности, выглядело совершенно невероятным, Шульгин бродил по квартире, известной ему по рассказам Берестина и собственным впечатлениям тоже.

Пусть он был в ней всего несколько минут, в тот единственный раз, когда они с друзьями попытались самостоятельно уйти из Замка в свою подлинную реальность, запомнилась она хорошо.

Тем летним вечером дверь квартиры открылась почему-то не в восемьдесят четвертый, а в декабрь 1991

года. И почти тут же проход «схлопнулся», как выяснилось — навсегда.

Ничего из того, что случилось позже, нынешний Александр не знал. Ни об исходе из Замка на пароходе «Валгалла» в 1920 год, ни о Стамбуле, ни о белом Крыме и победе в гражданской войне... И о том, что в дальнейшем ему неоднократно приходилось жить в этой квартире, а однажды она в буквальном смысле спасла им с Новиковым жизнь, Шульгин не знал тоже.

Для него — вот этого — жизнь закончилась на зимней подмосковной дороге за рулем машины.

Да, знакомая квартира, только тогда она выглядела совершенно нежилой, каким-то домом-музеем с тщательно восстановленными, но все равно мертвыми деталями чужой ушедшей жизни. А сейчас жизнь тут была ключом.

Звучали голоса, в люстрах горел свет, на кухне кипел чайник и шкворчала на огромной сковороде (откуда и взялась такая?) яичница из 12 яиц, с копченой колбасой. Словно готовилась самая обычная мужская пирушка после хорошо сделанного дела.

Шульгин стоял у окна в полутемном кабинете, смотрел в окно на уходящие во мглу заснеженные крыши, одновременно видел в стекле собственное смутное отражение.

«Собственное», — скептически усмехнулся он. За неделю он более-менее привык видеть это лицо, за счет аберрации памяти ему уже казалось, будто он вообще не терял ощущения собственной личности, так и прожил это время в чужом теле, но при своей памяти.

«Наверное, — убеждал он себя, — нужно относиться к происходящему, словно я просто загримирован в специальных целях. Первый раз, что ли? Тело, слава богу, досталось мне вполне приличное, крепкое, помолодело даже, в таком теле жить можно. Новиков с Берестиным по полгода в чужих прожили, и ничего. Сохранили

★ наилучшие воспоминания. И я как-нибудь перекручусь». Так Шульгин успокаивал себя, заставляя видеть жизнь в розовом свете. Обычно это у него получалось неплохо. Помогали сильная психика, скептический оптимизм и профессиональные навыки аутотренинга.

Он дал себе мощную психологическую установку — держаться как ни в чем не бывало и верить, что в ближайшее время найдет способ восстановить «статус-кво». И больше пока на эту тему не думать.

К сожалению, нынешний Шульгин не успел как следует разобраться в своей способности произвольно вступать в контакт с Высшим разумом, или Держателями Мира, как назвал их форзейль Антон. Если бы знал то, что выяснил его «оригинал» позже, ему было бы проще сохранять твердость духа. Сейчас оставались только нечеткие воспоминания о единственной, не слишком удачной попытке.

«Все! С соплями покончили, война продолжается! Теперь надо разобраться с этими «товарищами».

Лихарев, Буданцев и Власьев уже сидели за квадратным обеденным столом с пудовыми резными ножками, похожими на артиллерийские снаряды крупного калибра. Хозяин квартиры щедро разливал по серебряным, с чернью, профессорским чаркам французский коньяк.

«Квартирка — агтрианская, — продолжал анализировать обстановку Шульгин — значит, этот паренек — их здешний резидент. Иркин предшественник. А я, грешным делом, поначалу вообразил, что он — от Антона посланец, если не сам Антон замаскированный. Обещал же, сволочь, когда посылал на дело, вытащить при серьезной опасности».

Антон, шеф-атташе Галактической Конфедерации Ста миров, вместе с которым пришлось сражаться с агтрами, Сашка откровенно недолюбливал. Хотя и уважал.

Так тоже случается, когда сталкиваются две сильные личности, вынужденные делать общее дело.

«Впрочем, возможно, с его точки зрения, опасности действительно нет. Или — пока нет. Не врал же он мне раньше. Так, недоговаривал. Ребят из сорок первого года четко выхватил. Может, так им и задумано? Ничего, попробемся».

— Выпьете с нами? — спросил Лихарев. Остальные, очевидно, свое согласие уже высказали.

— А чего ж? За знакомство. — То, что за предыдущие бессонные сутки он уже выпил не меньше полулитра, Шульгин успел забыть. Мороз, нервное возбуждение, да, наверное, и биохимия организма как-то изменилась. Алкоголь под влиянием матрицы разлагался почти мгновенно, без всяких последствий. «Вдобавок, раз нас теперь в этом теле двое, то и любую дозу тоже на двоих нужно делить».

— Если позволите, Григорий Петрович, — продолжал Лихарев называть Шульгина прежним именем, — мы сначала решим первостепенные вопросы, а уже потом побеседуем на более общие темы.

Шульгин молча кивнул. Все правильно. Ни к чему Власьеву, а уж тем более сыщику-муровцу знать истинное положение дел «в этом лучшем из миров».

— Тогда с вами уточним позицию, Иван Афанасьевич. Задание товарища Сталина выполнено полностью и в срок. Невзирая на имевшиеся трудности. Разумеется, еще пару дней вам в городе, тем более — на службе, появляться не следует. Пока все устаканится. Поживете здесь, отоспитесь за все прошлое и впрок. А потом сориентируемся, вернемся и к вопросу об обещанной награде.

— Какая там награда? — искренне изумился Буданцев. Он был убежден, что жизнь, свобода, а уж тем более — собственная отдельная квартира куда важнее и ценнее, чем любые чины и ордена. Впрочем, орден

Красного Знамени или хоть «Знак Почета» совсем неплохо выглядел бы на его гимнастерке рядом с единственным ведомственным значком.

— Это уж позвольте мне судить. Начальником МУРа поработать не желаете ли? А то комиссаром госбезопасности? Предчувствую серьезные изменения в этой конторе в ближайшее время. Надежные люди там очень не помешают.

«Ага, до очередной разборки, — подумал Буданцев, но вслух этого не сказал. — Интересно бы посчитать, какова средняя продолжительность жизни комиссара ГБ от трех ромбиков до стенки?»

— Да я бы, знаете, и на старом месте с удовольствием.

— Смирение паче гордости, — понимающе кивнул Лихарев. — Одним словом, ваша позиция мне ясна. Но вряд ли мы можем позволить себе разбрасываться ценными кадрами, которые, как сказано выше, решают все. Может быть, я просто предложу вам достойный пост в моем личном аппарате. Но — время терпит. Выпивайте, Иван Афанасьевич, и закусывайте.

За каким-то пустячным разговором на общие темы Валентин подождал, пока Буданцев насытится. Без всякого дополнительного намека сыщик, знающий субординацию, поблагодарил за ужин и отправился в отведенную ему комнату, где мгновенно и заснул, довольный, что больше никуда не нужно бежать, ни о чем серьезном думать.

Власьев пока воздерживался от высказываний и вопросов. Ему это было совсем не трудно. Но внимал он словам, жестам, недомолвкам и непонятным ему намекам тщательно. Все его сомнения, подозрения и догадки подтверждались самым наглядным образом.

Шульгин сразу обратил на это внимание.

— Что-то загрузили вы, Николай Александрович. С чего? Наши планы осуществились наилучшим обра-

зом, а я ведь почти не надеялся, признаюсь вам. Устали? Так теперь все в прошлом. Утром я передам бумаги моему человеку и... Мне отчего-то кажется, что проблем с переходом границы у нас теперь не возникнет.

Власьев остро глянул из-под насупленных бровей на «наркома», перевел взгляд на Лихарева.

— Вы уж простите старика необразованного, Григорий Петрович, только я бы сначала хотел выяснить — с кем мы все-таки дело-то имеем? — В речи старшего лейтенанта зазвучал даже слегка утрированный твердой акцент. — А то я не пойму ничего. Тот из милиции, этот товарищ вообще инженер, какие у нас общие дела?

— Это вы меня простите, что так получилось. Но я на самом деле многого не знал. Да и сейчас еще не во всем разобрался. Буквально до последнего момента был уверен, что мы с вами вдвоем — против всего советского мира. И поступал соответственно. Думаю, вам не в чем меня упрекнуть. Только вчера днем удалось встретиться с людьми, которые, вроде нас, судьбами Отечества озабочены и со сталинским режимом воевать готовы. Пообещали помощь. Вот она и пришла.

Шульгин импровизировал, что было не так уж трудно со всем его предыдущим опытом, стараясь, с одной стороны, успокоить старого товарища, которому столь многим был обязан, а с другой — исподволь выяснить позицию Лихарева.

Валентин смотрел на него одобрительно и думал, что с этим человеком безусловно можно и, главное, нужно иметь дело.

— Да вы не осторожничайте, Григорий Петрович, — поощрил он Шульгина. — И заодно познакомьте нас по-настоящему. Николай Александрович, конечно, играет свою роль очень убедительно, но ведь он не только лесник, да?

— Да как вам сказать, гимназий он действительно не кончал.

— Но закончил Пажеский корпус, — со смехом продолжил цитату Валентин, неожиданно для себя попав почти в точку.

Власьев тоже усмехнулся в усы.

— В этом роде. — Он решил, что если Шестаков держится так свободно, то Лихарев действительно чело-
век из близких ему кругов и в СССР на самом деле существует мощное антисоветское подполье. В котором, пожалуй, и ему найдется место.

В таком примерно духе он и высказался.

— Не знаю, — с некоторым сомнением ответил Шульгин. — Может быть, по старому плану, лучше вам с Зоей и детьми пока перебраться за границу? Очень меня обяжете. Поможете им устроиться, сами отдохнете за все двадцать лет сразу. Денег теперь считать не придется, а там видно будет.

Делая такое предложение, Шульгин прежде всего надеялся развязать себе руки. Против Власьева он ничего не имел, старший лейтенант зарекомендовал себя наилучшим образом, но вот перспектива повесить себе на шею чужую жену с двумя детьми его откровенно пугала. Собственного, не слишком продолжительного опыта семейной жизни Сашке хватило выше головы, оттого он и испытал подлинное облегчение, уйдя с друзьями с Земли на Валгаллу.

Да и просто по-человечески, как можно заниматься галактическими проблемами (а что заниматься ими еще придется, он не сомневался), одновременно изображая заботливого и любящего мужа и отца для совершенно ему чужих людей?

Куда лучше и удобнее отправить их на Запад. Не в Европу, конечно, известно, ЧТО там начнется всего лишь через год. В США можно, в Канаду, в Аргентину или ЮАС¹.

¹ ЮАС — Южно-Африканский Союз, британский доминион, ныне — Южно-Африканская Республика.

Купить Зое поместье с хорошим домом, устроить ребят в приличный колледж. А когда нарком получит назад свое тело, пусть сам и разбирается.

— Для вас бы я это сделал, — после раздумья ответил Власьев. Перспектива оказаться в цивилизованном мире, да с миллионами в твердой валюте, дожить остаток дней в покое и довольстве казалась крайне заманчивой. Но он ведь еще и боевой офицер! Если в России случится что-то такое... Тут ведь и адмиральских орлов на погонах нельзя исключать. Как вон лихо этот Лихарев (каламбурчик, однако!) предлагал высокие чины и должности милиционерскому. И не врал, похоже.

— Для вас бы я это сделал, — повторил он, — только... Думать надо. Домой съездить, посмотреть, что там и как, обсудить все. Через границу перебираться — по старому плану или теперь берлинским экспрессом, с заграничным паспортом?

— Обсудим, Николай Александрович, обязательно, — вместо Шульгина ответил Лихарев. — С налета такие дела не решаются. А чтобы сомнений у вас поменьше оставалось, скажу, раз Григорий Петрович себя вправе не считает. Я в данный момент — один из ближайших помощников товарища Сталина.

При этих словах Власьев не сдержал брезгливой гримасы.

— Однако поспешных выводов делать не стоит. Тут все куда сложнее. Если вы действительно дворянин, монархист и царский офицер, вы вскоре на многое взглянете совсем иначе. Чистка, которую мы проводим, — это только начало.

Власьев взглянул на Шестакова чуть ли не торжествующе. А я, мол, что вам говорил?!

Но сказал совсем другое.

— Чистка — дело благое, «товарищ помощник». Благое. Только зачем же простых людей сотнями тысяч косить? Они, само собой, не ангелы, уже тем виноваты,

что белых не поддерживали как следует, что после Кронштадта терпели все, как скоты бессловесные, а все же — нельзя так. Как того мальчишку, — вспомнил он парня из тюремной машины, — за шутку невинную — и сразу к стенке.

— Это не мы, Николай Александрович, это как раз «они». А что через неделю или две случится — посмотрите.

— Так если через неделю или две — куда ж мне ехать? — удивился Власьев.

— Давайте завтра об этом, — не выдержал становящегося утомительным разговора Лихарев.

— Если так, позвольте откланяться, — поднялся старший лейтенант. — Куда на ночлег определите?

Наконец-то они остались вдвоем. Тишина в квартире и за окнами, пробивающаяся между высющимися вдали темными башнями Центрального универмага и Лубянского дома бледная полоска грядущей зари.

— А вы спать не хотите, как вас звать-то по-настоящему? — спросил Лихарев.

— Александр Иванович. Только вряд ли стоит запоминать, а то обмолвитесь при посторонних.

— Я не обмолвлюсь. Но будь по-вашему. Так что в известных мне о вас фактах правда, а что — предположения и вымысел? Я ведь знаю наверняка меньше, чем вы предполагаете. Откроем карты?

Видя, что Шульгин молчит, Лихарев медленно воспроизвел имена и фамилии, которые ему сообщила Сильвия.

— В качестве пароля подойдет?

Шульгин снова хмыкнул. Слишком часто ему в последние часы пришлось ограничиваться этим многозначным звуком. Не спеша размял папиросу, хотя курить

совсем не хотелось. Но это уж так — начнешь выпивать, и папираса сама в руку прыгает.

— И от кого же столь впечатляющий поминальничек?

— От леди Спенсер, — не стал кривить душой Валентин. Тем более что хранить имя источника в тайне ему не приказывалось.

— Стриптизист старушка, — не слишком понятно для Лихарева выразился собеседник. — А вы, как я понимаю, здешний агент-координатор. Не надо, не делайте удивленного лица. Я про вас все знаю. И про вас, и про леди Спенсер, про базу на Валгалле, которая еще зовется Таорэррой, и даже ее планировку. Откуда, почему — не суть сейчас важно. Что вам «хозяйка» со мной сделать поручила?

Слегка ошеломленный услышанным Валентин, который никак не ждал именно такого поворота, ответил почти машинально:

— Разыскать вас и ей доложить. Пока — все.

— Ну доложите, доложите. Не сейчас, разумеется, хотя бы завтра. И не спешите отличиться, неизвестно, куда все повернется. У меня с леди Сильвией тоже есть о чем поговорить, только раньше в текущей обстановке нужно разобраться.

Сашка решил блефовать, причем блефовать отчаянно и нагло. Того, что он знает об агграх, форзейях и прочих тонкостях межзвездной дипломатии, вполне достаточно, чтобы создать впечатление своего всемогущества. А там, глядишь, на самом деле получится с Антоном наладить связь.

— Чтобы вы, Валентин, совсем уж болваном не выглядели, я вам кое-что расскажу и о себе, и о вашей начальнице. Имейте в виду, что в какой-то мере я по отношению к вам существо высшее, почему прошу слишком уж откровенно дурака не валять. Кстати — браслетик-гомеостат у вас с собой? Дайте на минутку...

Лихарев без звука протянул ему браслет.

Сашка надел его на запястье, взглянул на экран. Жизненный ресурс чуть больше половины. Терпимо, но не очень.

— Пусть пока у меня побудет. Подзаряжусь, а то по вине пресловутой леди Спенсер упадок сил наблюдается. Так что — выпьем за знакомство?

Лихарев, не чувствуя вкуса, выцедил коньяк. Чувствовал он себя прямо-таки отвратительно. Надо же — только что сам был могущественнейшим человеком в стране, тайно руководил Диктатором, и вдруг, буквально несколькими словами, нарком, ну не нарком, а тот, кто под его личиной скрывается, указал ему истинное место.

Он еще не догадался, что Шульгин сломал его не только знанием «тайны тайн», но и с помощью так называемого «синдрома победителя».

Советская Армия в 1945 году за неделю разнесла в клочья совсем не слабую Квантунскую армию не только за счет материального и численного перевеса, но больше оттого, что после победного мая все, от солдата до маршала, просто не видели в японцах серьезного противника.

Что блистательно и подтвердилось.

Так и Шульгин сейчас, человек конца века, знающий все, что случилось и еще случится в стране и мире, неоднократно сталкивавшийся с агтрами и всегда выходявший победителем, успевший стать свидетелем их окончательного (так он сейчас думал) разгрома, чувствующий за спиной негласную поддержку Антона с его Конфедерацией, мог позволить себе тон насмешливого превосходства.

Была, конечно, пусть и совсем небольшая, опасность, что этот Валентин, если довести его до крайности, просто пальнет ему при случае в затылок из пистолета, чем и снимет все проблемы. Но уж этого он поста-

рается не допустить. Да и Сильвии он, судя по всему, весьма еще нужен.

Понять бы еще, в каких отношениях находятся та Сильвия и здешняя. Одно ли они лицо или разные. Конкретно — откуда она знает о нем и о Шестакове? Неужели придумала все сейчас и ждала сорок с лишним лет, пока он родится, вырастет, вяжется в галактические дела, встретится с ней в Лондоне? Чтобы прислать сюда в каких-то неизвестных целях. Бред? Похоже. А все остальное — не бред?

И многое другое нужно успеть понять, пока они не встретятся лицом к лицу.

Только больше он ничего подобного сотворить с собой не позволит.

Шульгин, конечно, понимал, что, если потребуется, и сам Лихарев, и уж тем более Сильвия имеют массу способов физического или какого-то еще воздействия, таких, что он не успеет ничего предпринять, а то и заметить это, но одновременно догадывался, что ничего плохого они ему делать пока не станут.

Не из страха и не из уважения, а по какой-то другой причине. Возможно, мировоззренческого характера...

— Но это все лирика, дорогой коллега, — решил он прекратить психическую атаку. — Давайте лучше обсудим, что за заговор вы затеваете? Надеюсь, не Сталина собрались шлепнуть? Я, между прочим, тоже считаю себя экспертом по данному вопросу и изнутри и, так сказать, извне. Поверьте моему слову — ничего хорошего из этой идеи не получится. На данном историческом этапе.

— Что вы, что вы! Все как раз наоборот. Мой план предполагает полную смену близкого сталинского окружения, затем — плавную корректировку внутренней, в дальнейшем — и внешней политики.

— А, простите, зачем? Я специально несколько по-

дурачки спрашиваю, для наглядности. В зависимости от ответа будем и решение принимать. На вашей стороне мне работать или вместе с семейством на Запад подаваться.

— Хорошо, давайте начистоту поговорим. Я, конечно, не знаю, какие отношения вас с леди Спенсер связывают, какие она на вас планы имеет, но мне вы нужны. Хотя бы на ближайшую неделю. Именно в роли Шестакова. Вы его, кстати, как сейчас воспринимаете? Признаюсь честно — с переносом личностей впервые сталкиваюсь, тонкостей процесса не знаю. А для меня это важно.

Шульгин прислушался к собственным ощущениям. Он помнил рассказы Новикова о самочувствии в теле Сталина, из естественного любопытства, и как психоаналитик тоже, вытягивал из друга массу мелких, на первый взгляд незначительных подробностей.

Выходило, что «драйверы» этот процесс воспринимали по-разному. Андрею приходилось почти постоянно бороться с попытками сталинской личности занять доминирующее положение, восстановить контроль над собственным телом, а у Берестина, наоборот, сразу наладился с комкором Марковым почти полный симбиоз, и чувствовал себя Алексей не в пример более комфортно.

У него самого получилось нечто среднее. В первый момент, очнувшись в облике Шестакова, он оставался самим собой процентов на 90, ощущал себя скорее актером, в сотый раз играющим хорошо прописанную роль, нежели «переселенной душой». Потом случилось нечто, и Шестаков его подавил полностью. Только в зыбкой глубине сохранялись тающие обрывки самосознания. Более всего это походило на вязкий полусон-полубоддрствование.

В какие-то, по преимуществу критические, моменты Сашке удавалось «брать управление на себя», но тоже будто бы во сне — хочешь сделать одно, а получа-

ется нечто совершенно другое, подчас — абсурдно-нелепое, даже там, внутри сна вгоняющее в отчаяние. Теперь, восстанавливая прошлое посредством памяти наркома о событиях последней недели, он начинал догадываться о возможных причинах случившегося.

И только сейчас он снова стал практически полностью самим собой. От Шестакова не осталось даже эмоций и двигательных рефлексов, лишь дистиллированно-чистая память, локализованная совершенно особым образом.

Это можно сравнить с ощущениями человека, свободно владеющего иностранным языком.

В любой момент без труда вспоминается нужное слово, при необходимости — переходишь на язык полностью, но в повседневной жизни присутствие в голове нескольких десятков тысяч чужих слов, грамматики, больших кусков научных и художественных текстов, иной психологии даже, если речь идет, допустим, о японском, никак себя не проявляет.

Ничего этого, разумеется, Шульгин не стал сообщать Лихареву, ограничился коротким:

— Нормально ощущаю. А словами передать — да же и не знаю как. Сейчас я — это только я. Нужно будет — изображу вам наркома в лучшем виде. Если уж жена не отличила — никто не отличит.

И тут же вспомнил, как все было с Зоей, и испытал моральный дискомфорт. Вот с ней он был как раз не Шестаковым, а самим собой. Правда, ей это явно понравилось.. Да и она. Не Сильвия, конечно, но весьма.

Шульгин не отказался бы продолжить эту связь.

«Тьфу, черт, — опомнился вдруг Сашка. — Ведь только что ты думал, как бы избавиться от Зои навсегда».

— Только вы что же, рассчитываете вновь «его» «в наличный оборот ввести»? После всего, что случилось? — спросил он Валентина, чтобы отвлечься от воспоминаний.

— Есть такая идея, — признался Лихарев. — Как я понял из последних разговоров, Иосиф Виссарионович на Шестакова зла не держит. Ему ваша выходка скорее даже понравилась. Вот и подумалось. Если я Ежова устранил сумею, еще кое-кого заменим на более подходящих людей, вам место Предсовнаркома, к примеру, занять, то и дальнейшие планы реализовать будет гораздо проще.

Шульгин не выдержал, захохотал в голос. Тут же взял себя в руки, сказал смотрящему на него с недоумением Валентину:

— Вы что, с детства родились таким неудачным шутником или стали им постепенно, с течением времени? Меня — Предсовнаркома? Мало того, что я испытываю давнее и стойкое отвращение к любой систематической, тем более — руководящей работе, так еще и здесь, сейчас?! Я же эпикурец, циник и бонвиван, к тому же профессиональный авантюрист и искатель приключений.

И меня — в сталинскую клетку? Плохой из вас психолог, парниша. — Тут же посерьезнел, спросил тихо: — Кроме всего прочего, вы случайно не слышали, чем обычно кончается самая успешная карьера людей из ближнего круга? Ах, только не говорите мне про Кагановича, Молотова, Калинина, Ворошилова.

Товарищ Шестаков по типу характера больше похож на Вознесенского, Кузнецова, да хоть бы и маршала Жукова. Что, вы таких имен пока не слышали? Ну и слава богу. Товарищи Вознесенский и Кузнецов умнейшие были люди, по советским меркам — почти порядочные, что само по себе удивительно, зарекомендовали себя наилучшим образом многолетними трудами на благо.

Первого Сталин публично прочил как раз в Предсовнаркома, второго — на свое место, Генсеком. И что? Стенка-с! Обоим стенка, по приговору суда. И не толь-

ко им. Еще не меньше тысячи человек за собой потянули, вольно или невольно.

Шульгин даже разволновался во время этой тирады, что вообще бывало с ним крайне редко. Вновь закурил.

— Вы спрашиваете, когда это было? Так. Не слишком давно, вперед. В 1949 году, месяц вот не помню. Весной или летом. Знаменитое «Ленинградское дело».

Тут Лихарев совсем скис. Получается, что его визави вдобавок владеет информацией из будущего.

Тогда зачем он, Валентин, вообще здесь сидит, в Москве, то есть занимается мелочной и неблагодарной работой, если есть способ заранее знать все, что произойдет в итоге?

Шульгин, умевший не хуже Новикова отвечать на невысказанные вопросы, не удержался:

— Мне кажется, в немалой степени как раз для того, чтобы то будущее, о котором я уже знаю, смогло осуществиться, меня, то есть Шестакова на месте Молотова, и кого-то другого, кроме Берии, на месте Ежова в имеющемся варианте будущего не просматривается. Эрго — или у вас ничего не получится, или мы опять уйдем в новую реальность.

— Вы о чем?

— О том, о чем вы только что подумали. А вообще знаете, Валентин, пора и честь знать. Последние сутки выдались чересчур напряженными. Даже для меня. Пойдемте спать?

Спать Шульгин, конечно, не собирался, да и не смог бы этого сделать при всем желании.

Психологическая установка, вроде бы абсолютно надежная, не действовала. Он впервые за эту сумасшедшую неделю остался один. И вместе с темнотой, тишиной и одиночеством пришли тоска, страх и нечто, подозрительно похожее на отчаяние.

На людях он бодрился, держал фасон, да еще встряхивали его адреналин только что пережитой опасности и алкоголь, естественно. Но теперь...

Сашка, у кого в юности героями и образцами для подражания были граф Монте-Кристо и джек-лондонский Волк Ларсен, сейчас чувствовал себя, как Хэмп Ван Вейден из того же романа. В свою первую ночь в матросском кубрике, когда он неожиданно превратился из утонченного аристократа в жалкого юнгу на полупиратской шхуне.

Хоть рыдай, хоть бейся головой о стену — ничего не изменишь.

Шульгин даже застонал негромко.

Этот прозвучавший в гулкой тишине комнаты собственный стон и заставил его опомниться, взять себя в руки.

«Да ерунда все! Только не раскисать, прорвемся! Не в первый раз. Ничего ведь непоправимого не случилось. Как пришел, так и уйду».

Успокоившись, глядел в потолок, стараясь ни о чем не думать, очищал мозги для предстоящего. Вслушивался, как по телу от браслета разливается едва ощутимый ручеек силы и здоровья. Внутренним взором заставлял себя видеть этот ручеек, бегущий по принадлежащему ему теперь телу, по сосудам, по нервам.

Словно на картинке из анатомического атласа.

Какой-то там «внутриядерный резонанс» возбуждает вибрацию клеток, очищает от кальция и прочей дряни стенки сосудов, выгоняет токсины из печени и почек, заставляет регенерировать рубцы от старых ран в нормальную мышечную ткань.

Сашка почувствовал странное, слегка болезненное напряжение возле левого верхнего клыка, давно, в гражданскую войну, сломанного попавшимся в перловой каше камешком. Еще через минуту он ощутил, что золотая коронка словно бы шевельнулась. Потрогал ее

языком, и она легко свалилась, лопнувшая вдоль. Сломанный и обточенный зуб тоже регенерировал, восстанавливал свой первоначальный вид двадцатилетней давности.

Могучая штука этот браслет-гомеостат. Единственно по-настоящему ценная вещь, доставленная агграми на землю для собственных нужд. Благодаря ей и живет Сильвия добрую сотню лет, сохраняя молодость, красоту и темперамент Клеопатры.

В то же время — единственная вещь, которая не поддается воспроизводству на дубликаторе Воронцова-Левашова. То есть поддается, конечно, но по принципу слесаря-интеллекта Полесова. «Мотор был очень похож на настоящий, но не работал».

А если бы работал, тогда что? Наладить их массовое производство, осчастливить человечество перспективой почти реального бессмертия?

Очередной вопрос: а не стал бы такой «подарок» чем-то похуже атомной бомбы? Возможно, это и имели в виду аггры, сделав гомеостат неразборным и невозпроизводимым.

Шульгин словно старался посторонними, необязательными мыслями отвлечь внимание неких потусторонних сил, возможно, наблюдающих за ним. А сам накапливал, словно заряд в лазере, психическую энергию. Чтобы ее внезапным выбросом дотянуться до экстерриториального во времени и пространстве Замка, где, возможно, сидит сейчас и наблюдает за ним Антон. Как он наблюдал на огромном экране за похождениями Новикова в сорок первом году.

Раньше Сашке такая штука уже удавалась.

Но сейчас, похоже, импульс ушел в пустоту. По крайней мере, знакомого чувства «соприкосновения» Шульгин не ощутил. Только слабость в теле и головокружение.

«Это еще ничего не значит, — постарался он успо-

★ коить себя. — Сигнал мог и пройти, просто Антон отчего-то не среагировал сразу. Подождем. Спешить особенно некуда».

О том, что дело не в Антоне, а в мозге Шестакова, просто не приспособленном для таких методов связи, он старался не думать.

Ну ладно. Еще предстоит решить, как вести себя в ближайшее время. Играть в предложенные Лихаревым игры ему абсолютно не хотелось. По многим причинам.

Пожалуй, сначала стоит повидаться с Сильвией. Выслушать ее точку зрения на происходящее, заручиться какими-то гарантиями.

А может быть, продолжить выполнять задание Антона? Ведь что он требовал от Шульгина — убедить Сильвию встретиться с форзейлем в Замке. Желательно — добровольно.

Первый раз это не вышло. Он просто не успел, поймался «на живца». Второй раз на такую дешевку его не купишь. Значит, все ясно? Как говаривал Хрущев: «Цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!»

Лихарев тоже не спал. Несговорчивость «наркома» путала ему все карты. Он ведь гонялся за ним отнюдь не потому, что горел желанием выполнить приказ резидента и его лично волновала загадка странной матрицы. Ему нужен был именно Шестаков. Без всяких внедренных в него «драйверов». Сегодня истекает срок, отведенный для поиска.

То, что «нарком» не достался Ежову — хорошо. Просто великолепно. Еще раз умело, ненавязчиво подать Сталину все ошибки, просчеты, да что там — будем называть своими словами — преступно-халатное или прямо преступное поведение наркомвнудела в этой неприглядной истории.

От Ежова нужно избавляться немедленно. Свое де-

ло он сделал, «реорганизовал» органы, устранил почти все одиозные, ленинско-троцкистской ориентации фигуры в руководстве партии и правительства, а на остальных нагнал такого «страха иудейска», что несколько лет можно не опасаться сопротивления и фронды. А кого на его место?

Валентин склонялся к кандидатуре Заковского.

Опытный разведчик и контрразведчик, крайне неглупый человек, не связан ни с какими группировками и кланами, которых просто не осталось уже в стране, и перепуган происходящим настолько, что будет смотреть в рот ему, Лихареву, если поймет, от кого зависит его жизнь и карьера.

Но для всего этого позарез нужно согласие Шестакова, то есть — Шульгина, согласие сыграть роль наркома, пусть всего несколько дней. А там черт с ним, можно отдать его леди Спенсер. Убедительно замотивировав перед вождем очередное исчезновение пресловутого, а также одиозного товарища. Проще всего — изобразить смерть от инфаркта или мозгового удара. Но сначала требуется предъявить его живым и здоровым.

Валентин разыскал Заковского.

Зная адрес и номер телефона, это было совсем не сложно. Тот «отдыхал» у себя на квартире. Ответственные работники его уровня никогда не спят, они именно «отдыхают», такова тонкость номенклатурной лексики.

Зазвонил телефон на прикроватной тумбочке, комиссар первого ранга, еще не успев открыть глаза, схватил трубку:

— Здравствуйте, Леонид Михайлович, извините, что потревожил.

— Кто говорит?

— Студент говорит, если еще помните такого.

Заковский помнил, конечно, эту кличку. Вернее,

псевдоним, клички теперь только у уголовников. Еще по благословенным временам Дзержинского и Менжинского помнил, когда чекисту с четырьмя ромбами не приходилось просыпаться от телефонного звонка в холодном поту и не охватывала его обморочная слабость при мысли, что какой-нибудь ничтожный лейтенант, войдя в кабинет, может вдруг приказать: «Оружие на стол», сорвать петлицы, ордена, с наслаждением дать в морду и погнать пинками вниз, вниз. В последний путь.

Давненько они с Лихаревым не встречались с глазу на глаз. Заковский знал, что Валентин по-прежнему обретаётся вблизи Хозяина, но вот в каком качестве? Все связи обрублены еще в тридцать третьем, и не по его инициативе.

— Да, помню. В чем дело? — сухо ответил комиссар.

— Встретиться надо, «товарищ Лева».

Назвав его так, Лихарев дал понять, что разговор будет серьезный и не по правилам нынешнего времени.

— Когда, где?

— Да уж не на Лубянке. Не бойся, телефон не прослушивается. Гарантия стопроцентная.

— Кто их теперь дает, эти гарантии? — в голосе Заковского прозвучала тоска.

Валентин наблюдал за ним с расстояния трех метров и видел, что комиссар, опустив мощные волосатые ноги на коврик, нащупывает в полутьме шлепанцы.

— Я даю, Лева, а у меня они надежные. Через полчаса на углу набережной и Полянки. Да не стучи ты зубами, я на Ежова не работаю...

— Просто холодно, — с досадой ответил Заковский. Не хватало, чтобы собеседник подумал, что он настолько трусит. Да Лихарев и сам видел, что большая, в пол-окна, форточка раскрыта настежь. Здоровый образ жизни старается вести товарищ замнаркома. А на улице ведь мороз под двадцать градусов.

— Сейчас выхожу.

...Валентин заглянул в комнату Шульгина. Сашка как раз пребывал в стадии сладкой утренней дремы, пришедшей вслед за нервной, бессонной ночью. И все же едва слышный скрип двери заставил его мгновенно вскинуть голову.

— Такое дело, Григорий Петрович, мне нужно на час-полтора уйти, так вы не беспокойтесь, спите дальше. К завтраку вернусь.

— Куда вдруг? Что за срочность? — Шульгин почувствовал острое нежелание даже на короткое время выпускать агтра из поля зрения. Хотя бы до тех пор, пока не достигнута полная ясность в их отношениях.

— Да по вашему, кстати, вопросу. С одним человеком нужно срочно повидаться.

— Что за человек? Отчего вдруг — срочно? Каким краем он меня касается, объясните.

Лихареву объяснять не хотелось. Долго, да и сложно так вот, без подготовки.

Шульгин уже натягивал сапоги, всем видом показывая, что не намерен принимать какие-то отговорки.

— А знаете что, — нашел выход Лихарев, — поехали вместе? И вам будет интересно, и делу польза. Заодно и убедитесь.

«Это — хороший вариант», — подсказал Сашке внутренний голос.

— Ну, бог с вами, поехали.

На улице уже совсем рассвело, но Заковского Валентин увидел лишь в последний момент, опытный конспиратор прятался в глубокой нише ворот бывшего купеческого особняка, второго от угла Кадашевской набережной. И одет он был не в форменную шинель или кожаное пальто, а в обычный армейский полушубок, под ремень, и командирскую шапку со звездочкой.

Лихарев на секунду притормозил, Шульгин с заднего сиденья распахнул широкую дверцу.

— Кто тут еще? — спохватился Заковский, уже опустившись рядом с Валентином, и дернул правую руку из кармана, где у него наверняка был пистолет.

— Свои, Леонид Михайлович. Неужто вы меня такой дешевкой считаете?

— А! — комиссар только рукой махнул, но оружия в ней уже не было. — Что за дело у тебя вдруг образовалось, «десять лет спустя»?

— Оглянитесь сначала.

Заковский оглянулся, две или три секунды молчал, потом удивленно выругался:

— Ну ни хера себе! Нашлась пропажа.

— Ага, сама взяла и нашлась. Из чистого к нам с вами уважения.

Лихарев вкратце изложил комиссару только что согласованную с Шульгиным легенду. За двадцать минут Валентин смог убедить его поучаствовать хотя бы в этой мизансцене готового к постановке трагифарса. Да Сашке и самому было крайне интересно увидеть живьем пресловутого персонажа любимого фильма: «Я Лева Задов, со мной брехать не надо», «Я тебя буду пытаться, ты мне будешь отвечать», «Я с тобой сделаю, что Содом не делал со своею Гоморрой», «Вся Одесса была без ума — Лева Задов, поэт-юморист».

Эти и некоторые другие фразы карикатурно-злобешного Левы из «Хмурого утра» он с друзьями знал наизусть, в школьные годы цитировал в дело и не в дело.

Чем-то он их тогда привлекал, садист по версии Толстого, начальник махновской контрразведки. Возможно, как раз тем, что воплощал возможность третьего пути: «Не за белых, не за красных, за вольную волю».

Сознательными диссидентами-антисоветчиками юные «шестидесятники», разумеется, не были, но под-

сознательно, на грани инстинкта, Советская власть им не нравилась. Хотя бы эстетически.

Как ни старался великий писатель, выполняя «социальный заказ», сделать Левку как можно отвратительнее, что-то у него не получилось. А может, как раз и получилось. Кукиш в кармане той же власти.

А теперь этот самый Задов сидел прямо перед ним...

— И нужен нам ваш совет, товарищ комиссар первого ранга, — подчеркнул звание Заковского Валентин. — Сразу ехать к Сталину с товарищем наркомом, или все же сначала Ежова утопить?

— Есть шансы? — жадно спросил Заковский.

Для него это значило очень многое, точнее — все. Прежде всего — жизнь!

— Не было бы — о чем говорить? По крайней мере — они были два дня назад. — Валентин передал последний разговор Сталина с Ежовым и то, что сказал ему Сталин, когда выгнал своего недавнего фаворита из кабинета.

— Тогда... Тогда я бы сделал так, — и Заковский предложил практически то же самое, что планировал сам Лихарев. Только у него вдобавок были на руках убойные против Ежова козыри, и старые, и тщательно подобранные только что.

Но без согласия на участие в интриге Шульгина все их планы оставались так, неосязаемым чувствами звуком.

— Мысль, конечно, интересная, — вмешался до сих пор молчавший Сашка. — А ежели товарищ Сталин возьмет и передумает? Пожмет товарищу Ежову его мужественную руку, временно свободную от «карающего меча», и передаст нас с вами ему для принятия надлежащих мер. Исходя из «революционной целесообразности»?

Заковский даже крикнул, услышав этот тщательно

выстроенный период. Вполне точно отражающий перепады настроения вождя.

— Вы думаете, Григорий Петрович, это будет так просто? — не поворачивая головы, спросил Лихарев, направляя свой «Гудзон» с Калужской площади на улицу Димитрова.

— Не думаю, но...

— А раз не думаете, так зачем себе голову забивать излишними вариантами? Скажите лучше, как с Леонидом Михайловичем быть? По-моему, не стоит ему сейчас домой возвращаться и на службу пока идти тоже не стоит.

— Почему вдруг? — снова напрягся Заковский. Подозрительность так въелась в его «плоть и кровь», что в словах Лихарева вновь померещилось привычное. Вначале вполне доброжелательный разговор, обсуждение дальнейших планов, бывало, что и новое назначение с повышением, а через час — арест. Прямо в известном кабинете или на лестнице, а то и за банкетным столом.

— А чтобы не рисковать без толку. Вы знаете, какой «материал» тот же Шадрин успел на вас дать? Может, за вами уже выехали. Мне, признаться, надоело каждый день из тюрем людей выручать.

— Так муровского Буданцева — это вы?..

— Кто же еще? Одним словом, поедem ко мне домой, отсидитесь до прояснения обстановки. А в наркомат позвоните, скажете, что... В общем, сами придумаете, что сказать.

ГЛАВА 36

У крыльца дома на Столешниковом Валентин оставил «Гудзон», вышел на тротуар, за ним, с другой стороны, грузно, барственно, хотя и мешала слишком низкая посадка спортивной машины, вылез Заковский.

Последним выбрался из двухдверного автомобиля Шульгин, откинув спинку переднего сиденья.

Он не успел бросить в решетку водостока почти докуренную папиросу, как к нему резко свернул человек со следами бывлой интеллигентности в виде длинного раминового пальто, нахлобученной на уши шляпы с обвислыми полями и выпуклых очков.

— Подождите, товарищ, позвольте прикурить.

Сунулся к огню хилым кривоватым «гвоздиком», по пять копеек за штуку у уличного разносчика, дрожащей с похмелья рукой придержал мундштук Сашкиной папиросы. И неуловимым движением что-то вложил ему в ладонь.

— Вставишь в ухо, — услышал Шульгин тихий, как звук опадающего осеннего листа, шепот.

Через секунду человек, жадно затягиваясь, слился с потоком утренних прохожих.

— Что вы там? — обернулся к нему с порога Лихарев.

— Да прикурить дал какому-то пропойце, — пожал плечами Шульгин, отбрасывая окурочок. — На спички и то у людей денег нет.

В ванной комнате, щелкнув задвижкой, он наконец разжал руку. Хотя с первой секунды, даже не разглядев лица «курьера», не сомневался в смысле происшедшего.

Дошел его «SOS» через пространство и время, дошел все-таки! И, значит, теперь все будет хорошо.

На ладони лежало нечто вроде пластикового наперстка телесного цвета, диаметром в полсантиметра. Мягкое и теплое на ощупь.

Шульгин, как ему и было сказано, вложил его в слуховой проход. Отчего-то — в левый.

Штучка вошла легко, он тут же перестал ее чувствовать, а посмотрев в зеркало, убедился, что снаружи она совершенно незаметна.

И услышал знакомый голос, тихий, но отчетливый:

— Нормально получилось? Ну, привет. А ты, наверное, уже испереживался?

Шульгин не знал, какая система связи тут используется, и ответил вслух, хотя и шепотом:

— Нормально. Но ты все же и сволочь, Антон. Я тебе первый раз это говорю?

— Не первый. Да бог с ним, я не в обиде. А какие ко мне претензии?

Именно от обыденности разговора Сашка окончательно успокоился. А и вправду, какие? Обещал Антон выручить из любой заварушки — вот и появился. Позже, чем хотелось? Так тоже вопрос — сильно ли хотелось, чтобы раньше? Помнится, переживал, как бы его Сильвия раньше времени из мозгов наркома не выдернула. Что ни говори, а оттянулся он по полной программе. И всего за пять дней.

— Ты, Саша, каким сейчас временем располагаешь? — спросил Антон, не получив ответа на первый вопрос и правильно истолковав смысл паузы.

— Кто ж его знает? Стою в ванной, слушаю тебя. После обеда меня настоятельно приглашают на аудиенцию к Сталину, а я еще не решил, идти или ну его на...

— Значит, раз в ванной, минут пятнадцать-двадцать, не привлекая внимания, просидеть там можешь. Отмокнуть, душ принять, побриться.

Доложи совсем коротко, что произошло, начиная со вчерашнего вечера. И ближайшие планы. Об остальном можно и позже.

Шульгин знал, что Антон владеет куда более надежными системами наблюдения и связи, так отчего же сейчас такой примитив? Об этом и спросил.

— Квартирка ваша очень сильно экранирована. Почти как их межгалактическая база. Начну защиту ломать — большой шум поднимется. А через эту капсулу и говорить можем, и я всю нужную информацию сниму. Так давай рассказывай быстренько.

Конспективно излагая события последних суток и особенно суть их ночных разговоров с Валентином, Сашка параллельно вспоминал о предыдущей, такой недавней встрече с форзейлем.

Они сидели тогда в тени огромного раскидистого дуба на пестрой от алых и голубых цветов лужайке, неподалеку от стен пресловутого Замка. В прерии доколумбовой Америки, настолько доколумбовой, что и индейские первопроходцы еще не успели переправиться из Сибири через Берингов пролив.

Тогда Антон и предложил Шульгину, заскучавшему от однообразия размеренной жизни, прогуляться «на Родину», то есть в свою реальность, в Лондон 1984 года.

— Там осталась одна милая женщина. По внешним данным ничуть не уступает вашей Ирине. Зовут ее леди Сильвия Спенсер. Моя коллега. Шеф-атташе агтров на планете Земля. В недавнем «прошлом» — ваш смертельный враг. А после диверсии против базы на Валгалле — просто очень одинокая, несчастная женщина. Ее цивилизация вдруг исчезла, как ничего и не было, а она осталась одна в чужом, жестоком мире.

— Ах, как трогательно, — ответил ему Сашка. — Я вот-вот заплачу. Совсем одна.

— Не иронизируй. Она сейчас, по моим расчетам, должна пребывать в сильно расстроенных чувствах, как бы еще руки на себя не наложила, чего не дай Бог, конечно. Потому что мне с ней очень и очень нужно побеседовать. Сам я, по ряду причин, на Землю в вашу реальность выйти сейчас не могу, а тебя переправлю. На сутки-двое, не больше. За это время тебе с ней нужно будет познакомиться, неплохо и подружиться, как-то объяснить ситуацию и убедить прийти сюда, в Замок. Желательно — добровольно. Потому что в ином случае

шок может стать необратимым, и ни я, ни ты никакой пользы из нашего мероприятия не извлечем.

После соответствующей подготовки Шульгин, знающий теперь английский язык не хуже профессора Хиггинса, а реалии тамошней жизни — как резидент-нелегал КГБ, вышел в город.

Удивительная для этого времени стояла там погода — тепло, солнечно, сухо. Будто бабье лето в средней полосе России.

Лондон Сашка, благодаря внедренной в мозг информации, видел весь сразу, будто на подробном многокрасочном макете, только, выходя на знакомую улицу, в первый момент удивлялся, что на проезжей части не написано большими буквами название.

Он подошел к внешне неприметному двухэтажному дому с фасадом в четыре окна, расположенному в центре самого аристократического квартала Лондона, и после некоторых колебаний нажал кнопку звонка у окрашенной блестящей шоколадной краской двери.

Мелодичный женский голос из прикрытого бронзовой решеткой динамика слегка игриво произнес «Хелло?».

Шульгин назвал себя и сообщил, что хотел бы видеть леди Спенсер по важному делу. Голос с некоторым недоумением повторил его фамилию, но после короткой паузы предложил войти. Дверь бесшумно приоткрылась.

Хозяйка — а это была именно она, собственной персоной, отнюдь не горничная, оказалась поразительно хороша. Даже трудно было представить, что она принадлежит к той же нации, что и женщины, которых визитер во множестве видел на улицах Лондона по дороге с вокзала.

Дама лет тридцати на вид, одетая в короткое ржаво-коричневое платье-свитер, подчеркивающее все соблазнительные подробности ее фигуры и значительно выше, чем позволяет ее возраст и титул, открывающее ве-

ликолепных очертаний ноги. Не будь она и так безмерно богата, эта женщина могла бы приобрести состояние, рекламируя чулки, колготки и еще более интимные детали туалета.

Сашка смотрел на нее, не стараясь скрыть восхищения, скорее даже утрируя его. Прекрасно сознавая при этом, что на ступеньках широкой дубовой лестницы с резными перилами стоит и дежурно улыбается не просто привлекательная женщина, а весьма опасное и хитрое существо, много лет руководящее агентурной сетью коварных и безжалостных инопланетян, для которого отдать приказ о его уничтожении не составит ни малейшей проблемы.

Разве только ей захочется расправиться с ним не чужими руками, а лично.

Но как раз об этом нужно немедленно забыть, чтобы невзначай, раньше времени не выдать себя и не спровоцировать эту «черную вдову» на непоправимые действия. Вот именно — «черная вдова» — отличный образ, самка-паучиха, пожирающая своих не успевших вовремя убежать партнеров.

И, улыбнувшись в ответ на ее улыбку, Шульгин чуть наклонил голову, представился, назвав себя старым, еще в школьные годы придуманным для игр и мистификаций, неожиданно пригласившимся сейчас английским именем.

Хозяйка на мгновение наморщила лоб, пытаясь вспомнить, говорит ли оно ей что-нибудь, но, вздохнув, с сожалением пожала плечами. Не знаю, мол, и никогда не слышала. И сделала три шага по лестнице вниз, чтобы запереть за гостем дверь, если он не скажет чего-нибудь более существенного в оправдание своего нелепого вторжения.

У Шульгина было что сказать, и вскоре они почти дружески беседовали в холле, выходящем сплошь застекленной стеной во внутренний дворик, украшенный

мраморными статуями, фонтаном и разнообразной растительностью.

Согласно легенде, Шульгин, он же Ричард Мэллони, был доверенным лицом сэра Говарда Грина, агента-координатора пришельцев по Австралии, Новой Зеландии и Океании, погибшего при загадочных обстоятельствах, но успевшего перед смертью передать своему другу адрес и пароль к леди Спенсер.

Похоже, что агтрианка поверила Александру, долго и заинтересованно расспрашивала его о совместных с сэром Говардом делах и в конце концов предложила потерявшему старшего товарища и покровителя «искателю приключений» поработать на нее за солидное вознаграждение.

Задание, полученное Шульгиным от Антона, тоже инопланетянина, но представляющего иную, воюющую с агтрами и покровительствующую землянам цивилизацию, как раз на этот вариант и было рассчитано. Этим же вечером Сильвия решила представить новообращенного сотрудника своим коллегам.

Пока она готовилась к мероприятию, предоставленный самому себе Шульгин принялся бродить по дому, по той его части, которая была открыта для посторонних.

Скоро он понял, что, вернувшись к нормальной жизни, хотел бы поселиться в таком же.

Прежде всего, изнутри дом был гораздо больше, чем казался с улицы. Т-образной формы, вытянутый в глубину обширного парка (о наличии которого в центре каменного Лондона неискушенному человеку трудно было заподозрить), со всех сторон окруженного высоким забором и глухими стенами соседних зданий, этот дом стоял здесь не одно столетие и на протяжении веков не раз достраивался и перестраивался.

Многочисленные коридоры и коридорчики, прямые и винтовые лестницы соединяли холлы, каминные залы,

картинную галерею, библиотеку и другие помещения, не имеющие выраженной специализации, в сложный, разветвленный и запутанный лабиринт, создающий уважающему себя британцу ощущение защищенности, комфорта и связи с теряющейся во временах норманнского вторжения вереницей почтенных предков.

Масса произведений искусства со всех концов некогда великой империи: африканские щиты и копья, индийские мечи и сабли, бронзовые и нефритовые статуэтки из Китая, персидские и афганские ковры, причудливые раковины южных морей. Память о грандиозных сафари колониальных майоров и полковников — головы антилоп, бегемотов и носорогов, шкуры тигров и леопардов на полу и обшитых темным деревом стенах. Неподвижный воздух полутемных зашторенных комнат — как сложная композиция парфюмера, составленная из запахов старого дуба, тика, красного и эбенового дерева, сандала, воска, столетиями втираемого в узорный паркет, индийских курительных палочек, кожи кресел и диванов, переплетов старых книг и, наверное, духов и благовоний тех дам, что шелестели здесь шелками, муслинами и парчой своих туалетов. Как звуковое дополнение всех этих обонятельно-зрительных изысков — частые перезвоны идущих вразнобой, потерявших свое время часов, стенных, каминных и башнеподобных напольных.

Не дом, а миниатюрная копия музея принца Уэльского. У Шульгина сложилось впечатление, что родовое гнездо лордов Спенсер — не архитектурное сооружение со специально придуманным и тщательно оформленным интерьером, а словно бы живой, растущий и развивающийся в пространстве и времени организм. И его помещения — как годовые кольца. Вот здесь, ближе к сердцевине дома, — семнадцатый век. В восемнадцатом прибавились эти комнаты, в них и мебель другая, и форма оконных рам. К ним примыкает девятнадца-

★ тый, викторианский, век, а самые близкие к парадному входу помещения оформлены современно — функциональная мебель, картины сюрреалистов на стенах, японский музыкальный центр, гигантский телевизор с видеомагнитофоном, россыпь ярких журналов на столике в холле.

Переходя из комнаты в комнату, Шульгин пытался понять истинный характер хозяйки и, к своему удивлению, не замечал ничего, что говорило бы о низменных чертах ее натуры. Скорее наоборот. А чего он, собственно, ждал? Надеялся увидеть орудия пыток, а абажуры из человеческой кожи? Смешно.

Зато многочисленные фотографии в деревянных и металлических рамках, развешанные по стенам, наводили на размышления другого рода. Среди дам и джентльменов в одеждах и прошлого, и нынешнего веков часто попадалась особа, поразительно похожая на хозяйку дома. Конечно, платья, костюмы, прическа, типы макияжа были всегда разными, но черты лица, но выражение глаз. Что это? Подгонка облика к легенде, имитация принадлежности к древнему аристократическому роду или?..

Если так, то сколько же ей лет? Она что, вроде героини фильма «Секрет ее молодости» в исполнении Людмилы Гурченко, живет вторую сотню лет? И никто этого не замечает и не удивляется? Загадка, достойная размышлений.

Но заниматься ею Шульгину не пришлось. Гнусная составляющая личности агтрианки, о которой предупреждал Антон, все же проявилась. Пусть несколько позже. Когда после светского ужина в ресторане в обществе крупных бизнесменов и членов правительства они вернулись домой, Сильвия недвусмысленно дала понять своему гостю, что не прочь провести с ним еще и ночь любви. Шульгин не нашел причин отказаться и испытал нечто непередаваемое. Как персонаж анекдота

про тетю Соню, которая думает, что это — последний раз, и вытворяет в постели такое!..

Пробуждение же оказалось печальным. Как понял Шульгин намного позже, Сильвия разоблачила его с первой минуты, но агтрианке факт появления неприятеля непосредственно в ее логове был неожиданным подарком.

Александр Иванович, называемый большинством знакомых попросту Сашкой, был человек хоть и беспринципный, но приверженный нескольким простейшим правилам. И среди них — вера в друзей, ради которых он готов был на риск, и, в свою очередь, надеялся, что и они ему помогут, если что.

Потому и рискнул он в очередной раз головой, будучи уверен, что справится почти с любой ситуацией. Имел для этого основания.

Что, в общем-то, последующие события и подтвердили. Они с наркомом выкрутились, можно сказать, с честью.

ГЛАВА 37

— Только ты-то, друг Антон, здесь при чем? — деликатно поинтересовался Шульгин, выслушав заверения форзейля в том, что он предпринял все возможное для розыска и спасения Александра, затерявшегося «в дали времен, в пыли веков». — Это мы с наркомом вертелись, как черти на сковородке, а что делал ты?

Кстати сказать, кое-кто утверждал, что канал перехода из Замка в Лондон продержится не больше двух суток, а вышло, похоже, пять. Я начал уже слегка беспокоиться.

И второе — отчего возник у меня провал в памяти? Андрей с Берестиным сохраняли полный контроль над своими клиентами.

— Это, Саша, как раз самое неприятное. К тебе там еще не стучат в дверь? Тогда слушай.

Сказав Шульгину, что он кинулся на его поиски на третий день после случившегося, форзейль привычно покривил душой. Формально он не лгал, но говорил лишь долю правды. Да и как иначе?

Узнай Сашка о том, что в основной своей ипостаси он прожил уже более четырех лет в трех разных реальностях, выиграл две войны, учинил несколько государственных переворотов и вдобавок женился наконец на очаровательной девушке, он мог, по мнению Антона, повести себя «неадекватно».

Каким бы сильным ни обладал Шульгин характером, предсказать его реакцию форзейль не брался. Скорее даже наоборот — как раз характер и скрытые до поры паранормальные способности могли толкнуть землянина на самые отчаянные действия.

Например — переход на сторону врага.

А что терять, раз ты — это уже давно не ты, а «симулякр», «действующая модель паровоза в натуральную величину».

— Слушай, Саша, ты меня понял? — спросил Антон, закончив изложение своей легенды.

— Чего же здесь не понять? Не дурак вроде бы. Я соображаю и о том, и об этом. Сколько раз ты нас подставлял, помнишь? Пришла пора и рассчитываться.

Шульгин не знал, что он сейчас дословно повторил фразу из уже имевшего место разговора с Антоном. Правда, несколько позже. Да и неудивительно, один и тот же человек в идентичной ситуации вряд ли мог мыслить по-другому.

И все же у него появилось неприятное ощущение «дежа вю», то есть уже бывшего в жизни.

Журчала и шелестела льющаяся из душевого рожка горячая вода, пенилась в ванне ароматическая соль.

В дверь деликатно постучали. Шульгин поднялся,

стряхивая с себя пену, прошлепал мокрыми ногами по коврику, сдвинул рычажок защелки.

Заглянул старающийся выглядеть смущенным Валентин.

— Как у вас, Григорий Петрович, все в порядке?

— А что, возникли сомнения? — Шульгин усмехался нахально, поглаживая живот.

— Нет, но вроде как вы разговаривали сам с собой. Вот я и подумал.

— Зачем думать? Это входит в ваши функции? Я, как персонаж повести Юрия Олеши, обожаю петать в клозете и ванной. Сейчас, например, собираюсь исполнить арию Варяжского гостя.

— А, ну тогда извините.

— Ходит тут, вынюхивает, — неизвестно, для себя или для Антона сказал Сашка, вновь запирая дверь. — Так, о чем мы?

Антон еще с момента выхода парохода «Валгалла» из ближней к Замку бухты в сторону Стамбула понимал, что в принципе он больше не несет ответственности ни за своих земных «друзей», ни за судьбы данной Реальности в целом.

Все, что он мог и что считал нужным, форзейль сделал. Самое главное — полностью устранил даже малейшие следы существования агтров в этом мире. И формально его совершенно теперь не касалось, чем именно будут заниматься бывшие враги в оставшемся под их контролем отрезке истории между тридцать восьмым и восемьдесят четвертым годом.

Теоретически он мог даже допустить, что процесс постепенно будет распространяться вспять по оси времени.

Проще говоря — определяемая фактом наличия в ней агтров Реальность, лишенная этой компоненты, станет «выгорать», как бикфордов шнур. Или — попросту замкнется сама на себя, когда совместятся в сравни-

тельно недалеком будущем обе Сильвии, одна из которых волей-неволей вынуждена будет теперь исполнять одновременно функции причины и следствия собственного существования.

И, значит, с одинаковым эффектом в этом новом химерическом мире он, Антон, может делать что ему заблагорассудится или — не делать ничего.

Однако некоторые сомнения все же оставались. Слишком многие события здесь, на Земле, и в Метрополии не укладывались в общую картинку. В итоге мучительных (и бесполезных, даже нелепых с точки зрения ортодоксального форзейля) размышлений Антон все же решил исполнить свой долг до конца. В полном соответствии с императивом Марка Аврелия: «Делай что должен, свершится — чему суждено!»

Дело в том, что сто двадцать прожитых на Земле лет, проведенных в постоянном общении с отнюдь не худшими представителями рода человеческого, обогатили его «менталитет» такими понятиями, как долг просто и долг карточный, честь, верность данному слову, здоровый авантюризм, склонность к изящной интриге — понятиями, совершенно чуждыми его исходной натуре.

Излишними, а то и вредными при работе в других мирах моральными принципами, но необходимыми в «приличном» обществе европейского типа.

То есть «спасать» Шульгина или, вернее, помочь воссоединиться двум разным теперь уже личностям в едином теле Антон решил безусловно, но заодно он надеялся извлечь из парадокса максимум возможной пользы, на случай, если «Главная реальность» все же уцелеет.

Но, как уже было сказано, раскрывать истинное положение дел Шульгину Антон пока не собирался.

— Ты, Саша, главное, не нервничай. Все уже позади. Еще буквально час-другой, и ты будешь «дома», раз уж я тебя нашел.

— Да я как-то и не нервничаю вроде бы. Не впервые, тем более что как раз лично я ничего особенного не пережил. Три часа там, ночь здесь, всего и делов,— сказав это спокойным, весело-небрежным тоном, Шульгин тут же и насторожился. Давно и хорошо зная форзейля, он почувствовал в его словах некий подтекст.

Примерно такими словами «готовят» людей чуткие друзья перед тем, как сообщить что-нибудь по-настоящему трагическое.

Была у него и своя тактика в общении с хитрым инопланетянином, который как-то назвал себя их «даймоном», что в переводе на русский означало некоего «светлого спутника», ангела-хранителя, проще говоря.

Так это или нет, Сашка пока не понял, хотя и не мог отрицать, что помощь от форзейля всегда приходила вовремя, в моменты, когда надеяться было больше не на кого. И в то же время было в этой помощи нечто дьявольское. Каждый раз она втягивала Шульгина и его друзей в очередной виток все более и более рискованных предприятий.

Шульгин не раз задумывался, что произошло бы, отвергни они категорически помощь форзейля в самый первый раз. И не находил убедительного ответа.

Вот и сейчас он ответил Антону в привычном стиле.

— Да что ты, Саша?! — искренне удивился, слегка даже возмущился Антон. — Я не хочу незаслуженной славы, однако и твои слова звучат обидно. Ладно, предположим, что вы отбились от агтров без меня и они про вас после того забыли бы. Маловероятно, но допустим. Теперь думай дальше.

Кем ты был и что ты делал до нашей встречи? Кандидат медицины, старший научный сотрудник без серьезных перспектив. Впереди двадцать лет рутинной работы, за неподобающие взгляды — безусловно невыездной, докторскую, если и напишешь, ВАК не утвер-

дит, и как итог «бесцельно прожитых годов» — пенсия 160 рэ. При условии, если доживешь.

А теперь? Естественно, определенные сложности появились, так и неудивительно. У твоего тезки Меншикова разве не изменился круг задач и интересов, когда он от торговли пирожками перешел к созиданию империи? Что скажешь?

— Если бы я не был атеистом, сказал бы, что ты ужасно напоминаешь дьявола, охмуряющего грешную душу.

— Лестно. Но я оставляю тебе свободу выбора?

Шульгин подумал.

— Конечно. Если это можно назвать свободой.

— Свобода — она всегда такая. Одним нравится уютная тюремная камера с баней и чистыми простынями по субботам, гарантированной пайкой и самодеятельностью в клубе. Колючка на заборе и охрана на вышках их волнует мало. А то и признается как необходимая гарантия внутренней стабильности общества.

Другие предпочитают прерии или тайгу, сон под кустиком у костра и ужин из корней лопуха, если промахнешься по антилопе. Не повезет — подохнешь сам или убьют не менее свободные, но более меткие индидуумы.

Зато при случае наградой — «Золото Маккены» или «Копи царя Соломона». Так, нет?..

— Я же сказал, братец, что твоя методика ничем не отличается от вышеназванной. Но я согласен. Что ты от меня хочешь в этот раз?

— Очень немного, Саша. Вылезай из ванны, пригласи хозяина в кабинет и поговори с ним под мою диктовку. И тогда, если ничего не помешает, еще сегодня ты станешь самым собой.

— Хотелось бы. А без заходов из-за угла можно? — довольно резко спросил он Антона. — Я тебе что, подза-

летевшая школьница на приеме у венеролога? Что ты желаешь поиметь с меня на этот раз?

— Какой ты все же, Саша, невоспитанный. Не дашь человеку плавно подойти к снаряду. А я со всей душой.

Хоть разговор у них был как бы телефонный, голос форзейля едва слышно шелестел в капсуле, Шульгин внутренним взором ярко представлял себе и позу Анто-на, одновременно вальяжную и собранную, будто перед прыжком, и его выражение лица.

Так, наверное, мог бы выглядеть артист Тихонов, которому поручили сыграть Швейка без грима.

— Знаем мы твою душу. Так в чем проблема?

— Первая — куда тебя возвращать.

— В смысле?

— Видишь ли, твой оригинал сейчас... — Антон про-изнес это «сейчас» и запнулся. Даже он начинал уже путаться во временах. Впору вводить в русский язык новые грамматические формы. Придумать какие-ни-будь «давнопрошедшее несовершенное», «будущее ма-ловероятное» и тому подобное.

Как действительно можно говорить про находяще-гося во врангелевском Крыму Шульгина «сейчас», а про него же, пребывающего (пребывавшего?) в межвремен-ном Замке, но где-то в районе 1984 года — «раньше»? Какой во всем этом физический смысл?

— В общем, твой оригинал фактически уже не на-ходится там, где он находился в исходный момент. Со-вместить тебя с ним в Замке, сразу после возвращения из Лондона — задача сложная не так технически, как идеологически, скажем. Если он узнает о случившемся с тобой здесь до начала «исхода», это приведет... Я, при-знаться, и не знаю, к чему это приведет.

— Ты — не знаешь? — не поверил Сашка. Он мог сомневаться в нравственных качествах форзейля, но его всемогущество и всезнание он признавал почти без-условно.

— Увы — да! Мы вступили в такие области, что моментами я готов предположить, что ты и Андрей куда осведомленнее и сильнее меня.

Антон действительно не представлял, что может произойти с реальностями, этой и другой, «крымской», если Шульгин, вернувшись в Замок, расскажет Сильвии, которая, решив начать новую жизнь, стала его любовницей, обо всем, здесь происходящем. И о петле времени, которую она учинила, отправив пресловутое письмо. Возьмет аггрианка вдруг и передумает. Тогда как все повернется?

— Поэтому проще будет переместить тебя в двадцатый год. И ты, и остальные ребята там устроились очень неплохо. Совместишься с собой — и никаких проблем. Ну, появятся вдруг некоторые дополнительные воспоминания. Как бы два варианта одного и того же отрезка жизни. На судьбы мира это никак не повлияет.

— Слушай, мне совершенно безразлично, куда и как. Давай побыстрее — и все.

— Хорошо. По первому пункту соглашение достигнуто. Теперь второе. Ты бы не мог оказать мне последнюю услугу?

— Опять последнюю? — не скрыл сарказма Сашка.

— Очень на это надеюсь. Ты весьма бы мне помог, если бы согласился задержаться совсем ненадолго.

— Конкретно?

— На сутки, максимум на двое.

— Зачем?

— Для меня, для всего нашего дела.

— «Нашего» — в смысле «вашего» или ты говоришь о нас с тобой? — перебил Антона Шульгин по своей обычной привычке.

— Второе. Все это сильно касается судьбы всех вас. Если не удастся мой план.

— Что за план?

Антон, похоже, при всем своем нечеловеческом терпении такой одесской манеры диалога не выдержал.

— Ну помолчи хоть минуту! Нам всем нужно, чтобы ты задержался здесь, в виде наркома сходил на аудиенцию к Сталину, после этого встретился со здешней Сильвией. Когда ты уйдешь, Шестакову придется трудно. Следует создать ему предпосылки нормальной жизни и удачной карьеры. А Сильвия... Ей мы должны вкрутить хорошую, стратегическую дезинформацию. Иначе все наши предыдущие труды могут оказаться напрасными. Хуже того — ты этого не знаешь, а «тот» Шульгин и парни знают. Реальности угрожают схлопнуться, тогда вам всем до конца дней придется просидеть в Замке, как Гессу в тюрьме Шпандау. Или — эмигрировать с Земли вообще.

— А чем плохо? — принялся валять дурака Сашка. — Помнится, в самом начале ты как раз обещал нам турне по Ста мирам.

— Успеется. Я тебе все расскажу, в деталях, но теперь нужно спешить. Твой новый партнер нервничает. Так что? Отправляемся по домам или еще «распишем пулечку»?

Поймал форзейль Шульгина, поймал на беспредельной страсти к приключениям. Или — Сашка на подсознательном уровне, ревнуя к самому себе «основному», который наверняка успел «за отчетный период» вволю пощекотать себе нервы, возжелал и здесь учинить нечто этакое.

Чтоб было что вспомнить!

— Ну, хрен с тобой. Давай, тасуй колоду. Когда ни помирать, все равно день терять.

И не отдавал себе пока Шульгин отчета, что главным фактором, определившим его выбор, был затаившийся в самых глубоких слоях подсознания страх.

Вдруг его возвращение в себя окажется не чем иным, как самой банальной смертью? Сейчас он, как

тут ни суди — самостоятельная личность, пусть и пребывающая в чужом теле, но ощущающая себя именно Александром Шульгиным, с собственной памятью о всей предыдущей жизни, плюс обладающая исключительно ему принадлежащим опытом последних дней.

Можно сказать, что вот этот человек, лишь загри-мированный под наркома, и есть он сам, единственный и неповторимый. А тот, другой? Оттого, что он там где-то существует, Сашке не холодно и не жарко. Как безразлично ему подлинное или гипотетическое существование собственных аналогов во всех прочих параллельных мирах.

Если он сейчас выстрелит себе в висок из пистолета, то умрет безусловно. А если матрица его личности сольется с оригиналом? У «Сашки номер раз» вдруг прибавится пара мегабайт памяти. Всего лишь.

— Тогда так, — удовлетворенный, что главная на данный момент задача успешно решена, спросил Антон, — ты же не хочешь, чтобы твой «реципиент» остался в не слишком уютном времени, «один и без оружия»?

— Не хочу, — согласился Шульгин.

— Значит, делай все, что тебе сейчас предложит Лихарев, а я ненадолго вас покину. И постарайся быть таким же капризным и вредным, как сейчас со мной. Только — немножко больше напуганным и желающим поскорее попасть домой. Понял «зерно роли», как говаривал Станиславский?

ГЛАВА 38

— Нет, и перестанем торговаться. — Шульгин звучно припечатал к столу ладонь. — Меня совершенно не интересуют ваши проблемы. Устройте мне встречу с вашей начальницей, а потом я сам решу, как поступить!

Сашка специально довел дело до момента, когда от-

ступать Лихареву было просто некуда. Всего через четыре часа у него была намечена встреча со Сталиным, где Валентин намеревался предъявить наркома в полном здравии. Они даже составили схему разговора и отрепетировали основные реплики.

В качестве одного из доказательств своей лояльности Шестаков должен был предъявить финансовые документы, которые якобы спас от захвата сотрудниками ежовского Управления особых задач. Тут его позиция была непробиваемой.

Представитель Управления в Испании, старший майор госбезопасности Орлов, не так давно перебежал на Запад, и теперь можно было утверждать, что по собственным каналам Шестаков получил информацию о совместной заговорщицкой деятельности троцкистской агентуры и НКВД. Установив свое полное влияние над правительством Испанской Республики, они готовились не только сорвать поставки оружия и снаряжения, но и захватить предназначенные для этого денежные средства.

Примеров несогласованной с Политбюро, фактически антисоветской политики НКВД в Испании можно было предъявить сколько угодно.

По их же методике — трактовать любое событие, от поражения Интербригад в боях за Сьерра-Гвадарраму до мятежа верных троцкисту Ниньо частей, как результат предательской деятельности Ежова и его подручных.

А поскольку Шестаков не знал, кому в НКВД, да и в собственном наркомате еще можно верить, а кому уже нет, он и решил со всеми документами и доказательствами обратиться непосредственно к товарищу Сталину. Но — не успел. Враги опередили. Вот и пришлось поступить таким вот не совсем обычным образом.

Дальнейшие действия Шестакова, в том числе и его обращение именно к Заковскому, как к единственному,

на его взгляд, безукоризненно честному и надежному человеку, тоже были проработаны вполне убедительно.

И вот в этот момент, когда все было согласовано и решено, Шульгин заявил, что он передумал. Мол, сначала представьте мне леди Спенсер в натуральном виде и в условиях абсолютной безопасности.

— Ну кто же так поступает?! — в отчаянии вскричал Валентин, вдруг вспомнивший о моральных принципах. О чужих, естественно. — Мы же договорились!..

— Например, я, — безмятежно улыбаясь, ответил Сашка. — Дело ведь в чем? Это у вас есть служебные обязанности, так называемый «долг» и прочие буржуазные выдумки, у меня же — только я сам и не принадлежащее мне тело. И все.

Поэтому я должен думать прежде всего о своем благе, а уж потом... Заметьте также, что в нынешней ситуации я оказался отнюдь не по своей воле.

Основная проблема сводилась к тому, что единственным местом, где можно было провести встречу Шульгина с Сильвией и не выйти при этом из графика, являлась квартира в Столешниковом переулке, включенная в режим «нулевого времени».

Тогда, сколько бы часов или суток ни продлились переговоры, Валентин успевал в Кремль к назначенному времени. Но это не совсем устраивало Шульгина, ему хотелось, чтобы встреча состоялась на самом деле «с глазу на глаз», а не в помещении, наверняка до предела напичканном всевозможной шпионской аппаратурой.

У него уже был весьма печальный опыт встречи с Сильвией в ее лондонском доме.

Но все же стороны пришли к соглашению.

Когда Лихарев скрылся в своем кабинете, чтобы связаться с Лондоном, Шульгин пригласил Власьева на минуточку выйти в коридор.

— Вот что, Николай Александрович. Наверное, вам

лучше будет уехать прямо сейчас. Возьмите деньги, у меня тут около двадцати тысяч долларов, да и советских червонцев почти столько же, и отправляйтесь на вокзал. Риска больше никакого. Паспорт у вас совершенно чистый, на меня вы никоим образом не похожи, на того мужика, который сбежал с этапа, — тоже. Да и вообще розыск «наркома» сегодня непременно прекратят, вы сами слышали. Доберетесь, Зою успокойте, ребятам гостинцев каких-нибудь купите. И ждите меня, через пару дней постараюсь подскочить.

Увидел, что Власьев хочет возразить.

— И не спорьте. Ей-богу, так будет лучше. Я все продумал. Помочь вы мне здесь уже ничем не можете, а с вашим уходом у меня появятся лишние козыри. Собирайтесь, Николай Александрович, и не мешкайте. Нужно, чтобы вы ушли, пока Лихарев не появился. Не то чтобы я ему не доверяю, просто предпочитаю в любой ситуации удерживать инициативу. Доберетесь — телеграмму дайте. Главпочтамт, до востребования. Например, такую: «Доехал благополучно, жду зимнюю рыбалку. Николай». В общем — до встречи.

Сашка запер дверь за Власьевым и вздохнул облегченно. В самом деле, присутствие рядом «старого друга» начинало его тяготить. Непрерывно придумывать мотивировки странных, с точки зрения Власьева, поступков, думать, как бы не сболтнуть чего лишнего, да и Зоя с детьми уже четыре дня одна. Изнервничалась вся.

Вот эта последняя мысль явно прорвалась от Шестакова. Пусть он себя и не осознает, избавлен от всех забот, а судьба семьи его тревожит настолько, что эмоции преодолевают неведомый барьер.

Очевидно, Валентину пришлось выдержать трудный разговор с Сильвией. Он вышел из кабинета бледноватый от злости, нервно покусывая губы.

— Прошу вас, будете разговаривать.

— С удовольствием. Дверь изнутри запирается? Дайте ключ. И без приглашения не входить. Я тоже нервный, в случае чего может неловко получиться.

Шульгин сел перед экраном, по ту сторону которого уже видна была приветливо улыбающаяся женщина.

Она совершенно не изменилась с момента их последней встречи. Да и сколько тут времени прошло, едва неделя. И опять Сашка спохватился. Никак он не привыкнет к этим вещам. Какая там неделя?! Ей еще жить и жить до того дня. И одета Сильвия совсем иначе, и прическа другая, глаза, губы накрашены довольно аляповато. Прямо тебе Мэри Пикфорд.

— Вот вы какой, — сказала Сильвия по-русски, с едва уловимым акцентом. — Рада нашему знакомству.

— Увы, на самом деле я совсем не такой. О чем и пойдет речь. Только чего же мы так официально, через стекло? — Он пощелкал ногтем по поверхности экрана, которая, безусловно, не была стеклянной. — Будто в тюрьме на свидании. Ваши коллеги предпочитали непосредственное общение. Будьте любезны, — он сделал приглашающий жест и даже слегка отодвинулся, словно пропускающий даму в дверь джентльмен.

Сильвия была подготовлена к некоторой неординарности своего собеседника, но все равно слегка недоуменно повела плечом, будто уступая не совсем приличному предложению человека, плохо посвященного в тонкости этикета.

Рамка вокруг экрана изменила цвет, он вытянулся в длину до самого пола, и Сильвия, приподняв элегантным жестом край платья, шагнула в кабинет.

В руках у нее ничего не было. А Шульгин, напротив, извлек из-под ремня наркомовский «вальтер», поковбойски крутнул его скобой вокруг пальца.

— Закройте это, — указал он на экран стволом пистолета.

— Отсюда — не могу.

— А вон то? Разве не действует? — У края стола лежал портсигар Лихарева. — Имейте в виду, я знаю, как эта штука работает, поэтому закройте проход и, не направляя блок в мою сторону, аккуратно положите вот сюда. — Зрачок дула глядел строго в переносицу агтрианки. Со слов Ирины он знал, что при механическом повреждении мозга регенерация длится не меньше двух-трех часов. Ему этого хватит.

Потом они сели в кресла у окна.

— Вы очень опасаетесь за свою жизнь, — констатировала Сильвия. — Даже неприлично для мужчины.

— Общаясь с вами? Прошлый раз я всего на несколько минут утратил бдительность — и вот! Так что вам придется потерпеть, пусть и не совсем приятно чувствовать себя все время на мушке. Итак — что вам нужно от меня?

— Но ведь это вы настаивали на встрече, — искренне удивилась агтрианка.

— Миледи, хватит вам валять дурака! У меня нет ни времени, ни желания плести словесные кружева, или, как говаривал один персонаж, размазывать манную кашу по чистому столу. Ваша реинкарнация или вы сами в другой реальности загнали меня в это тело. Зачем?

— Хотите — верьте, хотите — нет, но я не имею никакого представления. Я и узнала-то об этом при скорбном факте всего три дня назад.

— Каким образом?

Сильвия, усвоившая его предупреждение, осторожным жестом извлекла из рукава узкий конверт.

— Я получила письмо. Весьма странным образом. С кратким и не слишком понятным изложением случившегося. А это поручено передать вам.

Продолжая углом глаза следить за агтрианкой, Шульгин косо разорвал конверт и быстро просмотрел текст.

Там было буквально несколько фраз.

★ «Александр! — писала другая Сильвия. — Глупо оправдываться в сделанном перед человеком, с которым все давно оговорено и решено. Вернешься — готова повторить все еще раз. Поверь, то, что между нами было у меня дома, — не каприз и не случайный эпизод. Я сумею позже доказать тебе это. Но не о том сейчас речь. Раз ты читаешь мое письмо — все получилось. Та, кто его передала, в состоянии тебе помочь. Когда придет время — покажи ей эту формулу. — Далее следовали две строки совершенно непонятных значков. — Она переправит тебя на Валгаллу, в ваш форт. Буквально на следующий день после того, как вы его эвакуировали. Там я тебя найду и помогу вернуться. О том, что вы сделали на Базе, и о том, что было позже, не рассказывай ничего и никому. Если потребуется, я это сделаю сама. И прошу, не ввязывайся больше ни в какие авантюры. С тебя станется. До встречи».

Так. Сюжетик продолжает развиваться. В нем появились варианты. Только кому верить, Антону или Сильвии? Задача.

— Вы это читали? — спросил он женщину напротив.

— Вы разве не видели — конверт не поврежден. — Леди Спенсер даже несколько обиделась предположению, что она может читать не ей адресованные письма.

— Откуда я знаю, что вы не сами его написали? — Это должно было выглядеть как Сашкина ошибка.

Лицо аггрианки приобрело сочувственное выражение.

— Вы действительно очень взволнованы. Как я могу знать обо всем этом?.. — Она встряхнула в воздухе листками, которые были адресованы ей. — Из тридцать восьмого года о подробностях личной биографии не советского наркома, а именно Александра Шульгина. Да вы сами прочтите. Тут все сказано правильно?

Шульгин бегло просмотрел второе письмо.

— Ну, извините. Я слишком хорошо знаю ваши приемы и методы. Потому и не исключал очередного фокуса. Вплоть до того, что вы и она — одно лицо. Перемещенное сюда аналогичным способом.

— Ну что вы! Это абсолютно невозможно. И я действительно не знаю, чем вас переубедить.

— Есть единственный способ. Возвратить меня в собственное тело. И не говорите, что это невозможно...

— Но я действительно пока не знаю, как это сделать. Предположим, соответствующая аппаратура у меня есть. Но укажите мне ваше подлинное тело, тогда мы попробуем.

«Что-то здесь не так, — подумал Сашка. — Они теперь, выходит, играют за разные команды? Неужели мы там у себя и ее перевербовали, как Ирку? Почему «моя» Сильвия пишет, что формулу показать, только «когда придет время», а не сейчас? И что значит — «не ввязывайся»? Она имеет в виду Антона или свою копию? Действительно, лучше не спешить и во всем разобраться как следует».

А Сильвия продолжала:

— Поймите меня правильно, Александр Иванович. Мы оба с вами сейчас в абсолютно тупиковом положении. Я не хочу кривить душой и обещать то, чего не смогу исполнить. По крайней мере — сейчас.

Я не знаю, что происходило между вами, другой Сильвией и моими коллегами там, в будущем времени. Вы это знаете. Знаете и многое другое. Поэтому нам остается только заключить джентльменское соглашение. Вы поможете нам сейчас, поскольку то дело, которое делает здесь Лихарев, действительно не терпит отлагательств. А я, в свою очередь, сделаю все, чтобы помочь вам. Мои слова вас убеждают?

Шульгин молчал. А что он мог ответить? Формулу возврата на Валгаллу следует пока поберечь. Вдруг да и пригодится? Запасной парашют.

Ему вдруг страшно захотелось вновь увидеть свой терем на далекой планете, сложенный из бледно-золотистых бревен, частокол, мачтовые сосны, обрыв, Большую реку.

Форт, откуда он ушел, до последнего отстреливаясь из «ПК» от агтрианских бронеходов.

— Ну а какие же будут гарантии? — спросил он, демонстративно ставя на предохранитель и пряча в карман пистолет.

— Ведь вы все просчитали и взвесили, Александр Иванович, не так ли? Если вас что-то способно убедить — скажите, мы все сделаем.

— Хорошо, я вам скажу. Немного позже. Раз игра затевается по-крупному, обманывать по мелочам вы вряд ли станете. Сегодня я схожу к Сталину в гости. Завтра вы придумаете, как обеспечить спокойное будущее семьи Шестакова, когда и куда их переправить. В надежное и приятное для жизни место, подальше от СССР и Европы. А послезавтра мы встретимся у вас в Лондоне и еще раз поищем устраивающие всех варианты.

ГЛАВА 39

Шульгин специально устроил сцену с требованием срочной встречи с Сильвией. Ничего по сути не решившая, она должна была дезориентировать противника, внушить ему мысль о том, что он пребывает в растерянности и готов на все, лишь бы поскорее вернуться «домой». Тогда никому не придет в голову, что он может преследовать еще какие-то цели, затевать собственную игру.

А у него такая мысль как раз и появилась. Уже было удачно все складывается, впервые две могущественные силы едины в желании перетянуть Сашку на свою сторону. И он тем самым приобретает свободу маневра

и возможность продать свою благосклонность как можно дороже.

Тем более Шульгин надеялся, что как раз на эти час или два Антон выпустил его из-под контроля. Вряд ли он в состоянии поддерживать постоянную связь между квартирой и Замок, через границы времен и реальностей.

Если бы это было возможно, не случилось бы всего предыдущего.

Конечно, оставался риск, что аппаратура прослушивания и звукозаписи установлена где-то в Москве и пишет все происходящее в квартире. На этот случай Сашка извлек из уха капсулу и спрятал внутрь вполне обычного серебряного портсигара с выдавленной на крышке тройкой, обнаруженного в ящике секретера Лихарева. Если даже серебро не экранирует волны, по которым осуществляется связь, так звуковые оно не пропустит точно. Особенно если положить портсигар под подушку в другой комнате.

Но предосторожности оказались излишними.

Антон действительно сразу после разговора с Шульгиным отбыл на свою операционную базу, которую принято было называть Замок. Хотя, конечно, Замок он был лишь в восприятии землян.

Такой возник однажды у форзейля каприз — оформить предназначенное для своих гостей-союзников помещение в виде мрачно-величественной средневековой цитадели с роскошнейшими современными интерьерами, способными удовлетворить самый требовательный и изощренный вкус. Чтобы аборигены постоянно видели, с кем имеют дело, и проникались соответствующими чувствами.

Однажды Шульгин и Новиков попытались проникнуть в сокровенные глубины Замка, в дебри коридоров,

пронизывающих основания бастиионов и башен, где сразу убедились, что не только на землян рассчитывалось это сооружение.

Похоже, отсюда имелись выходы во многие миры, населенные в том числе и негуманоидами.

Спасибо (кому?), что друзья сумели унести отсюда ноги.

Сам же форзейль во всех этих пышных декорациях не нуждался. Скорее наоборот. Его личные апартаменты простотой, аскетизмом, изысканным, хотя и не слишком человеческим дизайном больше напоминали дворцы средневековых японских сёгунов.

Павильоны из дикого камня и отполированных деревянных брусьев даже располагались так, что с их веранд не видно было Замка. Только пустынный океанский берег, край скалистой гряды и едва тронутая осенним увяданием прерия. Здесь всегда царил вечный, теплый, слегка пасмурный сентябрь.

Времени теперь у Антона было достаточно. Точнее — сколько угодно. Он мог вернуться в Москву в любую точку времени, с единственным условием — не раньше того момента, в который он ее покинул последний раз. Таково очередное ограничение, налагаемое законами, которым он подчинялся.

Устроившись на мозаичном полу, собранном из разноцветных плашек редчайших сортов земных деревьев, едва ощутимо пахнущем сандалом, смолой ливанского кедра, орегонской сосной, соком розового кебрачо, он погрузился в медитацию.

Чего же он все-таки хочет?

В очередной раз уязвить аггров, нанести им, разгромленным во фронтальной схватке, последний, завершающий удар с тыла? Чтобы не поднялись больше, не смогли восстановить разорванную связь времен?

А может, лучше поступить иначе?

Как любил делать великий русский шахматист Але-

хин. Загнав противника в абсолютно безвыходное положение, но не доводя до мата, он вдруг предлагал развернуть доску и продолжить партию. Вновь почти выигрывал и вновь поворачивал доску. Пока на ней оставались фигуры.

Был ведь момент, когда, выслушав слова Учителя о грозящей им процедуре Публичного Покаяния, Антон вообразил, что агентура аггров успела нанести упреждающий удар, проникла и в Совет Конфедерации, и в Департамент Соответствия.

Хоть стреляйся. В какой-то мере помогла сохранить самообладание мысль: «Ну уж тогда-то Шульгин окончательно поймет, кто из нас дурак».

Это его даже позабавило — сколь же глубоко он погружен в земные реалии, что и сейчас, в роковой, настоящему критический момент, придает значение мнению о себе всего лишь человека. А ведь оно должно было волновать его куда меньше, чем египетского фараона — точка зрения раба-иноземца на необходимость строительства очередной пирамиды.

И теперь — снова Шульгин. Слово какой-то рок их связал.

Или — опять ему свыше подается Знак? Знак, который требует угадать единственно правильную линию поведения.

Антон вспомнил Талейрана. Тот любил повторять: «Бойтесь первых побуждений, как правило, они бывают благородными!»

Так, может быть, и стоит поддаться первому побуждению? На него враги точно не закладываются, как не рассчитывает опытный преферансист на две семерки в прикупе.

Антон уже почти поверил, что его предыдущие представления о взаимоотношении реальностей неверны. А раз так — можно предположить, что любые вмешательства, которые он собирается предпринять здесь,

отнюдь не создадут малозначительную парареальность, но окажут кардинальное влияние на Главную историческую последовательность и на всю Большую игру в целом.

Если нет — он не теряет ничего. Но если да — последствия его намеченной акции невозможно переоценить.

Из всех существ, присутствующих в данной точке истории, только он и Шульгин знают будущее, знают исход (возможно — лишь промежуточный) Великой битвы. И могут данную ситуацию изменить.

Анализируя партию, Антон сумел просчитать вариант, в котором агграм удастся устранить последствия диверсии на Главной базе, причем не только восстановить «статус-кво», но выиграть качество. Если они сумеют найти эту серию ходов и реализовать их, вся предыдущая борьба теряет смысл, в эндшпиле он неминуемо проигрывает партию.

Антон настолько возбудился, что извлек из второго уровня пространства перед собой большую глиняную чашу, полную исходящего ароматным паром синтанга, втянул через трубочку проясняющий мысли напиток. Следом появился переносной пульт связи с Главным информатором Конфедерации. Теперь, в своем новом ранге Тайного посла, он имел к нему неограниченный доступ.

Согласно архивным данным, выходило так, что Вторую мировую войну организовали и спровоцировали аггры. Чтобы скорректировать не до конца реализованные возможности Первой.

Партию 1914—1941 годов форзейли проиграли. Тут никуда не денешься. Агграм удалось в очередной раз, грубо выражаясь, «спустить в канализацию» стремительно нарастающий интеллектуальный потенциал человечества.

Если бы не бессмысленная бойня, унесшая десятки

миллионов жизней (как правило — молодых, талантливых, «пассионарных»), а еще большее число интеллектуалов заставившая трудиться над созданием весьма хитроумных, но фактически никчемных линкоров, танков, бомбардировщиков и ужасных ипритов и люизитов, земле в ближайшее десятилетие могли бы вплотную подойти к постижению сокровенных тайн естества.

Не случайно же в предвоенные годы создал свою теорию Эйнштейн, проникали в эзотерические глубины Блаватская, Рерих, один за другим публиковались в цивилизованной Европе трактаты Рамачараки, да и поэты российского Серебряного века явили миру не только литературный талант, но и явные признаки пророческого дара.

Вот все это и было на удивление четко обрублено. Причем так, что ни Антон со своей резидентурой, ни даже правители великих держав не успели сообразить, что именно происходит, как и почему.

До конца XX века историки исписывали миллионы печатных листов, пытаясь постичь причины и поводы внезапной, бессмысленной, никому не нужной и ничего не решившей Первой мировой войны.

А теперь на подходе была и Вторая, якобы должествующая ревизовать и привести в соответствие со здравым смыслом итоги Первой, но на самом деле — окончательно лишить человечество возможности в обозримой перспективе исполнить свое Предназначение.

Пятьдесят миллионов только убитых, появление ядерного оружия, «холодная война» — все это на века отсрочит постижение людьми загадки Великой Сети. Только чудом после этой войны родились и достигли Уровня Готовности к Постижению Шульгин, Новиков, Левашов, кандидаты в Посвященные второго ранга Берестин и Воронцов. Не случись война, таких людей на Земле могло бы одновременно жить сотни, если не тысячи. И что тогда?

Причем Антон только сейчас, сопоставив массу данных Информатора, к которым раньше он не имел доступа, понял, что из человечества в основном выбивали русских и немцев. По отношению к англосаксам их погибло за две войны почти в сорок раз больше.

А ведь Антон, то есть его предыдущая реинкарнация, в годы обеих войн делал все, чтобы как раз англосаксонский, атлантический мир выиграл, понеся минимальные потери. Думал, что помогает демократиям против тоталитаризма.

Выходит — подыгрывал злейшим врагам. Поскольку и Сильвия в своей роли фаворитки и «серой кардинальши» при Чемберлене и Черчилле делала то же самое.

Антон чуть не ударил кулаком по драгоценному полу. Неужели он тогда был столь примитивно глуп?

Мельчайший штрих, совершенно ничего не определяющий поступок землянина — и вдруг такой эффект!

Воистину — бой местного значения, который неожиданно перерастает в сражение, определяющее ход кампании, а то и войны в целом.

Тогда — отчего бы не сделать все совсем иначе?

Антон вызвал на висящую перед ним черную кляксу экрана очередную порцию информации.

Интереснейшая угадывается комбинация.

Если удастся с помощью нынешнего Шульгина-Шестакова и некоторыми другими методами активной не прямой дипломатии резко сменить курс?

Взять сейчас и вернуться к идее Бюркского договора. Союзу России и Германии против Антанты.

Многообещающая, странным образом до сих пор не реализованная комбинация. Континентальные державы против атлантических. Представим — в ближайшее время СССР заключает тайный договор с немцами. И с японцами, разумеется.

Почему бы и нет?

Практическая польза — СССР будет избавлен от конфликта на Халхин-Голе (45 тысяч убитых), от Финской войны (200 тысяч убитых). В перспективе — и от самоубийственной Отечественной войны.

Подкрепленные экономической мощью и сырьевой базой Союза, немцы еще быстрее, чем в прошлый раз, завоюют Западную Европу. Имея в качестве мощного резерва пятимиллионную Красную Армию, опирающуюся, в случае непредвиденного поворота сюжета, на непреодолимые бетонные форты «линии Сталина».

Допустим, отступившая за Ла-Манш Великобритания продолжит сопротивление. Ее поддержат США.

И вот тут-то вступит в действие изумительный ход, каре тузов из рукава — переброска Северным морским путем всего японского флота!

Вместо удара по Пёрл-Харбору — налет семи авианосцев адмирала Нагумо от Тронхейма по Скапа-Флоу. Одновременно японские линкоры и тяжелые крейсера, советские Балтийский и Северный флоты, германский и итальянский флоты высаживают десанты на Британских островах и в Исландии.

После этого...

После этого можно будет посмотреть, захотят ли США в одиночку сразиться с вдвое сильнеешим Объединенным флотом (ах, да, сюда же можно подверстать еще довольно мощный французский и то, что останется от английского, тогда выйдет почти пятикратное превосходство) и с десятикратно превосходящей численно и двадцатикратно — тактически сухопутной армией Европы. Или, так тоже можно сказать — Азиопы.

Антон развеселился. Если даже его немедленно отстранят от земных дел, он все равно успеет разыграть эту великолепную комбинацию.

А если повезет, то еще и насладится итогами красиво выигранной партии.

Движением руки он убрал от лица экран.

★ Стратегическая идея сформулирована. Теперь следует подумать и о тактике.

Желанию Шульгина немедленно воссоединиться с самим собой препятствовать Антон не собирался.

Просто необходимо подготовить ему замену. Технически — создать кассету ложной памяти для Шестакова. В которой сохранить все полезное от Шульгина. Заодно нужно будет стереть воспоминания о событиях последних суток и заменить их на вымышленные, но столь же убедительные.

Чтобы, когда нарком останется один, он не только не удивлялся ранее случившемуся, а горел желанием работать в том же направлении.

Антону пришло в голову хорошее название: «Операция «Нострадамус».

Сделать так, чтобы Шестаков поверил, что ему вдобавок к прочим талантам ниспослан еще и дар предвидения.

Ниспослан, и все. Как Сталину — талант диктатора, а Алексею Толстому — исторического романиста. Людям нравится открывать в себе новые дарования. Редко кто из них при этом испытывает чувство протеста или хотя бы удивления.

Одновременно ему следует забыть все, связанное с агтрами, форзейлями и прочей «мистикой». Лихарев — нормальный, хорошо законспирированный помощник Сталина — кандидата в императоры (будущий Великий визирь), сам же Антон, поручения которого наркому придется выполнять, должен восприниматься своеобразным аналогом председателя «Союза Меча и Орала», прибывшим из Парижа координатором заговора.

Заодно он должен помнить, что хорошие отношения следует поддерживать с обоими, но Антон (кстати, нужно изобрести себе новый, подходящий для общения с наркомом псевдоним) — главное, и факт знакомства с ним следует держать в тайне от всех.

В этом сценарии найдется место и Овчарову, которого можно сделать вместо Литвинова наркомом иностранных дел, идеологом и проводником «Нового курса».

Фактически Антон решил создать новый макет, или, лучше сказать, «протез», личности Шестакова. По той же схеме, как он смоделировал для Воронцова виртуальную модель Натальи в Замке. Потом она стала совершенно живой женщиной и обрела свое счастье, и Воронцов тоже, а Антон выиграл очередную партию. То есть «все довольны, все смеются».

Некоторые сомнения, которые были неизбежны, если бы Антон оставался ортодоксальным форзейлем, вызвала этическая сторона акции. Такие грубые вмешательства в судьбы людей члены его клана обычно не допускали, свобода воли разумного существа для них была священна.

Но здесь у него имелось оправдание — без такого вмешательства нарком в нынешних обстоятельствах просто не выживет. Слишком тяжелым окажется шок, если предоставить Шестакова его судьбе. Матрица Шульгина единственно удерживает пока Григория Петровича от жуткого нервного срыва.

Тем более — очевидно, что довели его до такого состояния агтры, лично Сильвия своим грубым, несанкционированным вторжением в прошлое, а Антон теперь лишь пытается спасти «потерпевшего» и восстановить надорванную «ткань времен», не более.

И для Шульгина, для его свидания со Сталиным нужно подготовить рекомендации.

Такие, чтобы после первой же встречи с добровольно явившимся на личный суд вождя наркомом (словно король Генрих в Каноссу) Сталин обратил внимание прежде всего на достоинства Шестакова, его дальновидность, ощутил в нем потенциал человека, который наилучшим образом сможет проводить в жизнь гениальные планы. И одновременно, поняв его полезнейшие задат-

ки, ни в коем случае не вообразил, что нарком способен претендовать на самостоятельную роль в истории, пытается хоть как-то повлиять на нынешнюю сталинскую политику...

Размышляя обо всем этом, Антон ощутил недоступную непосвященному ауру готового вот-вот сформироваться парадокса. Его скорее всего не предусмотрели сами создатели правил «Большой игры», так называемые Держатели Мира.

Или, напротив, предусмотрели еще тогда, когда внедрили во Вселенскую Гиперсеть систему Ловушек Сознания, своеобразных предохранителей, которые, циркулируя в Сети, отслеживают и нейтрализуют любые возникающие в ней флуктуации, способные нарушить сложившийся между конкурирующими кланами Держателей паритет.

Антон догадывался — задуманное им настолько выходит за рамки вековых установлений и правил, что знаменует собой нечто гораздо большее, чем очередной тайм, сет или гейм неизвестно когда начатой игры. Похоже, что он присутствует не менее чем на сломе эпохи или даже эры!

А ведь совсем недавно, встретившись в Сухуми с капитаном Воронцовым, форзейль считал, что делает обычный ход, пусть сильный, но всего лишь пешкой, которой бесконечно далеко до восьмой горизонтали.

ГЛАВА 40

Валентин вошел в кабинет Сталина ровно в четырнадцать ноль-ноль. Через десять минут после того, как вождь приехал сюда с Ближней дачи, веселый, отдохнувший, прокатившийся с ветерком на бронированном «Па́ккарде» по метельной загородной дороге и замершему в страхе, через метр обставленному охранниками Арбату.

— Что скажешь, товарищ Лихарев? — раскуривая первую сегодня трубку, поинтересовался Иосиф Виссарионович.

— Ничего, кроме того, что Николай Иванович, похоже, не выполнил ваше поручение.

— Какое, да?

— Вы же хотели, чтобы он сегодня представил вам наркома Шестакова.

— Слушай, а зачем нам Шестаков? Может быть, его и стоило посадить? — Сталин лукаво улыбался, прощаясь, насколько готов помощник отстаивать позицию, обозначенную (что не исключено) под чьим-то постоянным влиянием.

— Может быть, и стоило. Это не ко мне вопрос, товарищ Сталин. Моя задача — вовремя докладывать вам о делах, которые способны повредить вашей политике, и принимать необходимые меры во исполнение ваших решений.

— Молодец. Умеешь формулировать. Тогда скажи — зачем нам нарком Шестаков и почему нам больше не нужен товарищ Ежов?

— Ничего нет проще. Нарком Шестаков нужен вам потому, что он совершенно верно проводил в жизнь вашу политику в отношении поддержки Испанской Республики, проявил себя смелым и честным человеком, а нарком Ежов дискредитировал вашу политику. Многие простые люди начали задумываться, почему Советская власть сажает в тюрьмы тех самых людей, которые отдали все, чтобы ее установить и укрепить.

— Вы имеете в виду Тухачевского и других? — недобро сощурился Сталин.

— Отнюдь. Тех крестьян и рабочих, которые сначала поддерживали нас против белых в гражданской войне, потом исполняли установку Политбюро «обогащайтесь», развивали интенсивное хозяйство, сеяли хлеб, заводили скот, а теперь в соответствии с распоряжением НКВД репрессируются как «чуждый элемент».

— Такое распоряжение действительно было? — удивился Сталин.

— Так точно. За номером... От такого-то числа 1937 года. О ликвидации и выселении в северные районы страны лиц, злоумышленно дискредитирующих колхозную систему высокой продуктивностью единоличных наделов. Кроме этого, у меня имеется подборка очень интересных материалов о, так сказать, параллельной деятельности товарища Ежова.

— Ну-ка, покажите.

Сталин быстро пролистал папку, над содержанием которой старательно трудился Заковский, за пару секунд прочитывая и запоминая содержание целой машинописной страницы. Валентин видел, как моментами у него сжимались челюстные мышцы, хотя лицо оставалось бесстрастным.

— Хорошо, пусть товарищ Ежов войдет.

«Железный нарком» вошел. Смотреть на него Лихареву было неприятно. Интеллигентской составляющей личности Валентина зрелище раздавленного страхом человечка удовольствия не доставляло, хотя сам факт уже состоявшейся победы не мог не радовать. Зато Сталин явно испытывал наслаждение.

— Ну-с, товарищ Ежов, вы, конечно, сдержали свое слово? Мы вас ценим именно за это. За то, что на вас можно положиться. Я всегда говорю товарищам: «Берите пример с «железного наркома», он не подведет, как какой-нибудь Ягода». Не томите нас, скажите скорее, чем товарищ Шестаков объясняет свой поступок? Вы уже успели его допросить или предоставите это нам?

Лихареву показалось, что Ежов сейчас повалится на колени и поползет к сталинским сапогам по длинной бордовой дорожке.

— Товарищ Сталин! Мы не успели. Совсем немного. Мы обязательно возьмем Шестакова. Мы уже нащупали след. Сообщники арестованы и дают показания. Дело двух-трех дней.

Ежов плел ерунду, все подготовленные слова мгновенно вылетели у него из памяти, им опять владело единственное желание — еще раз выйти живым из этого кабинета, еще хоть немного подышать воздухом свободы. А послезавтра — это так невероятно далеко.

— Ох, как неудачно получилось. А я уже пригласил к себе членов Политбюро, чтобы обсудить поведение товарища Шестакова и принять решение — наказать его или все же простить.

Сталин при этом ходил по кабинету, причем в сторону Ежова переступал ногами медленно, глядя ему в лицо, в двух шагах от обмершего наркома разворачивался и обратно к столу шел быстро, опустив глаза к полу и что-то про себя шепча. Слов слышно не было, только губы шевелились.

На третьем круге он наконец остановился, очевидно, приняв решение.

— Знаете что, товарищ Ежов? Вы, как нам кажется, немного утратили бдительность. Слишком увлеклись поиском врагов там, где их нет, и совсем запустили другие участки, где врагов и заговорщиков, наоборот, недопустимо много. Это касается прежде всего вашего близкого окружения. — Говоря это, Сталин словно дирижировал сам собой плавными взмахами руки с зажатой в ней трубкой. — Наверное, вы исчерпали свои возможности на доверенном вам посту.

Ежов ждал завершения тирады с абсолютно мертвым взглядом и отвисшей челюстью.

Насладившись паузой, Сталин продолжил:

— Поэтому мы думаем предложить вам должность наркома Военно-Морского Флота.

Лихарев представил себе Ежова в адмиральской форме на мостике линкора «Марат» или крейсера «Киров» и чуть не фыркнул. Хорош сталинский юмор. Ягоду он перед арестом назначил наркомом связи, а этому решил доверить военный флот.

Похоже, злой юмор ситуации дошел и до Ежова.

— Товарищ Сталин, я готов служить на любом посту, но я ведь совсем не знаю морского дела.

— Не знаете? А что там знать? Книжки читаете: Мэхен, «Теория владения морем», Макаров, «Рассуждения о морской тактике». Были бы хорошие помощники. Ну, как хотите. — Однако идея дать главному чекисту попробовать себя в иной, чем земная твердь, стихии овладела Хозяином прочно. — Не нравится вам морское дело — пойдете наркомом водного транспорта. Там у нас тоже вакансия. Река не море — берега видно. — И рассмеялся собственной шутке. Как будто Ежову действительно предстояло самому управлять буксирами, тянущими караваны барж по Волге или Беломоро-Балтийскому каналу имени товарища Сталина. — Вы свободны, товарищ Ежов. Решение Политбюро вам доставят.

Ежов вышел из кабинета, почти счастливый от мысли, что он больше не отвечает за безопасность государства, поимку наркома Шестакова и прочие каверзные дела, и ближайшие дни, а то и месяцы сможет прожить спокойно. Пока примет дела, пока вникнет в суть, мало ли что случится.

И совершенно не задумывался Николай Иванович об участии своего предшественника, которому довелось поруководить почтами и телеграфом очень и очень недолго.

Но то ведь был Ягода, враг народа, троцкист и отравитель, а он, Николай Ежов, истинный пролетарий, верный сталинец, при повседневном руководстве ЦК показавший врагам, что такое железная метла и рукавицы собственного имени.

— Вот так, товарищ Лихарев, — обернулся Сталин к Валентину, когда дверь кабинета навсегда закрылась за опальным «Торквемадой». — Вы довольны? Товарищ Сталин хорошо исполнил вашу рекомендацию?

Вопрос был риторическим и ответа не требовал.

— Что у нас следующее по программе? У вас есть

мнение, кого назначить на свободное место? Да, кстати, вам идет форма военюриста. Больше, чем инженера. Может быть, вас и назначить?

— У меня нет мнения, товарищ Сталин. У меня, как всегда, есть лишь рекомендация на основе анализа. Одна из возможных.

— Говорите.

— Если позволите, я сначала все же хотел бы довести до логического конца предыдущую тему.

— Какую тему? Об этом, что ли, — он указал трубкой на место, где только что стоял Ежов, и брезгливо сморщился.

— Не совсем. Но с ним связанную. В приемной ждет нарком Шестаков.

Буквально за пятнадцать минут до выхода из дома в ухе Шульгина вновь ожил динамик капсулы.

— У тебя все нормально? — привычно-заботливо, как семейный врач, спросил Антон.

— Так точно, благодетель, — ответил Сашка.

— Тогда слушай. Я не могу передать тебе меморандум для Сталина сюда, блок по-прежнему непреодолим, но постараюсь сунуть его по дороге. Только будь настороже и не удивись, когда случится. В машине садись сзади. Когда будешь говорить со Сталиным — не торопись, не нервничай, если потребуется, я подскажу вовремя.

— Как бы я вообще без тебя жил.

Нельзя сказать, что Шульгин совсем не испытывал волнения, готовясь к встрече с «вождем всего прогрессивного человечества». Но эмоции значительно сдерживались очевидной фарсовостью происходящего.

Не событие всемирно-исторического значения, а «комедия дель арте» какая-то. Сам он в чужом теле, один инопланетянин — в роли советника диктатора,

другой — его собственного, а вдобавок мешает проникнуться должным пиететом воспоминание о том, что и сам Сталин успел побыть марионеткой, управляемой Сашкиным школьным другом.

Достаточно, чтобы принимать происходящее не слишком всерьез.

Более же всего успокаивало, что Сталин, даже впавший в ярость, ничего им с Валентином не сможет сделать. Есть достаточно способов его обезвредить, не убивая, а потом уйти через внепространственный канал. И Антон поможет, если что.

Обещанное Сашка получил, как и планировалось, по дороге от Столешникова к Кремлю.

Легонько дунуло теплым воздухом в затылок, и на сиденье рядом с ним легла тоненькая кожаная папка. Сидевший за рулем Валентин ничего не заметил. Шульгин, выбрав момент, сунул ее за отворот пальто.

Дождавшись приглашения, успев за это время еще раз обдумать предстоящее, прочитав подготовленную Антоном записку, нарком Шестаков вошел в знакомый (Шульгину — по фотографиям и кинофильмам) кабинет.

Деликатно щелкнул каблуками, представился, преданно, но без подобострастия глядя в тигриные глаза диктатора.

Сашке приходилось читать, что мало кому удавалось выдерживать сталинский взгляд. Однако у него это получилось без всяких усилий. Более того — Сталин отвел глаза первым, с отчетливым впечатлением, что нарком Шестаков человек честный, надежный, на которого стоит сделать ставку.

Каганович, Микоян, Хрущев — все они слишком уж подобострастные. Прав Хозяин или ошибается (как любой человек может ошибаться), не подскажут ведь

вовремя, не предостерегут, дрожа за собственное благополучие. Значит — объективно тоже вызывают сомнения. Услужливый дурак опаснее врага. А этот, похоже, готов говорить то, что думает, невзирая на последствия. Полезный человек.

Сталин вернулся на свое обычное место у стола заседаний, молча указал Шестакову трубкой на стул напротив.

Без всякого ерничества предложил тихим голосом:
— Рассказывайте. Все и подробно.

Самое смешное, что врать Шульгину почти не пришлось. Так только, по мелочи и в деталях. О многом он умолчал, разумеется, но на связность изложения это не повлияло.

Он сразу понял, что судьба убитых им чекистов Сталина не интересует совершенно. Как истинный политик, вождь мыслил глобальными категориями.

— Так вы в самом деле уверены, что деятельность НКВД в Испании приносит больше вреда, чем пользы?

— Не могу судить в целом, товарищ Сталин, но в пределах собственной информированности. Достаточно такого факта — чтобы ослабить позиции руководителя военных формирований анархистов Дурутти (кстати — стойкого революционера, абсолютно преданного идеям Республики человека, вроде нашего князя Кропоткина), сотрудники Ежова выдали франкистам время и место выгрузки двух транспортов с оружием и боеприпасами, закупленных моими людьми.

Воздушными налетами снаряжение было уничтожено, потеряно пятьдесят тысяч винтовок, тысяча пулеметов, свыше десяти миллионов патронов. Бригады анархистов, конечно, оказались разгромлены в боях, но Республика потеряла Астурию и свой последний порт в Бискайском заливе — Хихон.

Через сухопутную границу Франция наши грузы больше не пропускает, а подходы к Барселоне и Карта-

хене блокирует итальянский флот. Это только один пример.

— Ваши сведения точные?

— Абсолютно точные.

— Почему вы не доложили нам своевременно? Мы бы приняли меры...

— Не успел, товарищ Сталин, — сокрушенно ответил «Шестаков». — Кроме того, я же не разведчик. Информация поступает ко мне по коммерческим каналам. Все это я узнал опосредствованно, через детективов страховых компаний, которым пришлось выплачивать большие призы фрахтерам и формальным владельцам груза. Готов понести наказание.

— Об этом позже. Ты слышишь, Валентин? Черт знает что творится, а мы не знаем! Ежов плетет интриги, а выигрывают Франко, Гитлер и Троцкий.

Как всегда, Сталин уже «забыл», что сам дал команду все силы бросить на борьбу именно с троцкизмом и анархизмом, в результате чего внутри республиканского лагеря развернулась вторая гражданская война, едва ли не затмевающая своим накалом и жестокостью настоящую войну, против Франко¹.

— Кто за все это отвечает? Конкретно?

— Конкретно — Ежов, Фриновский, Андре Марти, Шпигельглас. Рядовые исполнители не в счет.

— Хорошо, займемся. Всеми займемся. Вот только подберем нового наркомвнудела. А вы не хотите себя попробовать на этом посту, товарищ Шестаков? У вас может получиться.

«Откажись, — прозвучал в мозгу голос Антона. — Намекни, что готов на другое назначение, с более широким кругом возможностей».

¹ См.: Э. Хемингуэй. По ком звонит колокол; Э. Листер. Моя война; М. Кольцов. Испанский дневник.

«Ага, щас!» — подумал Шульгин, но ответил аккуратнее:

— Не по профилю работа, товарищ Сталин. Я в своей области специалист, а здесь дров наломаю побольше Николая Ивановича.

— Ну что за люди, понимаешь! — обратился Сталин к Лихареву. — Все хотят своим делом заниматься, никто не хочет нужным делом заниматься. Один флотом командовать не хочет, другой врагов ловить не хочет. Товарищ Сталин все сам делать должен, так, да?

— Есть на примете подходящий человек, — осторожно сказал Валентин. — И специалист, и надежный, и Ежов его оч-чень сильно не любит.

— Об этом мы поговорим немножко позже. Скажите лучше, товарищ Шестаков, а где вы так хорошо сумели спрятаться, что весь НКВД вас целую неделю искал, а найти так и не смог? Если не секрет, конечно.

— Какие от вас секреты, товарищ Сталин? Английский писатель Честертон говорил: «Где лучше всего спрятать песчинку? На морском берегу. Где спрятать лист? В лесу». А я скрывался у себя дома. На собственной квартире. Когда чекисты закончили обыски, опечатали дверь, я открыл своим ключом дверь черного хода, вошел. Вот и все.

— Так просто? — не то удивленно, не то восхищенно Сталин хлопнул себя ладонями по коленям. — Вы совершенно правы, товарищ Лихарев, и Ежова нужно гнать, и две трети его сотрудников. Назовите свою кандидатуру.

Лихарев назвал Заковского.

Сталин поморщился, будто у него вдруг заболел недавно запломбированный зуб.

«Ну, Саша, сосредоточься, как ты умеешь, — зашептал в ухо Антон. — Подскажи Хозяину, что Заковский будет ему вернее Аракчеева и безопаснее Берии.

★ Нарисуй, если сможешь, картинку марта пятьдесят третьего. Я поддержу».

Шульгин сосредоточился.

Лицо Сталина приобрело задумчивое выражение. Он коснулся мундштуком трубки усов, чиркнул спичкой, поводил огнем над давно уже примятым пальцем табаком. Пыхнул пару раз дымом. Какое-то в нем происходило внутреннее борение. С одной стороны, очевидно, что очень долго он, мудрый политик, ставил не на тех лошадей, очарованный пролетарской демагогией Кагановича и Ворошилова, призвал к жуткой, бесконтрольной власти ничтожного Ежова, жалкую карикатуру на Малюту Скуратова. С другой — ему отчего-то не хочется видеть на этом посту холодного профессионала. Профессионал самодостаточен, он будет спорить, доказывать свое, как Фрунзе, как Тухачевский.

Однако же — с профессионалом все-таки легче. Проще. Вон, Гитлер поставил начальником всех спецслужб Гимmlера и больше не имеет никаких забот. Ладно.

— Мне кажется, товарищ Лихарев, вы сейчас сказали умную вещь. Я помню Заковского еще по девятнадцатому году. Очень хорошо он проявил себя в Одессе. Котовский — хуже. Поэтому Котовского, к несчастью, застрелил любовник его жены. У товарища Заковского есть жена?

— Жена — есть, — усмехнулся Валентин. — Любовника у нее нет. Проверено.

— Это — хорошо. Давайте испытаем товарища Заковского. Он не троцкист?

— Нет, товарищ Сталин. Немножко махновец, но не троцкист.

— Правильно. Хотел бы я посмотреть, как Нестор Иванович беседовал бы с Львом Давидовичем.

— Сделаем, товарищ Сталин. Нестор Иванович не

дожил, к сожалению, но его начальник контрразведки — всегда готов.

Сталин неожиданно взбодрился, посвежел. Разгладились морщины, на губах появилась мечтательная улыбка. «Ах, молодость, молодость».

— Не помнишь, Валентин, какой номер ордена Красного Знамени имел товарищ Махно?

— Номер десять, товарищ Сталин. За решающий удар в тыл наступающей Добровольческой армии.

— Лучше бы мы его назначили вместо товарища Якира. Жаль, тогда от меня зависело не все.

Лихарев удивился, что Сталин назвал расстрелянного Якира, бывшего командующего войсками Украины и Крыма, товарищем. А Шульгин — нет. Новиков не раз ему рассказывал, что вождю нравилось употреблять это обращение по отношению к некоторым бывшим соратникам. Но — только к некоторым. Бухарина, например, он посмертно товарищем не называл никогда.

Сталин положил в хрустальную пепельницу недокуренную трубку.

— Спасибо, товарищи. Не смею вас больше задерживать. Вы, товарищ Шестаков, отдохните. Два дня. После этого мы с вами подробно побеседуем на заседании Политбюро. Подготовьтесь.

— На какую тему, товарищ Сталин? По делам от-
расли?

— Вообще подготовьтесь. — Вождь изобразил на лице легчайший намек на улыбку, но те, кто его знал, сразу поняли, что он доволен, очень доволен состоявшимся разговором, и в ближайшее время можно рассчитывать на «высочайшее благорасположение».

— Тогда, если разрешите, я оставляю вам некоторые свои соображения по вопросам текущей промышленной политики. Я на досуге позволил себе рассмотреть некоторые настораживающие ситуации.

Сталин принял папку из рук Шестакова.

Шульгин заметил, как изумленно дернулась бровь Лихарева.

— Я посмотрю, но, предварительно, о чем речь? — по-прежнему благожелательно осведомился Сталин.

— О том, что проявляется крайне неблагоприятная тенденция. Несмотря на все наши усилия, еще четыре года назад совершенно экономически подавленная, демилитаризованная Германия начинает нас обгонять не только в темпах восстановления промышленности, но и в чисто военно-организационных вопросах. А еще хуже — психологически. Я подобрал совершенно достоверные факты.

— Хорошо, товарищ Шестаков, я очень внимательно изучу вашу докладную. Не обидитесь, если передам ее на рецензию специалистам?

«Кому? — подумал Шульгин. — Ворошилову? Ну, попробуй».

ГЛАВА 41

Лихарев почти искренне поздравил Шульгина за вполне удачное выступление перед лицом Вождя.

— Только что это за докладная? Отчего мне не показали?

— Не берите в голову. Мне же нужно зарабатывать собственный авторитет? Вот я и набросал несколько тезисов в развитие послевоенной ситуации в стране. На основании испанского опыта, где мы начали проигрывать немцам и технически, и тактически. Вы сами хотели, чтобы я понравился Иосифу Виссарионовичу.

— Конечно. Но лучше бы вы мне сначала показали. Когда вы все успели подготовить и отпечатать?

— Шестаков это давно написал, а я, пока у него в квартире сидел, кое-что подкорректировал с учетом собственного опыта. Как видите — пригодилось. Ре-

зультат узнаем послезавтра, причем вы, наверное, раньше, чем я.

Лихарев задумался едва ли на секунду, после чего кивнул.

— Пожалуй, вы правы, — и предложил отметить это дело визитом в хорошее заведение или в не менее приятную компанию интересных людей, причем далеких от политики.

Сашка отказался.

— Нет, ты поезжай, конечно, а я впервые за долгое-долгое время просто отдохну. В совершенном одиночестве. Ты даже не представляешь, как великолепно может быть полное одиночество.

Заметил легкое колебание Валентина, постарался его успокоить:

— Да не переживай ты так. Никуда я не денусь. И некуда, и незачем, и квартира твоя, как я осведомлен, от любых случайностей экранирована вмертвую. Так?

Лихарев не возразил.

— Вот и иди. Заблокируй свой хитрый замочек и будь спокоен. Я в постели поваляюсь, музыку послушаю, чайку попью с лимоном. Вернешься — не шуми. И утром не буди без крайней необходимости. Договорились?

Дверь за Валентином закрылась. Сашка не сомневался, что в квартире имелась система безопасности, исключающая несанкционированные поступки слиш-ком важного для австрийского резидента гостя.

Скорее всего Лихарев решил оставить Шульгина одного просто для того, чтобы посмотреть, что тот собирается делать.

Пожалуйста, братец, смотри, нам скрывать нечего.

...Шульгин действительно вскипятил себе чаю, на-шел в холодильнике лимон и коньяк, поставил на загра-ничный электропроигрыватель пластинку с записью нью-орлеанского джаза, растянулся на диване, раздев-шись до исподнего.

В любом случае недурно.

Тепло, тихо, одиноко, и за окнами, похоже, опять начинается серьезная метель. Довоенные годы в этом смысле куда лучше гнилых восьмидесятых, когда уже и в Подмосковье январь-февраль стали настолько слякот-ными и оттепельными, что ни катков не заливают, ни на лыжах толком не покатаешься.

Пока не появился Антон, можно не спеша разо-браться в положении дел. Который уж день приходится действовать в состоянии острого цейтнота, так хоть сей-час никто не гонит.

Для начала он исчеркал графиками и схемами не-сколько листов бумаги, пытаясь уяснить для себя суть и смысл временных парадоксов, с которыми в очередной раз столкнулся. Кое-что из начал хронофизики он при-хватил у Левашова, не раз беседовал с Ириной. Антон, не всегда добровольно, тоже выбалтывал интересные фактики. Но системы в знаниях Александра было не больше, чем у описанного Паустовским наборщика про-винциальной типографии.

«Его чудовищная эрудиция сочеталась со столь же чудовищным невежеством».

Шульгин изобразил жирной стрелой так называе-мую «Главную последовательность», на которой прожил свою первую, «настоящую» жизнь и на которой, оче-видно, находился и до сих пор, только почти на полвека раньше.

По крайней мере, ни один факт нынешней жизни, известный ему, и вся память Шестакова не давали осно-

ваний усомниться, что до 7 января эта реальность была той самой.

Он отметил крестиком 1941 год, откуда, очевидно, началась новая историческая линия вследствие деятельности Новикова и Берестина в ролях Сталина и Маркова.

О ней неизвестно ничего, она, истинная или мнимая, уходит за пределы листа и никакого отношения к его сегодняшним заботам не имеет.

Гораздо важнее другая, начинающаяся в 1920 году. Туда, если верить Сильвии-84, они все переместились из Замка после того, как он все-таки выполнил поручение Антона. Где, оказывается, они с леди Спенсер простили друг другу взаимные обиды и стали «близкими друзьями».

Само по себе это вполне вероятно и даже приятно. Женщина она эффектная и в постели себя ведет выше всяческих похвал. Другой вопрос — насколько ее записке можно верить.

Но, пожалуй, придется. Потому что другого выхода просто нет.

Значит — что мы сейчас имеем? Сильвия-84, оказавшись в двадцатом году, проигравшая все и перешедшая на сторону победителей (интересно, какие в этом случае у нее сложились отношения с Ириной?), находит способ переместиться оттуда на Валгаллу (с помощью установки Левашова, при технической поддержке Антона или самостоятельно). Что, кстати, по словам того же Антона, практически невозможно.

Но — переместилась. Очевидно, во временную точку, непосредственно предшествующую их рейду на Главную базу. Позже — вряд ли, поскольку, когда информационная бомба взорвалась, агтры исчезли из реальности вообще.

Причем явилась она туда, зная будущее, которого еще не знали ее хозяева.

Сумела получить информацию о «собственном» за-

просе по поводу его, Шульгина, матрицы, сохранившей-ся в мозгу Шестакова. Вернулась к началу все той же «Главной последовательности» и отправила письмо себе самой.

Пока все логично, хотя голова немного идет кругом. В том числе и потому, что он еще не знает о событиях, в которых уже поучаствовал его двойник.

Шульгин решил, что мировоззренческих вопросов лучше пока не касаться. До выяснения.

Продолжил теоретический анализ ситуации, от которого зависело не только его будущее.

В позиции Буриданова осла ловить нечего, нужен определенный выбор.

Значит, остановимся на варианте, при котором Сильвия-84/20 заслуживает доверия. Соответственно — и нынешняя тоже. Но не следует при этом забывать и завет мудреца: «Люби своего ближнего, но не давайся ему в обман».

Размышляя обо всем этом, Шульгин не заметил, как снова попал под влияние подспудно тревожившей его мысли. Вроде бы чисто теоретический анализ обстановки все больше определялся страхом предстоящего.

Никуда он не ушел от мыслей о том, что будет означать его «возвращение в себя». И с каждым часом тревога нарастала.

Как у человека, ожидающего плановой операции под общим наркозом.

Именно под общим. Местный наркоз не страшен совсем. Больно будет или не очень — перетерпим.

А общий... Как бы плохо ты себя ни чувствовал перед операцией, но ты все-таки жив и полностью себя осознаешь, можешь еще сам решать свою судьбу. А потом врач какает на маску эфиром или вводит препарат в вену — и все. Проснешься ты потом или нет — никто сказать не может. Умрешь — и даже не узнаешь об этом.

Шульгин сам был врачом, не раз видел, как оно случается.

То же самое и сейчас. Трусом он себя никогда не считал, смертельный риск его скорее возбуждал, наполнял удесятенным ощущением радости бытия, но есть риск — и Риск. Попытаться проскочить на мотоцикле по переброшенному через пропасть бревну — это одно, а крутнуть барабан револьвера в «русской рулетке» — совсем другого плана забава.

И как смертельно больной перед пересадкой сердца или почек одновременно хочет, чтобы все скорее кончилось, и надеется в душе, что операцию отложат на день, два, неделю, так Сашка, пока еще неосознанно, стремился оттянуть свое возвращение в собственное тело.

Примерно через час после ухода Лихарева капсула в ухе Шульгина вновь ожила.

— Твой компаньон сейчас приступил к веселью в хорошей компании. Часа четыре минимум у нас есть.

— Он действительно развлекаться поехал? Я, честно говоря, думал, что это какой-то финт.

— Напрасно. Ничто человеческое ему не чуждо. Как и Сильвии, в чем ты убедился, да и Ирина ваша отнюдь не монашествовала. Работа работой, а в остальном они себе в радостях жизни не отказывают. Я сейчас постараюсь аккуратно снять защиту и заблокировать системы слежения. Нам лучше поговорить с глазу на глаз, согласен?

— Тебе виднее.

Шульгин в очередной раз убедился в техническом превосходстве форзейлей над агграми. Вроде бы и у тех, и у других аппаратура настолько несоизмерима с земной, что не человеку судить, а тем не менее... Разница как между фордовской кареткой модели «Т» 1915 года и современным «Мерседесом».

Вот и сейчас — никаких агтрианских «окон», окруженных светящимися рамками, и внепространственных тоннелей. Просто вдруг бесшумно исчезла стена напротив дивана. Шульгин увидел угол знакомого кабинета, колеблющиеся кремовые шторы и самого Антона, сидящего в простом деревянном кресле у раскрытого на океан окна.

И никакого «шва» или видимой границы между мирами.

Встань и шагни туда, в Замок, с которым связано столько романтических и приятных воспоминаний. Шагни — и закончатся все твои проблемы.

Даже сердце слегка защемило, когда представил.

— Барьер пересекать не пробуй, — Антон словно угадал мелькнувшее у Сашки желание. — Иначе могут быть последствия. Грубо говоря, «пробки вышибет».

— Раньше ведь ходили, — слегка растерянно ответил Сашка. — Сколько раз и туда и обратно.

— Так, против временного потока, с некомпенсированной массой, — не ходили. Когда Воронцов в прошлое отправлялся, здесь, как бы выразиться, оставался адекватный объем ранее занятого им пространства-времени. Такой эфирный слепок. В него он и возвращался, энергия требовалась только на механическое перемещение объекта, грубо говоря. А Шестакова в нашем мире не было, то есть твоё тело сейчас фактически — около сотни килограмм антиматерии. Нейтрализовать ее мне нечем. Поэтому уходить отсюда ты будешь в виде информационного пакета, отнюдь не физическим телом.

Но это неважно. Пока. Поговорим о практике. Весь звуковидеоконтроль я Лихареву отключил, подслушивания можем не бояться.

Я тут кое-что успел придумать насчет их очередного будущего, хотел бы знать, что ты на это скажешь.

...Геополитические фантазии Антона Шульгин некоторое время слушал с чисто академическим интересом.

Потом спросил:

— А какие тогда цели у аггров, если у тебя появились подобные мысли? Они-то ради какой идеи работают?

— Да неужели непонятно? Именно ради той, что и воплотилась в твоей собственной реальности. Вторая мировая и вызванные ею последствия. Только они пока еще не знают, получится у них или нет.

Вдруг Сталин настолько укрепитесь в своем антифашизме, что заключит договор о коллективной безопасности с Западом? Сумеет восстановить после чистки и подготовить к большой войне армию? Удержит Гитлера от войны на два фронта? Тогда их планы рухнут.

— А ведь действительно! — Шульгин чуть не шлепнул себя ладонью по лбу. — Как это я сам не догадался? Что значит аберрация сознания. По привычке вообразил, что будущее всем известно, вот и мучился, какие это корректировки сталинской политики изобретает Лихарев. А все так просто.

— Совершенно верно. Заодно вспомни приключения Новикова и Берестина. Там та же история, только аггры увидели, что СССР проигрывает войну слишком быстро, а их это тоже не устраивало. В сорок первом году сенатор Трумэн заявил: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то будем помогать России, а если выигрывает Россия — будем помогать Германии. И пусть они убивают как можно больше».

— Трумэн — тоже их агент? — поразился Сашка.

— По крайней мере, объективно он работал на них.

— А Рузвельт — на вас?

Антон пожал плечами.

— Черт знает что! — Шульгин выглядел искренне возмущенным. — Получается, что у нас вообще нет ни собственной истории, ни даже свободы воли?!

— Зачем же так пессимистически? Свобода воли всегда есть. И мы с тобой об этом уже говорили. Ах да, — спохватился форзейль. Как раз с этим Шульгиным они такого разговора не вели. — Ну, суди на собственном примере. Вы с Андреем могли не вступаться за Ирину тогда, в самом начале, сдать ее агентам, которые за ней пришли, Берестин мог не ходить в шестьдесят шестой год.

— Как это — не защитить свою подругу от каких-то жлобов? Кем бы мы тогда были?

— Вот именно, Саша, вот именно. Но поступал-то ты вполне свободно. Другое дело, что выбор у тебя был несколько ограничен твоими собственными нравственными принципами. Так и у других все случается примерно так же.

Считай, что просто таков закон природы. При данной силе тяжести ты можешь прыгнуть вверх на полтора, ну, два метра... Упав с десяти — почти наверняка разобьешься или переломаешь ноги. И будешь, лежа в гипсе, винить в своей беде очередных жидомасонов: «Какая сволочь выдумала это проклятое «же» 9,8?! Сделали бы три, пусть четыре метра в секунду за секунду, — я с колен пыль отряхнул бы и сейчас с девочками танцевал!» Таким вот образом, мой друг.

С такой постановкой вопроса Шульгин, конечно, спорить не мог.

— Ты меня извини, я на минуточку выйду, надо. — Пусть думает форзейль, что ему срочно потребовалось в туалет. На самом же деле Сашка, притворив за собой дверь кабинета, а потом и кухни, дрожащими руками налил себе почти полстакана коньяка.

«Черт, опять нужно решать вселенские проблемы в условиях острого цейтнота! — Шульгин уже сам не понимал, является ли он по-прежнему независимой личностью или объектом манипуляции неведомых сил, вправе ли поступать так, как хочет сам, или завертели

его водовороты совершенно чуждых предопределенностей.

— Стоп, — сказал он вслух. — Если сейчас я выскочил сюда, оторвался, собираюсь выпить — это признак свободы воли или нет? Будь я полностью на крючке — дали бы мне такую возможность?

Он все-таки выпил, поморщился, разжевал ломтик лимона.

«Нет, ерунда, нельзя же подозревать всех и непрерывно. Захотят, так что угодно со мной сделают и тени сомнений в правильности происходящего не оставят. Что я им?» И тут же память услужливо подбросила цитату: «Эх, Каштанка, Каштанка! Насекомое ты существо. Ты супротив человека, что плотник супротив столяра!»

Лет двадцать пять назад читал он по школьной программе этот рассказ, а тут внезапно вспомнилось.

«С точки зрения нормального человека, тем более — «строителя коммунизма», я, конечно, негодяй и подонок. Циник, эгоист, вор, убийца, прелюбодей, предатель светлых идеалов. Кем еще меня можно назвать? Да кем ни назовешь, с «их» точки зрения все будет правильно. Ну и что же мне теперь делать? Повеситься, как Иуде, на подходящей осине? Простите, не имею желания. И негодяем себя никак не ощущаю.

Один какой-то критик, всерьез или для стеба, таким же образом прошелся по «Трем мушкетерам» и доказал, что д'Артаньян сволочь, каких мало. Ну, пусть и я такой же.

Более того — моментами мне хочется назвать себя героем. Знаю, что и это ерунда, но тем не менее.

Чего это меня вообще потянуло на самобичевание?

Свободная минутка выдалась, и больше делать нечего? Да нет, тут сложнее». Шульгин был неплохой психоаналитик, причем умел с должным беспристрастием анализировать и самого себя.

«Наверное, абсурдность ситуации достигла наконец критической массы, вот и пошел сброс из подсознания.

Плюс там, в собственном теле, я постоянно находился в обществе себе подобных, а гуртом, как известно, добре и батьку бить. А вот остался один, остановился, оглянулся, и душа моя нашими злодействами уязвлена стала. Тут главное не зайти слишком далеко. Ничего не доводи до крайности, заповедовал мудрец».

Шульгин решил быстренько убедить себя, что все претензии его к себе ничем не обоснованы, и более к скользкой теме не возвращаться.

«Допустим, — рассуждал он, торопливо курая под форточкой, в которую свистящий ветер забрасывал жесткие снежинки, — что все происходящее не более чем иллюзия. Ловушка сознания, как выразился однажды Антон. Согласно Лему, установить, что ты являешься персонажем фантоматной пьесы, практически невозможно. Значит, я вообще ни за что не отвечаю. Как не отвечает за поступки подлинного Макбета играющий его актер.

Если это не так и все происходит с нами на самом деле — нормы человеческой морали не действуют тем более. На Галактической войне свои законы. И если кто-то вздумает меня судить... А, кстати, кто? Разве что Бог. Так если он все это придумал и сейчас осуществляет, могу ли я противиться его воле, какой бы странной она мне ни казалась?

Это сама жизнь подкидывает мне вводные. В тебя стреляют — а что делать в ответ? Тебе не позволяют жить в собственном, пусть плохом, но безмятежном времени — отчего я должен в чужом соглашаться на коленопреклоненную позу подчинения? Может быть, вы там хотите видеть во мне смиренного буддиста, сдвинувшегося на «недеяний» и покорности карме? Тогда зачем отняли у меня зеленую, туманную Валгаллу, где я готов был слиться с природой, а автомат использовать лишь для укрепления руки и причинения верности глазу?

А раз, господа, вы все это сделали, имея в виду не-

ведомые мне цели, то не спрашивайте у меня отчета. Я стал таким, жестоким и мерзким, чтобы выжить в навязанном мне мире. Да еще и занять в нем подобающее положение. Знали, с кем имели дело. Теперь — не выщипайте».

Все эти мысли и рассуждения заняли у него едва ли больше времени, чем потребовалось, чтобы докурить длинными резкими затяжками сигарету и вернуться в кабинет, по пути шумно спустив воду в туалете.

Антон безмятежно ждал, перебирая нечто вроде чепухи.

Шульгин промокнул платком губы.

— Извини. Что-то мне заплохело. Но уже лучше. Так все же как ты представляешь мое спасение?

Форзейль действительно вообразил, что Сашка начинает терять лицо.

— Неужели забыл? Мы же говорили.

— Да? Правда, непорядок с головой. Но у меня случайно и другие предложения есть. Вот, посмотри. — Он протянул записку Сильвии.

— Чрезвычайно интересно... — Шульгин отметил, что форзейля идея перехода на Валгаллу чем-то заинтересовала.

— Ты «ей» это показывал?

— А зачем?

— Молодец. Пока не знаю, что мы сумеем из этого извлечь, но мало ли. Вдруг пригодится. Тебе, тебе, не мне. Я на Валгаллу не собираюсь, а вот ты... Чем не запасной вариант? У тебя формула, у нее — аппаратура. Начнешь с ней сотрудничать, одновременно добываясь своего, ей придется все время изобретать доводы, по которым она пока не может тебя отправить. Вот-вот, мол, не сегодня-завтра.

А человек, которому приходится юлить и врать, не-

★ минуемо будет совершать ошибки. Потом я тебя «эвакуирую», вставляю Шестакову новую программу, а она все еще будет считать...

И тут Шульгин выбросил на стол свой козырь. Плод кратковременных, но мучительных размышлений, шанс одновременно отсрочить так пугающее его «развоплощение» и посмотреть, что получится в результате столь эффектного вмешательства в историю и геополитику.

Уйти никогда не поздно, но отчего бы вдобавок еще и не хлопнуть громко дверью?

Сашка вновь стал самим собой, приняв решение, и страх его бесследно исчез, вместо уныния и тревоги появился азарт предстоящей борьбы и жадный интерес к тому, что ждет его за поворотом.

В конце-то концов, все, что он сейчас придумал, в нравственном смысле можно рассматривать всего лишь как упражнение на берестинском военно-компьютерном тренажере. И только.

— А что, если сделать все совсем наоборот? Они будут уверены, что я ушел, а я останусь?

— То есть как? — не сразу сообразил Антон.

— Да очень просто. Зачем нам женщину напрягать, терзать ее неразрешимыми проблемами: отпустить — оставить — отпустить. Мне помнится, с помощью их универблока можно на Валгаллу проход организовать?

— Одним блоком вряд ли. А если блок плюс «шар» — наверняка можно. Тем более твоя формула перехода на такую схему и рассчитана. Что ты опять задумал? — Форзейль не мог сам догадаться о замысле Шульгина, и это его злило, опять подчеркивало превосходство землянина в способности к нестандартному мышлению.

— Да пустячок один. Надоело мне, понимаешь, с пришельцами беспрестанно торговаться. То с тобой, то с ней, то снова с тобой. Вот я и подумал — чего же прощ, взять и прямо сейчас симитировать мое бегство.

Наладим систему, введем в нее нужные команды.

Валентин в кабак пошел с девками и портсигар-универблок в сейф сунул. Я видел. Побоялся парень, что местная публика рыжье с клифта снимет. Мне тот сейф открыть — раз плюнуть. Наладим все, записочку оставим, мол, адыю, ребята, извините за внимание, а я пошел. Оставляю вам наркома Шестакова, готового к любому применению.

— Лихо! — не скрыл смешанного с удивлением восхищения Антон. — А как же?..

— А это уж твоя забота. Сделать так, чтобы и матрицу в этой вот голове, — для наглядности Сашка ткнул себе в лоб пальцем, — их аппаратура больше не фиксировала, и характеристики переноса массы Шестакова туда и обратно ихний «шар» подтвердил. Неплохо бы и мои сапоги в свежей земле испачкать, и чтобы травинка, зеленая, сочная, к подошве прилипла. Деталь, штрих — но какой! В Москве январь и пурга, а тут — летняя травиночка. Побывал парень на Валгалле, побывал и вернулся, но уже «пустой». Еще раз убедятся, какой был крутой Сашка Шульгин! Глядишь, свечку в Елоховском поставят, что от меня избавились. И с Шестаковым будут держаться куда беззаботнее, и вообще. Так сумеешь или нет?

— Думаю, что сумею. Но ты иезуит, однако!

— Все, что могу лично.

Антон совершенно человеческим жестом почесал нос.

— Допустим, мы все сделаем. Только я не пойму другого — зачем тебе это?

— Не обольщайся, не ради торжества форзейского дела. Просто так. Поразвлекься охота. Посмотреть, как все повернется. Агграм нос натянуть. Мысль-то классная — все считают, что перед ними какой-то Шестаков, а в натуре — я! Интереснейшая ведь коллизия, согласись.

Похоже, Антона Сашкина затея поставила в тупик.

Теперь уже ему предстояло терзаться мыслью, кому на самом деле принадлежит сей замысел. Самому ли Шульгину, перевербовавшему его агтрам или — Держателям Мира?

— Ну, что же, Саша. Пожалуй, это в самом деле интересно. Только я не готов тебе ответить так сразу. Подумать надо, просчитать.

И вот сейчас Шульгин испытал настоящее удовлетворение. Затея явно удалась. Один лишь ход конем — и под боем сразу ферзь и две ладьи. Причем — без малейшего риска. Или, что тоже неплохо, — карамболь от трех бортов в середину.

— Подумай, братец, подумай. И просчитай, — сказал он с непроницаемым покерным лицом. — Надеюсь, успеешь до возвращения товарища Лихарева. Засим — честь имею кланяться.

И, когда Антон исчез, Шульгин снова прошел на кухню, заварил чашку крепчайшего кофе. Опершись на подоконник, погрузился в созерцание закрывшего даже ближнюю перспективу снегопада. Любил он отчего-то, с детства любил, чтобы погода была как можно хуже. Гроза, ливень, метель, туман, вихри и шквалы. Голубое небо и ясное солнце вгоняли его в тоску и меланхолию.

А сейчас хорошо.

Идут белые снега,
Как по нитке скользя.
Жить и жить бы на свете,
Да, наверно, нельзя.

.....

Идут белые снега.
И я тоже уйду.
Не печалюсь о смерти
И бессмертья не жду.

Идут снега большие,
Аж до боли светлы,
И мои и чужие
Заметая следы.

«Черт его знает. Жить все-таки хочется. Пусть и в чужом теле. А если совсем неумогу станет, этим же путем всерьез воспользуюсь. До этого ни Антон, ни Лихарев не додумаются. Вторая логическая. Отчего-то она пришельцам не по зубам. Когда Антон поверит, что я остался, а Валентин с Сильвией, что давно ушел, возьму и таки дерну на Валгаллу. Хорошо бы попасть туда как раз перед последним боем. Ребят отыщу. Себя, опять же. А нет — Робинзоном заделаюсь. Все равно хорошо. Но главное, господа, война продолжается, и очень я вам не завидую, если вы меня по-прежнему держите за аборигена Кокосовых островов».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	50
Глава 6	60
Глава 7	73
Глава 8	83
Глава 9	90
Глава 10	111
Глава 11	130
Глава 12	142
Глава 13	154
Глава 14	169
Глава 15	179
Глава 16	191
Глава 17	205
Глава 18	210
Глава 19	226
Глава 20	236
Глава 21	250
Глава 22	261
Глава 23	274
Глава 24	302
Глава 25	312
Глава 26	323
Глава 27	342
Глава 28	358

Глава 29	364
Глава 30	378
Глава 31	400
Глава 32	408
Глава 33	424
Глава 34	437
Глава 35	452
Глава 36	476
Глава 37	485
Глава 38	494
Глава 39	502
Глава 40	512
Глава 41	524

Литературно-художественное издание

Звягинцев Василий Дмитриевич

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Ответственный редактор *В. Мельник*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Художник *С. Атрошенко*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *И. Ларина*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Малкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА», Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:

РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых монтажей 17.01.2005.

Формат 84х108¹/32. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 28,56. Уч.-изд. л. 23,8.

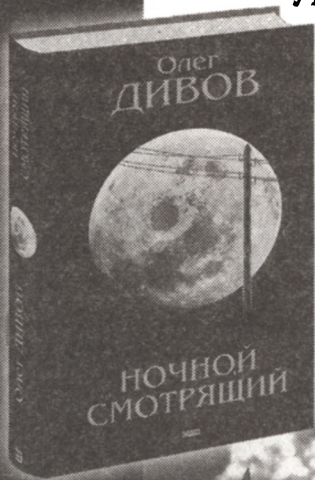
Доп. тираж 4 000 экз. Заказ № 9511.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ЛИДЕР
НОВОЙ
ВОЛНЫ

ОЛЕГ ДИВОВ

Один из самых ярких
современных
писателей-фантастов,
лауреат многочисленных
литературных
премий.

Читайте книги Олега Дивова:

«К-10», «Выбраковка», «След зомби», «Саботажник»

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Переговоры с координатором аггров, сверхцивилизацией, ведущей тысячелетнюю галактическую войну за Землю, заканчиваются для Александра Шульгина очередным опасным приключением. Матрицу его сознания отправляют в параллельную реальность, в самое начало 1938 года, время разгара ежовского террора в России. Теперь уже не Александр, а его двойник вступает в бой. Сначала с НКВД, а затем со своими давними врагами — инопланетянами.

интернет-магазин

OZON.ru

1010281313

ISBN 5-699-05966-0

9 785699 059669